COD(EX) SUPRATTUS. ПАРАГРАФ 4

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ОГИБАЯ СВЕТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ланс фер Скичира превращается в объект интереса со стороны казоку-хетто двух крупнейших бандитских кланов Юдайна-Сити. Недавняя подруга находит в себе всё новые и новые таланты, причём пугающие. На горизонте возникают старые знакомцы, и не все из них настроены дружелюбно. Вожак «Детей заполночи» совершает ужасное открытие, а на кон Самой Большой Игры ставится нечто запредельно важное. Такая ноша способна сломать хребет быку, не говоря уже о плечах «специалиста по решению деликатных проблем». И что, ради Всемилосердной Когане Но, за странные сообщения сыплются на его гаппи от незнакомого безумца в компании ещё более странных самок?!

- Андрей Фролов
  - словарь
  - Disclaimer
  - Глава 1
  - п.4.; г.1; ч.2
  - Глава 2
  - п.4.; г.2; ч.2
  - «Ломкая горечь»
  - Глава 3
  - п.4.; г.3; ч.2
  - Глава 4
  - п.4.; г.4; ч.2
  - praeteritum
  - Глава 5
  - п.4.; г.5; ч.2
  - п.4.; г.5; ч.3
  - п.4.; г.5; ч.4
  - мицелиумный шум
  - Глава 6
  - п.4.; г.6; ч.2
  - Глава 7
  - п.4.; г.7; ч.2
  - п.4.; г.7; ч.3
  - praeteritum
  - Глава 8
  - Глава 9
  - п.4.; г.9; ч.2
  - мицелиумный шум

- Глава 10
- п.4.; г.10; ч.2
- Глава 11
- п.4.; г.11; ч.2
- «Ломкая горечь»
- Глава 12
- п.4.; г.12; ч.2
- Глава 13
- п.4.; г.13; ч.2
- п.4.; г.13; ч.3
- praeteritum
- Глава 14

Андрей Фролов
Огибая свет (Ланс Скичира 4)

словарь

Все использованные ниже термины и определения в тексте дублируются сносками, а здесь опубликованы для потенциального удобства читателей.

На этот раз новых терминов будет немного. Если точнее, то вообще один (с высокой вероятностью вам и без того известный):

БОЛЛАРДЫ. Выдвижные противотаранные столбы.

Далее традиционно следует основной словарь, уже знакомый читателям романов **«Огню плевать»**, **«Точите ножи!»** и **«Конечно, кровь»**. На этот раз выставлю термины не в порядке появления в прошлых историях, а по алфавиту.

АССОЛТЕР. Ручное индивидуальное автоматическое оружие для ведения длительного и/или дистанционного боя.

БАЙШИ. Негативное определение личности, неразборчивой в интимных связях и вступающей в них с любым желающим.

БАШЕР. Ручное стрелковое оружие, чаще всего одноствольное и компактное, но бывают и исключения.

БОРФ. Оскорбительный термин в отношении представителя нетрадиционной сексуальной ориентации.

ВИСТАР. Представитель высшего слоя привилегированного класса чу-ха.

ГАППИ. Она же «болтушка», повсеместно распространенное портативное устройство с широким набором функций.

ГЕДЖЕКОНДУ. Трущобные районы гнезда, возникшие в результате взрывной урбанизации.

ГЕНДО. Двухколесное транспортное средство с маломощным электродвигателем.

ГЛАБЕР. Он же «лысый землекоп», калибровщик устройств входа в Мицелиум, а также специалист по решению на его просторах задач (зачастую незаконных) любого уровня. Г. нередко объединяются в псевдорелигиозные ячейки и не стесняются демонстрировать принадлежность к цеху уникальных ремесленников.

ДАЙЗУ. Также известное, как «карамель», легализованное психоактивное вещество.

ДЖИНКИНА-ТАМ. Мифологическое определение суррогатного сознания.

КАЗОКУ. Ячейка преступного сообщества.

КАЗОКУ-ЙОДДА. Боец ячейки.

КАЗОКУ-ХЕТТО. Безусловный лидер ячейки.

КАЗОКУ-ШИН. База криминального сообщества.

КАСТУРА. Он же «Моллюск», легкий антропоморфный танк.

КИЗО-ДАРИДРАТА. Буквально «благородная нищета», философское течение, образ мысли и существования, пронзающий множественные слои гнезд; предполагает уважительно-пренебрежительное отношение к материальным ценностям и образу существования.

КИУААМ-ПУДЖА. Старинный ритуал жестокого самоистязания в раскаяниях за совершенный проступок или серьёзную ошибку.

КУКУГА. Синтосексуал высшего уровня.

КУРАНПУ. Зажим или силок на мелких животных (устаревший диалект нихонинди).

МАНДЖАФОКО. Операторы, инженеры-проектировщики, отладчики и разработчики новых моделей синтосексуалов.

МИЦЕЛИУМ. Единый информационный туман, пронизывающий все слои общества чу-ха.

МИЦЕЛИ-ЙОДДА. Глабер-радикал, боец Мицелиума.

МОННГО. Азартная игра с использованием специальных фишек-костей для 2–4 участников.

ОНСЭН. Специалист по оказанию интимных услуг за деньги.

ОПИАНИН. Полулегальный синтетический наркотик.

ПАЙМА. Алкогольный напиток крепостью 40–60 градусов.

РАКШАК. Чу-ха, обученный воинскому искусству и отдавший гражданский долг несением службы.

САДУ. Служитель религиозного культа Благодетельной Когане Но и прочих представителей ее пантеона.

СТРИХ. Сильнодействующий синтетический наркотик с ярко выраженным действием, быстро вызывает психологическую и физическую зависимости.

ТАЙЧО. Невероятно популярная игра на специальном столе с воротцами по бортам, с применением шаров-битков и специальной тычковой биты.

ФАНГА. Игловидный поражающий снаряд стрелкового оружия.

ХАТЬЯРА. Наемный убийца.

ЧИБИТО. Устаревший термин, означающий «уже мертвый внутри, но еще живой».

ЧИНГА. Вареный тонизирующий напиток из полусинтетической смеси, вызывающий легкое привыкание.

ШКУРА-КОТОКАГЕ. Костюм, оснащенный специальными средствами блокировки или обмана средств визуального, радиолокационного или инфракрасного (и других областей спектра) слежения.

ЮНМУ. Информационный накопитель.

Disclaimer

И снова считаю необходимым начать с предостережения.

Как и в предыдущих книгах цикла COD(EX) SUPRATTUS, часть глав параграфа **«Огибая свет»** будет открыта для бесплатного ознакомления. Посему хочу предупредить всех, ещё не знакомых с предыдущими похождениями Ланса фер Скичиры — вы листаете эти «открытые» страницы на свой страх и риск, так как в них могут обитать хищные спойлеры, способные подпортить впечатление от чтения (если затем вдруг надумаете-таки начать в хронологическом порядке).

Поэтому если вам действительно интересно почитать о приключениях человека в хвостатом мире Юдайна-Сити, автор прозрачно намекает — начните с «Огню плевать», первого романа цикла.

Ну а уже знакомым с развитием событий и содержанием предыдущих параграфов традиционное: добро пожаловать, присаживайтесь, вот вам пиала паймы или чашка чинги на выбор, поехали!

Глава 1
УШЛЫЙ НАПЕРСТОЧНИК

Иногда судьба напоминает мне ушлого напёрсточника.

Нет, не того, кто плавит стрих в металлической насадке на палец, а улыбчивого уличного слибу. Дружелюбного неряху, что под непрерывный зазывательный трёп прячет бусину под одним из трёх медных конусов.

Вертит-крутит-гоняет: делай ставку и угадай, где шарик? Тогда получишь шикарный приз.

Ты ставишь пару рупий. И вроде как будто бы и следишь…

Но под первым напёрстком пусто. И под вторым тоже. И под третьим, сука, что характерно, тоже. А потом и сам игрок исчезает, только пыль из-под хвоста, ищи свои денежки по подворотням.

В общем, иногда мне вправду кажется, что судьба — такой вот ловкач-напёрсточник. Причём в последнее время кажется всё чаще…

Какое отношение это имеет к визиту в кирпичный куб на окраине старого парка? Самое прямое. И чтобы доказать это, я отвечу на вопрос: *а что, собственно, произошло после откровений Диктатиона?*

А после я перешагнул порог уютной норы…

Ну, то есть как «перешагнул»? Мне доводилось видеть слизней, с б **о** льшим энтузиазмом переползавших через камень. Говоря откровенно, я обессиленным кулём ввалился домой, как попало оттарабанив условным стуком, едва дождавшись сдвинутого засова, и даже не задумавшись, насколько всё это может перепугать Ч'айю.

К слову, её перепугало.

Не то, чтобы до ужаса или крика. Но когда я притворил за собой створку и устало обернулся, то уставился в дружелюбно-бездонное дуло ассолтера.

Девчонка не дрожала. Даже ругаться не стала. Только покачала головой, отняла приклад от плеча, со сноровкой вернула оружие на предохранитель, прислонила к зеркалу на стене и сонно мазнула ладонью по лицу. На лбу Ч'айи снова проклюнулась морщинка-завитушка, плечи оставались напряжены.

Наверное, я мог бы оправдаться. Или даже извиниться, но какой в этом сейчас был смысл?

Вместо лишних слов я устало стянул ботинки, изрядно

запылённые на пустынных улицах Ниточки; расстегнул фиксатор галстука-шнурка, небрежно смотал и сунул в карман. Затем сбросил рюкзак и пальто прямо на пол прихожей, и прошёл в нору.

Девушка молчала в сторонке, терпеливо и послушно, но кулаки в бока уперев.

В укороченных штанах и выправленной рубашке, она выглядела очень… по-домашнему, если так вообще можно сказать. На главном дисплее системной консоли застыла в паузе запись научно-популярного шоу. Яри-яри, что за скукотищу она смотрит, пока я лавирую между самыми опасными глубоководными чудовищами Юдайна-Сити?!

Первой заговорила всё же Ч'айя.

Спросила без нажима, упрёка и даже горечи:

— Это действительно было так важно?

Я облизал пересохшие губы. Вспомнил, что именно этот вопрос она задавала мне ровно перед уходом.

— О, детка, — моя усмешка вышла значительно кислее нужного, — ещё как…

Возможно, в этот момент мне стоило обратить внимание, что детка даже не отреагировала на «детку». Но я не обратил. Шаркая ногами, как дряхлый столетний крыс, проплёлся в пищевой блок.

Мельком отметил, что запасы чинги изрядно истощились, но потянулся не к кружке — к пиале. Плеснул паймы, выпил залпом, почти не насладившись вкусом. В животе мгновенно разлилось знакомое тепло, по просторам черепушки прокатился лёгкий ветерок.

— Пожалуй, пришло время тебе очень многое рассказать, — пробормотал я, ощущая невероятный магнетизм дивана. Как можно бережнее отставил пустую пиалу, — теперь-то уж точно пора…

Обернулся и невольно вздрогнул — девчонка стояла почти вплотную, словно собиралась старательно обнюхать. Готов спорить, что если бы Ч'айя была самочкой чу-ха, в этот момент её челюсть бы мелко двигалась в имитации заинтересованного прикусывания.

Огромные карие глаза сверкали, и, несмотря на изнуряющую усталость, я поймал себя на мысли, что уже видел подобный блеск. А ещё подумал, что если сравнить мои запылённые штаны с благословенным районом Уроборос, сейчас в нём определённо поднимался новый «Слюдяной мост»…

— Расскажешь, — низким голосом подтвердила Ч'айя. Придвинулась ещё ближе. Ресницы её мелко затрепетали. — Но давай чуточку позже, хорошо?

Байши. Да кто я вообще такой, чтобы спорить с дамой?

А она в очередной раз доказала, что куда сильнее, чем выглядит. Ухватив за воротник, Ч'айя буквально выволокла меня в комнату, и дальше, в сторону кровати.

Наши губы слились: мои пересохшие, со вкусом горькой паймы, и её — мягкие, но требовательные и жадные. Так мы и пересекли гостиную, свившись в единое целое, при этом умудряясь ловко избавляться от одежды.

Впрочем, даже в этом вопросе больше активности проявляла девчонка, а мне только и оставалось, что балансировать и стараться не запутаться в штанинах. Ладно, скажу честно, я тоже отставать не собирался, и когда до кровати оставался шаг, стянул свежеперешитую рубаху и почти впился в девичью грудь.

Усталость решила обождать. Измотанность, тревога, дурные предчувствия — все они остались на полу вместе с одеждой, а от второго дыхания закружилась голова.

Чуть не раскидав пуговиц, Ч'айя рванула и мою рубаху, всё-таки вынудив вскрикнуть от пронзительной боли в свежей ране на боку. В какой-то момент показалось, что сейчас кареглазая отпрянет, охнет и начнёт причитать (да ещё отругает, что я плохо обработал дыры от когтей Пыльного), а вместо ожидаемого на одеялах мы неизбежно переместимся в район аптечки…

Но она словно не заметила вскрика. Более того, болезненный стон будто подхлестнул девчонку, а в мой сосок вонзились мелкие зубки, превратив стояк из каменного в болезненно-каменный.

Зарычав барханной пумой, Ч'айя опрокинулась на спину и увлекла за собой, сверху, тяжело и быстро. Стараясь не взвыть от нового укола в надломленных Сакагой рёбрах, я рухнул на неё всем телом, а вокруг поясницы тут же обвились крепкие бёдра.

Что тут скажешь?

Спроси меня минут десять назад, я бы истово поклялся на Свитке Двоепервой Стаи, что в ближайшие сутки не готов ни на что, кроме крепкого сна. Однако сейчас я ощущал себя… немножечко иначе. Внутри словно взорвалась светошумовая бомба, в висках колотило, а между ног подвесили гирю…

Это снова случилось жадно, бескомпромиссно, весьма быстро и даже болезненно.

Её ногти оставляли следы на моей многострадальной спине, невольно цепляли бугристую кляксу жидкого бинта на левом боку, зубы впивались в шею. Раскачиваясь подо мной в такт, ритмично подбрасывая и охая, девушка смотрела чуть мимо меня, и я запоздало — уже приближаясь к кульминации, — сообразил, что Ч'айя рассматривает наши блестящие сплетённые тела в

отражениях на стенах и полотке.

Затем я кончил со звериным воплем, способным перебудить квартал, и Ч'айя повторила этот протяжный рёв…

Я распластался на ней, мокрый от пота, всё ещё подрагивающий и размазанный в лепёшку. Подруга судорожно втянула воздух, но даже не попыталась выбраться на волю; жарко дышала в ухо, что-то бормотала и нежно массировала мой затылок.

Вдруг спохватившись, я приподнялся на руках и постарался хоть искоса заглянуть в карие, чуть затянутые поволокой глаза. Спросил негромко и осторожно:

— Ч'айя?

Та отреагировала совсем не так, как я предполагал. Пробормотала едва разборчиво?

— Заткнись, Ланс… — Добавила без ожидаемой злости, устало, с довольной ленцой: — Слышать не хочу об этой суке…

Ах, ну да, действительно, разве могло быть иначе? Вот *её* — то появления мне сейчас и не хватало… но подумать об этом стоило до того, как выпрыгнул из штанов.

— У нас снова всё хорошо? — улыбнулся я. Попробовал перевалиться на бок, но мне не позволили, заставив и дальше прижимать к кровати.

— Ты вообще о чём? — Моя странная подруга покосилась, перехватила взгляд, и слегка нахмурилась, отчего морщинка на лбу проступила ещё заметнее.

— Хао, забудь…

Меня продолжало размазывать волной лютого блаженства, перемешанного с переутомлением. Байши, да как я вообще столько лет без этого прожил?! Пробормотал:

— Полагаю, разговоры могут подождать до утра…

Точно, могут. Особенно с учётом, что и осталось-то недолго.

— Могут. Но потом ты обязательно вспомнишь, о чём собирался поговорить со своей девочкой.

Мой «Слюдяной мост» едва не восстал из мёртвых, но на этот раз усталость оказалась сильней.

— Обещаю. А затем, Куранпу, мы должны будем сделать целую кучу очень важных дел, сисадда?

— Да, непременно. Но только после честного разговора, милый… а то я уже немного устала, что все вокруг интересничают и носятся с умным видом, а мне остаётся только хлопать ушами…

Её голос становился всё мягче и тише, глаза сонно слипались, но загривок мой — будто хорошему псу, выучившему новый трюк, — девушка продолжала разминать.

Я ощущал, как меня стремительно, до головокружения, уносит в сон. Куранпу блаженно улыбалась подо мной, по-прежнему не предпринимая даже попытки передвинуть на бок. А Ланс фер Скичира буквально растворялся в «своей девочке», безнадёжно утопая в податливом желе…

— О, детка, перестань… — прошептал я, с нарастающим трудом проталкивая слова через непослушные губы, — неужели тебе не приятно побыть чьим-то сокровищем, которое лучше держать подальше от чужих глаз?

Куранпу издала неопределённый звук, уже определённо с той стороны сонного забытья; тихий протяжный всхлип, совершенно не подвергающийся расшифровке, но я предпочёл посчитать, что хищница осталась довольна комплиментом. Хоть и слегка сомнительным.

— Клянусь, я всё расскажу, да… утром, детка, уже утром… никаких секретов…

Пожалуй, действительно пора. Особенно после свежайшего разговора с Хадекином фер вис Кри и целой череды удивительных ночных откровений.

Так мы и заснули: счастливый терюнаши Ланс Скичира и его Куранпу, которая, если задуматься, вообще-то должна была недурно меня пугать…

Девушка спала необъяснимо глубоко и безмятежно, словно находилась в укреплённой казоку-шин, а вовсе не в жалкой норе самого обычного комплеблока.

Убедившись, что хватка ослабла, я осторожно сполз в сторону. Подтянул подушку, набросил на обоих одеяло, и наконец-то провалился в долгожданное ничто.

Однако, в отличие от Куранпу, мой сон едва ли можно было назвать спокойным. Он пришёл ко мне рваным полотнищем, многозначительным, излишне тонким, тревожным и наполненным образами, полный смысл которых только предстояло истолковать.

В нём к бледношкурому явилась целая череда знакомых хвостатых, выглядевших чуть иначе, чем в привычной жизни. Они говорили странное и не менее странно вели себя, заставляя метаться по кровати и даже бормотать… а уже через четыре с половиной часа меня подкинуло, будто от укола ножом в жопу.

К счастью, панический рывок из кошмара ничуть не потревожил Куранпу. Она пробормотала невнятное, причмокнула, перевернулась ко мне спиной и неловко натянула на бёдра сползшее одеяло.

Ещё не избавившись от беспокойных образов сна, я оцепенело изучил её шикарный полуобнажённый зад, всё больше

раздумывая о возможности ворваться в спящую, растормошить поцелуями и опалить, так сказать, утренним жаром…

Боль в боку многозначительно намекнула, что нападение может обождать.

Морщась и ругаясь сквозь зубы, я осторожно выбрался из кровати и заботливо подоткнул одеяло. На цыпочках прокрался в гостиную, чуть не споткнувшись на собственных штанах. Включив угловой светильник, отогнул эластичную заплатку «жидкого бинта» и повертелся перед зеркалами, с разных углов рассматривая прощальный подарок Пыльного.

В целом рана выглядела неплохо, но вокруг трёхгранных дыр всё же начиналось воспаление. Попробуй пойми: то ли обычная защитная реакция организма, то ли когти выблядка всё-таки оказались смазаны опасной дрянью… что представлялось вполне возможным…

Как был — голым, — я свернул в туалетный закуток. Постарался сделать всё тише и в очередной раз осознал, что в этом привычном мире больше не один. Умывшись, прокрался в пищевой блок, со всё ещё сонным помутнением зарядив в комбайн убойную порцию чинги.

Включив варку, вернулся в комнату и уложил на стол драгоценную аптечку.

Растворяющие салфетки помогли избавиться от бесформенного шлепка старой повязки. Обработав дырки нифотехом, я осторожно ощупал словно бы инеем приморожденный бок. Точно, как пить дать, одно ребро гарантировано пострадало… Выбрав инъектор с хиапиоксином, осторожно сделал укол рядом с центральной раной.

Однако-таки едва ли в кровь попало что-то серьёзное. Используй Сакага нейротоксин или яд, я бы уже давно умолял Когане Но переродиться во что-то столь же прекрасное, чем был последние годы. Значит, противовоспалительных и регенерирующих препаратов должно хватить…

Подумав, я сделал ещё один укол хиапиоксина, на этот раз с верхнего края. Что ж… настоящим врачевателем Ланса фер Скичиру назвать было сложно, но чинить себя приходилось не раз.

Размотав матерчатый бинт, я закрепил конец в дверце шкафа, второй приложил к боку и, веретеном крутанувшись вокруг собственной оси, перебинтовал торс. Закрепив повязку, аккуратно полил «жидким пластырем» и разминал пальцами, пока импровизированный корсет не схватился. Несколько раз глубоко вздохнул, убеждаясь, что не передавил.

Затем забрал из комбайна дымящуюся чашку, уселся на

диван и задумчиво уставился на собственное отражение.

Сколько раз я сидел вот так, голый или полуголый, измазанный в своей или чужой крови, ковыряясь в аптечке и торопливо латая дыры на бледной безволосой шкуре? Сколько раз Юдайна-Сити убедительно доказывал мне, что жизнь в нём не только удивительна, но и категорически безопасна?

Попивая чингу, я дождался полного высыхания заплатки. Проверил, надёжно ли держится, и даже (болезненно поморщившись) пару раз покрутил корпусом. Только после этого позволил себе накинуть халат. Из стен за мной хмуро наблюдал осунувшийся, безобразно обросший щетиной тип, которому старушки определённо не доверили бы донести покупки из продуктовой лавки.

Куранпу спала, всё ещё спокойно и не ворочаясь.

Вернувшись на диван, я сделал ещё один глоток густого варева и попытался неторопливо, насколько это вообще представлялось возможным, разложить по полочкам события минувшей ночи.

Что ж, многоуважаемый и столь везучий Ланс фер Скичира, мог ли ты прошлым вечером даже в самых отважных фантазиях представить, что через считанные десять часов окажешься одной из самых охраняемых криитами фигур?

Ответ, надо полагать, очевиден.

Тем временем трое чу-ха (хоть без белых балахонов, и на том поклон в пояс) сейчас прятались в тенях подъезда, ещё пятеро — на подвальной парковке. Неизвестное число заняло крышу «Куска угля», а уж сколько наблюдало за подступами к комплеблоку на улицах, мне было даже не угадать…

Я машинально встряхнулся всем телом, вздохнул и потёр лицо.

С одной стороны, наличие такого количества казоку-йодда «Диктата Колберга» на официальной территории «Детей заполночи» могло стать причиной… скажем так, недопонимания и напряжённых переговоров. С другой стороны, уже ранним утром по всему гнезду начинались «Состязания единения боли и радости» — ежегодный «народный» чемпионат по штормболу.

Признаюсь честно, никогда не пытался разобраться в сложнейших правилах странной кровавой игры, причём ни на профессиональном, ни на любительском уровне.

Знал лишь, что первые не самые упорядоченные схватки без судей пройдут на специальных дворовых площадках. Пройдут почти без правил, дико, но с обязательным внесением результатов в общий реестр. К обеду победители нижнего эшелона сразятся на уровне районов гнезда, а три уцелевшие

команды со всего Юдайна-Сити сойдутся в ночном финале.

А это, в свою очередь, означало, что буквально через пару часов улицы Бонжура захлестнёт толпами гуляющих фанатов, обожающих уже с рассвета накидаться элем, чтобы затем отважно сцепиться с почитателями вражеских клубов. Этот бурлящий водоворот и поможет скрыть мою новую свиту от любопытных глаз. Во всяком случае, мне оставалось на это надеяться…

Допив остывшую чингу, я бесшумно вернулся в пищеблок за добавкой.

После того, как яростный прилив желания снова овладеть Куранпу схлынул, на меня снова накатили волны воспоминаний о прошедшей ночи. Образы, эмоции, даже запахи.

Как воочию я вновь видел погружённый в полумрак парк «Хари'н'ханси», заново переживал атаку Добродетельных Садовников, раз за разом обходил по кругу дешифратор в неприметном одноэтажном домишке, ставил на кон жизнь в короткой схватке с Сакагой, и бесконечно кольцевал в памяти сложнейший разговор с Диктатионом…

Чуть ослабив тонировку окна в пищевом отсеке, я задумчиво уставился на светлеющие улицы. Глотая чингу, позволил воспоминаниям унести в недавние события и старательно проанализировал каждое слово, услышанное от Хадекина фер вис Кри. Считать иначе казалось глупым: пожалуй, это и вправду оказалась самая длинная ночь в моей жизни. И едва ли не самая жуткая…

Бледное отражение терюнаши в оконном стекле медленно уступало место мерцающим символам кода Данава фер Ширикегареты, так и не введённым до конца.

Через минуту улица Бонжура растворилась, оставив перед взглядом только пиктограммы — моргающие, ждущие, будто упрекающие в неуверенности.

Фляга с паймой в кармане была почти пуста.

Моё предплечье уже не покоилось в нише со сверкающими зажимами, но «Росток» по-прежнему оставался внутри, как и дистанционный детонатор меж вспотевшими пальцами.

А в голове снова и снова нашёптывал перепуганный Зикро, предупреждавший не иметь дел с демоном подземного мира…

п.4.; г.1; ч.2

Я сглотнул склизкий ком и прочистил горло лёгким кашлем:

— Как ты вообще узнал, что мне известно про юнму внутри кулона?

Снаружи в парке царила тишина, уже не нарушаемая ни пальбой, ни взрывами. Тысячу рупий на кон, что победившие криты сейчас окружили кирпичное здание, и терпеливо ждут приказа джинкина-там, невесть сколько лет притворяющегося их казоку-хетто.

Можно было ожидать, что Хадекин начнёт поторапливать. Будет настаивать на немедленной эвакуации из небезопасного парка. Может, даже вернётся к угрозам.

Но тот всё же ответил, причём с неожиданной охотой. Теперь, когда бесплотный Диктатион избавился от нужды притворяться полноценным чу-ха и использовать особенности речевых оборотов настоящего фер вис Кри, я воспринимал его совсем иначе.

— Галло Ш'Икитари проболтался, — ровным голосом крепкого половозрелого самца ответил джи-там из динамиков в панели дешифратора. — Помнишь такого, верно? Ты ещё зовёшь этого парня Перстни… Я отловил его трёп в общем потоке прослушки подконтрольных кланов. Разумеется, стал копать. А затем через третьи лапы узнал, что информация просочилась от терюнаши. Нехитрый анализ записей из кафе «Стебель» подтвердил, что вы недавно встречались, хоть данные и не позволили полноценно восстановить беседу. Тогда я и решил узнать, Ланс, как много тебе вообще известно.

Я невесело хмыкнул. Яри-яри, неужели в наше время кто-то из обитателей гнезда вообще может тешить себя иллюзиями, что его жизнь остаётся личной и неприкосновенной?!

— И тогда, — мне удалось вложить в слова безупречно-равные доли желчи и откровенного вызова, — ты решил самым нелепым образом выкрасть меня посреди ночи?

Дряхлая крыса на экране пошевелила усами, но ответил Кри далеко не сразу.

— Выходит, желаешь вернуться к щепетильной теме? — задумчиво уточнил тот после минутных раздумий, словно они ему вообще требовались. — Что ж… озвученное тобой вслух, приглашение к беседе уже и правда может показаться не таким деликатным. Но не тебя учить, Ланс, что в среде казоку именно такие методы на поверку выходят наиболее эффективными.

Он сделал новую паузу, до зубовного скрежета напомнив своего «братца», с непостижимой правдоподобностью

копирующего речь и манеры настоящих живых.

— Сейчас я вынужден признать ошибку, — с той же лёгкостью сознался Диктатион, — но ты должен учитывать, что я и в самом деле хотел просто поговорить. Если бы, конечно, не вмешались… случайные факторы.

При воспоминании о расстреле на заброшенной парковке меня тряхнуло так, что детонатор чуть не выпал из ладони.

— Кто перебил твоих крыс той ночью?! — спросил я, стараясь говорить жёстко и требовательно.

— А это важно?

Теперь казоку-хетто даже усмехнулся. Причём настолько убедительно, что заставил меня приложить усилие и припомнить, что имею дело с опасным, крайне умело притворяющимся конструктом.

Я пожевал губу и покосился на запертую дверь.

Интересно, сколь крепким окажется терпение Диктатиона, прежде чем тот прикажет своим йодда штурмовать домик, и не спровоцирует меня на самоубийственный подрыв?

— Кулон твой сратый… — Я хмуро кивнул на куб. В его бронированных недрах вертелся камень из украшения, когда-то подаренного кукуга мелким и не совсем удачливым налётчиком. — Это и вправду банк данных?

— Почти, — без промедления ответил Хадекин, снова удивив подозрительной отзывчивостью. И тут же многословием: — Скорее, ключ. Когда-то таких было несколько, но все дубликаты утеряны. Так считается даже для моих вычислительных способностей. Есть основания полагать, что это случилось давно, а как юнму попал в украшение — и вовсе остаётся гадать. Подобное бывает, когда у вещей теряются истинные смыслы, сисадда? Тем не менее Ланс, этот юнму я неожиданно обнаружил. Результат перед тобой. А теперь, пунчи, быть может ты снимешь взрывчатку и выйдешь наружу? Как я и обещал, тебе будет гаранти…

Ох, далеко не каждый день выпадает возможность в грубой форме перебить такую фигуру, как Диктатион Колберга. И не то, чтобы я не хотел отказывать себе в столь дерзкой прихоти, но без внятных ответов отпирать железную дверь определённо не собирался. Поэтому спросил громко и с вызовом, самым некультурным образом оборвав заверения в моей дальнейшей безопасности:

— Кто *мы* такие?! Я и девушка. Откуда ты вообще взял девчонку? Откуда взялся я?

Выяснилось, что отважным можно оставаться и без паймы, до того предвкушение бесценных ответов пьянило сознание.

— Выкладывай, могучий казоку-хетто, ведь твой ублюдочный братец так и не смог выдавить из себя ничего внятного…

Динамики отозвались чуть шуршащей тишиной. Довольно продолжительной. Престарелая крыса на дисплее тоже не шевелилась. Причём так долго, что в какой-то момент я даже решил, что изображение засбоило или разговор оборван, а Ланс Скичира предоставлен сам себе.

Но через какое-то время Кри всё же ответил. С протяжными неохотными интонациями, но наверняка старательно взвешивая каждый грамм эмоций в словах:

— Вы *люди*, Ланс. Конечно же, люди. Но это ты знал и сам, не так ли? Даже под блокадой гипнолингвических программ, верно? А вот подробнее я, как и обещал, поясню позже. Поверь, это совсем не простой разговор…

Я не удержался от презрительной усмешки. О, непростой разговор?! Великолепно! Вот только интересно, страсть к выбешивающей немногословности была заложена в джи-там извне или они доросли до неё самостоятельно?

Покосился на пропитанный красным бок пальто, на распростёртого у ног Пыльного. Спросил:

— Значит, капля человеческой крови действительно способна остановить процесс дешифровки?

— Ты знаешь это и сам.

— И такой расклад серьёзно навредит твоим планам?

Он вздохнул, вновь правдоподобно до мурашек. Сука, эти фальшивые реакции ощутимо сбивали с мысли, что собеседник — мёртвая железяка!

— Как тебе сказать, терюнаши? Я ведь уже называл операцию делом своей жизни… Так вот сбой был бы очень серьёзным, призна **ю**… Протокол на отмену, так сказать. Своего рода добровольный отказ от начала *новой стадии*, сисадда?.. А вот если ты всё-таки проявишь благоразумие и не станешь принимать скоропалительных решений, мы сможем значительно ускорить процесс. Многократно. И тогда наши враги почти не смогут помешать.

Мне показалось, что чу-ха на экране едва заметно пошевелил усами, создавая положенную видимость полусонного бодрствования.

Я фыркнул:

— Наши?!

Развинтил флягу, дрожащей рукой вытрясая на язык последние капли паймы.

— Как же лихо ты развешиваешь ярлыки!

В своём последующем ответе Диктатион безукоризненно

подделал утомлённого жизнью циника:

— Я тебя умоляю, Ланс, — с лёгким упрёком произнёс фер вис Кри. — Рано или поздно выбрать сторону должен абсолютно любой…

Глава 2
ЛЕГКИЙ ПРИВКУС КРОВИ

Я поперхнулся собственным дыханием.

Вот, значит, как? Выбрать сторону… Интересно, Хадекин фер вис Кри осознавал, как только что едва ли не дословно повторил сказанное в своё время Галло Ты-ещё-зовёшь-его-Перстни Ш'Икитари, тоже записавшего терюнаши в безусловные союзники?

Что ж, смелый ход, наверняка продуманный.

И пусть у меня было, чем прокомментировать пошлую мудрость Диктатиона, это могло быть отложено до лучших времён.

Взгляд наткнулся на предплечье, всё ещё обнажённое перед несостоявшимся погружением в зажимы дешифратора.

— Почему Господин Киликили не заставил меня силой? — тихо спросил я, опасливо заглянув в открытую нишу, изуродованную бугром прилепленного «Ростка». — Почему не притащил сюда в кандалах, не выкачал литр крови для этого расчудесного агрегата, или не засунул в паз отрубленную руку?

Хадекин на экране издал странный звук, одновременно похожий на смех и причудливый музыкальный аккорд.

— О, пунчи Ланс, переписать душу на заклад Дьяволу ты должен исключительно по велению доброй воли, — нараспев продекламировал джи-там, заставив меня сдвинуть брови. — Иначе мёд искусительства покроется порчей, и вкуса бесовского усладить не сумеет…

Я поморщился:

— Что, байши, ты, байши, вообще несёшь?!

Из динамиков вырвался усталый, очень живой вздох. Обманчивый, как добрая половина происходящего со мной в последнее время. Что ж… в парки аттракционов и приходят, чтобы обманываться на радость себе, не так ли?

— Ты должен оставаться с нами по доброй воле, Ланс, — терпеливо пояснил Кри. — Ты и девочка. Это закон миропонимания джи-там, если угодно. — Он словно на секунду задумался, и добавил: — Впрочем, если подключить фантазию (как это называете вы), то существует-таки способ провести *такую* цепочку опосредованных распоряжений, что давление и принуждение к использованию генетического кода всё же будет оказано. Но формально без какой-либо причастности джинкина-там.

Я покривился, сглатывая горькую от паймы слюну, и подумал, что пора бы прикупить флягу побольше. Опустил взгляд, совсем иначе рассматривая Сакагу. Под головой Первого Когтя расплылась красная лужа, пересыпанные розовым густые потёки продолжали медленно сползать по стене.

Вероятно, фер вис Кри правильно расшифровал мой взгляд, потому что динамик хмыкнул.

— Призн **а** юсь честно, Ланс, совершённое тобой действие лежало в зоне исхода ситуации всего трёхпроцентной вероятности. — Судя по всему, от камер по углам не укрылось, как снова изогнулась моя бровь, потому что джи-там пояснил: — Говоря проще — ты меня немало удивил, терюнаши. Да и Карпа, наверняка, тоже…

Я ещё раз покосился на мёртвого Пыльного, теперь и в самом деле присыпанного пылью, опавшей с потолка после взрывов снаружи. Повертел шеей, задумчиво взглянул на сверкающий зеленью кулон. Затем осторожно прикрыл клавишу детонатора сдвижной панелью, и сунул брелок в карман. Неторопливо, словно находился в собственной норе, заменил кассету башера.

— Ладно, Диктатион… Допустим… ладно. Стороны, верный выбор, паутина слов. Что дальше-то?

— Нужно закончить дешифровку, — мгновенно откликнулся он. — А затем я отвечу на все твои вопросы. Любые.

Я вызывающе фыркнул:

— Вот уж *уй! Хотел бы завтраков, поехал бы к Щупу…

И многозначительно похлопал по засову на двери.

— Ладно-ладно!

Если бы джи-там находился передо мной в свето-струнном облике, как Князь-Из-Грязи, то в этот миг наверняка бы примирительно вскинул лапы.

— Если ты готов внимать *сейчас* — в таком состоянии физической и эмоциональной подавленности, — я кое-что расскажу. Например, про уже неоднократно упомянутого хетто «Уроборос-гуми». Ты должен знать, Ланс, что это он втащил тебя в мир Тиама. Именно он пробудил к жизни. А затем бросил подыхать посреди пустыни.

В заброшенном квадратном помещении посреди парка вдруг стало непереносимо холодно. Глядя на едва заметный скол на борту дешифратора, я думал, что от этого озноба не спасут пальто и шарф, от него не спрятаться ни в пиале с паймой, ни в жарких объятьях Ч’айи.

Совсем недавно я почти убедил себя, что никогда не узнаю правды о своём происхождении, и вот…

— Кто я такой? — едва разлепившись, проартикулировали

мои губы.

Но Хадекин всё-таки расслышал.

— Спаситель этого мира, Ланс, — спокойно, без малейшего намёка на эмоции продолжил он, заставив задохнуться от осознания, что Песчаный Карп не врал. — Существо, имеющее возможности написать будущее Тиама, если угодно, но вообще-то у него много имён.

— Господин Киликили так и говорил… — пробормотал я, в который раз за свою насыщенную жизнь не успев захлопнуть пасть.

Ощущения были такими, как если бы к ногам приковали гирю, а затем сбросили в самой глубокой точке Ек-Вишаль-Кулхади-Утким-ек-Нишан… Воздуха в тесной комнате стало катастрофически не хватать, сияние зелёных лучей внутри массивного куба показалось нестерпимо ярким.

Что тут возразишь? Пожалуй, предложи мне час назад услышать подобное из несуществующих уст Хадекина или вступить в смертельную поножовщину с тремя торчками из Нижнего Города, я бы задумался о выборе…

Данав фер Шири-Кегарета…

Хадекин фер вис Кри…

Даже сторчавшийся на стрихе Пять-Без-Трёх…

Неужели все они говорили правду? А может, обманывали простачка Ланса, кто-то по природной глупости, а кто-то, готовя изощрённую ловушку?

— Пожалуй, он мог, — признал Диктатион со всё ещё неожиданной простотой. — И безусловно сделал, пытаясь использовать тебя в попытках помешать мне.

Я вздрогнул. Ну да, ну да… когда тебе говорят подобное, держи ухо поднятым. Однако… всегда можно сделать вид, что ты хороший мальчик, сисадда?

Как говаривал, привычно проповедуя за опустошённой бутылкой, Подмастерье Ганкона, *«настоящим залогом выживания нашего вида, милый Ланс, являются вовсе не острые зубы или отчаянная отвага при защите потомства. Оно кроется в притворстве, главном оружии раба. Причём под рабами… икк… я понимаю и нищебродов из Такакханы — они прислуживают более крепким стаям сверху; и эти самые стаи, гнущие хребет перед казоку и „полосатыми рубашками“; и тетронов, послушно заискивающих перед кодексами Смиренных Прислужников; да и самих смирпов, прости меня Двоепервая… икк… Стая, тоже, потому что уж им-то друг перед другом приходится притворяться куда больше нашего»*…

Но джи-там никогда бы не поверил в моё всеобъемлющее

«прозрение». Поэтому я вынул из кармана детонатор, и словно невзначай покрутил его перед лицом. Задумчиво, не очень-то уверенно. Спросил в пустоту, как мог бы говорить сам с собой в пустоте комплеблоковой норы:

— И в чём же заключается моя задача по спасению Тиама?

Если Диктатион и заметил угрозу, вида не подал. Более того, позволил себе старческий смешок в стиле классического дряхлого казоку-хетто.

— Ты удивишься, когда узнаешь, насколько всё просто, Ланс. Нужно найти усыпальницу и разбудить твоих друзей. Твоего вида, разумеется, если ты вдруг не до конца осознал, что я имею в виду.

Рука с детонатором опустилась вдоль тела. Клавиша активации «Ростка» стала весить в сто раз больше. И без того тусклые лампы сбросили накал.

— Значит, есть и другие?

Кри лениво усмехнулся:

— Терюнаши… Неужели имеет смысл задавать вопросы такого рода после моего подарка?

Я представил ещё одного *себя*. Затем десяток. Сотню, и даже тысячу. Ч'айю и множество ей подобных. Представил целую улицу рядом с «Куском угля», заполненную бесхвостыми, бледношкурыми двуногими, так похожими на нас с девчонкой, и так не похожими на чу-ха.

Затем по сознанию словно щёлкнули током. Машинально дёрнувшись, я стиснул зубы от боли в левом боку. Припечатал злобно, почти не сдерживая эмоций:

— Выходит, Песчаный Карп — банальный прислужник? Возомнивший о себе невесть что разумный будильник?

В новом звуке из динамиков я разобрал что-то сродни недовольству.

— Ох, Ланс, ну зачем так принижать функционал джи-там? — Казалось, фер вис Кри в самом деле оскорблён оценкой. — В задачи, как ты выразился, прислужника, на секундочку, также входит извлечение криопротекторов, восстановление тканей и клеточных повреждений после глубинной заморозки. Затем проведение фазы реставрации костей и атрофированных мышц — несмотря на идеальные условия хранения, без этого не обойтись. Без ложной скромности призн **а** ю, что это исключительно моя задача, и никакие препараты и сторонние технологии с процессом справиться не смогут.

Вот же, байши, новости…

Я молча покачался на пятках, всем видом давая понять, что осознал важность роли разумного конструкта, но

демонстрировать этого не собираюсь.

Осознал ли я на самом деле? С таким же успехом Хадекин мог зачитать мне химическую формулу пищевой добавки под видом лекарства от старости! Нет, по-настоящему глупым я себя никогда не считал, ведь у всех свои таланты и специализации. Но когда речь заходила о науке…

— Хао… — Короткий взгляд на экран подтвердил, что дряхлый хетто в укреплённой капсуле сомкнул глаза. — Допустим, вы оба очень важные ребята…

Многим позже я неоднократно задумывался: знай Ланс в ту ночь в парке, к какому кровопролитию приведёт нас дальнейшее, стал бы вообще спрашивать? Но сейчас поинтересовался, причём даже без сарказма:

— И где же эти *остальные*?

В отличие от внешне усталой марионетки, Диктатион звучал бодро и энергично. Вот только в словах его не нашлось ни единого повода для радости.

— Пока мои познания ограничены фактом, что они пребывают в неизвестных координатах, — произнёс джи-там под утробное урчание дешифратора. — Ты, Ланс, выбрался только благодаря тому, что мой… хорошо, давай называть его братом… Так вот мой брат чуть раньше положенного запустил программу глобального теста. Именно на тебе, пунчи, испытано, может ли человек выжить в текущих условиях восстановления планеты.

Я щёлкнул пересохшим языком и всё-таки присел рядом с дверью, прислоняясь спиной к холодным кирпичам напротив железного куба. Постарался опуститься нарочито легко, чтобы не было заметно, как подвели-таки дрогнувшие мышцы. Вытянул ноги, стараясь не угодить в натёкшую из-под Сакаги кровь, и положил детонатор на бедро.

Наверное, можно было узнать, что такое «планета». Или выпытать, сколько их — этих таинственных «координат». Или даже вытрясти из Диктатиона, что за условия восстановления вообще имеются в виду. Но вместо этого я уточнил, постаравшись не выдать обуявшего ужаса:

— Значит, я подопытная мышь? *бучий подопытный зверёк?

Теперь джи-там не стал спешить с ответом. Его пугающий альтер — умирающая крыса в бронированном саркофаге, — чуть заметно приоткрыл жёлтые глаза и немигающим взглядом изучал меня с экрана над панелью управления.

Наконец сказал, негромко и с долей сочувствия:

— Да, Ланс. В целом, да. Но это не умаляет твоей важности в предстоящей опера…

— Первый? — я оборвал его сипло, будто в миг похмельного

пробуждения.

— Что, прости?

— Ты всё понял, мудак. Я был первым?

На этот раз в ответе Хадекина послушался ещё более ощутимый упрёк:

— Действительно хочешь и дальше тратить ценное время на пустые вопросы?

Я улыбнулся и кивнул. Даже не так — я оскалился и судорожно помотал головой, будто пытался избавиться от свалившихся на неё откровений.

— Рассказывай, что за текущие условия? О каком восстановлении вообще песня?

Фер вис Кри на экране шевельнул усами, как если бы на этот раз одобрил вопрос.

— Речь, скажем так, идёт о выживании твоего вида в недружелюбных посткатастрофических условиях. Глобального масштаба, сисадда? Но обо всём этом, Ланс, мы обстоятельно переговорим не здесь и не сейчас, хорошо?

В черепушке шумело. Причём не от паймы. И не от грохота недавних взрывов. И не от скоротечной драки с Сакагой, во время которой я мог легко отправиться на реинкарнацию духа и воплотиться в жалкого крысеныша с Виривага Ню…

Я всё отчётливее осознавал, что где-то в Тиаме существуют сотни, а может даже тысячи таких, как я или Ч'айя… Байши! Всё-таки Хадекин оказался прав: в моём состоянии — после недавнего разоблачения Чинанды-Кси, внезапной стычки с Шутами, победы над Пыльным и только что отгремевшего боя с криитами, — подобное усваивалось с огромным трудом…

Попытка облизнуть сухие губы не удалась, язык стал похож на мелкий наждак.

— А если бы крысы просрали все до единого ключи?! — наконец пробормотал я, даже не сомневаясь, что разумная железяка всё-таки расслышит. — Если бы во всём Тиаме не осталось ни одного «зелёного камня»?!

— Нет нужды злиться, Ланс. Ты слегка переоцениваешь значение криптографических размыкателей. Но лично мне наличие такого весьма облегчало жизнь, и ты прекрасно справился с поставленной задачей.

Во мне заклокотало, но я лишь стиснул кулак.

— Ты сказал про *неизвестные* координаты… Какого вообще *уя?!

Как и предполагалось, можно было не уточнять, джи-там всё прекрасно понял. Ответил без вины в голосе, но с нотками утончённой дипломатии, как будто мы с ним делили церемонию

медитативной заварки чинги.

— К сожалению, Ланс, полная информация о местоположении усыпальниц хранится в блоках сознания Данава Шири-Кегареты.

У меня чуть не отвисла челюсть. Слова поганца всё-таки заставили (невесть откуда) найти силы на новую вспышку раздражения:

— Шутишь?! Ты же, байши, такое же натуральное виртуальное божество! Вычисли это место! И если я так нужен… — Осёкся. Шею свело предательской судорогой, затылок примагнитило к кирпичам, но я заставил себя продолжить, при этом не сводя глаз с мёртвого чу-ха возле правой ноги: — Я сделаю всё, что от меня зависит…

— Найду, — с раздражающим спокойствием подтвердил Хадекин.

Но не успел я вскинуть взгляд в камеру, как он тут же срезал:

— Но не мгновенно. Как было сказано, Ланс, есть сложности. Связанные, в том числе, со стержневым присутствием каждого из нас с Господином Киликили в вашей реальности. В перехвате контроля над управлением собственной жизнью, если тебе будет понятнее. Эта смена паритетна и добровольна, мы совместно кроили базовые алгоритмы существования. Но есть исключения. И, как я уже упоминал, он едва ли откроет мне нужные данные. Особенно после прямой конфронтации. Скажу так, Ланс… Песчаный Карп всё ещё разделяет несколько *иной* взгляд на перспективы вашего возвращения.

— Он что, не хочет?! — я возмутился так искренне, как умеют только детишки, которых обделили сладостями в кругу друзей.

— Не совсем корректная оценка. — Можно было поклясться, что в голосе Диктатиона проскользила мягкая усмешка. — Но об этом я расскажу в более безопасном месте, договорились?

п.4.; г.2; ч.2

Я ещё раз попробовал облизать губы и ощутил лёгкий привкус крови из растрескавшегося уголка. Недопонимание выбивало почву из-под ног, кружило голову и всё отчётливее толкало на совершение ошибки, одной из переменных которой был «Беспощадный росток».

— Ты нужен мне, Ланс, — с теплотой добавил Хадекин, прочитав по моему лицу и не позволив в очередной раз осквернить тайную комнату глупым вопросом. — В том числе — согласно моим прогнозам и анализу возможных сценариев развития ситуации, — для получения информации о местоположении ближайшего «Корня». Теперь ты знаешь почти всё. Я могу рассчитывать на союз?

Мне показалось, что раздумья затянулись на добрые тридцать минут.

На деле же прошло едва ли больше десяти-пятнадцати секунд, после которых я со стоном поднялся на ноги. Молча сунул руку в куб дешифратора и с липким хрустом отодрал взрывчатку от изогнутой стенки.

— Прекрасное решение, — мягко прокомментировал фер вис Кри, а его марионетка на экране даже кивнула, точь-в-точь как полноценная бодрая крыса. — Сейчас тебя со всей осторожностью вернут в нору. Знай, что с этой минуты парни из «Диктата» возьмут вас под постоянную и невидимую протекцию, сисадда? Я в курсе, что Нискирич пронюхал про визит доставщиков-криитов в твой комплеблок, но отныне о моём участии в твоей жизни в «Детях заполночи» знать не будут. По улицам не шатайся, еду заказывай с доставкой. Счета Ланса фер Скичиры я деликатно пополню так, чтобы закрыть *все* финансовые вопросы.

Я устало хмыкнул, весть о внезапном богатстве восприняв с совершенно неожиданной эмоциональной пустотой. Ну надо же, теперь я богач?! И что?

— Отдохни, — продолжал наставления Хадекин, — расскажи подруге всё, что посчитаешь нужным. И обязательно береги мой подарок, Ланс. Я уверен, что она пришлась тебе весьма по душе…

Я резко обернулся к угловой камере и вскинул палец в объектив:

— Эй, грязножопый, а вот сюда соваться не советую!

Вспышка ревности и злости обрушилась на меня с такой остротой, что мгновенно прочистила затуманенную голову.

— Хао, Ланс, нет причин хлестать собаку, — мягко согласился Кри. — Поверь, обижать я никого не хотел. А сейчас

возвращайся домой. Я дам знать, что делать дальше…

Я перевёл дух, поражённый своей реакцией не меньше Диктатиона.

Бросил взгляд в светящийся изнутри куб, на мёртвого чу-ха у его основания, на запертую дверь… и снял засов. В какой-то момент с лишней яркостью представил, как внутрь сейчас ввалятся крииты, без слов влепляя в лоб терюнаши пяток фанга… но снаружи лишь действительно оказался вышколенный эскорт.

Молчаливые, готовые исполнить любой приказ важного объекта опеки, казоку-йодда фер вис Кри выглядели полной противоположностью сброду, изначально приставленному охранять парк.

Помедлив на пороге, я неторопливо натянул и подстроил под ночной мрак верные «Сачирато», а в спину с экрана на дешифраторе вдруг долетело:

— Ну, теперь-то ты мне веришь, Ланс?

Я усмехнулся, покосился через плечо, дёрнул подбородком:

— Теперь я не доверяю тебе чуточку меньше… — И шагнул в коридор из вооружённых бойцов «Диктата Колберга».

Мог ли я закончить ночной диалог в кирпичной ловушке дешифратора иначе, не подвергая опасности свою бесценную шкуру и ещё более бесценную жизнь Ч'айи?

Ответа на этот вопрос у меня не было, причём ни несколько ночных часов назад, ни сейчас… только свежая рана в боку да кружка остывшей чинги в руке. И девушка, дурманящая и манящая, мирно посапывавшая в моей кровати.

Отлепившись от окна, я добрёл до раковины и слил остатки загустевшего отвара.

Задумчиво уставился в ближайшее зеркало, пытаясь постичь, что все эти долгие, жестокосердные и одинокие годы где-то рядом (во всяком случае, мне хотелось в это верить) находились такие же, как я. Спящие глубже глубокого, спрятавшиеся от некой катастрофы, загнанные в таинственный «Корень», о котором, кстати, Ч'айя упоминала после первого пробужде…

Вибрация гаппи на запястье оказалась такой внезапной, что я чуть не выронил пустую кружку; будто бы звонким ударом шеста по шару-битку тайчо она начисто вышибла из головы все размышления о прошлом, будущем и его секретах, вернула в реальность и вынудила позорно вздрогнуть.

Я опасливо поднял запястье к груди, мысленно ругаясь и ожидая худшего.

И всё равно, в чьём обличии это худшее явится — нового безумного клиента, Нискирича фер Скичиры со срочным делом казоку, отмороженной Магды или Песчаного Карпа, решившего

тоже поговорить по душам и вылить на меня бочку очередной лжи. А может, даже кого-то незнакомого, без разницы, ведь утренние вызовы по определению не могли сулить ничего доброго…

Бровь изогнулась, глаз прищурился.

Я повторно перечитал данные незнакомого профиля, умело закрытого, при этом со всей очевидностью не входящего в контактные орбиты Ланса Скичиры и даже «Детей заполночи».

Мой палец завис над экраном «болтушки». Почти ткнулся в сектор сброса… но уже через миг сонный терюнаши всё же принял решение и дал добро на входящий вызов. Как выяснилось ещё через минуту, решение неверное.

Над запястьем сформировался свето-струнный слепок, почти заставивший решить, что меня приглашают стать участником некого группового обсуждения — в полутёмной комнате за большим овальным столом расселись сразу шестеро чу-ха, внимательно уставившихся в камеру гаппи. Обладатель закрытого профиля медленно и молча двинулся вокруг сидящих, но вслед ему головы не повернул никто из наблюдавших.

— Ты кто? — спросил я негромко, чтобы ненароком не разбудить Ч'айю.

Странная, неестественная в неуловимых мелочах картина посиделок вызывала подспудную тревогу и сбивала с толку. Снимавший застолье на камеру продолжал молчать, с грациозной торжественностью замкнув круг на прежнем месте. А затем подался вперёд и приблизил «болтушку» к морде ближайшей крысы за столом.

К моему удивлению, это оказалась самка средних лет. Одетая весьма прилично, но очень уж небрежно, будто второпях… Но ахнуть заставило иное: вся её морда (весьма короткая, довольно распространённой породы из южных районов гнезда), была гладко выбрита, а уши подрезаны ровным овалом.

— Тебя не очень-то просто найти, — без единой эмоции произнёс хрипловатый незнакомый голос на другом конце соединения. — Найти-обойти. Все открытые миц-ячейки пересыпают вызов на помощницу, но твоя сучка плохо воспитана и всё утро игнорирует требования потенциального клиента. Мне пришлось попотеть, чтобы обойти переадресацию, сисадда? Попотеть-улететь…

Я бросил быстрый взгляд на спящую девчонку и скользнул в глубину пищеблока.

— Это шутка? — спросил всё так же тихо, но с нарастающим раздражением. — В таком случае очень глупая. Когда в следующий раз захочешь подразнить терюнаши, попробуй обрить

морду крепкому самцу с яйцами до колена, похохочем вместе. А пока всего тебе недоброго, и пусть небо будет обла…

Меня оборвали резко и с присвистом:

— Вызов-зоввы брошен-шенбро!

Я застыл, не отключая гаппи. А, наверное, стоило бы…

Камера дёрнулась, наплыла на овальный стол, развернулась и наконец позволила рассмотреть остальных позирующих.

Это оказались самки, неподвижные и будто приморожденные. Одетые совершенно по-разному, от строгой школьной формы до простенькой робы труженицы грибниц, но все, как одна — с выбритыми мордами и головами. К высоким спинкам стульев их прихватывали узкие кожаные ремни через грудь и живот, схожие браслеты удерживали аккуратно уложенные на столе лапы.

Владелец закрытого профиля плавно приблизил «болтушку» к ближайшей чу-ха слева, и теперь мне стало заметно кое-что ещё. Например, заштопанная проволокой пасть. Крупные пуговицы, то ли вшитые, то ли вклеенные в глазницы бедняжки. Нарочито грубые стёжки толстых ниток и наросты запёкшейся крови на купированных ушах…

— Ты кто, мразина? — сипло повторил я, не узнав собственного голоса.

Был почти уверен, что ублюдок не ответит, но через секунду в моём заушнике прозвучал всё тот же безэмоциональный, чуть хриплый голос:

— Говорят, ты призван в мир избавить его от скверны, Ланс фер Скичира? — Незнакомец вздохнул, очень печально и глубоко. — А я на дух не переваривaю гнусную ложь… начинай готовить доказательства. Докажи-покажи. Или будешь вруном. Вруном-щелкуном.

Он перевёл фокус камеры на крупный план овального стола, щёлкнул когтем и дёрнул лапой, после чего изображение померкло, а связь оборвалась…

Пол пищевого блока под моими босыми пятками стал нестерпимо ледяным. В висках загрохотало, старые раны взвыли. Стараясь не замечать, что пальцы подрагивают, я выбрал в списках основного гаппи профиль Сапфир.

Разумеется, девчонка пребывала в своём праве и действительно ничем не была мне обязана. Но так уж в Юдайна-Сити заведено, что любые переговоры проходят через посредников или помощников.

Так сложилось и у нас (несмотря на многочисленные шутки и ещё более многочисленные протесты), что все чужеродные вызовы и предложения о работе для Бледношкурого отсекались исключительно через синешкурку, а мою личную ячейку было

практически невозможно вычислить…

Байши! «Болтушка» Пияны встретила вежливой записью, на которой та сообщала, что сейчас очень занята, никак не может говорить, но после особого сигнала я волен оставить ей любую необходимую информацию.

Я встряхнулся и с силой потёр заросшую щетиной челюсть.

Ладно, с обходом ячеек Сапфир мы разберёмся позже, в конце концов, предельно секретным мой профиль «мицухи» никогда не являлся. А вот что делать с нарастающей тревогой?

Потому что теперь перед внутренним взором стоял отнюдь не кирпичный домишка с тяжёлым кубом дешифратора внутри, а совсем иное: ровно перед тем, как незнакомый псих оборвал разговор, я успел заметить, как у одной самки дрогнули зашитые губы, а лысые надбровные дуги над окровавленными глазами-пуговицами мученически изогнулись…

«Ломкая горечь»

Куо-куо, мои несравненные!

На мицелиумные рельсы правды, честности и непокорности снова возвращается символ отваги нашего любимого Бонжура — Моноспектральная Чапати и её верная команда криминально-аналитической станции «Ломкая горечь»!

Доброго вам утра, и пусть этот удивительный день будет наполнен только самыми яркими впечатлениями!

О чём же ты хочешь поговорить с нами сегодня, о, Чапати, спросите вы? Особенно после очень странного, очень-очень странного, совсем на тебя не похожего вечернего выпуска?

Сейчас узнаете, мои заинтригованные. Кого-то эти новости порадуют, кого-то заставят снова скривить нос. Ведь пока другие мицелисты Юдайна-Сити говорят лишь о грядущих «Состязаниях единения боли и радости», обсуждают коэффициенты ставок, потенциальных лидеров или откровенных слабаков, Чапати вынуждена вернуться ко вчерашней теме…

Повторюсь ещё раз — обсуждение чудовищных в своей суровости услуг, оказанных району «Детьми заполночи», ничуть не означает, что Моноспектральная покорно склонилась перед бандитами и забыла о прежде совершённых ими злодеяниях против простых бонжурцев.

Однако же…

Как я и сказала вчера, нужно уметь признавать правду.

И в чём же она, Чапати, спросите вы? А правда в том, что Косоглазый-таки сдержал слово. Моноспектральная не знает, как много её восхитительных обратилось в Нарост после вчерашнего выпуска «Ломкой горечи», но таковые наверняка были…

И вот пока просыпающееся гнездо готовило арены для штормбольных поединков, а преданные фанаты своих команд закупались ящиками пенного, чёрно-жёлтые «Детишки» не смыкали глаз и засеивали Бонжур доказательствами своих деяний.

Если с утра вы уже побывали на улице, то наверняка видели мёртвых «Шутов», ими украшен едва ли не каждый перекрёсток района. Однако при этом Моноспектральной Чапати и её коллегам из «Горечи» удалось узнать больше!

Что же это, нетерпеливо спросите вы, мои аппетитные?

Чапати охотно ответит. Несмотря на ненависть, испытываемую мной к Нискиричу Скичире, даже я призна **ю**, что старик сработал на славу — это подтверждают источники Моноспектральной в Управлении Тетронов.

Итак, мои расчудесные, вот что я спешу рассказать: этой ночью мерзкие «Кислотные шуты» не только понесли огромные потери в своём ублюдочном составе, но, фактически, отброшены на границы Ишель-фава. И что-то подсказывает Чапати, что в ближайшее время недобитки едва ли захотят снова закочевать в наш гостеприимный район…

Что ж, Нискирич, ты умеешь делать поганую работу, в этом у Моноспектральной никогда не было сомнений. И если ты слушаешь это сейчас, знай — вместе со всеми жителями района я благодарна тебе за вынос вонючего мусора. Хоть ты и являешься жалким отбросом самых тёмных закоулков Бонжура, но всё же доказал, что ты свой отброс, и в самом деле готов защитить родную землю…

Однако моя благодарность вовсе не означает, что «Ломкая горечь» перестанет и дальше разоблачать деятельность семейства Скичиры — как откровенно бандитскую, так и обманчиво-законную, с помощью которой Косоглазый пытается отмыть грязь с собственной шкуры.

Когда последний «Кислотный шут» окажется в Ишель-фаве или повиснет на силовой мачте полётного коридора, нашему шаткому перемирию придёт конец, и Чапати с полным правом расскажет своим распрекрасным слушателям, как…

Какого беса?! Байши, сколько раз я говорила, чтобы ты не отвлекал меня во время выпуска?! Ты вообще осознаёшь, что сейчас нас слушают почти пятьдесят тысяч хвостов?! Ладно, только быстро… Чего-чего они хотят?! Будь оно неладно… Подожди, я сама…

Мои сладенькие, у Моноспектральной Чапати возникло небольшое, но очень срочное дело. Не отключайтесь от выпуска «Горечи», совсем скоро я вернусь за консоль и поведаю вам ещё много-много интересного!

Глава 3
МЕДЛИТЬ НЕЛЬЗЯ

Ч'айя проснулась ближе к девяти утра, жаркая, чуть несуразная в приятной помятости, с розовыми полосами от подушки на правой щеке.

Наблюдая за ней снизу вверх, я оставался неподвижен, причём ни капельки не расслабленно — до сведённых скул и затёкших плеч. Всю пару часов, пролетевших от разговора с незнакомым ублюдочным борфом, мне довелось провести на спине рядом с девчонкой, задумчиво изучая наши отражения в потолочных зеркалах.

Взвешивая слова спятившей крысы (*скверна? необходимость доказательств? нетерпимость ко лжи?*), я мучительно размышлял, кто и с какой целью показал мне шестерых самок за столом. Одна из которых со всей очевидностью до сих пор была жива…

Байши… о, Благодетельная Когане Но, пусть это будет очередной иллюзией Песчаного Карпа? А если нет? А если это провокация «Вёртких прыгунов», вошедших в тоннель войны? Или часть непонятной пока операции Магды вис Мишикана? Ох, Ланс-Ланс… зная консистенцию грязи под лапами *любого* чу-ха в этом гнезде, я мог с равной долей вероятности предположить *любой* из перечисленных вариантов.

Начинай готовить доказательства, велел неведомый Пуговичник. *Докажи-покажи.* Неужели в гнезде объявился очередной умалишённый, решивший потягаться силами с Лансом Скичирой?

Такого не бывало уже лет пять, и я полагал, что обитатели Бонжура и окрестностей давно свыклись с существованием терюнаши, перестали считать того кем-то особенным или достойным ревнивого противоборства. А кропотливо созданный ореол колдовства всего за пару месяцев после начала работы на себя и распространения активных слухов отбил желание даже у самых упёртых задир.

Или же не у всех?

О, да, отрицать не стоит, раньше они много чего хотели проверить.

Кто из нас быстрее бегает, выше прыгает, лучше стреляет, считает вслух, держит равновесие на табурете, сохраняет неподвижность и даже дольше умеет не дышать. Но мёртвые самки с пуговицами вместо глаз? Такого ещё не встречалось.

Говорят, ты призван в мир избавить его от скверны. На фоне недавних событий это казалось или чудовищным совпадением, или фрагментом хитроумной ловушки…

Ч'айя с удовольствием потянулась. Села в кровати, подтянула под себя ноги, и только после этого заметила лежащего рядом меня.

— Доброе утро, детка, — я заставил себя улыбнуться и осознал, что груз подступивших тревог не способен изгнать даже вид чудесных карих глаз. — Удалось отдохнуть?

Лицо её, до этого момента безмятежное и чуть рассеянное, мгновенно окаменело.

Желваки заходили, на лбу от прилива крови почти вспыхнула знакомая морщинка. Ч'айя медленно опустила глаза, секунду таращилась на собственную обнажённую грудь, затем приподняла одеяло и обнаружила отсутствие штанов. Перевела взгляд на мой голый торс под балахоном, и суетливо замоталась до шеи.

— Твою же мать… — с жаром прошептала она.

Что ж… иногда даже глупенькому Лансу удаётся понимать с полуслова.

— Вероятно, — с невесёлой усмешкой протянул я, отлепляясь от матраса и запахивая халат, — Куранпу вновь отправилась набираться сил?

Из одеяльного кокона раздалось опасное шипение:

— Я предупреждала, чтобы ты никогда не называл этого имени!

— Прошу великодушно простить…

Устало вздохнув, я отправился к пищевому конструктору.

— Чингу будешь?

— Буду… — пробурчали мне вслед. — что… что тут вообще произошло?

В отражениях на стенах я видел, как Ч'айя осматривает кровать. Внимательно, будто хочет найти на простыне улики совершённого преступления. Впрочем, таких в норе было предостаточно — сорванная ночью одежда всё ещё усыпала подступы к ложу, словно объедки шикарного пиршества.

— Обманывать не хочу, — я постарался не улыбаться, — мы плясали горизонтальные танцы… «шмырк-шмырк», сисадда?

Ч'айя издала невнятный протяжный звук, нечто среднее между презрительным *«фууу!»* и «*да-как-же-так*?!». Из укрытия мелькнула мускулистая рука, подхватывая рубаху. Комок одеяла заворошился.

— Опять… — простонала девушка. — Много?

— Хм… достаточно.

Я пожал плечами и вставил в комбайн пару пустых чашек.

Добавил чуть тише, но всё же не удержавшись:

— Но недостаточно, чтобы я перехотел повторить…

Девчонка пробормотала нечто среднее между вежливым дипломатичным отказом и лютой руганью цеховика из службы обслуживания ветростатов.

Ох, детка, мне бы твои горести…

Впрочем, таких мыслей лучше даже не допускать — кто знает, что за груда проблем прячется в башке твоего собеседника? Может, она велика настолько, что мои злоключения с Диктатионом, Шири-Кегаретой, Алой Сукой и даже спятившим Пуговичником покажутся не сложнее детской игры в «развяжи хвосты»?

Дождавшись, пока ароматная чинга степенно отфильтруется в чашки, я выключил агрегат и вернулся в спальную зону.

— Может, ты всё-таки пояснишь? — спросил как можно осторожнее, чтобы не спровоцировать скандала (или даже драки). — Желательно чуть подробнее про наши бурные ночёвки и не менее бурные пробуждения, сисадда? А затем я расскажу о том, что ты хочешь знать о грызне меж казоку-хетто за этим порогом. О моей не самой последней роли в этой истории. И ещё много важного, кстати.

Девчонка наконец вынырнула на свет, основательно замотав одеяло на обнажённых бёдрах. Рубаха, надетая впопыхах, оказалась застёгнута не на те пуговицы.

Чингу у меня забрали, сделали осторожный глоток. В глазах цвета корицы застыла оцепенелая задумчивость, взгляд бездумно шарил по отражениям.

— Очевидно же… — пробормотала она, будто невпопад. Спохватилась, потёрла лоб. — Наверное. Да, Ланс, потом, чуть позже, всё расскажу… Сама ещё осозна **ю** не до конца.

Яри-яри, мне доводилось выпивать с лучшими лжецами Бонжура и Ишель-фава, и все они сейчас основательно уступили бы моей подруге в умении молниеносно соврать. Но настаивать (или, тем более, давить) точно было бы лишним. В конце концов, не к числу ли этих самых «лучших» отчасти принадлежал и я сам?

Взлохматив короткие волосы, Ч'айя ненароком задела левый височный диск. Поморщилась, брезгливо потянула за край и всё-таки отлепила от кожи. К моему ревнивому удивлению, кстати, ведь кое-чьи нашлёпки отвалились куда неохотнее.

Девушка задумчиво изучила наклейку, с прищуром всматриваясь в тончайший ворс изнанки, каждая иголочка которого оканчивалась крохотным крючком.

Наблюдая за ней, я вспомнил про загадочную гипнолингвическую блокаду, о которой совсем недавно упоминал

Хадекин фер вис Кри. Машинально отметил, что было бы недурно показать височные диски умельцу Зикро… но на ум тут же пришёл наш последний разговор, заставивший погрустнеть.

Ч'айя тем временем перехватила кружку левой рукой, столь же легко избавилась от второй нашлёпки. Затем:

— Отвернись!

Что ж, я подчинился, сосредоточенно попивая чингу и стараясь не пялиться в зеркала. Безусловно, меня аж разрывало от желания поинтересоваться, чего же я там ещё не видел… но иногда благоразумно промолчать получается даже у самых болтливых.

Может, я делаю успехи в обучении?

Торопливо натянув штаны, Ч'айя обогнула меня (её дистанцирование начинало откровенно обижать) и скрылась в гигиеническом закутке. Вернулась через несколько минут, опрятно застёгнутая и с влажными волосами; подобрала со столика остывшую чашку, шумно допила.

Я попытался уловить её настроение косым взглядом через плечо из пищевого отсека, где начинал шаманить над очередным бесхитростным, но сытным завтраком. Не сумел.

Вдруг вспомнив, что Хадекин говорил о пополнении счетов, отставил банку консервов и постучал ногтем по дисплею гаппи. Ойкнул. Хмыкнул. Улыбнулся широко, но без особенной радости.

Поступившая ночью сумма заставила основательно пришалеть.

Да что там? Она навевала мысли о том, что в ближайшие год-два мне вообще не придётся работать, даже если стану жрать исключительно доставку из лучших кухонь Бонжура, вроде «Лючи Шуа» или «Перпекто».

Ещё раз покосившись на банку жирнющего мяса у пищевого конструктора, подумал заказать нам с Ч'айей чего-то поизысканнее. Особенно девчонке, которую сама Когане Но баловать велела. И уже через несколько секунд поймал себя на том, что начал почти бездумно пересыпать часть средств на резервные счета.

Заставил себя прекратить.

Байши, какая ж глупость…

Если один джинкина-там смог с лёгкостью одарить мешком виртуальных рупий, другой с той же лёгкостью способен пустить меня по ветру одним движением несуществующего пальца. Наверное, чуть позже я смогу выбраться на шумные от спортивных гуляний улицы, чтобы обналичить хотя бы часть дара, но…

Ч'айя бесшумно вышла в трапезную, встала сбоку и с немым

укором уставилась на недоприготовленный завтрак. Откинувшись на несуществующий хвост в жесте предельной покорности и показав ладони, я выдавил виноватую улыбку и сунул банку в механизм открывания. Торопливо перемешал с подогретой лапшой, залил концентрированным бульоном, дал комбайну приправить специями и протянул вместе с хаси и специальной ложечкой.

— Ешь помедленнее!

Девушка не ответила на вежливое пожелание, с лёгким поклоном забрала миску и ушла есть на диван. Шумно втягивая лапшу и столь же аппетитно запивая через край, умяла больше половины. В глаза мне при этом не смотрела, изучая не то шкаф, не то затемнённое окно.

Последующие пару минут я беспокойно мялся в дверном проёме, совершенно не находя себе места: аппетит стремительно истончился, и вторая порция отправилась в отсек кратковременного хранения.

Сделав ещё один глоток, Ч'айя бережно отставила тарелку на столик, сложила хаси на выгнутом краю. И когда я уже открыл рот, чтобы перейти к Самому Важному Разговору, в дверь норы неожиданно постучали…

Сложно сказать, почему простой стук в дверь стал вызывать у меня такие тревожные мысли. Может, дело было в потенциальном нарушении личных границ; может, в почти гарантированной нехватке отдыха, которую сулил новый гость; а может, в реках проблем и неприятностей, бурными потоками лившихся в мою нору с каждым новым посетителем…

Конечно, я насторожился. Виду, разумеется, не подал, но торопливо взглянул на гаппи, не обнаружив ни новых сообщений, ни пропущенных вызовов.

Перед глазами пронеслась сцена дичайшего застолья, показанная ублюдочным Пуговичником. Тогда я подобрал с пола сбрую «Молота», сброшенную во время ночного безумства, и осторожно вынул оружие из кобуры.

Ч'айя, если и перепугалась, осталась не менее невозмутимой, чем я сам. Впрочем, на лбу её проступила морщинка, а прищуренный взгляд метнулся в сторону, уверенно остановившись на прислонённом к стене ассолтере.

Пощёлкав ногтем по «болтушке», я вывел картинку с дверных камер на дисплей центральной консоли. Максимально бесшумно перевёл дух: за порогом терпеливо поджидал высокий узкоплечий чу-ха из приставленной Хадекином бригады.

Криит носил чуть пятнистую тёмно-серую шерсть, из обожжённой левой глазницы выпирал полулегальный боевой

имплант, скрывавший часть черепа и уха. Имени казоку-йодда я не помнил, но минувшей ночью определённо видел парнишку в рядах прибывших в «Кусок угля».

— Куо-куо! — сказал я во внешний микрофон консольной станции, вновь ликуя от способности задавать предельно дурацкие вопросы: — Случилось чего?

— Пока нет, всё спокойно. — Бросив быстрый взгляд на дверной динамик, криит с профессиональной цепкостью осмотрел пустой коридор. Дёрнул ухом, а затем, не мигая, уставился в глазок камеры. Он был сосредоточен и терпелив. — Но планы изменились. Пожалуйста, собирайся, терюнаши, Диктатион приказал сменить место.

Я обернулся к Ч'айе, но она ответила неопределённым пожатием плеч, умудрившись не только ускользнуть от совместного принятия решения, но и в очередной раз напомнить, что не дождалась обещанного рассказа о положении дел. Байши, всё и правда так, девчонка же до сих пор ничего не знала ни о поездке в «Хари'н'ханси», ни о ночных переговорах с фер вис Кри…

— Последним распоряжением Диктатиона было оставаться в норе, — негромко напомнил я крииту снаружи, убирая башер и с облегчением застёгивая кобуру.

— Верно, — с лёгким поклоном подтвердил чу-ха за дверью. Однако по подрагиванию здорового уха я подметил, что боец волнуется, и капля за каплей теряет терпение. — Но планы поменялись, терюнаши. Нам с братьями только что поступил прямой и чёткий приказ господина. Позволь выполнить его без заминок, сисадда?

п.4.; г.3; ч.2

Я задумчиво потёр щетину на шее. Байши…

С одной стороны, моя любимая нора в «Комплеблоке-4/49» действительно едва ли могла претендовать на статус самого безопасного места в Юдайна-Сити. Но с другой стороны…

Я снова подался к микрофону в стене:

— Ты видел его, пунчи?

— Видел? — Йодда с недоумением подвернулся к объективу, отчего огромная усатая морда почти целиком заняла дисплей. — Кого я должен был видеть?

— Своего казоку-хетто, — терпеливо пояснил я, стараясь говорить без малейшего намёка на испытываемую тревогу. — Видел почтенного Диктатиона, когда получал этот приказ? Видел его своими глазами, или тебе сообщил кто-то ещё? Или, пунчи, быть может, ты получил запись? Например, звуковое сообщение без свето-струнного слепка, сисадда?

Криит за порогом нахмурил единственную бровь, отчего и без того вытянутая морда на моём экране исказилась в гримасе, но почти сразу искренне пожал плечами:

— Не зря говорят, что ты странный, Ланс… но я отвечу: да, видел. Вообще Диктатион редко снисходит до отдачи прямых приказов таким, как я, но сейчас он миновал даже моего Когтя. Мы с парнями думаем, что это из-за секретности, сисадда? Да и нет здесь совсем уж простых йодда. Если тебя это успокоит, в тайну посвящено предельно мало хвостатых, и все они надёжны, как…

— Почему господин фер вис Кри не связался со мной лично?

Ещё более дерзкий вопрос Бледношкурого заставил бойца ошалело приоткрыть пасть. Тот поморгал, определённо сражаясь с желанием ответить издёвкой или самой обычной бранью, но через пару секунд произнёс на удивление спокойно, хоть и с лёгкой вибрацией в голосе:

— Ох, терюнаши, послушай-ка сюда… Я тебя вообще не знаю, но ты задаёшь *очень* странные вопросы… Будь на моём месте не такой спокойный и разумный исполнитель, его бы на клочки разорвало от одной только мысли, что наш высокочтимый господин и всещедрейший казоку-хетто Хадекин фер вис Кри — да будут дни его на землях Тиама бесконечны и легки, — станет отчитываться перед… таким, как ты.

Он облизнул губы и ещё раз быстро осмотрел коридор:

— Ланс, я настроен любой ценой исполнить приказ Диктатиона, сисадда? Прошу, не заставляй нас делать это силой,

пусть даже и с возможным удовольствием для парней…

А я пожевал губу, с тоской вспомнил про недоеденный завтрак и повернулся к Ч'айе.

Та оставалась неподвижна, глядя на широкий экран консоли, словно там шла очередная серия бесконечного скучного шоу. Если мои недоверчиво-пугливые вопросы и позволили девчонке взглянуть на Ланса Скичиру с новой стороны, она решила придержать открытия при себе.

— Я вернусь через пять минут, терюнаши, — с нажимом подытожил йодда за дверью, и легко махнул в камеру скрещёнными пальцами. — Берите только самое нужное, медлить нельзя.

Выключив камеру и едва удержавшись от вздоха, я принялся одеваться.

Хотел было подшутить над Ч'айей и с нарочитой капризностью попросить отвернуться, но девушка сделала это сама — отошла в дальний угол за кроватью, ещё раз проверила пуговицы рубахи, аккуратно заправила ту в штаны и начала шнуровать самодельные тапки.

Самое потрясающее при этом, что делалось всё без паники, спешки или лишних вопросов, и можно было спорить на любые деньги, что молчала она вовсе не по причине утренней обиды. Пожалуй, именно в тот момент я впервые и задумался, что больше без умницы-кареглазки не смогу прожить в Тиаме ни единого дня…

Я оделся и бережно затянул бронекуртку; бок отозвался лёгкой болью — почти незаметной… словно ветростат в гостиной. Переведя дыхание, задумчиво покрутил в руках жилет. Потёртая чёрно-жёлтая ткань была приятной и плотной, с несвоевременной охотой делилась воспоминаниями, и чуть ли не впервые заставила пожалеть об использованном праве Бесхвостого не нашивать полученные нашивки.

Бережно свернув двуцветный символ казоку, я убрал его в рюкзак. Натянул перевязи башера, пальто, и обнаружил, что Ч'айя ждёт в прихожей, уже одетая в перешитые пиджак и жилет, окончательно готовая к выходу.

Более того, за прошедшие в моих раздумьях пару минут девчонка умудрилась отыскать в дебрях норы крепкую матерчатую сумку, куда сложила пару бутылок с водой, пачку галет, часть домашней аптечки и несколько фруктов — подсохших, но ещё съедобных шаров-пинкуо (к слову, я и понятия не имел, что они у меня были). Ах, да, ещё она добавила к своей ноше матовый цилиндр светошумовой бомбы, прихваченный из открытого арсенала.

Плотно обрызгав верный уличный балахон маслами, я протянул его Ч'айе, и она безропотно замоталась с головой. Дополнила маскировку второго терюнаши в гнезде почти не переделанная маска-респиратор в форме морды чу-ха, девушке уже знакомая по эвакуации в подвал «Куска».

Придверный дисплей в прихожей показал, что тощий одноглазый криит уже поджидает. Отрегулировав на плечах рюкзак, я старательно застегнул ботинки, ещё раз осмотрел нору, погасил консоль и открыл входную дверь.

Казоку-йодда тут же сделал короткий шаг назад и окинул меня (возможно, даже просканировав выпуклым объективом имплантата) оценивающим взглядом. По девушке скользнул брезгливым, без промедления качнул башкой в сторону лифтов.

За ремень его широких штанов был заткнут компактный башер с насадкой для предельного подавления звуков, под расстёгнутой рубашкой на мохнатой груди отчётливо виднелся серебристый кулон «Диктата Колберга».

— Меня зовут Шникки, — сказал крысюк таким тоном, будто последние полчаса я только и делал, что умолял открыть секрет. Ещё раз мотнув головой, криит первым зашагал от норы. — Не отставайте.

— Где остальные? — негромко поинтересовался я, осматривая пустой коридор и торопливо запирая дверь.

Меня в очередной раз огорчило ощущением, что любимое жилище я покидаю в самый последний раз…

— Прикрывают на улице, — сухо бросил Шникки через плечо. — Шевели булками, терю, пока о нас не пронюхал весь комплеблок.

Когане Но, ну что за дерьмо?!

Будто бы я в ключевой турнирной партии в моннго хотел на прикупе добрать Стаю Алого Просветления, а вместо этого в лапу пришли костяшки, из которых и Стон Мученика-то не складывается…

В итоге у меня была подруга (невероятно жаркая, хоть и странная), полные карманы денег (без преувеличений), отсутствие (почти) долгов, и… новый, байши, виток совершенно неуместной кутерьмы…

Мы двинулись за казоку-йодда — я чуть впереди, стараясь не выпускать Ч'айю из-за спины, время от времени невольно протягивая назад руку, чтобы касаться балахона девушки и физически ощущать её присутствие.

Вопреки ожиданиям, лифт доставил не на подвальные парковки, а на первый этаж. Однако здесь Шникки повёл не к главному входу, а боковыми коридорами, к дублирующему

подъезду в обход чингайны Сапфир, терпеливо пропуская встречных чу-ха в полутёмных нишах холла.

13-я улица рокотала в предвкушении штормбольных матчей, далеко не всем участникам которых было суждено встретить новый рассвет — этот гул было слышно ещё с моего этажа комплеблока. А уж когда одноглазый йодда открыл двери и суетливо поманил за собой, гвалт, писк и визжание утренних гуляк вкатились в дверной проём, будто густое облако «карамельного» дыма.

Убедившись, что не стали объектом интереса лишних глаз, мы с Ч'айей последовали за криитом, через мгновение оказавшись на шумной улице.

Как и в предыдущих сезонах «Состязаний единения боли и радости», для колёсных фаэтонов и гендо традиционно отгородили только половину (дальнюю от «Куска угля») проезжей части 13-й, а остальную уже сейчас активно заполоняли бонжурцы-пешеходы.

Шерсть на многих мордах была выкрашена в яркие гербовые цвета любимой команды, поверх повседневной одежды мелькали туники с эмблемами «Рвущих на куски», «Стального шипа» или «Змеиного укуса». Над головами пёстрой толпы покачивались тряпичные транспаранты с призывами удачи для игроков-любимчиков, флаги и крупные надувные фигуры.

Забавно, но за штормболистов болели не только самцы всех возрастов — среди перетекавших по улице виднелось множество хвостатых дам, как совсем юных и празднующих наравне с сильной половиной, так и постарше, запросто вливавшихся в праздник без злоупотреблений. То здесь, то там из их плетёных заспинных корзин выглядывали любопытные детёныши.

К слову, злоупотреблений, конечно же, хватало, и примерно половина болельщиков (несмотря на ранний час) уже была ощутимо пьяна. Кое-где целыми стайками визгливо декламировали стишки-припевки, подбадривающие своих или оскорбляющие конкурентов; кто-то обнимался и плясал; кто-то даже дрался, но без особой злобы, отнюдь не насмерть.

Тетронов в толпе не маячило, но в сердце Бонжура, если откровенно, особой власти у них не набиралось и обычным днём. В отличие, конечно же, от известных зубастых морд.

Словно в подтверждение мыслям о вездесущих «Детях», на осветительных столбах покачивалась пара трупов, подвешенных головами вниз. Мёртвые самцы были тощими, в дурной одёжке, заметно плешивыми. В других обстоятельствах я бы принял их за жалких безнорых наркоманов… если бы не искорёженное устройство для разбрызгивания кислоты на лапе ближайшего.

В дохлых «Шутов» с хохотом и визгом швыряли мусор и камни, а кто-то даже метнул бумажный пакет с жидким дерьмом.

Замедлив шаг, я украдкой покосился на Ч'айю.

И едва удержался от желания обнять девчонку, погладить по коротким волосам и шёпотом пообещать, что бояться совершенно нечего. Потому что она — с распахнутыми глазами, наверняка побледневшая под маской, мелко подрагивающая, — впервые в новой жизни воочию наблюдала *такое* количество чу-ха на расстоянии вытянутой руки.

Впрочем, порыв жалости оказался коротким, как и заминка подруги на крыльце комплеблока, а затем Ч'айя подтвердила, что самообладания ей не занимать. Сфокусировала отвердевший взгляд на моём лице, сдержанно кивнула и поглубже натянула на макушку край балахона.

Снаружи нас, конечно же, дожидались.

Ещё один криит отирался неподалёку от подъезда, второй вынырнул из мельтешения гуляк, едва Шникки вывел нас с тротуара. Подчинённые одноглазого оказались крепкими бойцами, полноценными, без боевых протезов, в неброской повседневной одежде, способной за секунду растворить её обладателя в рое подобных. Куртки топорщились от спрятанного оружия.

Я привычно огляделся, высматривая в толпе пятна чёрно-жёлтых жилетов, но не заметил ни одного. Что, впрочем, вовсе не означало, что поблизости нет «Детей»…

Интересно, что скажет Нискирич, когда ему доложат о моих новых друзьях? Впрочем, сейчас это являлось проблемой Ланса Скичиры далеко не самого первого уровня.

Один из сопровождающих казоку-йодда двигался впереди, беспрестанно озираясь и знаками указывая, где путь чист, а где стоило заложить крюк мимо буйных или норовистых компаний; Шникки вышагивал совсем рядом, на расстоянии хвоста; третий криит замыкал построение, слившись с болельщиками.

Придерживая Ч'айю за плечо, я подался к одноглазому ещё ближе.

— Остальные рядом? — спросил негромко, продолжая высматривать в толпе невидимых охранников. Или ловкого врага, подосланного Песчаным Карпом…

— Ближе, чем думаешь, терюнаши, — губа Шникки презрительно задралась, обнажая огромные резцы; цепкий взгляд на отрывался от живого круговорота вдоль всей 13-й. — Так нужно, если не хотим лишнего внимания, сисадда?

Разумеется, я понимал, но всё равно не удержался, чтобы почесать затылок под капюшоном пальто. Конечно, Хадекин фер

вис Кри упоминал о важном разговоре, который стоило проводить исключительно за толстыми стенами Пузырей — казоку-шин «Диктата Колберга», — но я никак не рассчитывал, что приглашение к разговору состоится так скоро.

— Едем в Пузыри? — спросил я, стараясь не разрывать прикосновения к Ч'айе и молясь, чтобы девчонка с непривычки не начала давить хвосты.

— Не совсем… — Шникки определённо не был настроен на приятельскую болтовню.

Вот тогда-то я и остановился. Легко сжал пальцы на плече девчонки, а та безропотно подчинилась и застыла слева.

Трудно сказать, что именно меня насторожило.

Может быть, тон казоку-йодда, удостоившегося личного приказа Диктатиона. А может, секундная заминка перед его неохотным ответом.

Криит тоже остановился, развернулся. Пятнистая морда скривилась в откровенном недовольстве, живое ухо дважды дёрнулось. Вздохнув, чу-ха сделал напарникам знаки выжидать, и уставился на меня со смесью нетерпения и брезгливости:

— Ну и что на этот раз, бледношкурый?

— Хочу поговорить с Хадекином, — без вызова или давления попросил я. Шникки снова дёрнул ухом и прищурил единственный чёрный глаз. — Догадываюсь, что просьба может нарушить заведённые в вашей казоку протоколы, но скажу честно, пунчи — мне плевать. Вызови своего хетто. Через Когтя или лично. Прямо сейчас. До той минуты я не сдвинусь с места, сисадда?

Самец раздражённо поскрёб подбородок. Придвинулся так, что я ощутил запах из пасти, что-то вроде грибов с водорослями на завтрак.

— Не стоит так себя вести, терюнаши! — прошипел он, не переставая сканировать гудящую вокруг толпу. — Потому что можно ошибочно посчи…

— Я хочу поговорить с Хадекином фер вис Кри! — повторил я, причём теперь с нажимом и достаточно громко, но и эта фраза потонула во всеобъемлющем гаме и визге фанатских дудок. — Тебе ведь знаком этот могучий старик, не так ли?! Или я только что допустил ошибку в произношении имени Господина Киликили?

Его правое веко дёрнулось.

Совсем чуть-чуть, едва заметно, но достаточно, чтобы подтвердить мои самые грустные подозрения. И признать совершённую ошибку, разумеется.

Йодда допущенный просчёт тоже оценил. За долю мгновения

проклял собственную несдержанность, но тут же вернулся к режиму готовности.

Мелькнула шальная мысль без подготовки ударить «низким писком». Грязно, минуя разминку и распевку, лишь бы только ошарашить и выиграть время, как в случае с Сакагой… но пальцы Шникки уже лежали на рукояти башера за поясом.

— Святая корова Когане Но! — Я улыбнулся, медленно кивнул и миролюбиво поднял ладонь (второй рукой приходилось незаметно контролировать дистанцию до Ч'айи). — До чего же прекрасный ответ!

Над северной стороной улицы проносились редкие фаэтоны; музыка, шум, выкрики и визг южной начинали раздражать, а вокруг нас неизбежными спиралями закручивались течения чу-ха.

Будто бы ощущая напряжение, копившееся на нашем со Шникки «островке неподвижности», хвостатые машинально огибали необычную троицу. Запах Ч'айи, почти прижавшейся к моему боку, был неотделим от моего и добротно перебит маслами, так что лишних взглядов на Бесхвостого Джадуга никто не бросал. Может быть в кои-то веки — зря…

Я снова улыбнулся, заглядывая в прищуренный глаз казоку-йодда. Постарался говорить спокойно, но не вкрадчиво, чтобы не перепугать излишне чародейскими интонациями:

— Допустим, я всё понял, пунчи. Отчего бы в таком случае не поделиться, куда мы всё же направляемся?

Шникки мелко подвигал нижней челюстью, словно пережёвывал остатки утренних грибов. В какой-то момент показалось, что вертлявый йодда с имплантом на треть башки вообще не удостоит ответом. Может быть, даже нападёт.

Но тот вдруг покачал головой, ещё раз стрельнул внимательным взглядом по окружавшей нас разномастной стае болельщиков.

— Песчаный Карп хочет тебя видеть, — ответил он коротко и хрипло, будто срыгивал комок шерсти. — Лично. *Очень* хочет, раз активировал таких глубоких агентов, как мы с парнями. Так что, Скичира, повторю в последний раз: сейчас ты пошевелишь жопой и…

— Условия остаются прежними, — я оборвал его с самой лучезарной улыбкой.

Ч'айя за спиной благоразумно молчала, а мне оставалось только гадать, что сейчас творилось в голове у бедной девчонки. Тоже мне, защитник нашёлся… первый выход в свет, и тут же обоих по колено в самый густой жир…

— Я никуда не пойду, Шникки, пока не поговорю с хетто, — добавил я, многозначительно пожав плечами. — Пусть даже

с Шири-Кегаретой, сисадда? Ведь у тебя же приказ доставить меня целым, верно? А если я упрусь, да ещё и посреди сотен этих отзывчивых жителей Бонжура, план может треснуть по швам, я угадал?

Судя по всему, агент Шникки оценил заданные вопросы. И тон, которым они были заданы, и позу наглого терюнаши. Взглядами нашёл в толпе приятелей, по-прежнему державшихся поодаль. Быстро облизнул сухие губы, повёл ухом и левой лапой дёрнул себя за усы.

Наконец процедил, нервно ощупывая рукоять башера под курткой:

— А ты упёртый, сука, да?!

— Испытай, — всё с тем же нейтральным оскалом предложил я.

С нарочитой неторопливостью сунул раскрытую ладонь в карман и пропустил пальцы в отверстия кастета.

А затем началась перестрелка…

Хотя нет.

Это случилось чуть позже.

Пока же Шникки лишь сплюнул в сторону, ловко, длинно и далеко, при этом даже не подвернув морды. Бросил:

— Ладно, *уй с тобой, терюнаши. Только быстро! Я свяжусь по высшему приоритету. При этом гарантии, что там захотят с тобой перепискиваться, не дам…

Глава 4
НАША ДЕВОЧКА ПРОСНУЛАСЬ

Чуть подавшись назад, Шникки неохотно оторвал лапу от оружия за поясом, поднял «болтушку» повыше и зачиркал когтем. Его настоящий глаз уставился на устройство, но второй — в этом я был готов поклясться, — смотрел поверх запястья точно на меня.

Я благодушно кивнул. Одновременно просчитал дистанцию до двух псевдокриитов на флангах и определил, в которого стрелять первым.

Впрочем, поболтать с Карпом я был тоже не прочь, а потому в ближайшие пару минут поганец Шникки мог не беспокоиться о перспективах замены выбитых зубов или повреждённого имплантата.

Ч'айя ещё плотнее прижалась к спине и боку; спросила едва слышно и почти не разжимая губ:

— Что происходит?

— Небольшая заминка… — так же бесшумно ответил я, ни на миг не отворачиваясь от казоку-йодда. — Я разберусь, не паникуй.

— И не собиралась, — удивилась она без капли бравады, и я почему-то сразу поверил. — Кто такой Шири-Кегарета, на которого работают эти замечательные обманщики?

Честно и точно сформулировать удалось только после короткого замешательства:

— Старый недовраг. Когда буду говорить, постарайся не лезть в камеру гаппи, это важно…

Шникки вскинул на меня правый глаз и недовольно встопорщил усы; дёрнул мордой — мол, подцепляйся, сволочь упёртая. Я поднял «болтушку», на которую тут же ссыпался переадресованный вызов, а Ч'айя послушно сместилась в сторону.

Сложно сказать, чего я ждал в эту минуту. Едва ли застать Господина Киликили в фазе его стержневого присутствия, как это состояние называл фер вис Кри. Полагал, что раз важные приказы о похищении терюнаши розданы, то дальше можно и уступить кресло братцу, однако же…

Казоку-хетто «Уроборос-гуми» вышел на связь со «спящим», повис над моим запястьем крохотным свето-струнным бюстом.

— Вот значит как, Князь? — я недобро покривился, стараясь не вертеть гаппи. — Ну что? Куо-куо.

— Куо-куо, Ланс, я тебя слышу, — знакомое (к сожалению)

изображение Песчаного Карпа приветливо улыбнулось. Как уже много лет улыбалось подчинённым, деловым партнёрам, должникам, тетронам, смирпам и до последнего вздоха преданным Когтям. — Ты не голоден?

— Выходит, своя змеюка у тебя имеется и среди крысюков Хадекина?

— Ох, Ланс-Ланс, ну вот кому нужно это притворное удивление? — Голос в моём заушнике был мягок и приятен. Примерно как железный биток, завёрнутый в шёлковую наволочку… — Но ты должен меня понять, дружище. Наши казоку много столетий сохраняют надёжный паритет. Ни разу не доводили дело до крупной войны со смирпами или меж собой. И вот одним далеко не прекрасным днём Диктатион решает ощутимо поднять ставки и пойти на откровенную грубость. Крутит хвосты моим посланникам. Крадёт верного союзника…

Я брезгливо сморщился:

— Мне казалось, Карп, первым на грубость пошёл ты.

Холёный чу-ха в шикарном, вышитом самыми дорогими из несуществующих нитей халате оскалил впечатляющие зубищи и устало покачал головой:

— Тебе не понять всех тонкостей, Ланс. Но ты-то должен хорошо знать, до чего непросто выпестовать верного, понимающего и умного помощника, фактически настоящего Подмастерья…

Когда смысл фразы дошёл-таки до моего утомлённого сознания, губы непроизвольно растянулись в улыбке.

— Ах, псина псину укусила, вот ты о чём?.. Тогда тебе будет интересно узнать, что Диктатион не бил посуды на крыльце «Уроборос-гуми». Пожалуй, он скрутил пару хвостов *ничейным*«Добродетельным Садовникам», но кто их вообще в Нижнем Городе считает, сисадда? А вот *твоего* ублюдка, Князь, *бнул лично я. Не без удовольствия.

По слепку над проплавленным рукавом пальто прокатилась лёгкая рябь, однако же на виртуальной морде Господина Киликили не дрогнул ни один рисованный мускул.

Я почувствовал прилив очищающе-мстительного огня в груди.

Жри, сука!

Подумал добавить вопрос про охранников-криитов, этим утром наверняка перебитых червяками Князя-Из-Грязи в подвале и на крыше «Куска угля»; едко уточнить, и как же это их безжалостная ликвидация сопоставима с байками о грубости Диктатиона и отсутствием серьёзного конфликта… но решил придержать второе оскорбление про запас.

— Вот, значит, как… — задумчиво протянул слепок Песчаного Карпа. — Впрочем, твоя мотивация мне ясна…

Затем он вдруг стал будто бы серьёзнее. Прищурился и увеличился в размере, как если бы приблизился к камере в попытке заглянуть сквозь объектив.

— Милый Ланс, а ещё свежий аналитический срез твоего поведения и маркеров речи подсказывает, что ты кое-что разузнал о биографии Хадекина фер вис Кри. Я ошибаюсь?

Моя плотоядная улыбка истончилась. В конце концов, что я терял?

— Допустим, нет.

— И насколько много?

— Достаточно, чтобы понять, что родом вы из одного чана с говном.

— О, *прекрасно*… ведь именно это слово ты используешь, когда пытаешься саркастически замаскировать фатальное крушение надежд? — Призрачный чу-ха, повелевающий добротным ломтём Юдайна-Сити, развёл лапами, отчего в слепке блеснул знакомый перстень. — Но молю, открой мне тайну, Лансик, маленький ты шалун: почему же ты не выполнил *мою* просьбу? Или тебя стало так легко увести за хвост?

Вместо того, чтобы основательно разозлиться на подначку, я заставил себя ответить в тоне, схожем с издевательским джинкина-там:

— Данав, маленький ты обманщик, — даже качая головой, я старался удерживать троицу предателей Диктатиона в поле бокового зрения, — к этому меня вынудил один гадкий крысеныш, сисадда? Потому что, знаешь ли, никто не терпит, когда им играют в тёмную.

— Действительно?! — Густая ухоженная бровь Песчаного Карпа эффектно и многозначительно изогнулась. — Но разве с минувшей полуночи крииты занимаются вовсе не этим?

— А если я скажу, что нет?..

Я стиснул зубы. Так, теперь главное — не потерять контроля… Спокойно, Ланс, спокойно. Снова взглянуть на Шникии и его подсосников; убедиться, что Ч’айя по-прежнему рядом и не лезет в кадр; постараться сохранить самообладание. Уточнить с каплей надменности:

— Ты для этого вывел Шникки из тени? Именно об этом хотел поговорить со мной? И непременно лично?

Чу-ха над моей «болтушкой» тоскливо вздохнул.

— Ланс, я тебя слышу… — Казалось, у казоку-хетто вдруг подпортилось настроение. Роскошные усы поникли, и он пригладил их, задумчиво глядя в сторону. — Но и ты, прошу,

меня услышь. Клянусь, парень, твоя жизнь для меня всегда была куда важнее смерти. Пусть не самая счастливая и здоровая, но всё же. И прямым доказательством этому служит моя забота о том, чтобы юный Ланс — и Лансом-то ещё не побывавший, — не издох в пустыне.

— О, ты не дал сдохнуть жалкой лабораторной мышке, — всё-таки закипая, процедил я сквозь фальшивую улыбку, — дал бедняжке время избежать смертельного укола?!

Князь-Из-Грязи медленно перевёл в камеру грустный пронзительный взгляд:

— Ланс… ну кто тебе такое сказал? Ох, до чего же наивная пошла молодёжь… Мышью, милый Ланс, ты был только для моего братца, поверь. Ладно! Всё ещё хочешь знать *настоящую* правду? Хао! Это многоуважаемый тобой Хадекин фер вис Кри зашвырнул тебя в этот жестокий мир. В рамках весьма бездушного протокола, к слову. Многим раньше срока, не считаясь с моей волей и заявленным протестом. А когда Диктатион собрался избавиться от жалкого попользованного человечка без имени, именно я прикрыл его голенькую жопку. Дал тому выжить вопреки аргументам логики и ожиданий. А немногим позже подтолкнул к превращению в знаменитого Ланса фер Скичиру. Сисадда, мой недоверчивый упрямец?

Ответить я не успел — мимо, выдувая одновременно в пару писклявых фанатских дудок, пронёсся полоумный чу-ха в заляпанной элем накидке «Шипов».

Мы со Шникки одновременно вздрогнули и почти потянулись к башерам. Смерили друг друга взглядами, безмолвно призывая оставаться благоразумными, и… вот тогда-то перестрелка и началась.

Впрочем, я зачем-то снова тороплю события.

А в тот напряжённый (лукавить лишнее) момент промелькнувшая было искра угасла без последствий…

Под радостный вой стаи на стенах окрестных комплеблоков развернулись лёгкие парящие экраны для проецирования светострунных трансляций с ближайших игровых площадок — первые игры дня вот-вот должны были начаться.

Напряжение росло, как и заполонившая улицу толпа.

Глядя в чёрный глаз казоку-йодда сквозь слепок его вожака, я тихо отрезал:

— Твой «братец» утверждает иное.

Что ж, я снова спорил с чу-ха С Шерстью Миллиона Запахов… и с растущей тревогой улавливал, как истончается уверенность голоса. Игра, в которой Ланс Скичира представал штормбольным мячом, потрёпанной игрушкой перепасовки двух джинкина-там в

попытках обелить себя и непременно очернить соперника, начинала немало раздражать.

— О, — покивал Данав фер Шири-Кегарета, — мой братец (как ты изволил выразиться) вообще знатный обманщик. Я ведь ещё не успел рассказать, как он подлым обманом выманил у меня нечто *очень* важное? Как подменил базы данных так, что даже мои сторожевые конструкты не заметили утраты ценности? Ох, Ланс, если бы ты только знал… а ведь пропажа способна изломать привычный тебе мир до полной неузнаваемости, да ещё и лишить его будущего… Впрочем, я убеждал тебя в этом буквально вчера. Жаль, что не сумел…

Я невольно нахмурился, пытаясь разобраться в многослойности скрытых смыслов. Которых, нужно заметить, с каждым днём становилось лишь больше.

Байши, мой собеседник совершенно не зря получил сравнение с хищной пустынной тварью — он был таким же склизким, чешуйчатым и зубастым ублюдком. Вот только хвост ему собственный кусать, а не меня…

— Яри-яри… — наигранно охнул я, краем глаза подмечая нервное нетерпение Шникки. — Ты снова завёл песню о перехвате опостылевшего кулона?!

— Нет, — запросто ответил Карп, внезапно удивив. — Не про него. Я говорю про нечто куда более важное. Клянусь всей своей империей, Ланс, ты стучишься не в ту дверь. Прошу, не верь Диктатиону. Мы с тобой на одной стороне, честно. Просто ещё слишком рано… — Он задумчиво отмахнулся жестом живых, на который не имел ни малейшего права. — Ох, мой мальчик, боюсь, пока тебе не понять… В общем, просто прошу — не делай того, о чём станет просить Хадекин Кри.

— Ох, парни-парни, — улыбнулся я в тон джи-там, едва удержавшись, чтобы похлопать в ладоши. — До чего же красиво вы научились *издеть. Годы практики, полагаю?

— Ланс!

Карп не рявкнул, но ощутимо повысил голос, болезненно напомнив о переговорах в «Слюдяном небесном мосте».

— Спрошу для понимания: ты вообще знаешь, кем мнит себя моя вторая половина? Аватаром древнего бога Энки, который собирается сотворить людей, вылепив их из глины мирового океана! Однако же если станешь говорить с ним, уточни, какой именно ценой господин фер вис Кри собрался этого добиться.

Я помолчал.

Пожевал сухую губу и мельком убедился, что Ч'айя по-прежнему не попадает в объектив. Наши безымянные надзиратели всё также настороженно присматривали за затянувшимся

разговором со стороны, не осмеливаясь торопить. А вот Шникки был похож на того, что готов потерять последние капли выдержки.

Безусловно, он слышал дерзкие снисходительные реплики, вылетавшие из пасти треклятого Джадуга; прекрасно понимал, кому они адресованы; и до сих пор не мог взять в толк, почему его жестокосердный казоку-хетто до сих пор не отдал ему тайного приказа мгновенно покарать наглеца…

— Если твой братец считает себя неким Энки, — спросил я чуть тише, но не спуская со Шникки внимательного взгляда, — то кем тогда мнишь себя ты?

Вокруг нас продолжала радоваться и напиваться толпа.

На экранах мельтешило, динамики ревели. Комментаторы сотен мицелиумных каналов наперебой обсуждали начало первых дворовых игр, причём многие из них делали это прямо через уличные системы звукового оповещения, перепрошроченные местными умельцами-глаберами.

Замыкающий построение лжекриит не удержался, уставился на ближайшее свето-струнное полотно и теперь жадно наблюдал, как команды Бонжура делают пробные шаги к победному пьедесталу по окрашенному кровью песку овальных арен.

Возбуждение обитателей 13-й улицы росло.

Росли и градусы потребляемых напитков, громкость музыки и высота визгливых выкриков. Ещё несколько компаний на заплёванном тротуаре у «Куска угля» пустились в пляс. Неподалёку от них завязалась вялая потасовка, в которой болельщики оплошавшей на розыгрыше команды пытались выместить злость.

Вообще-то я считал, что едкий вопрос Данаву фер Ширикегарете останется безответным. Однако тот всё же отреагировал, причём терпеливо и спокойно, будто бы болтая о совершенно обыденном:

— Если рассуждать в упомянутой системе координат, Ланс, то я был бы Абзу. — И сразу пояснил, заметив мою растерянность: — Мировым подземным океаном, сисадда? Очень старым богом, сущностью всех сущностей, мостом в бесконечную пучину Тиамат. Это *мне*, Ланс, суждено сотворить новых богов. *Мне*, а не братцу. Но спешить нельзя. Эмиссары ещё не одобрили мир, в котором ты существуешь, а потому пучины Тиамат могут повторно уничтожить…

— Хватит.

Я сказал это негромко и вовсе без угрозы, но джи-там послушно умолк.

Всё вокруг начало серьёзно бесить неуместностью: нелепое

празднество, напускная радость бонжурцев и полный безумия спортивный транс, в который вгоняли себя любители штормбола. Видит Благодетельная Когане Но, но вопли пьяных крыс вокруг — дурной фон для вдумчивых разговоров о судьбах Тиама…

— Гладко чешешь, Карпик, прямо по шерсти, — пробормотал я, устало качая головой. — Или теперь мне называть тебя Абзу?

— Да хоть бы и безмозглой железякой. — Слепок чу-ха над моим затекающим запястьем прищурился и сложил лапы на расшитой золотом груди. — Ланс, пойми, я на твоей стороне. Это я спас тебя недавней ночью на парковке… но ты и сам это знаешь! Из лучшего ассолтера во всём мире чу-ха не попадёт в корову с расстояния в шаг. Чтобы упали трое, но не ты, мне пришлось лично перехватывать управление системой наведения.

Я поймал себя на том, что снова обкусываю многострадальные губы.

Снова «стержневое присутствие», значит… Выходит, теперь мне доподлинно известно, почему связь допрашивающего меня Молчаливого и Писклявого отключилась перед расстрелом…

— Кстати, зря, — пробормотал я задумчиво, едва не упуская нить переговоров, — хвостатые были дурными, но приказа причинить мне вред точно не получали…

— Ага-а, — саркастически ввинтил Карп, — и поэтому похитили среди ночи и увезли в фургоне без опознавательных знаков…

Мои зубы болезненно стиснулись:

— Расскажи это господину Сакаге, который не так давно тоже допустил аналогичную «ошибку личного характера»! — И тут же притворно спохватился, вновь сотрясаемый злостью: — Ой, нет, ты же не сможешь! Ведь с ним уже не поболтать…

Судя по движению плеч Шири-Кегареты, тот сделал вид, что задумчиво качнулся на пятках. Не знаю, что больше выбешивало меня в тот момент — его скрупулёзное подражание живым или попытка казаться таковым даже в приватном разговоре по гаппи.

— Я тебя понимаю, Ланс, — наконец кивнул несуществующий хетто, — ты напуган. Ты взвинчен. Ты никак не можешь решить, кому верить. Но если прибудешь в «Мост»… если только позволишь рассказать, я честно поведаю, как когда-то обнаружил в пустыне восстановленную единицу. Как позволил кочевникам обнаружить её и не сожрать в первый же день. Как подавал знаки Нискиричу фер Скичире о появлении в гнезде посланца судьбы и приносящего удачу питомца, хлопоча о появлении у тебя полноценной жизни и хоть сколь-нибудь высокого статуса.

Теперь я не перебивал, невольно вспоминая самые яркие

моменты жизни в Юдайна-Сити и за его пределами.

Мог ли Карп вновь обманывать? Безусловно.

Был ли в этом смысл? Пока нащупать его представлялось затруднительным…

— Как оберегал тебя от внимания Смиренных Прислужников, — с мягкой уверенностью продолжал Данав фер Шири-Кегарета, — как филигранной подделкой отчётов и приказов рушил их планы по подготовке твоих похищений, финалом которых в каждом случае должна была стать разборка на органы. А ещё я расскажу, как Хадекин фер вис Кри собирался *обнулить* тебя к исходу третьих суток нового существования…

п.4.; г.4; ч.2

Я нахмурился. Какого беса?! Хадекин отвечал за моё пробуждение, а затем желал смерти?! Нянькой все эти годы и вправду оставался Песчаный Карп, выстилающий сейчас глаже гладкого?

Байши, при любом исходе разговора новых вопросов к Диктатиону было не избежать.

Ч'айя за моим плечом оставалась неподвижной, пытаясь расшифровать суть затянувшейся беседы лишь на основе уловленных реплик. Как и просили, в камеру «болтушки» девочка благоразумно не совалась, но я ощущал исходящее от неё напряжение, причём тоже растущее.

— И вот теперь, Ланс, — с грустным вздохом подытожил Господин Киликили, — после всего сделанного ты меня вдруг предаёшь…

— Чтобы предавать, — моя губа растянулась в жутковатой пародии на ухмылку, — нужно сперва послужить, не так ли?

Шири-Кегарета только кивнул, будто бы даже соглашаясь.

— Останови работу куба, Ланс, — твёрдо попросил он. — Я брошу в парк половину воинства казоку. Ещё раз проведу тебя к устройству без единой царапины, и на этот раз ты остановишь процесс. Убеждён, ты понял, что я не хочу принуждать силой, а потому лишь повторно молю. Поверь, пунчи, ни одно живое существо в этом городе не удостаивалось такой чести в разговоре с казоку-хетто «Уроборос-гуми». Даже смирпы. Никогда. Прими решение, Ланс. И я возвеличу тебя.

Мои брови подскочили вместе с настроением.

Ого, меня ждёт новое пополнение банковского счёта?! А может, личный каменный особняк в Тинкернальте, по соседству с Аширной фер вис Фиитчи и её лживо-кровожадными собратьями-вистар? Ох, до чего же заманчиво… но при этом до чего же утомительно…

— Возвеличишь среди крыс? — Теперь ухмылка вышла настоящей, широкой, счастливой и чуть-чуть безумной. — Или речь о тысячах моих спящих соплеменников?

В следующий миг я осознал, что словесные игры-догонялки в стиле малышовых «Отдай своё ухо» окончены. Разом.

Всё вдруг стало действительно всерьёз, а виртуальная морда Князя-Из-Грязи окаменела. Причём настолько неестественно, что даже вынудила проверить целостность соединения.

Через секунду усы казоку-хетто дёрнулись, и в заушнике прозвучало усталое:

— Вот, значит, как? Сколько ещё бесценных секретов выдала лживая дрянь, именующая себя Кри?

— Немало, — уклонился я, медленно осознавая возможный (да что уж, там? случившийся!) просчёт. — Достаточно.

Мне вдруг открылось невероятно очевидное, до сих пор лежащее на поверхности, но нелепым образом не замеченное в суматохе.

— И вот что я ещё скажу, джинкина-слибу, сто болтов тебе под хвост, если бы он вообще существовал: хватит обвинять Диктатиона в постоянных обманах. На этот раз я тебя подловил, Данав…

Внутри нарастала волна ликования от блестящей контратакующей идеи, способной и вправду изловить виртуального борфа на откровенной лжи. Однако именно она мешала задуматься о последствиях:

— А ну-ка скажи, дружок, и как же это фер вис Кри смог вырвать меня из «Корня», если их координаты в твоём ведении?!

Я ждал, что сейчас джи-там вновь посетует, как много лишнего его близнец успел выболтать неугомонному терюнаши. Однако вместо этого он ответил спокойно, с размеренным терпением, будто неугомонный терюнаши в очередной раз сморозил глупость.

— Конечно же, Кри сделал это по обязательному запросу.

Затворник «Слюдяного небесного моста» оставался неподвижен, словно статичная картинка, лишь едва-едва шевелилась пасть.

— Речь о протоколе, Ланс. Неукоснительном. Параграфы нашего системотворчества без шансов вынуждают меня в обязательном порядке положительно реагировать на такой запрос. Не реже одного раза в восемьдесят семь тысяч часов. Даже если объективные факторы говорят о высокой вероятности провала фазы. А теперь, если ты наконец сможешь отличить свинью от скорпиона, двигай в мою казоку-шин. И пожалуйста, придержи пасть на замке, ты и так знаешь куда больше нужного…

Я встряхнулся всем телом и фыркнул, в который раз порадовавшись, что выпады Господина Киликили не слышны ни Шникки, ни, упаси Когане Но, Ч’айе… Приподнял в объектив «болтушки» правое запястье, украшенное резервным устройством.

— Обойдёмся без приказов и угроз, сисадда? Ты ведь помнишь, что я всё ещё могу прикопать тебя этой безобидной игрушкой?

Джинкина-там притворно вздохнул, хотя его слепок даже не поменял выражения морды.

— Ах, Ланс… Каждый раз, стоит мне впечатлиться остротой

твоего ума, ты снова поражаешь глупостью. Ты снова про «кнопку мертвеца»? Про «стартер последнего вздоха», «посмертный мицелиумный привет»? Разве я не пояснял, что сей отважный шантаж не так уж страшен? Или, быть может, захочешь узнать анализ глобальных и краткосрочных рисков в случае твоего физического устранения?

Разумеется, Ч'айя не могла слышать последнюю фразу казоку-хетто. Но, должно быть, прочла неприятное по напряжению моего плеча, к которому прижималась; легко сжав пальцы в знаке поддержки, другую руку девчонка опустила в холщовую сумку с припасами.

А я сам? Вероятно, именно в этот момент разговора я и принял окончательно решение валить. Причём от всех соблазнов разом…

— Хватит разговоров, Ланс! — с нетерпением повторил Шири-Кегарета, одним взмахом когтистой лапы возвращая себе образ вожака одного из крупнейших кланов гнезда. — Следуй за моими крысюками, спокойно и без глупостей. В соседнем квартале ждёт команда для экстренной эвакуации в Уроборос.

Шникки (он уже чуть было не подпрыгивал от нетерпения в нескольких шагах от нас со спутницей) кивнул, и я догадался, что в имплант чу-ха поступил обновлённый приказ.

Двое сопровождавших по бокам тоже кивнули (болельщик даже оторвался от матча), то ли бригадиру с искусственным глазом, то ли по обычаям клана в пустоту, получив личное распоряжение казоку-хетто.

Боец, ещё несколько часов назад верно служивший «Диктату Колберга», дёрнул губой и поклонился невидимому; с выдохом облегчения подтвердил:

— Хао, господин! Немедленно уводим по намеченному коридору! — Я не без раздражения услышал голос Шникки в собственном заушнике, и с тоской осознал, что Шири-Кегарета намеренно создал многопрофильную беседу. — Клянусь честью и жизнью, господин, с них не упадёт ни единого волоска!

Песчаный Карп издал громкий возглас, заставивший нас обоих вздрогнуть. Возглас протяжный, удивлённый, в очередной раз поразивший меня невероятной точностью имитации:

— С *них*?!

Замерли все: я, снова потянувшийся к кастету в кармане; Шникки, шагнувший к нам с девушкой, будто хотел схватить меня за рукав; сама Ч'айя, тонко уловившая очередную смену настроения.

Точно, замерли все… Да что там? Мне показалось, что даже скачущие вокруг нас по 13-й улице подвыпившие болельщики

пристыли на своих местах, ошалело косясь на странную сценку посреди проезжей части.

— С них… — сипло подтвердил предатель-йодда и растерянно прижал единственное ухо… — С терюнаши и… его самки, мой господин… Или я должен эвакуировать только Скичи?..

Он осёкся, получив новое персональное сообщение от Песчаного Карпа. Поднял лапу, навёл активный гаппи на Ч'айю. И даже если бы я захотел, остановить это лёгкое и быстрое движение не смог бы даже выстрелом из башера.

— Хм… — с интересом протянул Шири-Кегарета в моём заушнике. — А ведь мне знакомы эти глаза, Ланс. Выходит, наша девочка проснулась?

Мне на лицо словно набросили кроваво-красную тряпку. Яркую, едва прозрачную.

— «Наша девочка проснулась», дрянь, но тебя это вообще не касается… — прошипел я.

Веко Шникки снова дёрнулось, и я оценил, что теперь одноухий не просто слушает запанибратский разговор нахала-бледношкурого с вожаком гигантской стаи, но также стал свидетелем прямого оскорбления. А любой йодда готов защищать честь казоку-хетто даже без распоряжения свыше…

— Откуда ты её знаешь?! — прорычал я, окончательно отбросив мысль о кастете, и теперь держа руку поближе к отвороту пальто.

— Откуда он меня знает?! — эхом прошипела Ч'айя из-под маскировочной маски, переводя взгляд со Шникки на меня и обратно.

А затем… что ж, мудрые хвостатые верно приговаривают, что чаще всего в подлунном мире действительно дерьмовый день и оканчивается дерьмово. А мой «день», к слову, начался отнюдь не этим утром…

Одноглазый чу-ха дёрнул башкой в машинальном подобострастном поклоне, и я был готов поставить на кон всё своё пополнившееся (немалое!) состояние, что он выслушал деликатные уточнения к приказу немедленно доставить меня в «Слюдяной мост». Разумеется, касающиеся девчонки…

Ну что ж, а вот дальше без шуток — тут-то перестрелка началась на самом деле.

Шникки оскалился, хищно и даже, как показалось, довольно.

Зигзагом метнулся ко мне, выдёргивая из-за пояса башер, но пока удерживая оружие вдоль бедра. И тут же ошалел от реакции тщедушного бесхвостого: вместо того, чтобы со всех ног рвануть в завихрения фанатов, я шагнул ему навстречу, собрал пальцы

левой руки в клюв-пучок, и с маху ткнул чу-ха в живой глаз.

Тот, скорее всего, противодействия ожидал, но я оказался чуточку быстрее.

Казоку-йодда уклонился достаточно, чтобы мои скрюченные пальцы едва задели скулу и веко, но при этом машинально вскинул лапу с башером и позволил перехватить запястье. Вцепившись в его жилистую плоть, я тут же выломил лапу в сторону и вверх.

Ч'айя вскрикнула. Главный перебежчик из «Диктата» яростно взвизгнул и зашипел. Его подельники возбуждённо подскочили на местах, взъерошенные и оскалившиеся, и одновременно бросились к нам сквозь рой хвостатых сородичей.

Обеими руками впившись в запястье с оружием, я сумел-таки полноценно заломить лапу, благоразумно отводя ствол подальше от себя и Ч'айи… и в этот момент зубастая идиотина рефлекторно потянула спусковую пластину. Впрочем, на это я тоже рассчитывал, не так ли?

Взбесившийся башер щёлкнул несколько раз.

В толпе тут же заверещали.

В пяти шагах от нас к «Куску угля» взрослый нетрезвый самец в яркой накидке «Змеиного укуса» сонно ощупал красное пятно, расползающееся по груди. Ойкнул, выронил вспененную бутылку эля, издал длинный свистящий звук и медленно опустился на колени.

Ещё один самец — совсем подросток, — подскочил на месте, схватился за простреленное бедро, и рванулся прочь, расталкивая окружающих с невиданной для раненного прытью. Поодаль от него на пластобетоне 13-й раскинула лапы убитая в голову самка, упавшая тихо, почти беззвучно.

Через миг потоки болельщиков взорвались в урагане визга. Взвизжали на сотни глоток, причём не победно и пьяно, как считанную минуту назад, а в паническом хоре учуявших опасность.

Многие тут же бросились врассыпную, но многие застыли на местах: кто-то падал на землю, подтягивал хвосты и закрывал голову, кто-то стоял в ступоре, поджав лапы к груди и испуганно оскалив здоровенные зубы. Но ожидаемо нашлись и другие — злые, решительные, готовые к неприятностям в любую секунду своей нелёгкой крысиной жизни. Те, кто даже на праздниках не расстаётся с любимым оружием…

Разглядывать, со всей очевидностью, было некогда, но я мог поклясться, что вокруг нашей со Шникки схватки из-под спортивных накидок вынырнуло не меньше дюжины компактных «домашних» башеров.

Продолжая заламывать лапу одноглазого, я двинул того коленом в живот, причём весьма удачно и болезненно, напрочь сбив предателю дыхание и заставив потерять равновесие.

Он попытался отмахнуться растопыренной левой, оцапарал мне край капюшона и бессильно клацнул зубами. Наконец-то выпустив его кисть и балансируя раскинутыми руками, я со всей дури лягнул противника подошвой в грудь.

Тот взвизгнул и упал на спину. Однако его напарники лжекрииты уже были совсем рядом. С обнажёнными башерами, быстрые, хищные, но определённо сбитые с толку, что же им делать с агрессивным объектом, которого они должны были мирно и в целости доставить в «Небесный мост»…

А что же сам агрессивный объект? Он снова, если будет позволено так сказать, блеснул смекалкой.

— Они хотят нас перебить! — завопил я. Навёл, словно безжалостные целеуказатели, обе разведённые руки на приближающихся казоку-йодда. — Всех перестрелять!

Повторяться не пришлось.

Ближайшего к «Комплеблоку-4/49» конвоира нашпиговали фанга ещё до того, как стихло эхо моего выкрика.

Второй смекнул шустрее. Успел выстрелить в ближайшего вооружённого фаната и даже прицелиться во второго. Но затем отважные жители Бонжура вкололи в его тушку не меньше десятка фанга, и он рухнул на пластобетон, окровавленный, скрюченный, подрагивающий в агонии.

Шникки же оценил случившееся и его перспективы почти мгновенно. Отшвырнул ставшее опасным оружие, рывком перевернулся на пузо и бросился прочь на всех четырёх, стараясь затеряться среди присевших и свернувшихся в комки.

Ему не позволили.

Набросились, схватили за хвост, вытянули на свободный пятак и начали безжалостно избивать.

Я отскочил, вертя головой и выискивая Ч'айю.

Думал, девчонка побежит куда глаза глядят… или беспомощно застынет на месте, примёрзнет, ошарашенная кровью, или… в общем, трудно сказать, чего я в точности ожидал. Но обнаружил кареглазую на прежнем месте — опустившись на левое колено, она внимательно наблюдала за дракой, а в руке её поблёскивал цилиндрик бомбы.

Я рванулся к ней, хотел подхватить и увлечь в редеющую толпу, на ходу восхваляя отважных бонжурцев… но уже через мгновение понял, что гениальный план оказался продуман не до мелочей.

Конечно же, чу-ха охотно перекончали ублюдков, якобы

собиравшихся устроить бойню в праздничных гуляниях. И даже забили (наверняка до смерти) беднягу Шникки. Но кто-то из бдительных горожан вынул ствол позже прочих. Кто-то промазал в агента «Уроборос-гуми», зацепив случайного гуляку на другой стороне улицы. Кто-то просто проезжал мимо на гендо по открытой половине 13-й. Кто-то вообще потерял голову от страха и боевой ярости.

А ещё почти все они были изрядно пьяны…

Снова щёлкнул чей-то башер.

Ещё раз.

И ещё, тут же вливаясь в беспрерывную трескотню ударных механизмов.

В мой рюкзак с завыванием впилось, вторая фанга прошла прямо перед лицом, ещё несколько высекли искры в опасной близости от Ч'айи. Толпа, повинуясь лишь ей ведомым законам, начала изничтожать сама себя, не задумываясь ни о последствиях, ни о логике происходящего.

Вопили раненые, рычали обезумевшие, визжали детёныши и самки, звонко дробилось стекло. Со скрежетом сталкивались и заваливались гендо, перепугавшийся водитель фаэтона ненароком бросил транспорт на северный тротуар и основательно протаранил ларёк с жареными сверчками.

Кто-то накинулся на соседа с выставленными когтями или ножом в лапе, и теперь вспыхнувшие повсюду стычки едва ли напоминали честные потасовки спортивных противников…

Я согнулся в поясе и почти навалился на девушку, прикрывая всем телом. Выхватил «Молот», молясь известным высшим силам, чтобы не пришлось пускать его в ход. А затем Ч'айя вдруг перехватила инициативу. Свободной рукой сдвинула маску, притянула за воротник пальто и прокричала сквозь ор хвостатых:

— Знаешь, куда отступать?!

И демонстративно приподняла светошумовой цилиндр.

— Держись точно передо мной! — выпалил я, и тут же кивнул: — Бросай!

Большим пальцем девчонка выщелкнула чеку до того ладненько, словно всю жизнь только и занималась активацией тактических бомб. По высокой дуге подкинула ту влево и вверх, одновременно отворачиваясь в противоположную сторону и увлекая меня следом.

Пригнувшись, мы одновременно зажмурились и приоткрыли рты, а через секунду над головами беснующейся толпы шарахнуло.

По глазам полыхнуло даже через сомкнутые веки, в уши будто вбили по комку ваты. Ощетинившиеся башерами

болельщики взвыли ещё громче, перестрелка начала переплавляться в панический исход с 13-й улицы. Словно дождавшись сигнала, в паре кварталов от бойни тут же истерично заухали тетронские сирены.

— Вперёд! — прокричал я, не совсем уверенный, что Ч'айя расслышит.

Но ей и не нужно было приказывать. Девушка вернула маску на лицо, привстала с колена, и тут же сгорбилась; дождалась моей левой ладони на своей спине, и мелким шагом засеменила в проулок, куда я её направлял. Ловкая, бесстрастная даже под беспорядочным огнём, она без всякой паники послушно пригибалась каждый раз, когда я чуял угрозу и чуть сжимал пальцы.

Очередная дурная фанга с хлопком прошила подол её балахона. Ещё одна вновь щёлкнула по моему рюкзаку, на этот раз вскользь. А затем мы ввалились в неприметный переулок к востоку от «Куска угля», и вот тут уже бросились бежать со всех ног…

praeteritum

В тот месяц я в основном занимаюсь двумя вещами: весело и зачем-то убиваю себя, а ещё чуть менее весело — но столь же труднообъяснимо, — поддерживаю жизни других.

Если говорить точнее, то регулярно напиваюсь и подаю. Если говорить ещё точнее, изучаю самые сомнительные питейные заведения Бонжура, а ещё при каждом удобном случае делюсь мелочью с встречными попрошайками и дервишами.

Первое опустошает карманы, но ощутимо пополняет запас знаний о районе, который постепенно становится родным. Отныне (уверен, что не без влияния Нискирича) Ланс фер Скичира вхож в «Три пятёрки», «Весёлого толстячка» и даже «Хлум», но посещать последний часто опасно для жизни. Без шуток. При этом из «Годанаваро» меня вежливо выставляют (дважды повторять не приходится), а «Густую пену» я без сожалений покидаю сам — эль не пайма, много не выпьешь…

Второе увлечение опустошает карманы чуть медленнее, но позволяет обзавестись полезными знакомствами. По утрам на улицах меня (пока не очень активно, но всё же) начинают приветствовать гендорикши и тротуарные торговки, а в число прикормленных хвостов попадает Пятка и его шумная стайка малолетних водоносов.

Молва о доброй душе убогого терюнаши ползёт впереди меня, и именно отзывчивые местные советуют поселиться не в «Комплеблоке-17/44», а выбрать более чистый и уютный «Кусок угля». Размышляю, склонный согласиться…

В день, когда я впервые встречаю стариков, целью визита намечен «ЕЩЁ ПО ОДНОЙ?», где, по слухам, даже разрешают приносить с собой мяту. Повертевшись по закоулкам и считав знаки на стенах, не без труда нахожу подвал, возле которого восседает бездомный чу-ха.

Он совсем не молод, полноват, носит очки и почти полысел. А ещё он определённо пьян, и сейчас остекленело таращиться в кирпичную стену напротив. Нащупываю в кармане горсть юнов, вынимаю без счёта и протягиваю.

— Если Чоота Пар решила угостить меня новым глотком через лапы такого странного создания, — говорит тот, подслеповато щурясь на меня поверх очков, — то кто я такой, чтобы брезговать даром богини?

Принюхивается, подставляет пухлую ладонь.

Становится заметно, что под коричневой накидкой старик носит сине-зелёную тунику сааду — служителя одного из

многочисленных храмов Благодетельной Когане Но и её не менее многочисленной свиты.

— Я не бездомный, — важно оповещает он, отвечая не незаданный вопрос. — И вовсе не попрошайка.

— Тогда что ты тут делаешь?

— Дышу. Думаю. Слежу, как на стенах растёт мох. — Сааду оправляет очки, и вдруг поднимается в полный рост, причём легко и быстро (хоть и чуть покачиваясь). Из широкой пасти несёт горечью выпивки. — А ты, значит, и есть тот самый терюнаши, о котором только и говорят на улицах Бонжура?

Я молча пожимаю плечами. С одной стороны, мне приятно внимание чу-ха (когда те не пытаются проверить, какого цвета у мутанта кровь), с другой стороны… хотя нет, мне с любой стороны приятно, что хоть в чьих-то глазах я перестаю быть чудовищем для пугания детишек.

А ещё… С последней встречи с Пятью-Без-Трёх прошло уже достаточно времени, но… Говоря по чести — в моей голове всё ещё звучит его предсмертное напутствие. Потому что я здесь не просто так, и это вовсе не иллюзия зазнавшегося.

— Меня зовут Пикири, — вдруг представляется старик, ссыпает деньги в карман накидки, складывает ладони и касается лба, — сааду Пикири из храма «Благочинного Выжидательного Созерцания», и Чоота Пар определённо не просто так переплела наши судьбы.

— Ланс, — я киваю. Мне всё ещё не очень просто запомнить весь пантеон Благодетельной. — Ланс Скичира. Фер Скичира…

— Это мне известно, Ланс Скичира-фер-Скичира, — Пикири улыбается и отряхивает подол накидки. — Сдаётся мне, ты пришёл к порогу «Ещё по одной?» не для того, чтобы подкинуть пару юнов местным пьянчужкам?

— Вовсе нет. Прости, но ты был уж слишком похож на…

— Тогда ещё по одной? — перебивает он.

Машет лапой, маня на подвальную лестницу. Иду, ведь я здесь именно для этого.

В заведении оказывается вполне уютно, разве что невероятно тесно, душно и очень темно. На меня косятся, шипят под носы, чертят на щёках охранные знаки, но старик Пикири этого будто не замечает. Лавируя между низкими столиками, он тащит меня в дальний угол, где мы обнаруживаем ещё одного выпивоху.

Подмастерье Пастухов Ганкона оказывается полной противоположностью приятеля — худой, высокий, остромордый и почти полностью седой, он отрастил до смешного длинную чёлку, постоянно лезущую в глаза, один из которых подёрнут нездоровой плёнкой.

В отличие от служителя Когане Но, храмовник Двоепервой Стаи носит тяжёлые традиционные одежды ярко-красного цвета, словно застёгнутый под горло символ неизбежной смерти, словно чуть приталенное напоминание о необходимости покаяния.

На его левой лапе не хватает двух пальцев, и первое, что Ганкона говорит, когда мы приближаемся:

— Хочешь знать, где я их потерял?

И не успеваю ответить, поясняет:

*— В краткий миг недостойных сомнений я отправился в пустыню. Три дня и три ночи безустанно молился Стае и просил наставить её скромного служителя на путь. К исходу третьей ночи из кустов выбрался детёныш щебёнчатого сома. Он лёг на прохладный камень рядом со мной, и даже позволил погладить. А когда глупый Ганкона уверовал в знамение, *бучий зверёныш оттяпал пальцы и удрал. И с тех пор я лучше других знаю, что если случается чудо, ты обязательно заплатишь за него частью себя. А теперь садись и выпей с нами, терюнаши.*

Я сажусь.

Я выпиваю.

*Представляюсь сам (как выясняется, зря, ведь всезнающая улица нашептала моё имя и Подмастерью Стаи), узна **ю** чуть больше о Ганконе. О том, что старики дружат с юности, несмотря на разногласия в верованиях, несколько раз даже доводившие до драки. Что этим утром Ганконе предложили перевод в храм на границе Холмов Инкамо, но он вежливо отказался, и теперь взвешивает правильность решения.*

Через несколько лет тот всё-таки согласится (оставшись верен традиции и раз в неделю седлая «сквозняк» через весь Юдайна-Сити, чтобы хлопнуть с нами бутылку-другую), но сейчас размышляет над сделанным выбором. Пикири поддерживает пунчи, утверждая, что неверных решений в нашей жизни не бывает. Я слушаю.

Становится неожиданно уютно. Спокойно, как в собственной комнате Нароста.

Чем дольше мы дегустируем, тем более знакомыми кажутся старики. Будто мы уже не первый год общаемся втроём, причём охотно и искренне.

Они непрерывно скалятся, беззлобно ругаются на гнездовые власти, жизнь и дураков, сыплют бесконечными мудростями и шутейками, цитируют собственные писания, ни минуты не проводят без взаимных подначек и понимающе кивают в ответ на пьяненькое признание о возможном душевном родстве.

На столе появляется новая бутылка.

Обществом терюнаши чу-ха в красном и сине-зелёном ничуть

не брезгуют. Даже не помышляют выпытать, откуда я такой взялся и как вообще живу со столь уродливой внешностью. Про «Детей заполночи» тоже не интересуются, равно как и не навязывают собственных (предельно противоположных) верований.

Я угощаю новых знакомцев сносной похлёбкой.

Под горячую закуску меня знакомят с глотком очень крепкого, холодного настолько, что сводит зубы.

Делюсь соображениями об удивительном сочетании паймы и мяты, открытом совсем недавно. В ответ парочка морщится. Чуть позже учит пить в три прихлёба, залихватски держа пиалу кончиками пальцев и хитро заворачивая над губой, но не теряя ни капли.

— А знаете, я вот уже который месяц хочу сходить в храм! — говорю я после третьей такой.

В кабаке уже вовсе не так темно, как казалось поначалу. Окружающие перестали коситься на диковинного посетителя, а жареные свиные уши приятно хрустят на зубах и отлично подходят к тёплой пайме.

— Есть, скажем так, ряд вопросов… на которые сам я отвечу едва ли…

— Храм там, где Подмастерья или Пастухи, — важно изрекает Ганкона, будто приглашая выговориться.

— Не слушай дурня, Ланс, — осекает его Пикири, и оправляет очки. — Настоящий храм там, где твоё сердце.

— Пфф, наивные глупости… — Фыркает Подмастерье Стаи и кончиком веера смахивает неуёмную чёлку. — Валяй, терюнаши, выкладывай, что тебя гложет. Уж вдвоём-то с этим толстым дурнем мы точно тебе поможем!

Я вздыхаю, набираюсь смелости. Впрочем, мне кажется, что парочка не обидится на любой, даже самый нескромный вопрос. Спрашиваю, покачивая сверкающим в пиале глотком:

— А почему у вас всё за деньги? Ну, то есть, я хочу сказать, что вижу красивые храмы, да. Вижу, как последователи Стаи жертвуют вам немалые, огромные деньги. Причём от таких уважаемых во всём гнезде господ, как Данав фер Шири-Кегарета, до тех, кто и семью-то прокормить может с трудом…

Говорить становится всё легче, этому способствуют атмосфера и выпитое. Ганкона наблюдает, сдвинув брови, но слушает внимательно и не перебивая.

— Нет-нет, пойми, я понимаю, как важна вера! Но ведь у вас вообще всё за деньги, от простого молебна до обряда расчёсывания усов новорождённым!

Пикири взрывается хохотом, искренним и визгливым,

приковывая к нашему столу недовольные взгляды посетителей «ЕПО?». Смеётся он заливисто, заразительно, сняв очки и тыльной стороной пухлой ладони протирая слезящиеся глаза.

Подмастерье пережидает вспышку неуместного веселья с видом крылатого пустынного падальщика, явно недовольного тем, что жертва ещё жива.

— Хватит веселиться, дурень, — бурчит он, прихлёбывая из своей пиалы и бросая в узкую пасть пару жареных ушей. Затем переводит помутневший взгляд на меня, и важно поясняет: — Всё так устроено, Ланс, потому что так завещала Двоепервая Стая.

Я понимающе киваю, хотя пониманием тут и не пахнет. Старательно давлю улыбку, которой меня заразил сааду. Ганкона вздыхает.

— Пойми, Ланс, — говорит он, небрежно осеняя себя особым знаком, — когда чу-ха платят за наши труды, когда они покупают травяные угли или приносят детёныша для присоединения к Двоепервой, всё это угодно Стае. Когда чу-ха получает что-то бесплатно, в душе он убеждён, что побаловался и получил пустышку. Когда покупает, то оценивает всю важность процесса. Фиксирует в сознании факт: теперь обо мне точно позаботятся, я за это заплатил. И Стая платит им в ответ. Защитой. Толкованием трудностей на жизненном пути. Обещанием вечной жизни после погребального костра.

Звучит разумно.

Или нет?

Мне сложно сосредоточиться, а Пикири вворачивает, негромко и со смешком в голосе:

— Пусть будет славен тот паромщик, что берёт плату за провоз не деяниями чу-ха и смирением их, но весомой монетой…

Ганкона шипит на друга, беззлобно, но пронзительно и громко. Я вздрагиваю, предполагая стычку, но мне ещё предстоит привыкнуть к подобному стилю общения седошкурых служителей культов. Спрашиваю, даже не успев осознать колкость очередного вопроса:

— Видимо, это тоже Стае угодно, чтобы ваши Пастухи жили в шикарных домах Пиркивелля?

— Не мне быть судьёй хозяевам моим, Ланс, — отмахивается Ганкона, на этот раз даже устало. — Хромая корова может затесаться в любое стадо… Но когда наступает час помочь слабым, укрыть от непогоды и накормить — наши двери всегда открыты, а в котелке варится лапша для голодных.

— Двери «Созерцания», кстати, тоже всегда открыты, — хмыкает Пикири, пережёвывая хрустящее свиное ухо и глядя в потолок. — Только платить за это мы не принуждаем…

Ганкона снова фыркает, причём так возмущённо, что проливает пайму на алый рукав. Мне кажется, сейчас он точно накинется на сааду, но и здесь я ошибаюсь — худощавый Подмастерье только пожирает того гневным взглядом и стискивает зубы.

— Пусть простит Двоепервая Стая неразумность и слепоту твою, бредущий в полумраке, — наконец говорит он, и брезгливо стряхивает с одежды пахучие капли.

— Пусть будет благосклонна к тебе Благодетельная, — в тон другу отвечает Пикири, и вдруг украдкой подмигивает мне, — и разглядит в деяниях искреннюю заботу о ближнем.

— Но ведь законы Стаи жестоки, — с жаром вворачиваю я, всё ещё опасаясь настоящей ссоры. Мутно осозна ***ю****, что и сам иду по самой границе дозволенного, но всё же уточняю: — Я толком не успел почитать Параграфы Свитка… но, уважаемый Подмастерье, почему там так много жестокости? Умерщвление родичей, захотевших отвернуться от Стаи? Изничтожение целых племён, не поверивших в её невидимую силу? Пытки, убийства и даже принесение в жертву собственных детей*?!

Ганкона снова поворачивается ко мне, на этот раз всем жилистым телом, и глаза чу-ха (даже затянутый) сверкают вовсе не пьяным блеском.

— А почему ты готов со дня на день надеть чёрно-жёлтый жилет, терюнаши Ланс? — вдруг спрашивает он. — Почему готов кровью подтвердить главенство законов казоку над городскими и нести ответственность собственной жизнью за их нарушение? Не потому ли, что Тиамом правят духовная сплочённость и сила?

Я затыкаюсь. Вспоминаю, как дышать, и вдруг понимаю, что невольно оскорбил Подмастерье… но тот вдруг расплывается в широченной (насколько это возможно на его узкой морде) улыбке, и треплет меня по предплечью.

— Не цепеней, Ланс, — усмехается он, и Пикири снова заходится в приступе визгливого смеха. — Таков замысел Стаи, но я не хотел тебя пугать. Пойми, Двоепервая никогда не допустит испытаний, которых бы не смог вынести верующий в неё. А Параграфы Свитка писались очень давно, и не всё в них стоит полагать непреложными историческими фактами. Тем не менее они содержат немало ценного и мудрого, удерживающего этот мир от окончательного падения в бездну…

Он вдруг косится на сааду, на меня, снова на Пикири, и медленно разливает по пиалам.

— А знаешь, терюнаши? — предлагает Ганкона, наблюдая за льющейся паймой так, будто совершает таинство. — Приходи в мой храм. Познай Стаю, хоть на мгновение впусти её в своё сердце

и стань частью воинства, и я буду на этом пути твоим верным Подмастерьем, сисадда? Свиток Двоепервой несчётное количество раз становился опорой тем, кто запутался или ищет настоящие ответы…

Пикири с энтузиазмом кивает, и на секунду мне кажется, что он всерьёз одобряет данный совет.

— Точно, Ланс, точно, обязательно сходи в обиталище Стаи, — подтверждает он. И вдруг добавляет, уже тише и лукаво поглядывая на Подмастерье. — А когда кончатся деньги, я пришлю тебе адрес храма «Благочинного Выжидательного Созерцания» и расскажу о кизо-даридрата.

И смеётся, икая и расплёскивая.

Ганкона скалит огромные резцы, и вот теперь-то яростной драки непременно не избежать… Но уже через секунду стайщик выпивает одним глотком, тут же машет в воздухе беспалой лапой, подзывает служанку и заказывает за наш стол ещё одну бутылку.

В тот вечер — первый из многих, — мы сидим в «Ещё по одной?» до самого рассвета. И если в уходящую ночь осознание всесилия Двоепервой Стаи так и не снисходит на глупого терюнаши, то на двух интереснейших приятелей в его жизни становится больше.

Глава 5
Я ВСЕ УЛАЖУ

За спинами ещё вопили и стреляли, хотя уже меньше и реже.

Вообще, чу-ха — народ отходчивый, хоть и вспыльчивый. А уж когда заполонившая 13-ю улицу стая разберётся, что вообще стряслось, ход дальнейших событий можно предугадать в мелочах.

Раненые, безусловно, расползутся зализывать раны. У кого в карманах найдётся немного рупий — отправятся к врачевателям многочисленных подпольных клиник Бонжура; остальные обойдутся самолечением. Трупы болельщиков и случайных жертв сложат в рядок на тротуаре перед «Куском угля» для опознания, оплакивания и поиска ближайших родственников.

Тональность повсеместной районной пьянки временно сменится на траурную, с жаркими пожеланиями благополучных перерождений и путешествий в Мир По Ту Сторону.

Более чем вероятно, что уже через четверть часа кто-то найдёт и притащит сааду. Или Подмастерьев. А может, и тех, и других, чтобы храмовники за скромную плату провели соответствующие ритуалы прощания (этим займутся первые) и прощения за прижизненное нарушение Параграфов Свитка (это уже в ведении стайщиков).

Виновной в бойне, конечно же, будет признана троица известных нам с Ч'айей казоку-йодда. Под одёжками которых (какая ирония!) обнаружатся идентификационные жетоны «Диктата Колберга».

Их трупы, естественно, на фонарных столбах вздёргивать не станут. Со всеми возможными и допустимыми почестями упакуют в герметичные мешки, чтобы как можно быстрее передать кураторам района — то есть «Детям заполночи». Возможно, из толпы даже выделят пару-тройку добровольцев, которые должны будут объяснить Когтям Нискирича фер Скичиры, как именно всё случилось, и что мирные чу-ха вовсе не виноваты в начавшейся заварухе.

Наверное, прилетят ещё тетроны. Не уличные оперативники в броне, а уважаемые дознаватели из Управления, добротно разжиревшие со взяток. С «полосатыми рубашками» пообщаются, вежливо, но крайне неохотно, да подбросят им несколько крупиц информации (которая ещё сильнее запутает законников).

Затем тетроны рангом пониже запротоколируют происшествие, юркие торговцы и просто сердобольные

болельщики поднесут им в честь погибших традиционные пиалы с горячительным, а затем расследователи уберутся восвояси.

Буквально через час, когда тела уже исчезнут от подъездов «Комплеблока-4/49», память пострелянных станут почитать столь же громко, как радовались голам любимых штормбольных команд на «Единении боли и радости».

Совсем недавно с азартом дырявившие друг друга хвостатые станут брататься над лужами запёкшейся крови. Многие пожелают породниться.

В то же время перед «Куском угля» нарисуются многочисленные шаманы, гадатели и избавители. Первые за несколько рупий станут предлагать гарантированный сглаз на головы родни йодда, завязавших жуткую перестрелку. Вторые за несколько рупий будут готовы рассказать о возможных последствиях и перспективах повторения трагедии. Третьи за несколько рупий станут снимать родовые проклятья с тех, кто пострадал или едва не пострадал в схватке. Из карманов в карманы потекут деньги, а в глотки — эль, кислое вино и дешёвая пайма.

Ещё через час о перестрелке полностью забудут, всецело отдавшись празднику забитых мячей и сокрушённых челюстей…

Но всё это случится лишь к обеду. Пока же над 13-й улицей ещё свистели редеющие фанга, водители фаэтонов спешно сворачивали на соседние улицы, гендоисты юркими насекомыми расползались по переулкам или с места крутились на встречку.

А мы с Ч’айей активно шевелили лапами, сливаясь с толпой удирающих.

Я направил подругу влево и протолкнул в щель между металлическим баком и стеной; через пару десятков метров заставил вскарабкаться по ржавой пожарной лестнице и перепрыгнуть на металлический мосток.

По нему добравшись до глухой стены соседнего жилого комплекса, мы спустились в очередной проулок. Там, через знакомую мне щель в заборе, проскользнули во внутренний двор «Комплеблока-4/48». Уже чуть спокойнее, в числе едва ли не единичных беглецов пересекли открытую игровую площадку под недоумевающими взглядами гуляющих с детёнышами мамаш.

Дыхание восстанавливалось, в висках почти не колотило, а сердце не пыталось нахально выскочить в горло. На углу комплеблока я помог девушке забраться на рядок узких жестяных гаражей, где хранились гендо местных обитателей. Оттуда, гремя прогибающимися крышами, мы перебрались на широкий каменный забор.

С него путь вёл на укромные задворки рыбной фермы, где я

почти не бывал даже в разведывательных рейдах, уж слишком грязной считалась подворотня, даже по меркам опустившихся чу-ха. Наверное, именно поэтому — первым спрыгнув с забора и уже протянув руку Ч'айе, — я и не ждал, что краем глаза замечу силуэт, махавший лапами в паре шагов правее.

Запоздало выругался сквозь зубы, столь же запоздало выдернул «Молот»…

Грязный, будто бы засаленный тёмно-серый чу-ха на продавленном раскладном кресле задрал на лоб полупрозрачные иллюзиумные очки, устаревшие и исцарапанные. Подслеповато прищурился в ствол башера. Хмыкнул.

Жирный, вонючий, полуодетый неопрятно и в откровенно несвежее, он заседал в убогом закутке из фанерных стенок, который, готов спорить, сам же и сколотил подальше от посторонних глаз.

— Эуо-о! Да это же, никак, тот самый терюнаши… — Толстяк покрутил носом, снова хмыкнул и лениво почесал слипшиеся от эля усы. — Много слыхал о тебе, уродец, да всё никак поглазеть не удавалось…

Отшельник носил только левую сенсорную перчатку, а перед его очками парил одинокий квиромагнитный шарик. На подлокотниках, замусоренной земле под креслом, на коленях неряхи и почти во всех углах закутка виднелись мятые блокноты, изрисованные весьма необычными картинками.

Я сделал Ч'айе знак выждать. Осмотрелся, без особой охоты спрятал башер в кобуру, и только после этого помог девушке слезть с забора.

Художник снова повёл носом, хмыкнул, но на этот раз комментировать не стал.

— Ты чего это тут засел, пунчи? — мягко поинтересовался я, всё ещё раздосадованный, что не заметил жалкое убежище и его ещё более жалкого обитателя с гаражных крыш.

— Эуо-о, рисую, — протяжно ответил тот. Отложил карандаш, потянулся под кресло и вынул литровую банку дешёвого эля. Пустых и смятых вокруг хватало в избытке. — В норе житья нет. Старуха кусается, дочери кусаются. Эуо, внуки визжат так, что в печёнке колет… Только тут и покойно.

Я хмыкнул ему в тон, краем глаза разглядывая картинки. Отметил, что с фантазией у грязного отшельника точно всё в порядке: образы измождённых чу-ха на нереально длинных лапах, плавящиеся под жарким солнцем жёлтые зубы на мшистых камнях или поросшие клочковатой шерстью серые комплеблоки, в окнах которых виднелись птичьи скелеты — все они определённо впечатляли и вызывали подспудное беспокойство.

— Ты всё это в «мицухе» подсмотрел?

Я прекрасно понимал, что теряю драгоценные минуты. Ощущал взволнованное нетерпение Ч'айи за спиной. Но был обязан убедиться, что невольный свидетель прихлопнет пасть в случае расспросов.

— Акхм?! — художник поперхнулся кислым элем. Уставился на свежий рисунок, будто впервые видел. — Эуо-о, не-е, терюнаши, это всё выдумки… Фантазия, выплеск, ага-ага… — Я заметил, что среди его работ виднелись и вполне сносные, бесконечно далёкие от причуд портреты или приятные городские пейзажи. — «Мицуха» мне для настроения. Прокламаторов слушаю, новости разные… Ужасаюсь действительности, ага-ага, и затем творю. День за днём. День за днём, эуо…

Я поразился внезапной многозадачности старого неряхи, но ничего не сказал. А тот вылил в глотку ещё одну порцию пахучего эля, и мотнул башкой в сторону улиц:

— Показалось, или там снова стреляют?

Мне оставалось молча кивнуть.

— Эуо-о… — Толстяк влажно причмокнул. — Снова. Как обычно. Ужасный, ужасный мир… Гнездо убивает себя, терюнаши. Ворует у себя, рвёт на части, отгрызает хвосты, грабит своих детёнышей, ходит по головам стариков, пьёт свежую кровь, прогнивает заживо… Истинное спасение можно найти только в искусстве, если ты понимаешь…

Я не понимал, но снова кивнул.

— Слушай-ка, пунчи… — начал осторожно и с улыбкой, пытаясь вспомнить, сколько налички найдётся в карманах, — нас тут не было, сисадда?

Неряха хохотнул.

— Тут никого не было! — Он почесал в паху, отчего из-под растянутой штанины не то шорт, не то огромных трусов вывалилось здоровенное волосатое яйцо. —

Эуо-о, терюнаши, не ссы, сюда даже распоследние нарколыги не заглядывают. Иди себе с миром, терюнаши, иди…

— Добра твоему семейству!

Я попятился, осторожно отодвигая Ч'айю подальше.

Полуголый отшельник отставил банку под кресло, набросил очки и отрывисто рассмеялся нам вслед:

— Эуо, да что б они все передохли!

Повернуться спиной к странному рисовальщику я рискнул, только отойдя от фанерного домишки на десяток шагов. Затем, всё ускоряясь, направил девушку налево, в дыру очередного сетчатого забора; после мы свернули в проход между кирпичной стеной рыбной фермы и оградой швейного цеха, где (слава

Когане Но!) наконец-то остались одни.

Ещё минуту, озираясь и прислушиваясь, шли по бесконечному замусоренному коридору.

— Какой интересный… персонаж, — задумчиво пробормотала Ч'айя, облегчённо стягивая увесистую маску на грудь.

— Да уж… — протянул я, и недоверчиво оглянулся, — улица часто преподносит сюрпризы…

Окончательно убедившись, что тайной грязнючей тропой следуем лишь мы двое, позволил себе перевести дух, подтянул к стене пластиковый короб и устало присел. Да уж, попахивало в межзаборье — хоть ртом дыши, но в нашей ситуации не до капризов. К слову, Ч'айя неудобства переносила стойко и даже не морщилась.

— Передохнём… — пояснил я очевидное, в первую очередь — себе: — А ещё самое время собраться с мыслями…

Ч'айя послушно кивнула. А я только сейчас заметил, что выглядела подруга (в отличие от меня) совсем не запыхавшейся. И ни капельки не напуганной. Вынула из сумки бутылку воды, отпила сама, протянула мне.

Отмахнувшись не самым вежливым жестом, я сунулся за флягой, искренне порадовавшись, что успел наполнить ту перед прогулкой с неудачливым предателем Шникки. Предложил девчонке, но та лишь фыркнула.

Приложился к горлышку, пытаясь успокоить летящие хороводом мысли, но тут Ч'айя многозначительно усмехнулась:

— Значит, ты живёшь здесь уже не первый год?

— Семь…

Пайма приятно обожгла губы. Стараясь не перестараться, я закрутил флягу и вернул в карман.

— У тебя вообще случались дни, когда ты не был вынужден удирать от чу-ха, а те не дрались меж собой?

— Смешно… — Я и правда хохотнул, сдавленно и отнюдь не весело. — Но ты привыкнешь.

Кареглазая покосилась сверху вниз, на этот раз с упрёком.

— Сомневаюсь.

— Нет-нет, правда, — я повёл плечом, вдруг ощутив острую необходимость убедить её в своей правоте, — если поймёшь принципы, станет проще!

Откинул голову, опираясь затылком на прохладные кирпичи.

Ч'айя медленно прошлась по межзаборному проулку.

— Говоришь так, словно эти принципы существуют…

Она подобрала обрывок верёвки, брезгливо отряхнула, перепоясала балахон поудобнее и перевесила сумку. Я

наслаждался отдыхом, теплом паймы и зрелищем, не спеша комментировать. Затем произнёс:

— Ты должна знать, что если запереть в комнате двух чу-ха, они обязательно найдут причины поубивать друг друга. Если запереть троих, появится первый раб. Запрёшь пятерых, получишь религию и политическое обустройство… Увы, но причины убивать при этом не исчезнут.

Она подступила, нависла и нахмурилась.

— Допустим, твоя странная притча поможет мне понять образ мысли одного завшивевшего рисовальщика. — Девчонка мотнула головой в сторону шаткого фанерного убежища. — Но как она должна помочь с анализом принципов выживания в этом крысятнике?

Я невольно улыбнулся. Круговерть ночно-утренних событий была настолько нестерпимо-плотной, что в неё просто не хотелось верить. Однако верная пайма прекрасно справлялась с обязанностями.

— Конечно, ты права. Никак… Просто всегда держи эти слова в памяти, и старайся выжить.

К моему удивлению Ч'айя тоже улыбнулась, даже усмехнулась, чуть нервно:

— Да уж, Ланс, такое едва ли помогает с пониманием…

И в межзаборье наступила неловкая тишина. Причём действительно неловкая, когда не знаешь, ни куда руки деть, ни взгляд.

Что я мог предложить своей девчонке этим замечательным утром?

Что мог сделать, чтобы защитить нас обоих от всех угроз Юдайна-Сити, и при этом хоть как-то разгрести информацию, которую на меня методично вываливали джи-там?

Какая часть этой самой информации в итоге окажется правдой, а какая — ложью, которую виртуальные ублюдки поочерёдно использовали, чтобы вдосталь поиграться Лансом фер Скичирой?

Возвращение в нору, даже запасную, сейчас было возможно едва ли.

Когда Диктатион узнает, что в рядах его обожаемой казоку случилось предательство, он пошлёт в «Кусок угля» неприметных чистильщиков. Песчаный Карп (с вероятностью 99 %) уже знает о срыве операции по моей доставке, и тоже, наверняка, принял дополнительные меры по поиску.

Кроме того, перестрелка на 13-й улице обязательно привлечёт внимание «Детей заполночи». Которые, разумеется, тоже бросятся на поиски ценного терюнаши. Да что там?! Не

исключено, что отголоски событий могут докатиться даже до «Голубого Лотоса», имевшего на улицах немало осведомителей…

Я поднял потяжелевшую руку и задрал рукав. Сложно сказать, чем в текущей говённой ситуации может помочь Сапфир, но пусть хотя бы советом, кому же иначе мне тогда вообще плакаться?

По дисплею пробежал сигнал вызова, вернулся автоматическим сообщением — профиль недоступен, гаппи синешкурки вновь в режиме записи с вежливой инструкцией пояснить суть вопроса. Что ж, почти не удивительно. Вероятно, снова навалилось. С учётом её сильнейшей занятости в последние дни, недавняя помощь с Ч'айей — вообще подвиг.

А это значит, придётся разгребать самостоятельно…

На мгновение я допустил в голову пёструю змеюку опасной мысли и всерьёз задумался о Магде. Об истинных возможностях Алой Вистар, о её настоящих мотивах.

Внутри что-то шевельнулось, предательски, с намёком. Я тут же заставил шепоток заткнуться. Хотя бы пока. Кто захочет проверять, как «Лотос» и Смиренные Прислужники отреагируют на новости о существовании некого тайного убежища, в котором ждут своего часа подобные нам с Ч'айей?

Впрочем, сейчас это точно не являлось первоочередным вопросом.

Сейчас первым делом требовалось решить, как не стать разменной монетой в опасных игрищах джи-там, и покинуть любопытные улицы.

Тогда я вспомнил, с чего всё начиналось. Встал, стараясь не морщиться от укола боли в боку, и перевёл основную «болтушку» в режим полного отсутствия. Сказал, постаравшись выглядеть предельно спокойно и уверенно:

— Прокатимся на транзите.

п.4.; г.5; ч.2

Если Ч'айя и не поверила, что я контролирую непростую, пошедшую опасными трещинами ситуацию, то правила игры всё же приняла.

— Веди, — она послушно кивнула, регулируя крепление противопыльного респиратора. — Я буду тиха и неприметна. Да и бомбы кончились…

Девчонка улыбнулась напоследок (в очередной раз растопив моё сердце), а затем натянула маску.

Мы снова зашагали вдоль стены рыбной фермы, через пару минут выбравшись на пустынную улочку — судя по непрерывному ору и визгу, неподалёку находилось одно из районных штормбольных полей, и сейчас на нём как раз кипел очередной матч, притянувшей б **о** льшую часть обитателей окрестных комплеблоков.

Убедившись, что не стали объектами лишнего интереса, мы свернули на юг. В спешке, но без паники миновали ещё пару кварталов, вышли на Виривага-ню и уже по ней добрались до «Чёрного Камня».

Эта станция «сквозняка» не была подземной, как подавляющее большинство прочих, поэтому к ней подвесной монорельс подлетал снизу-вверх из массивной прослойки между Юдайна-Сити и Такакханой. Затем состав притормаживал внутри крытой пассажирской платформы на сваях, после чего всё так же по поверхности утекал в нагромождения зданий на юго-востоке.

Порадовавшись, что не стал подкупать плешивого отшельника, я пошарил по карманам и набрал-таки мелочи на билеты. Ещё раз негромко проговорил Ч'айе последние инструкции, как себя вести. Коротенько помолился Когане Но, после чего мы двинулись по вышарканным ступеням к платформам над улицей.

К счастью, начавшийся чемпионат изрядно прорядил пассажиропоток, избавив сквозной транзит от его обычных толп и бесконечной давки. Встречные чу-ха оглядывались на меня, шумно принюхивались, негромко шипели и пытались рассмотреть спутницу, но никто не приставал, а большинство ограничивалось охранными знаками вслед.

«Детей заполночи» тоже заметно не было. Что ж, ещё один добрый знак, потому что я понятия не имел, что сказать и сделать, если многочисленные патрули казоку-йодда на традиционном «сухом кольце» получили приказы доставить Ланса фер Скичиру в Нарост…

Ладони под перчатками потели беспрерывно, дыхалку сбивало тревогой и волнением. Причём в меньшей степени за себя, и в большей — а как всё происходящее вокруг будет воспринимать девушка?

Впрочем, украдкой понаблюдав за ней в ожидании «сквозняковского» состава, я почти сразу убедился, что опасения напрасны. Ч'айя строго следовала навязанным мной правилам, совсем не высовываясь из-под многослойной накидки; постоянно держалась поближе (иногда даже приятно притираясь), и при этом умудрялась осматриваться с неиссякающим любопытством.

Её, три дня назад заново появившуюся на свет, удивляло и интересовало абсолютно всё — интервалы движения «сквозняка», система магнитного подвеса, обустройство платформ и одежда редких разномастных пассажиров, системы контроля безопасности и пёстрые информационные табло, разобраться в логике которых не смог бы и их создатель…

Я потёр лоб и покосился на Ч'айю, поймав себя на очередной озадаченности.

Интересно, если особые протоколы джинкина-там для одного из них превращали местонахождение так называемого «Корня» в загадку, то где и как Диктатион сумел откопать (причём, возможно, в прямом смысле этого слова) эту обворожительную награду для терюнаши?

Или тот специально провёл запрос, отказать на который Шири-Кегарета права не имел? Неужели рядом со мной сейчас стояла прямая последовательница, очередная лабораторная мышь, расходный материал с неизвестным номером? Байши, наш следующий разговор с Хадекином фер вис Кри (а таковой неизбежен) определённо будет долгим и непростым…

Состав железным змеем вырвался из Нижнего Города, со свистом и грохотом подлетел к платформе, нас окатило упругой воздушной волной. Предусмотрительно сместившись к краю, мы быстро прошлись вдоль трёх хвостовых отсеков и выбрали самый пустынный. Несмотря на отсутствие толп, внутри всё равно жутко благоухало чу-ха и их ужасающими парфюмами.

Транзит плотно запер двери и рывком двинулся вперёд.

Здесь, многим выше магистралей Бонжура, его лавирующий путь проходил прямо среди жилых комплеблоков, над крышами низкорослых построек или даже вровень с верхними этажами, иногда заставляя цепь вагонов с уханьем заныривать в тоннели, «прорубленные» внутри наиболее крупных и массивных зданий.

Ч'айя, забившись в уголок у овального окна (с наверняка приоткрытым под маской ртом), рассматривала открывшийся взглядам Юдайна-Сити. А посмотреть, как я не уставал отмечать,

было на что.

К востоку от ветки транзита в медитативной позе парила над крышами пятидесятиметровая Чоота Пар. Свето-струнный слепок ближайшей сподвижницы Когане Но ритмично покачивал лапой, зазывая на храмовую службу в здании под собой. Но вот сотканная из света статуя скрылась из виду — монорельсовая эстакада пошла вниз, отсечённая стенами высоток.

— Под землю?! — На этот раз в интонациях Ч'айи послышался испуг.

Я покачал головой. Придвинулся, чтобы не повышать голоса, и кратко пояснил про огромные «этажи» гнезда. Словно в подтверждение моих слов, состав окончательно нырнул под настил Глянца, и уже через полминуты остановился на надземной части станции «Маршала Пигица».

Я потянул девчонку за собой, не без грусти рассматривая павильоны выходов, посещённых мной совсем недавно, в дни безмятежного неведенья… Дождавшись, пока прибывшие на нашем транзите чу-ха разбредутся, направился к спуску на Седьмую улицу.

Здесь Ч'айя не удержалась, задрала голову и почти обнажила лицо, и мне пришлось оправить её накидку. Да, пожалуй, в первый раз зрелище серой плиты верхнего уровня вместо бескрайней глубины неба с тушами ветростатов в нём казалось завораживающим и диким…

Мы двинулись вперёд через визуальную чащобу рекламных полотнищ, тумб и растяжек, в этом княжестве вечного полумрака разросшихся, словно плесень на стенах влажного подвала.

Ч'айя подавлено осматривала огромные полые колонны, поддерживающие Глянец над нашими головами; жадно вчитывалась в вывески ночлежек, курительных комнат, салонов гадателей на внутренностях, ломбардов, офисов законотолкователей, кабинетов зубных знахарей и рюмочных.

По сравнению с 13-й улицей поток двухколесников на Седьмой едва ли можно было назвать даже ручейком, но дорогу мы всё равно переходили с опаской. Из подворотни между изогнутой стеной колонны и втиснувшимся по соседству трёхэтажным клубом тайчо за нами лениво наблюдала стая бродячих псов.

По проезжей части пронёсся угонщик гендо из казоку «Бритые хвосты». На одном вор ехал сам, а второй вёл параллельно рядом, хвостом со специальной насадкой придерживая за сидушку и подруливая верхней лапой.

Навстречу вдоль тротуара прокатили двое малолеток на электрических самокатах. Однако в целом пешеходов (о, Когане

Но, пусть удача и дальше следует бок о бок с нами!) почти не встречалось, а попадавшиеся провожали сонными взглядами с редкими проблесками узнавания — как ни крути, в этой части Под-Глянца в своё время я покуролесил немало и примелькаться успел…

В другое время я бы обязательно остановился и попробовал объяснить Ч'айе, за что люблю Юдайна-Сити, пусть даже населённый такими странными созданиями, как чу-ха.

Про его подуровни, опирающиеся на гигантские ноги-колонны, про запылённые переулки и сверкающие неоном проспекты; про поля ветряков, где можно устроить дикие гонки на фаэтах, и бесчисленные развязки, по которым можно весь день плутать на гендо, но так и не найти съезда; про неохватную мощь и гнетущее запустение, словно воплощённый в реальность символ бесконечно-мудрого кизо-даридрата…

Но сейчас было нужно спешить. Одновременно придумывая резервный план, если в следующие пять минут вместо ответа на просьбу я получу молотком в лоб.

К счастью, за прошедшие после визита Сакаги и его чистильщиков дни с трёхэтажным особняком в одной из подпорных колонн ничего не случилось. Более того, после положенных дней скорби по погибшему клиенту заведение снова зажгло вывески, и теперь на тёмном декоративном фасаде поверх изогнутого бока колонны снова светилось «УЮТНЫЙ ДОМ ЧЁРНЫХ ЮБОК. ЛАСКОВО И НЕДОРОГО».

У крыльца с серо-угольными ступенями и перилами я остановился, на всякий случай перекинул рюкзак на спину Ч'айе. Мне очень хотелось верить, что на этот раз обойдётся без драки, но…

Конечно, я бы с б **о** льшим удовольствием вошёл один, но оставлять девчонку на улице могло оказаться большой ошибкой… Поэтому я засветил лицо перед уличной камерой, решительно распахнул чёрные двери и мягко втолкнул подругу в прихожую уютного дома.

В отличие от прошлого раза (как же давно это было!), сейчас за стойкой приёма гостей стояла самочка — молодая, с выбритыми на голове модными полосками, серебряными колечками в губах и ушах.

— О, господин фер Скичира, — она вздрогнула, но тут же дружелюбно оскалилась, — добро пожаловать к Заботливой Лоло и её малышкам!

— Привет, детка! — подмигнул я, стараясь выглядеть непринуждённо. — Мне нужно поболтать с твоей госпожой, сисадда?

Ч’айя покосилась из-под накрученного на шею балахона с таким видом, как если бы хотела спросить *«ты всех называешь детками?»*. Но промолчала. Благоразумно.

Хостес за стойкой повела носом и с интересом прищурилась на мою странную спутницу. Но промолчала. Тактично.

— Я извещу госпожу Лоло, — кивнула самочка, — можете обождать в общем холле.

Мне оставалось лишь обворожительно улыбнуться и осторожно потянуть Ч’айю к раздвижным дверям. Та топала послушно и молча, головы не поднимала. Однако когда вышли в холл уютного дома, девчонка всё же не удержалась, извернувшись и осмотрев трёхэтажный колодец с кольцевыми балконами и изящными спиральными лестницами.

Я, нужно сказать, тоже украдкой огляделся: не появится ли Гвоздодёр, с которым мы расстались отнюдь не в лучших отношениях? Подметил, что красивые бумажные панно заменили на свежие, на этот раз с цветами и геометрическими узорами. Что ж, может, это ещё один добрый знак для парочки отчаявшихся беглецов?

Парящие светильники источали привычный зелёный свет, мягкий и обволакивающий, однако при взгляде на них я почти вздрогнул. Потому что на ум тут же пришли ночной парк, куб дешифратора и яркие лучи, ласкающие проклятый кулон…

Автоматы с закусками и напитками передвинули туда, где в прошлый раз за ширмой работали манджафоко. Кольцевые диваны переставили ближе к входу. И, разумеется, на этот раз они не пустовали.

Нам улыбались сразу четыре кукуга. Две из них изображали благочестивых скромниц, оставшиеся — ненасытных шалуний и выдумщиц. Пятеро живых онсэн тоже приветливо помахали мне с диванов, на которых расположились в вальяжных позах. В отличие от синтетов, они были одеты чуть более вызывающе, а одна и вовсе обнажилась по пояс, спутав платье над хвостом в ритуальный узел покорности.

Из невидимых динамиков лилась музыка. Точнее, то, что чуха считали таковой — мне же лично всегда казалось, что это слепой подвыпивший музыкант без нескольких пальцев наугад дробил по струнам, прищипывая и зажимая в самые неожиданные моменты. Пахло тонизирующими благовониями, на этот раз даже не самыми отвратительными для человеческого нюха.

Меня распирало от желания узнать, что насчёт всего этого думает Ч’айя, но…

Придерживая подругу за плечи, будто поводырь, я подвёл её к ближайшему пустому дивану, мягко усадил и устроился рядом.

Отстукивая по гладкому полу деревянными подошвами специальных туфель, выдающих принадлежность к старинной профессии, к нам направилась одна из кукуга. Я с улыбкой сделал отрицательный жест. Та кивнула, поклонилась и покорно вернулась на прежнее место.

Через пару минут полупрозрачная дверь в правой стене колодца приоткрылась. Из салона для избранных посетителей (того самого, где целую вечность назад «низкий писк» позволил мне узнать о чудовищном проступке Симайны) выскользнула служанка, засеменила к нам, кланяясь на ходу:

— Господин фер Скичира, госпожа готова принять вас!

Я поклонился в ответ, подхватил Ч'айю под локоток, вынуждая встать следом, и бок о бок мы зашагали к салону.

В отличие от холла-колодца, внутри не изменилось вообще ничего: нас встретили всё те же упругие напольные циновки, тёмно-красные диваны и огромные кресла, в которых мог бы развалиться даже самый крупный толстяк. Просторную комнату наполнял мягкий приглушённый свет; на столике у стены по-прежнему шуршала обитателями клетка с парой белых мышей.

В этот момент мне подумалось, что в целом обстановка салона Лоло напоминала гостиную семейства фер вис Фиитчи, разве что казалась менее стильной и более бедной. Мысль скакнула, вызвав непроизвольную усмешку: интересно, насколько случайно столь основательное сходство между местом решения проблем благородных вистар и уютным домом второго порядка?

Служанка не обманула — госпожа Заботливая Лоло действительно была готова нас принять. Восседала в кресле посреди комнаты, по всей видимости только что занюхав щепоть «бодрячка», остервенело тёрла нос, морщилась и мелко чихала.

Я сдержался от вздоха.

Казалось, за прошедшее время и без того не молодая чу-ха сдала ещё сильнее. И никто бы не смог её за это винить… Чудовищный сбой кукуга, заляпанные кровью простыни и стены, суета с охотой на девианта и визит высокопоставленных представителей самой «Уроборос-гуми» не проходят бесследно.

Одета Лоло была в традиционное чёрное платье без рукавов и длинные перчатки без пальцев, но значительно выше локтей. Усталость самки и пятна свежей седины проступали даже сквозь внушительный слой кричащей косметики.

Прикрыв за спиной створку (чуть не врезав по носу прислужнице, изловчившейся было сунуться следом), я старательно вытер ноги о коврик. Поставил, будто статуэтку, Ч'айю в сторонке, постаравшись задвинуть в тень угла, и сделал пару нерешительных шагов к центру салона.

Заботливая прищурилась, вздёрнула усы и повела крупным носом, но распознать чужеродное помешал принятый «бодряк».

— Куо-куо, уважаемая! — Я поднял скрещённые пальцы ко лбу и легко поклонился. — Процветает ли твоё заведение?

Она склонила голову к плечу и внимательно осмотрела. До того внимательно, что стало не по себе. Драть меня под хвост, неужели я снова ошибся, притащившись в эти стены?! Ответила негромко, без эмоций:

— Куо, Ланс. Надеюсь, ты не голодный… — Голос Лоло звучал отстранённо. — Тебя прислал Нискирич с деловым вопросом?

— Нет, Лоло, — мне стоило большого труда не переступить с ноги на ногу, — я снова с личным. Ты позволишь?

Хозяйка уютного дома помолчала. Многозначительно побарабанила чёрными лакированными когтями по подлокотнику кресла.

— В твой прошлый визит, милый… — она снова повела усами и быстро облизала крупные зубы, — не знаю, что на меня нашло… но мне показалось… сопоставляя, знаешь ли, уличные слухи о тебе… Мне показалось, что мы с тобой не просто *поболтали*.

Я буквально почуял волну напряжения, ударившую в спину от притихшей Ч'айи.

— Что скажешь на это, мой мальчик?

— Твоя проницательность соответствует твоим прочим талантам…

Заботливая покривилась, едва ли не отмахнувшись от столь прямолинейной лести. Байши… ладно, придётся решиться. Но иначе она просто выставит нас за порог.

— Призна **ю**, — подтвердил я совсем иным голосом, твёрдо и решительно. — Лоло, послушай, то моё решение… оно было не лучшим. И я не должен был так поступать с тобой. Но да, мне пришлось применить… кое-какие умения… Поверь, клянусь, тебе это никак не навредило!

— О, Ланс, как мило и заботливо с твоей стороны, — она улыбнулась кончиком губы, — уберегать меня от вреда…

А я только сейчас (между прочим, с запозданием, способным стоить жизни) заметил в дальнем углу салона громоздкую фигуру. Всмотрелся в полумрак, филигранно отсечённый светильниками, и брови непроизвольно взметнулись.

Рослый, не ниже меня самого, короткошёрстый и мускулистый, Гвоздодёр стоял почти неподвижно, что для чу-ха являлось сущим подвигом, если только это умение палками не вбивали на службе. Тёмно-карие глаза вышибалы лениво

щурились, пояс оттягивал знакомый молоток на удобной рукоятке с выемками под пальцы…

Несмотря на тональность нашей последней встречи, он казался совершенно неприметным и не источал ни капли враждебности. Приглашённый в салон, чтобы предотвратить возможное повторение «низкого писка», местный мордоворот демонстрировал высоты профессионализма, словно никакой стычки и не случалось.

Что ж, принято, будем играть по навязанным правилам!

— Итак, госпожа Лоло, я всё признал! — Ещё один поклон, не очень глубокий, но уважительный. — Прости, если сможешь. Но всё, что было сделано, ни в коем случае не было нацелено против тебя или этого уютного дома.

Заботливая Лоло задумалась, глядя на соседний диван и пожёвывая морщинистую губу. Спросила, по-прежнему не поднимая взгляда:

— И как много тебе удалось узнать?

— Всё, что было нужно для расследования, — честно ответил я. — Ни словом больше.

— Значит, ты в курсе, верно? — Она вздохнула и оправила перчатку. — О том, что на самом деле случилось той ночью. О гибели Гладкого Мисмис, сисадда?

— В курсе. И знаю виновных.

На этот раз серебристые усы хозяйки уютного дома встопорщились, хоть та и достаточно быстро погасила вспышку любопытства. Гвоздодёр плавно сменил позу, перемялся с лапы на лапу, и снова прислонился к стеновой панели.

Лоло покосилась на меня, спросив, и не удосужившись уточнять очевидное:

— Ты искал *её*?

— Я нашёл *её*, — столь же честно сознался я. — Надеюсь, она всё ещё в безопасности.

На этот раз Заботливая удивилась. Причём неподдельно, на секунду полностью растеряв броню недоверия и сдержанности.

— Выходит…Ты не сдал её ни крысюкам Пыльного, ни тетронам?

Я чуть было не пожал плечами, но удержался и сохранил присущую моменту дипломатичную неподвижность.

— Не было и в мыслях, госпожа. Надеюсь, я даже помог ей.

Гвоздодёр всё же хмыкнул. Зычно и насмешливо, вызывав ожидаемое недовольство Лоло — она едва заметно встряхнула пальцами над плечом, и самец послушно заткнулся.

— Снова пытаешься воспользоваться моей доверчивостью и хорошим отношением к себе, Ланс? — спросила госпожа, теперь

глядя мне в лицо снизу вверх.

— Ничуть.

Она стрельнула глазами на неподвижный силуэт Ч'айи. Снова побарабанила когтями по подлокотнику, поджала губу:

— Ты понимаешь, что оскорбил меня, Ланс фер Скичира?

— И приношу за это самые искренние извинения.

Лоло уставилась мне в глаза, словно пыталась прочитать мысли. В просторной клетке пискнула мышь, следом вторая, и зверьки завозились в игре. Управляющая уютным домом неспешно подтянула перчатки и взяла в пальцы кончик хвоста.

— Твои извинения принимаются, Ланс, — произнесла она важно и негромко. И сразу же повысила голос, хлестнув злобным упрёком: — Но больше никогда… слышишь меня, Ланс? никогда даже не пытайся!..

— Клянусь, Лоло, — я оборвал её тяжёлым выдохом, и не думая лукавить, — не стану!

Она тоже выпустила воздух, будто после тяжёлого труда. Чуть подвернула голову, щёлкнула пальцами:

— Гвоздодёр, милый, ты можешь вернуться к работе.

— Вы уверены, госпожа? — уточнил тот, и если в тоне сквозил намёк, я не разобрал.

— Уверена. Проследи, чтобы нас не беспокоили.

Я подобрался.

Думал, вышибала пройдёт мимо меня, быть может даже попробовав спровоцировать на глупость. Но тот удалился через узкую дверь для прислуги; напоследок внимательно осмотрел закутанную в тряпьё Ч'айю, повёл носом, нахмурился, и уже через миг бесшумно прикрыл за собой створку.

Немного выждав, госпожа Лоло вынула из потайного кармашка плоскую коробочку. Щёлкнула, подцепила когтем и отправила в ноздрю очередную щепотку бодрящего порошка. Вскинула морду к потолку, а затем чихнула, громко и визгливо.

— Зачем ты здесь, милый? — поинтересовалась она куда более знакомым тоном, участливым и покровительственным. — И кого привёл с собой?

У меня отлегло на сердце, а коленные чашечки словно заменили на тряпичные комки. Однако сражение лишь началось, и я заставил себя собраться с силами.

— Вот об этом, госпожа, я и хотел с тобой переговорить. — Я говорил как можно проще, без игры голосом, чтобы чу-ха, упаси Когане Но, не заподозрила в очередной уловке. — Мне нужна помощь. И если ты выставишь нас обратно в Под-Глянец, я правда не знаю, куда пойти.

— И об этой помощи ты собираешься меня просто

попросить? — Хозяйка уютного дома откинулась на спинку, скрестила нижние лапы и взглянула искоса. — Без колдовства?

Мне оставалось лишь вздохнуть и потупить взгляд.

— Да, Лоло, всё верно, продолжай бичевать. Заслужил…

Она обнажила белоснежные резцы в широкой улыбке, определённо довольная колкостью.

— Ладно, несчастный ты наш… — Подкрашенная чёрным бровь вопросительно изогнулась. — Но позволь-ка уточнить, милый, а как же отец и «Дети заполночи»?

— Увы, Лоло, в этом деле я не имею права обращаться к ним за помощью…

— Что ж… ты и вправду стал честнее. Но я хочу услышать остальное. Столь же откровенно, сисадда?

Я стиснул зубы, и в последний момент удержался от взгляда на Ч'айю.

Ситуация назрела непростая, да. Щекотливая, если так можно сказать. Да что там? Однажды я видел, как дешёвая уличная кукуга в подворотне дрючила самца-тетрона здоровенным пластиковым членом, так вот та ситуация была куда менее щекотливой…

Однако ж карты раскрыть придётся. Искренне надеясь, что разумное отношение Ланса фер Скичиры к поехавшей Симайне сослужит новой просьбе терюнаши добрую службу.

Повернувшись к дверям, я поманил Ч'айю поближе. Когда девчонка робко подступила, жестом попросил не пугаться, а затем помог снять маску и размотать с шеи импровизированный капюшон.

У Лоло отвисла челюсть, причём в прямом смысле этого слова. Влажный язык вывалился на бок, глаза распахнулись.

Несколько тягучих секунд она с непередаваемой откровенностью пялилась на мою спутницу, затем часто заморгала, будто бы справляясь с наваждением, и спохватилась — захлопнула пасть, горделиво вскинулась в кресле, чинно оправила перчатки и подобрала с циновки выпавший кончик хвоста.

— Яри-яри, Ланс… — спокойно, но с лёгкой вибрацией тона прокомментировала Заботливая. — Где ты раскопал такого потрясающего синтета?

Ответить, конечно же, я не успел. Это сделала Ч'айя, негромко, но с едва уловимым звоном металла в голосе:

— Вы ошибаетесь, госпожа Лоло. Я вовсе не кукуга. Я такая же, как Ланс.

п.4.; г.5; ч.3

Сказанное чуть не ошарашило хозяйку уютного дома повторно, но на этот раз та сохранила достоинство. Вздохнула, устало покачала головой и снова обмякла на спинке.

— Не знаю, чем обитатели этого дома прогневали судьбу, — пробормотала она, и я разобрал нервный смешок, скорее даже клокотание в горле, — но под его крышей в последнее время творятся невиданные доселе события… — Её цепкий, всё ещё чуть ошалелый взгляд впился в меня: — Я верно понимаю, милый, что теперь в его стенах вы ищете надёжного убежища?

— Воистину завидую остроте твоего ума, Лоло, — я склонил голову и позволил себе аккуратно присесть на подлокотник ближайшего к ней дивана. — Однако не для себя, а лишь для моей… спутницы, сисадда? Временно. И тайно, разумеется. Прошу, назови сумму, и я компенсирую твои тревоги и неудобства любой…

Она вдруг перебила, дёрнув губой в неподдельной обиде:

— Оставь эти оскорбительные речи, Ланс!

— Прости… не хотел быть груб или бестактен. Так ты поможешь спрятать Ч'айю на какое-то время?

Заботливая Лоло перевела взгляд на девушку, будто сопоставляя, что озвученное имя принадлежит именно той. Судя по прищуру немолодой самки, она взвешивала аргументы за и против, невольно вспоминая нашу последнюю с ней встречу. Наконец кивнула, покосившись на меня, но не отворачиваясь от кареглазки:

— Хорошо, Ланс. Пусть остаётся. Сколько потребуется.

И не успел я рассыпаться в благодарностях, как Ч'айя снова подала голос. Спросила открыто, даже излишне нагло, нарушив массу условностей и правил, заведённых у чу-ха во время переговоров:

— Я благодарна вам за решение, госпожа Лоло, но почему вы хотите нам помочь?

Я подумал, что сейчас всё покатится в жопу по привычной мне траектории. Заранее смирился, что сейчас хвостатая повелительница стаи онсэн справедливо возмутиться и вежливо даст понять, что обстоятельства изменились. Однако та удивила.

— Ценю твою прямоту, милая, — сказала Лоло, неожиданно улыбаясь и переводя взгляд на Ч'айю. — Что ж, мне не трудно ответить… Ты должна знать, что Ланс — вот этот самый непутёвый мальчишка, — всегда был мне симпатичен. Сначала — как редкий… экземпляр, к коим относишься и ты сама. Затем, как

чуткий и заботливый господин, изнывающий от душевной и физической скорби, но никогда не вымещавший их на моих девчонках. Ещё позже — как верное «Дитя заполночи», готовое прийти на выручку по первому зову.

Она поменяла позу, не без грациозности и величия, одним видом напоминая, что управление уютным домом досталось далеко не в подарок.

— Я никогда не злоупотребляла такими вещами, милая, но всегда это знала. Однако вся недавняя ситуация заставила по-новому взглянуть… она не в курсе, верно?

Последний вопрос, заданный уже чуть тише и с нотками грусти, был адресован мне. Поджав губу и ощущая недовольный взгляд подруги, я медленно покачал головой.

— Что ж… — как ни в чём не бывало продолжила Заботливая Лоло, выпуская хвост и переплетая пальцы на колене. — Говоря кратко, милая, ты должна знать, что он не выдал властям гнезда дорогую моему сердцу кукуга, сисадда? Та кукуга оступилась, да. Она совершила *страшную* ошибку. И ты можешь счесть меня старомодной. Или дурной, раз дряхлая Лоло приписывает синтетам свойства по-настоящему живых, так же их и воспринимая. Но когда я представляю, что с бедняжкой сделали бы в «Лотосе» после поимки… Когда я также осознаю, что подобная участь год за годом нависала и над пасынком Нискирича фер Скичиры, хвала Когане Но за покровительство над этим бесхвостым шалопаем… Одним словом, я помогла бы ему только за отношение к Симайне…

Я задохнулся, не находя слов.

Наше знакомство с Лоло длилось немало лет. Да, не самое глубокое, не самое откровенное или доверительное, но мне и в голову не приходило, что обожающая чёрные платья чу-ха относится ко мне именно *так*.

А ещё в сердце вдруг уколол жгучий стыд за применённый-таки к ней «низкий писк»; причём уколол, несмотря на извинения, принесённые со всей искренностью.

Обернувшись к Ч'айе, я хотел уточнить, достаточно ли той будет услышанных откровений… но девчонка оказалась действительно неуёмной.

— Нас сегодня уже предавали, госпожа, — вдруг отчеканила она, при этом глядя мне в глаза и играя скулами. — Или, Ланс, я не совсем верно поняла уличный инцидент?

Наблюдая, как на лбу Ч'айи проступает знакомая завитушка, я только кивнул. Байши, в правоте этим словам не отказать. Чего не скажешь об их уместности и лишней прямолинейности…

Лоло приподняла бровь.

— Что ж… — повторила самка, важно кивнув, — и такое я понять могу. А потому (если для тебя, милая, это будет что-то значить) перед взорами почитаемых предков-покровителей клянусь их вечными бессмертными душами, что в уютном доме Чёрных Юбок предательства вы можете не страшиться. Теперь ты спокойна?

Ч'айя с лёгкостью выдержала чуть насмешливый взгляд чу-ха, а я поспешил кивнуть и почтительно сложить ладони перед лицом.

— Теперь же, — усмехнулась Заботливая Лоло, наваливаясь на подлокотник, — если бестактные вопросы исчерпаны, прошу за мной.

Из кресла госпожа поднималась тяжко, но старательно не подавая виду. Дождавшись, когда останусь вне её поля зрения, я выразительно взглянул на подругу, но Ч'айя ответила прохладным взглядом упрямца, всецело уверенного в своей правоте.

Подобрав приставленную к креслу резную трость, Лоло направилась к двери в дальней стене.

— Мне придётся посвятить в обстоятельства вашего пребывания ещё одну-две персоны, — бросила она, почти не оборачиваясь. И тут же добавила, словно услышала протест: — Уверяю, Ланс, это будут исключительно проверенные хвосты.

Направляясь за Лоло, я всё-таки не удержался от комментария:

— Если тайна станет известна, нас ждут крупные неприятности…

— Милый… — Она остановилась, с глухим стуком вонзив трость в циновку. Подёрнула ушами, и с укором взглянула на меня снизу вверх. — Ты держишь Лоло за дуру?

— Прости…

Шурша многослойной юбкой, самка открыла неприметную дверь, и без оглядки покинула салон. Переглянувшись, мы с Ч'айей последовали за ней.

За порогом обнаружился полутёмный технический коридор, по которому Заботливая Лоло свернула направо. Почти сразу тот обогнул металлическую винтовую лестницу, змеясь дальше в подсобные помещения уютного дома.

Пристукивая тростью, чу-ха начала подниматься по ступеням, не очень-то грациозно и легко, словно надломленная продолжительной болезнью. Что тут сказать? Мы виделись чуть больше двух недель назад, но за это время хозяйка увеселительного заведения постарела на все десять лет…

— Больше ничего не рассказывай, милый, — с сиплым

придыханием попросила Заботливая, останавливаясь на каждой пятой ступени. — Чем меньше буду знать, тем лучше…

Логично. Даже мудро, можно сказать.

Красноречивыми жестами я показал девчонке проявить максимальную деликатность и ни в коем случае не наступить госпоже на волочащийся хвост. Ч'айя молча кивнула и послушно зашагала за мной наверх. Глядя под ноги, она сосредоточенно покусывала губу, на лбу всё отчётливее прорез **а** лась морщинка, проступившая при напряжённом разговоре с Лоло.

Подниматься пришлось под самую крышу дома-колонны, причём не на третий этаж, а на четвёртый (низкий и ещё более тесный), со всей очевидностью полностью закрытый от посетителей. Он выглядел пустынным, хоть и изрядно пропах чу-ха, а вид имел далеко не презентабельный — нас встретили вышарканная ковровая дорожка, разномастные светильники под потолком и жутко старые обои с однотонными рисунками.

По обе стороны очередного коридора виднелись узкие комнатные двери без консольных пультов, с механическими замками под старомодные ключи. Вероятнее всего, именно здесь обитали работницы Лоло. Впрочем, с той же лёгкостью можно было предположить, что потайной этаж принадлежал исключительно старшей самке.

В дальнем тупиковом отвороте коридора та остановилась перед потёртой зелёной дверью, опёрлась на трость, свободной лапой нашарила в недрах юбки связку ключей и отперла замок.

— Комната в вашем распоряжении, — сказала она, снимая ключ с брелока и протягивая мне с почтением, будто древнюю реликвию. — Сюда поднимается только моя личная прислуга и только по моему приказу. Когда понадобится еда или питьё, дай знать через гаппи или систему внутренней связи, она тут ещё работает.

Покачивая ключом на ладони, я пытался подобрать слова благодарности, но Лоло опередила. Сказала с напускной важностью, пряча связку и перехватывая трость:

— Мне пора вернуться к делам дома.

— Конечно… — у меня вдруг пересохло в горле. Должно быть, от недостатка паймы? Но я всё равно смог выдавить: — Лоло?

— Да, милый?

— Пусть будут долгими твои годы, а все начинания сопровождает удача и мир!

— Ты милый мальчик, Ланс. — Немолодая чу-ха в чёрном платье ласково улыбнулась, обнажив белоснежные резцы. — Оставайся таким впредь.

— Вы очень добры, — вдруг добавила Ч'айя, и мне показалось, что не без усилия над собой.

Хозяйка уютного дома окинула девушку долгим внимательным взглядом, чуть высокомерным, чуть любопытным.

— Когда ваши злоключения закончатся, — многозначительно произнесла она, поочерёдно щурясь на меня и спутницу, — я бы хотела послушать пару увлекательных историй, сисадда?

— Непременно, — пообещал я, мгновенно вспомнив про предстоящее интервью с Моноспектральной Чапати.

Ойкоо… когда (и если) всё закончится, разговоров будет действительно много. Главное, чтобы к этому времени рассказчик ещё сохранял возможность дышать…

Кивнув, как если бы мы случайно встретились на шумной улице, Лоло аккуратно протиснулась между нами по коридору, особенно постаравшись не задеть Ч'айю. Дождавшись, пока стук трости стихнет на лестнице, мы вошли и осмотрелись.

Вероятно, отведённая беглецам комната изначально была гостевой — в ней обнаружилась полутораспальная кровать, пара тумб, шкаф для одежды, холодильник, старенькая системная консоль и такой же старенький пищевой комбайн с ограниченным набором функций.

В изголовье кровати возвышалась стопка постельного белья, увенчанная парой подушек. На стене слева нашлась задвижная перегородка туалетной отсечки. Окон, как и ожидалось, не было, их заменяла потолочная панель с включённой записью летнего облачного неба. Панель сбоила, мельтешила и заикалась, вынудив сразу отключить.

Ч'айя сбросила сумку у дверей, размотала накидку. Я тоже разделся, запер дверь на защёлку, отрезал консоль от «мицухи» и повесил пальто в шкаф.

Девушка тем временем обошла комнату, деловито заглядывая в ящики и углы. Перебрала бельё и задумчиво оценила свободное пространство возле кровати, словно бы прикидывая, будет ли мне удобно спать на полу.

— Ты ей доверяешь? — неожиданно спросила она, будто продолжая прерванный разговор.

— Думаю, да. — Мне оставалось пожать плечами и осторожно, придерживаясь за бок, опуститься на край кровати. — Нас однозначно сцапают на улицах. В теории, нас может продать и Лоло, но в ситуации с уютным домом появляются хоть какие-то шансы.

Если Ч'айя и согласилась с данной оценкой рисков, то не прокомментировала. Смотрела долго, опасно долго, заставив заподозрить неладное и вспомнить про Куранпу. Затем молча

вытащила из-за шкафа раскладной пластиковый стул, расщёлкнула, бережно расправила на спинке пиджак, уселась напротив меня, и кивнула, как будто дозволяя.

— А теперь, — сказала девушка, и от властного тона у меня аж отвердело в штанах (несвоевременно, призна **ю**, но что поделать?), — ты мне всё расскажешь, Ланс. Без утайки и спешки. Обстоятельно и не прерываясь, даже если сквозь эту панель, — она подняла палец к отключённому полотку, — рухнет ветростат.

Кое-что обмякло. Вздохнув, я прислушался к тишине в коридоре, стянул кобуру и набросил на угловой кроватный столбик. Задумчиво потёр ладони, взвесил факты и обстоятельства. Ч'айя была права — я действительно собирался делиться, не так ли? Ну и чего тянуть?

Она же скинула правую тапку, самым уютным образом пристроила ступню под попкой, опёрлась локтем на подлокотник и выжидающе уставилась на меня. Валяй, Ланс, удивляй даму!

Я снова задумался, о чём могу рассказать, а что лучше придержать. Взглянул в карие глаза. Решил, что будет предельно глупо врать женщине умнее меня. Также решил, что будет легче отобрать добычу у прайда щебёнчатых сомов, чем запудрить голову такой умничке, как моя подруга, и поэтому… выложил ей всю правду. Болезненную, но необходимую.

В общем, как и тем недавним памятным утром, я снова превратился в сказителя, причём многословного и не самого ладного.

Начинать пришлось издалека, с момента невольного знакомства с непутёвым Подверни Штанину. Затем рассказ скакнул на его сыночка-бандита (пусть будет милостива Когане Но к этой заблудшей душе!), раскрыл мой визит в этот самый уютный дом, историю поиска Симайны и витиеватого допроса кукуга.

Продолжился размышлениями о неожиданном интересе к делу Господина Киликили и его верного Когтя, свернул на главу про заказ Перстней и гибель Прогиба-Разрушителя, подытожившись эпическим сказанием про атаку на цитадель Песчаного Карпа и его разоблачением…

На моменте про сущность джинкина-там Ч'айя впервые поменяла позу. Скинула вторую тапку, уселась на скрещённые ноги (стул опасно заскрипел, но выдержал). По глазам девчонки было видно, что она не совсем понимала, о чём зашла речь, но что-то внутри неё явно среагировало на историю об ожившей консоли…

Фрагмент повествования о завершении дела Галло Ш'Икитари я опустил за ненадобностью, как и упоминание в

присутствии матёрого казоку-йодда фазокубитного юнму. Зато (напившись из фильтра в комбайне) чуть больше времени я уделил Алой Суке Магде вис Мишикана и нашим непростым взаимоотношениям. Впрочем, в этом вопросе я тоже остался не до конца откровенен, замолчав часть истории о своём двойном агентстве.

Ну а затем настала очередь упоминания о таинственной капсуле, поздним вечером притащенной в мою нору криитами «Диктата Колберга»…

Какое-то время Ч'айя молчала.

Напилась из бутылки, прихваченной из моей покинутой норы, задумчиво изучила блёклые бумажные обои с простеньким геометрическим узором. Когда я уже почти собрался потревожить неловкую паузу глоточком паймы и почти потянулся к пальто, спросила:

— Кто приходил к тебе тем утром, пока я спала в стенном шкафу?

В другой момент я бы точно возмутился столь презрительным именованием моего личного кабинета. Затем вдруг осознал, что обозначенным утром девчонка-таки просыпалась, но разумно не дала знать клиентке о своём присутствии.

Многозначительно хмыкнув, я вернулся на край кровати, постарался не думать о фляге, и кратко рассказал про визит Чинанды-Кси фер вис Фиитчи.

Внимательно выслушав, Ч'айя снова взглянула мне в глаза:

— По её заказу ты уходил от меня в первый раз?

Байши, до чего же колко прозвучало…

Но я улыбнулся. Покивал. Мысленно восхитился её умением без обрывов держать в голове нить сумасшедших событий последних дней. Задумался, что, быть может, столь дикой и хрупкой эта нить казалась лишь непосредственному участнику чехарды?

Сделав ещё пару глотков воды, я рассказал про свою поездку в «Пламенное колесо» и разговор с Аширной фер вис Фиитчи… после короткого размышления решив не упоминать «низкий писк». Пока, разумеется, только пока. Зачем нагружать усталую девчонку ещё и этим?

Впрочем, о вынужденном крюке через Нарост и поручении Нискирича фер Скичиры я говорить тоже не стал. А вот о кровавом недопонимании на крыше заброшенной парковки поведать всё же пришлось.

С этого момента Ч'айя всё больше хмурилась, уходила в себя и явно что-то взвешивала. Когда история добралась до моего тактического отступления в захваченном у перестрелянных

мордоворотов фургоне, прервала сухим:

— Узнал, кто это был?

— Узнал. Но чуть позже.

И мне пришлось перейти к сказанию про второй побег из норы, на этот раз резервной подвальной.

Не вдаваясь в детали о сути «Добродетельных Садовников», я рассказал, как наша разномастная стая очутилась в Ниточке и нашла странное устройство в одиноком домишке на отшибе старого парка. А затем (вот он, момент истины!) признался в лживой сущности Хадекина фер вис Кри.

И вот ещё… Наверное, это можно было посчитать плохим поступком, но в тот момент я не стал вываливать на Ч'айю знания о новых людях, о наших многочисленных безымянных сородичах, запертых в неких тайных убежищах без адреса. И о своей ключевой роли в их предстоящем спасении — тоже.

Потому что ещё много лет назад, делясь подробностями о воспитании паствы, Подмастерье Ганкона научил своего бледношкурого собутыльника, что правда, какой бы ценной она ни была, должна дозироваться даже для самых умных. Не знаю, насколько объективным являлось то застольное высказывание, но меня оно точно впечатлило…

Впрочем, Ч'айя умела складывать головоломки и с недостающими фрагментами.

— Значит, речь о чём-то важном? — уточнила она, когда я выдохся и, наконец, замолчал. — В чём ты способен помочь или одному, или второму джинкина-там? Причём оба они знают тайну твоего происхождения, а один ещё и моего. Оба играют тобой, пытаясь переманить. Оба, так или иначе, угрожали твоей жизни, брали в плен, собирались пытать или даже пытали. А теперь на кону это «нечто очень важное», в чём ты должен принять непосредственное участие? И что-то подсказывает мне, что это не вся история…

Раздери меня повдоль! Вот что мне оставалось делать?!

Да, тогда я пересыпал Ч'айе и остальное. Уже не оставляя глотка напоследок или монетки в кармане. Более подробно рассказал про своё пробуждение в пустыне, за которым (по одной из версий) стояло существо, известное под именами Песчаный Карп, Господин Киликили, Данав фер Шири-Кегарета или просто Абзу. Впрочем, с такой же лёгкостью это могло быть делом несуществующих лап его альтера — не менее лукавого Диктатиона…

В общем, через пять минут Ч'айя знала про существование других людей, секретные хранилища и важную миссию, которую нужно довести до конца. Взгляд её стал ещё более затуманенным.

Такие не сулят ни доброго, ни радостного.

— Всё ещё помнишь про «Корень»? — осторожно поинтересовался я. — Ты спросила меня о нём *тем* утром…

Девушка нахмурилась, словно я мешал раздумьям.

— Я могла бы соврать, что да… но в этом нет смысла. Это слово… этот термин, если так можно сказать, вообще ничем не отзывается в моей памяти.

Байши… ещё один повод для самобичевания Ланса Скичиры, основательно затупившего на этапе утекания чужой памяти.

— Чего-то не хватает, — Ч'айя покачала головой, вскочила со стула и нервно зашагала от стены к стене. — Итого у нас под носом орудуют два джинкина-там, оба отвечают за пробуждение наших сородичей, но оба ведут странную игру. Нужны новые переменные, пока ничего не понимаю даже я.

Ох, каких же трудов мне стоило сохранить невозмутимость! Что ж… ладно, подруга. Когда Куранпу вернётся в следующий раз, я вымотаю её так, что собью эту спесь с вас обеих, я прямо очень-очень постараюсь!

От воспоминаний об этой стороне личности Ч'айи член снова начал подавать признаки жизни, и я всё же подошёл к шкафу. Вынул из пальто флягу, слегка приложился. Ладно, чуть больше, чем слегка…

— Ты решил, что нам делать дальше? — спросила девушка, продолжая мерить крохотную комнату шагами, и почти не глядя в мою сторону.

Да, от глотка крепкого и такого тона в моих штанах тут же стало ощутимо прохладнее. Однако в груди — куда теплее. Прочь страхи! Со мной моя девочка, и Ланс фер Скичира готов показать мизинец любому сукиному сыну в Юдайна-Сити!

— Не совсем. — Мне удалось умело не встретиться с ней глазами. — Есть хороший вариант. Он немного связан с рисками и… Но не волнуйся, красотка, я всё улажу.

Она остановилась у стены, упёрлась в неё руками, словно на обыске у тетронов, и уставилась в узор на обоях перед лицом.

— Риски могут быть выгоднее бесконечных пряток по уютным домам, — задумчиво, но весьма уверенно сказала Ч'айя, даже не обратив внимания на снисходительность моего обращения. — Факты таковы: мы не сможем прятаться вечно. Особенно от таких… всесильных виртуальных существ. Теперь я почти одобряю твоё недавнее решение нанести господину Ширн-Кегарете личный визит и взглянуть в его глаза поверх прицела. Пожалуй, сама поступила бы почти так же. Однако обстоятельства вновь требуют от нас подобного. Есть мысли?

Я мог бы развести руками. Грустно присвистнуть. Охнуть или

тяжело вздохнуть. Вместо этого — промолчал и вернулся на кровать.

Каким отважным шагом мы могли бы исправить ситуацию? Ославить Песчаного Карпа на весь Юдайна-Сити? Ворваться в Пузыри и угрожать марионетке-Диктатиону башером? Слить всю историю независимым прокламаторам? Или перебить криитов и захватить дешифратор, чтобы диктовать фер вис Кри свою волю? Нет, на этот раз действовать нужно тоньше…

Повторил:

— Я всё улажу. Расслабься.

п.4.; г.5; ч.4

Ч’айя снова зашагала вокруг кровати.

Определённо уже не такая спокойная, как четверть часа назад. На красивой шее билась венка, на лбу в очередной раз проступила глубокая завитушка. Да уж, есть с чего понервничать. Полагаю, что лично меня на её месте такой вал информации просто бы в лепёшку расшиб. Ну, или заставил потянуться к полной бутылке…

— Эй, детка, да не мельтеши, у меня правда есть план.

— Расскажешь? — встрепенулась она, снова проигнорировав тон.

— Пока не ст **о** ит.

Я улыбнулся на пределе обаятельных способностей. Ч’айя же ответила таким взглядом, словно перед ней помахали дохлой мышью.

— Если что-то пойдёт не так, — поспешил добавить я, искренне надеясь, что не совершаю серьёзной ошибки, — ты сразу рванёшь к фер вис Кри. Учитывая, что диктатионовой версии джи-там было изначально известно о твоём существовании, так будет надёжнее.

— Что ты задумал, Ланс Скичира?

— Очередной смелый ход, — уклонился я с честностью, помноженной на лёгкую развязность. — Возможно, он заставит тебя позлиться, но мне снова придётся убежать…

— Ты сейчас серьёзно?!

— Эй, попридержи быков! — Мне хотелось встать и обнять девчонку, но это едва ли было лучшим решением. Оставалось полагаться на умения переговорщика. — Подумай сама, детка. Меня гнездо давно знает. Не испытывает восторгов, но знает. Но появление ещё одного мутанта на улицах привлечёт внимание. К обоим. Явно лишнее. Ты не хуже меня понимаешь, что при совместной вылазке этого не утаить. Рано или поздно тебя вычислят случайные чу-ха, а слухи слишком быстро прогрызают мешок, в котором их пытаются хранить…

На этот раз Ч’айя не ответила. Продолжила нервно ходить по комнатке, от стены к стене, сжимая и разжимая кулачки. Ноздри её раздувались, на щеках появился румянец.

— Я удивлена, что призна **ю** это, но логика всё же есть, — наконец пробурчала она, не оборачиваясь и продолжая изучать обои, будто в незамысловатых узорах был зашифрован мудрый ответ на все наши беды. — Куда уходишь? Надолго?

— Обернусь за час-другой. Кое с кем встречусь. И займу

Господина Киликили решением более насущных задач, чем поиск двух беглых бледношкурых, сисадда?

— Нет, — честно ответила Ч'айя. — Поделись. Обсудим вместе, и тогда, быть может, я смогу меньше…

— Это для твоей же безопасности. Просто доверься мне, хорошо?

Врать не стану, в тот момент я действительно ощущал себя в силах противостоять любым неприятностям. Также не стану врать — подобное чувство было очень приятным. Грязноватым, высокомерным, но приятным…

Девушка остановилась у тумбы, выдвинула пару ящиков, погремела коробочками и вынула гребень для волос — жёсткую щётку с короткой щетиной.

— А ещё ты можешь не вернуться… — задумчиво проговорила она, осматриваясь в бесплодных поисках хотя бы крохотного зеркала.

Про этот странный предрассудок чу-ха я поведать ещё не успел, так что поднялся с кровати и активировал настенную косметическую панель. Демонстративно придвинул стул.

Ч'айя послушно уселась. Системные фильтры ожившего полотна тут же начали наслаивать на ложное отражение девушки многочисленные маски с наиболее подходящими схемами макияжа. Однако уже через пару секунд изображение зарябило — устройство никак не могло сфокусироваться на странной морде клиентки. Постучав по сенсорному клавиатону, я перевёл панель в упрощённый режим (параллельно отрубив выход в Мицелиум).

— Ну, это совсем уж крайний вариант…

Отошёл, облокотился на кроватный столбик. Оставалось поражаться, как легко девчонка выбивала меня из колеи. Но я снова заставил себя примерить шкуру матёрого казоку-йодда.

— Этого не случится. Совершенно точно не случится. Так что не случится. Но если всё-таки случится, пойдёшь к Заботливой Лоло. Попросишь доставить в Пузыри, цитадель «Диктата Колберга» и резиденцию Хадекина фер вис Кри. Но это самый крайний вариант, и тебе не придётся к нему…

— Мы должны отправиться туда прямо сейчас, — негромко срезала Ч'айя, не отрывая взгляда от панели и осторожно примеряя недружелюбный гребень к волосам. — Он и правда знает о моём существовании. Может рассказать, откуда я взялась. И о тебе совершенно точно знает. Если из всех запасных планов ты делаешь ставку именно на этот — он уже сейчас является единственно верным.

Что ж, девчонка слишком мало провела в Юдайна-Сити, чтобы научиться ходить извилистыми тропами… И я надеялся,

что гнездо не переломает её душу и сознание, как сделало с моими.

— В целом — верно, — признал я, осторожно покрутив торсом.

Мне не хотелось, чтобы разминка выглядела, будто перед возможной дракой, а потому упражнения пришлось выполнять в полсилы и с нарочитой ленцой. Добавил:

— Но пока на улицах слишком опасно для двоих. Песчаный Карп совершенно точно перегруппировал своих агентов и наводнил Бонжур новыми соглядатаями. Во-вторых, джинкинатам сосуществуют на принципах расслоения: это может как сослужить дурную службу, так и сыграть на лапу, если мудила заснул. Так что, детка, сначала я испробую свой вариант, а ты пока отсидишься тут.

Рука с гребнем замерла, и показалось — вот теперь-то девушка точно не простит фамильярного обращения. Но Ч'айя повернулась и взглянула так, словно теперь захотела вскочить и обнять сама. Прикусила и без того искусанную губу, нахмурилась, вдруг кивнула:

— Ладно, Ланс. Я тебе доверюсь. Просто будь осторожен и давай знать, как твои дела. Обещаешь?

— Обещаю.

Я улыбнулся, в который раз удержавшись, чтобы подступить к ней сзади, обнять и зарыться лицом в короткие волосы, уже измученные щёткой, пригодной лишь выглаживать жёсткую шерсть хвостатых.

Однако же удержался.

Лучше не испытывать судьбу, не хватало мне ещё одного синяка под глазом…

Сказал мягко, по возможности искренне:

— Рисковать шкурой не стану, клянусь.

Бросил рюкзак на кровать и порылся в содержимом, искренне возрадовавшись, что две шальные фанга уличной бойни не повредили «Сачирато» или боеприпасы, застряв в пищевых брикетах. Вынул из чехла с иллюзиумными очками ещё один перепростроченный гаппи, наследие менее (или же более?) спокойных времён.

— Вот, держи… — Мне всё же пришлось приблизиться к ней со спины, ощутить запах кожи и постараться не покраснеть от прикосновения. — Это на запястье. Заушник прилепи вот сюда, вот так. Нет, не трогай, не отвалится. Условий использования два: не ходить в «мицуху» и не включать камеру «болтушки», сисадда? Вот, смотри, это я отмечаю свой профиль для быстрого соединения.

Она подставила шею послушным наклоном головы, позволила закрепить за правым ухом гибкую прозрачную пластину, не отшатнулась и не отдёрнула руку с гребнем. Мне даже показалось, что девушка чуть подалась назад, а щёки словно порозовели… впрочем, просто показалось.

— Разберусь, не волнуйся.

Ч'айя снова стала собой — собранной, чуть отстранённой, краем глаза наблюдающей за моими сборами в дорогу. Втиснувшись в сбрую, я проверил башер и запасные кассеты. Старательно подобрал содержимое карманов пальто. Задумался о тревожном, и аж похолодел внутри.

— Да, и вот ещё… — Я снова взял её за тонкое запястье. Пощёлкал ногтем по гаппи: — Запомни, это мицелиумное наслоение называется «Своя стая». Без погружения, чтобы не привлекать внимание сама-знаешь-кого. Видишь сигнал? Это я подцепил к нему свой базовый профиль в режиме маячка. Так я в любой момент смогу…

Пасть я успел захлопнуть в самый последний момент, благоразумно не сморозив что-то вроде *«перестать переживать, что тебя похитили шерстяные выродки из „Слюдяного моста“, Штольни или Нароста»*. Прочистил горло и закончил:

— …так мы сможем видеть местоположение друг друга, и мне больше не придётся пугать тебя условным стуком в дверь, сисадда?

Она деловито кивнула. Осторожно вынула запястье из моих пальцев, отложила расчёску на колени и начала листать настройки наслоения с видом знатока. Байши, меня снова укололо завистью — девчонка и правда адаптировалась куда быстрее одного известного манкса…

— Пиши или вызывай по любому поводу, — приказал я, хотя получилось сдавленно, будто жалкая просьба.

— Без проблем, — быстро ответила Ч'айя, не отвлекаясь от настроек. — А ты лучше поменьше волнуйся и сосредоточься на деле, сисадда?

Ну да, что уж тут непонятного… Закидывая рюкзак на плечи, я ощутил тянущую пустоту в груди. Пустота стонала, подвывала и делала всё возможное, чтобы усилить тяжесть момента.

— Отдохни, — бросил я с бравадой, которой не испытывал. — Если захочешь поесть или…

Ч'айя обернулась, и её прямой красноречивый взгляд оборвал меня эффективнее окрика. Лихо подмигнув девчонке (вот же придурок!), я оправил лямки, отпер дверь, и вышел в коридор уютного дома. За спиной щёлкнула задвижка.

На узкой винтовой лестнице мне встретилась служанка,

поднимавшаяся с первого на второй. Вздрогнула, последние пару ступеней преодолев испуганным прыжком — виданное ли дело, чтобы чужак, да ещё такой, да в недопустимых помещениях дома?! Но затем, вероятно, вспомнила приказ госпожи.

Шерсть её вздыбилась, губа непроизвольно показала резцы, но самочка поджала к груди стопку чистых простыней и изо всех сил постаралась удержать себя в лапах.

— Уважаемая, — как можно мягче спросил я, при этом улыбаясь, — не затруднит ли тебя указать мне, где в этом прекраснейшем из заведений Юдайна-Сити расположен укромный запасной выход?

Служанка похлопала ресницами, будто по коридорам уютного дома прокатился громогласный глас из Небесного Дворца самой Когане Но. Я терпеливо ждал, пока она спохватится, пискнет невразумительное, защёлкнет отвисшую пасть, а затем юркнет в ближайшую дверь. Кстати, далеко не факт, что комнаты, в которую изначально направлялась.

Вздохнув, я спустился в уже знакомый коридор по периметру салона. К счастью — пустой. Следуя инструкциям трусихи, повернул не к гостиной для важных посетителей, а в другую сторону, стараясь не сворачивать и держаться изгиба внешней стены «колонны».

Перед неприметной дверью (с внушительными засовами), приподнял самопадающую защёлку, помахал скрещёнными пальцами в камеру над притолокой, и выскользнул наружу.

Служебный (и не очень-то явный) ход из уютного дома вёл в пространство между тремя зданиями-колоннами, порадовав жизнерадостными видами серой разгрузочной площадки и покосившихся сетчатых заборов, которыми хозяева или арендаторы пытались отгородить парковочные места.

Вплотную к крылечку прилепился небольшой гараж на пару фаэтонов. За ним оказалось изрядно пыльно и ещё более мусорно, но зато пустынно. А что ещё нужно для спокойных раздумий?

Встряхнувшись всем телом, я принялся бездумно играться с регуляторами рюкзачных лямок. Верное ли решение пришло в мою усталую голову? Не подвергнет ли оно нас обоих опасности?

Увы, большинство виртуа-Лансов в этом уверены не были.

Более того, кое-кто даже подстрекал к бунту и советовал сделать всё с точностью до наоборот…

Я осторожно покрутил плечами и ощупал бок, ещё поднывающий от боли. Ж **а** ра не ощущалось, но в целом самочувствие могло быть куда лучше.

Заметил на стене уютного дома ещё одну камеру наблюдения и легкомысленно помахал скрещёнными пальцами в надежде, что

за экраном сидит Гвоздодёр.

А затем вздохнул, снова встряхнулся в раздражающей самого себя манере, и потопал к выходу с площадки. И даже почти выбрался на Седьмую улицу, когда мой решительный шаг был замедлен вибрацией «болтушки».

Почти остановившись, я торопливо задрал рукав.

Разумеется, самые тревожные из обитателей черепной коробчонки не могли остаться немы, и в тот же момент перегрузили мыслями, что вызывает меня именно Ч'айя. Что — едва за спиной терюнаши захлопнулась дверь, — Заботливая Лоло и её злющие охранники тут же набросились на беззащитную девчонку в надежде продать её коварным врагам и получить за это жирный куш. А та вырвалась, отважно отбилась и сейчас поднимает тревогу…

Байши! От яркости пугающих образов мне пришлось даже прикрыть глаза, и только потом вернуть внимание гаппи. Чтобы тут же выяснить, что это оказался вовсе и не вызов.

Безымянную запись в гостевой ящик пересыпали с зашифрованного профиля. Не очень объёмную, но всё же заставившую нахмуриться. Сучий денёк… Или это Песчаный Карп снова бросается в меня многословными посланиями, сделанными в момент кратковременного перехвата власти у братца, или…

С первых же кадров стало понятно, что пакет отправил вовсе не джинкина-там. Сквозь серо-голубой полумрак я различил блёклые стены, уже знакомый овальный стол и неподвижные силуэты за ним. Чу-ха с камерой двигался по кругу, медленно обходя привязанных к стульям короткомордых самок с начисто выбритыми головами.

— Куо-куо, Ланс фер Скичира, — в моём заушнике раздался вкрадчивый, чуть хрипловатый голос. — Ты уже догадался, чего я желаю? Желаю-презираю, да. Осознал, ради чего испытываю тебя на прочность, Дитя Детей, любимо-избранный Сын Бонжура?!

Пальцы непроизвольно сжались в кулаки, а зубы стиснулись так, что могли бы перекусить железный пруток. В другой момент беззаботной жизни Ланса Скичиры я бы без раздумий ссыпал поганые записи Когтям «Детей заполночи», ведь следить за районными потрошителями (над мозгами которых определённо протекают подвалы) — это их работа.

Но сейчас…

— Говорят, Ланс, что ты *спаситель*, — неспешно продолжал незнакомый самец на записи, медленно вышагивая вокруг чу-ха с пуговицами вместо глаз. Теперь среди них не двигалась ни одна… — Но я не готов поверить в это без доказательств, сисадда? Например, давай проверим, сможет ли Дитя Детей

спасти этих глупышек? Спасти-обернуть. Не проиграть спор. Улететь на небо или остаться без улёта.

Борф вдруг остановился, рывком переведя камеру на пустой стул.

— Лично мне кажется, что это всё враньё, — прохрипел он, дыша всё чаще и тяжелее. — Ты ничтожество. Пустое бесполезное ничтожество. Ничтожество-убожество. Ха, ты ненастоящий! Коробка для коробок, недостойная взойти на крыльцо храма. Ничтожество такое же жалкое, как и все мы. Воздух в шаре. Дрянь. Самый обыкновенный шарлатан, сумевший обмануть многих. Многих-убогих. Но только не *меня*.

Запись оборвалась неожиданно, а подлый гаппи тут же просигналил, что присланный пакет автоматически самоудалился. Однако (и я не могу сказать, что это к счастью), кое-что заметить за пустым стулом мне всё же повезло — чёрный блестящий мешок на полу.

Совсем небольшой, едва ли больше метра в длину.

И он извивался.

мицелиумный шум

…Ты всего добился?! Схватил изворотливую жизнь за глотку, и крепкой лапой заставил судьбу покорно прислуживать? У тебя есть новейшие фаэтоны, шикарная нора в клубном комплеблоке и уверенность в завтрашнем дне? Есть возможность купить любую самку Юдайна-Сити… но нет покоя и настоящей любви?

Тогда мы точно знаем, что тебе нужно.

Верность.

Забота.

Почитание.

А ещё она поднимет твой огромный статус ещё выше, с лёгкостью превратив своего господина в настоящий объект зависти и одновременного обожания.

Только для самых обеспеченных и притязательных клиентов кухня «Катжина-Си» предлагает штучных кукуга, бережно и с любовью изготовленных по индивидуальному заказу.

Любая ваша прихоть, любая фантазия и желание будут воплощены в реальность с нашими кукуга. Девочки и мальчики «Катжина-Си» — настоящие произведения искусства, неповторимые, уникальные и бесконечно надёжные.

С их уровнем подготовки, изготовления и последующего использования не сравнится ни одна высокоуровневая онсэн из лучших уютных домов Пиркивелля.

Наша репутация подтверждена более чем двадцатилетней историей кухни: всего за сорок дней манджафоко «Катжина-Си» создадут вам по-настоящему идеальную подругу, безупречность которой будет столь высока, что вы никогда не найдёте подобную живую самку среди миллионов обитателей гнезда.

Характер, манеры, уровень образования, сюжетные настройки и даже капризы — полную карту сознания вашей будущей подруги мы будем творить совместно, вдумчиво и неторопливо, равно как и её прекрасное тело в самых современных «печатных коконах».

И когда это очаровательное создание перешагнёт порог вашего дома, вы наконец осознаете, что отныне он по-настоящему наполнен жизнью, теплом, заботой и бескорыстным почитанием вашего могущества.

«Катжина-Си» — мы создаём безупречных спутников для сильных и влиятельных!

…Минувшим днём уважаемые Смиренные Прислужники в очередной раз проявили свою бескорыстную заботу о

процветании блистательного Юдайна-Сити. Ведь рост благосостояния населяющих гнездо чу-ха, строительство комфорта в их бесценных жизнях, укрепление чувства безопасности и уверенности в будущем — вот лишь малая часть обязанностей, лежащих на плечах уважаемых Смиренных Прислужников.

Именно благодаря заботе и ежедневному труду уважаемых Смиренных Прислужников всего за двенадцать суток был завершён масштабный ремонт систем центрального водоснабжения на тридцати одной улицах, прилегающих к границам районов Каменные сады и Колберг.

На устранении последствий внезапной аварии трудились тысячи честных и профессиональных ремонтников, а под управлением специальных представителей уважаемых Смиренных Прислужников все работы были завершены на три дня раньше установленных нормативами сроков.

Эти масштабные восстановительные работы стали очередным доказательством беспрестанной заботы, которой уважаемые Смиренные Прислужники окружают не только каждый район нашего великого города, но и каждую улицу, дом и всех его благодарных обитателей.

Общегнездовые Принципы Сохранения Мира и Благополучия в очередной раз доказали свою уникальность и эффективность, а усилия уважаемых Смиренных Прислужников вновь достойны самых высоких похвал и искренней благодарности всех трудящихся Юдайна-Сити!

…[Хор детёнышей]

Чань-чань, кутифань, пойте вместе с нами!

Танцующая цветная лапша в форме завитков хуэйхо-нда — лучший друг детёныша по утрам, когда он не хочет завтракать!

[Хор матерей]

Чань-чань, кутифань, и хвостом крутите!

Танцующая цветная лапша в форме завитков хуэйхо-нда бывает самых разных цветов! Синяя, зелёная, и даже чёрная!

[Совместный хор детёнышей и матерей]

Чань-чань, кутифань, пойте вместе с нами!

Танцующая цветная лапша «Чань-чань» легко заваривается в комбайне! В миске! И даже в бумажном стакане! Сто двадцать вкусов! Лучшая лапша для вашего завтрака! Побалуйте себя ароматным, вкусным и питательным угощением!

[Хор детёнышей]

Чань-чань, кутифань, вкус себе дарите!

[Прокламатор, негромко и вкрадчиво]

Подарок для вашего детёныша в каждой коробке танцующей цветной лапши «Чань-чань»!

…А теперь радостная новость для всех поклонников лучшей музыкальной группы всех времён — «Восьмого цвета радуги»!

Друзья, единомышленники, поклонники и последователи «Окунись в музыку»!

Несмотря на массу курсирующих по «мицухе» домыслов о тяжёлой болезни нашего сладкоголосого любимчика Таакин-Кара, все они оказались глупыми лживыми сплетнями.

Верно-верно, друзья! Этой ночью Таакин-Кар в своём официальном профиле подтвердил, что обязательно примет участие в грандиозном концерте! Таким образом на нашей улице наступает настоящий праздник: вся группа снова в сборе на радость миллионам поклонников, и скоро вновь порадует нас неповторимым канджо-трансом!

Кстати, в честь этого знаменательного события станция «Окунись в музыку» объявляет розыгрыш билета на концерт «Восьмого цвета», который через считанные дни состоится в потрясающей и гостеприимной «Абиман-Арене»!

Друзья, чтобы выиграть заветный билет, нужно следовать самым простым инструкциям — спешите в ядро нашей станции, находите там специальную анкету, и как можно шустрее отвечайте на самые каверзные вопросы об истории любимой группы и жизни её исполнителей.

Утром в день концерта счастливчик будет случайным образом выбран среди первых трёх сотен поклонников, верно ответивших на все вопросы, старательно подобранные мицелистами «Окунись в музыку».

А сейчас к другим музыкальным новостям…

Глава 6
СТРАВИТЬ ЗВЕРЬЕ

Когда в голове играет сложная многоуровневая музыка, заставляющая сердце биться чуть быстрее, осуществимым кажется абсолютно любой замысел.

Даже самый отмороженный.

Готов ли я был поставить на кон жизнь Ч'айи, чтобы известная особа помогла мне выбраться из ямы с дерьмом? Едва ли… Был ли у меня чёткий план действий и список аргументов, которыми я собирался оперировать? Нет, пока нет, но у меня имелось кое-что получше — план по составлению плана! Лишь бы хватило времени…

Впрочем, не может же она оказаться ровно такой сукой, какой хотела казаться для всего остального гнезда? Или может?

Байши, от ответа на этот вопрос будет зависеть очень многое.

Но я точно подберу нужные слова.

В конце концов, это ведь моя работа…

Да, в тот момент я, пожалуй, действительно верил. Иначе было нельзя.

Сборище виртуа-Лансов под моим капюшоном угрюмо молчало, и хотелось верить, что так они подтверждают правильность принятого решения. Конечно, они могли просто бояться возразить, но уточнять я не хотел.

К сожалению, тяжесть последствий любого принятого решения познаётся исключительно задним числом. Имея больше времени, всегда можно взвесить риски до последнего грамма и попытаться предвосхитить исход. Но когда дело касается авантюр… тут можно полагаться только на благосклонность судьбы.

Я думал об этом, болтаясь в раскачивающемся вагоне «сквозняка» и под ритмы в голове фантазируя, как мышление устроено у джинкина-там. Вероятно, в виде таблиц и аналитических выкладок, за которыми стоят прогнозы и проценты вероятностей? Способен ли тот решиться, если благоприятность последствий лежит в границах жалких 10 %? Пульсирует ли в его синтетическом сознании азартная жилка, требовательно намекающая, что крупно свезти может даже при 3 % шансов на успех?

Обпившиеся брагой чу-ха вокруг меня горланили и напевали командные гимны, следя за состязаниями через запястные «болтушки». Всю дорогу от «Пигица» в вагоне стоял шум, визг

фанатских дуделок и перезвон катающихся по полу бутылок, как бы намекающий, что нам с Ч'айей удалось весьма ловко проскочить до уютного дома. Воняло мокрой шерстью, гадкими ароматическими маслами и мочой.

Я вздохнул и поглубже натянул капюшон. Жутко представить, что будет твориться на улицах ближе к ночи и жёсткому финалу…

Признаюсь откровенно, разок в душе дрогнула-таки струна, едва не заставив выскочить из вагона и вернуться на Седьмую улицу Под-Глянца встречным составом. Стиснув зубы, я заставил себя отбросить трусливые мысли.

Нельзя.

Благодаря разговору с Песчаным Карпом (да и не только) я снова не доверял Хадекину фер вис Кри… или той части джинкина-там, что считала себя таковым.

Да что там?! Благодаря разговору с Песчаным Карпом теперь я равно не доверял обоим.

И пусть ряд аргументов перетягивал чаши весов в пользу Диктатиона… сбросить с хвоста следовало обоих ублюдков. И первым делом — Карпа с его навязчивым желанием заполучить меня для своей непонятной игры.

В общем, до нужной станции я добрался ну совсем не в том состоянии, на какое рассчитывал. Вместо собранного, готового к решительным действиям и настроенного на «низкий писк» Ланса, вонючий вагон покинул Ланс раздражённый, взвинченный и совсем не уверенный в правильности принятого решения.

Четверть часа, проведённые в сквозном транзите, вымотали так, будто мне довелось пробежаться до окраины Бонжура на своих двоих…

Наконец оставив обожратых элем фанатов за спиной, я шагнул на длиннющий эскалатор, позволив тому поднять меня из-под земли в центре площади Саку-Харухейфа, Круге Весеннего Спокойствия.

Место, разумеется, было выбрано неспроста.

Зажатая в змеиные кольца многополосных магистралей, в своей организации площадь не предполагала бурных пешеходных потоков; выбраться с неё можно было или путём моего прибытия — транзитом, или через хитросплетения надземных галерей, что автоматически уменьшало число утомивших болельщиков и просто лишних свидетелей.

Над многополосной дорогой гудел коридор силовых рельсов; за транспортным кольцом высилась стена деловых зданий с десятками вертикальных вывесок из яркой ткани на одноликих фасадах.

Ожидания оправдались: как я и предполагал, снаружи оказалось совсем не стайно — даже на первый взгляд чу-ха на укромной площади роилось едва ли не меньше, чем в обычный день.

Постояв в тени станционного павильона, я всё же постарался вернуться на нужную волну. Отрегулировал дыхание, ещё раз осмотрелся и мысленно подготовился к непростому разговору.

Что ж, все эти годы у нас складывались непростые отношения. Да, все эти годы она относилась ко мне свысока, с презрением, подчас нескрываемым… но факты, на которые я планировал обменять нашу с Ч'айей безопасность — мимо таких не проходят даже самые тупые.

Ещё раз изучив Круг Спокойствия, я с удовольствием оценил сделанный выбор.

Просторная Саку-Харухейфа прекрасно просматривалась, отгороженная от шума кольцевых трасс высокой изгородью искусственных кустарников. Почти всё её пространство вокруг одноимённой станции «сквозняка» занимали десятки раскладных кресел, столов и скамеек, на которых утомлённые городской суетой хвостатые могли отобедать, передохнуть в бесконечной гонке за наживой, а то и просто вздремнуть.

На уровне крыш деловых центров над площадью парило свето-струнное покрывало с бесконечной чередой рекламных роликов. Сквозь его рябь проступали бледное высокое небо и бочки ветростатов на неизменных привязях кабелей.

Я нащупал флягу в кармане, но доставать не стал.

Убедившись, что готов и больше не помышляю о возврате под землю, двинулся по бежевым плитам. Шёл неспешно, осматриваясь с видом уставшего гуляки, лица не прятал. Кто-то из немногочисленных чу-ха смотрел вслед, кто-то торопливо отворачивался, но большинству (как, впрочем, и всегда) было всё равно.

Когда-то, пожалуй, дела и правда обстояли иначе.

К Нискиричу действительно присылали видных учёных и зоологов в надежде изучить странного мутанта из дикой пустыни. Пару раз увозили в лаборатории. Брали кровь, слюну, сперму и дерьмо. Несомненно, мечтали запереть в клетке и покрошить на тонкие пластинки.

Однако (кто бы там в действительности ни стоял за моей защитой) после ряда очередных тестов и опросов высоколобые крысы неохотно возвращали терюнаши в Нарост, в конечном итоге признав дивергентной формой жизни с правом проживания в гнезде.

И вот с тех пор обществу на меня стало по-настоящему

насрать.

Если, конечно, не принимать на веру истории Данава фер Шири-Кегареты про сорванные попытки похищений Ланса фер Скичиры… Но если это правда, то почему в своё время тварь не побеспокоилась, чтобы на корню сорвать мою принудительную вербовку в проклятый «Голубой Лотос»?!

Я обошёл площадь по кругу, не заметив ничего подозрительного.

Конечно, в этом расчудесном гнезде сюрпризы ожидают на каждом углу, а половина невзрачных гуляк по Саку-Харухейфа могли запросто оказаться подставными йодда, только и ждущими сигнала на мою поимку, но… Мне всё ещё казалось, что самоуверенность и тщеславие известной персоны сыграют свои роли в мою пользу.

Тетронов, кстати, тоже заметно не было, что представлялось хорошим знаком.

Или же тревожным?

В итоге я остановился на южном краю Круга у столика с тремя складными стульями, основательными и массивными, прихваченными к шершавым плитам на короткие цепи. В десятке шагов за спиной изогнулась кустарная изгородь, вокруг выбранного места удачно не отирался ни один чу-ха, ни на лавках, ни за столами.

Расстегнув пальто, я уселся лицом на север и поставил рюкзак у левой ноги. Искоса осмотревшись, вновь убедился, что на странного лысого манкса никто и не думает пялиться…

Миг спокойствия и относительной тишины показался до того сладким, что я чуть не пустил слезу. Да что там?! Под солнечным теплом и в относительном одиночестве площади я мог бы легко задремать, особенно с учётом лютой усталости.

Однако ждать и наслаждаться передышкой мне пришлось недолго.

Первым делом я услышал неладное, а потом и обернулся: на восточной стороне транспортного кольца снижался блестящий чёрный «Крейс». Его нахальному (с нарушением десятка правил движения) манёвру аккомпанировал вой предупредительных сигналов других фаэтонов и ругань из открытых водительских окон.

Шум становился сильнее — богатый фаэт опустился на колёса, подрезал пару менее представительных соседей и припарковался у служебного прохода в стене кустарников (что также было запрещено правилами).

Я невольно улыбнулся.

О, да, это точно они.

Крысы за периметром площади ещё верещали и гневно пищали, без устали давя на гудки гендо и фаэтонов, а парочка уже шагала по бежевым плитам, весьма неспешно и ещё более вальяжно.

Опустив руку под стол, я спешно проверил наслоение «Своя стая». С облегчением выдохнул — маркер Ч'айи по-прежнему замер по адресу уютного дома Чёрных Юбок…

На этот раз ненавистная мне самка была одета в просторную накидку- *camtu*, двадцать метров невесомой алой ткани, закрученной по телу самыми хитроумными изворотами.

На её левом запястье болтался крохотный чёрный клатч, в котором, наверняка, хранились кальян и миниатюрный башер. Головного убора сегодня не наблюдалось, шляпку заменяла заколка для чёлки с крупным красным камнем. Заострённые уши украшали серебристые многослойные серьги, длинные настолько, что ниспадали на грудь.

Благодетельная Когане Но, подумать только! Ну прямо-таки показательный образ хранительницы общегнездовых Принципов Сохранения Мира и Благополучия, Принципов Разумного Трудодействия, Параграфов Свитка и кизо-даридрата в одном флаконе. Впрочем, нет, от понятия «благородной нищеты» тут осталось лишь первая часть…

Я перевёл взгляд на мелкого прихвостня, и невольно вздрогнул.

Альбинос натянул форму тетрона, облачившись в удобный серый комбинезон со множеством накладных карманов и подсумков, а поверх дополнив броневой курткой, все нашивки которой — от статуса до имени, — были сняты. При этом кобура на правом бедре вовсе не пустовала, оттуда выглядывала рифлёная рукоятка табельного башера.

Сукин сын… он специально так нарядился на нашу встречу, или это совпадение?

Кстати, о суках — та заметила меня почти сразу. Однако шага не ускорила, прогуливаясь по площади с невозмутимой безмятежностью. Нюхала ароматизированный распылителями воздух, беззаботно покачивала клатчем.

Белошкурый Жи-ми не отрывался ни на шаг, словно тень хозяйки, при этом не сводил с меня цепкого взгляда уродливых красных глазок. А я только сейчас задумался, специально ли Алая Сука выбирала такого подчинённого, или заставила бедолагу сделать операцию по смене окраса и радужек?

Госпожа Тебе-никогда-не-покинуть-Юдайна-Сити-живым приблизилась через две бесконечные минуты. Остановилась в нескольких метрах от столика. Жи-ми выдвинулся немного

вперёд.

— Лансик, дурашка, более отвратительного места ты выбрать не мог?!

— Куо-куо, уважаемая, — ответил я с натужной улыбкой. — Вы с мелким поганцем не голодны? Вон в той части Круга продают божественные парные пирожки с грибами и салатом.

Она вздохнула.

Брезгливо осмотрелась.

Оттопыренным когтем подтянула к себе ближайший стул и пристально изучила. Присела без энтузиазма, подвернула хвост на колено. В воздушной бесформенной сатти вис Мишикана казалась красным облаком. Очень зубастым, тревожным и ядовитым облаком.

— Самые опасные существа на свете, Ланс, — негромко произнесла она, каждым вздохом подтверждая собственное величие над моим интеллектом, — это те, кто редко просит о помощи. Буквально никогда, хотя способны попросить в любой миг. Такие как будто копят силы, чтобы взмолиться о чём-то чудовищном. Например, миллионе рупий в долг без расписки. Или спрятать в семейном багажнике пару обезглавленных трупов. Ты похож на такого просителя, щеночек…

Щеночек едва не тявкнул, что у Магды была весьма бурная юность. Но мне удалось удержаться и даже покачать головой, причём неспешно и с долей достоинства:

— Я пришёл не просить.

Жи-ми едва удержал едкую гримасу. Встал справа от хозяйки, привычно забубнил всрато-навязчивый мотивчик. Я покривился, глядя Магде в глаза.

— Прошу, пусть он заткнётся?! Клянусь, у меня и в мыслях не было применять своё умение на тебе! — В этот момент у меня даже получилось изобразить неподдельную безнадёгу. — Ты прекрасно осведомлена, что я всё равно не умею… *убеждать* за мгновение. А если вдруг что-то пойдёт не так, у тебя наверняка в засаде пара стрелков, не так ли?

— Пара стрелков! — она вскинула морду, фыркнула и осмотрела площадь так, будто пыталась узнать упомянутых агентов среди редких отдыхающих. — Лансик, ты вообще за кого себя принимаешь?

Однако её коготь всё же клацнул по подлокотнику, и шкурохранитель послушно умолк. При этом, разумеется, сверлить меня гадким взглядом поросячьих глазёнок совсем не перестал. И если бы взгляды могли прижигать, у меня в виске бы уже проплавилась дырка глубиной до Такакханы.

Самка уселась удобнее, насколько позволяли раскладные

общественные кресла, и скрестила нижние лапы.

— Итак?

— Итак? — эхом откликнулся я.

— Давай-ка вот только без детских игр, сисадда? — Магда щёлкнула клатчем, вынула кальян с янтарной инкрустацией, и принялась настраивать порцию отборной дайзу. — Ты заманил меня в этот зверинец посреди обожаемых тобой трущоб, а у меня, между прочим, ещё куча дел. Имей в виду, — она рывком отвлеклась от занятия и нацелила на меня палец с ярко-красным когтем, — если причина этой странной встречи хотя бы покажется мне пустяковой, у тебя случатся совсем не пустячные неприятности…

— Не покажется. Это действительно важно. Поверь.

Несмотря на спокойный, отчасти безмятежный тон, я ощутил, как ладони под перчатками стали неприятно-влажными…

— Хао, бледный, не потей, — она снисходительно кивнула, наконец настроила изящный кальян и сунула под накрашенную губу. Однако затягиваться не спешила: — Валяй, удиви меня. Что там у вас стряслось? «Дети заполночи» перестают торговать оружием и наркотой, и начинают шить мягкие игрушки? Над Нискиричем протёк подвал, и тот решил сдаться «Кислотным шутам»? А может, старая косоглазая портянка тебя раскрыла? Хотя…

Она хлопнула нарощенными ресницами, будто на самом деле вспомнила о важном.

— А может, ты собрался рассказать мне об утренней перестрелке, случившейся прямо на пороге твоего комплеблока?!

Я весьма натурально вздрогнул. Причём, сука, не специально. Опустил глаза, положил руки перед собой на исцарапанный стол и старательно повторил слова, придуманные после отбытия из уютного дома:

— Госпожа вис Мишикана… хочу сразу предупредить, что пока не готов раскрыть источник, снабдивший меня этой ценной информацией. — Её также подведённая красным бровь приподнялась, и я поспешил: — Обещаю, всё будет, но позже! И про перестрелку тоже.

Она улыбнулась. Недобро.

— Лансик, глупыш, мы оба знаем, что твои клятвы — чернила на стекле перед ливнем… давай-ка ближе к делу.

Мне очень хотелось закрыть глаза и сделать глубокий вдох, но я продолжил смотреть перед собой, отвечая без запинок и не меняя тона.

— Уже перехожу. В общем… прошу услышать и отнестись крайне серьёзно. Мне достоверно известно, что в самое

ближайшее время действия одной крупной казоку не просто нарушат баланс сил в Бонжуре или на границах центральных районов гнезда, но ввергнут Юдайна-Сити в настоящий хаос, по сравнению с которым разборки «Детей» и «Прыгунов» — жалкая потасовка.

В числе моих опасений перед встречей значилось недоверие Магды настолько серьёзное, что та не захочет даже дослушать. Глядя на её прищур, можно было решить, что опасение оправдалось.

— Вот как?! И кто же это, Лансик? Я трепещу в томительном ожидании!

Она негромко усмехнулась. Затянулась «карамелью», выпустила сладкий дым к свето-струнному полотну над нашими головами. Порыв прохладного ветра тут же ударил в облачко, раздробил, жадно унёс. Жи-ми оставался неподвижен.

— Почему мне кажется, что ты пришёл сообщить что-то «важное» только для того, чтобы «Лотос» кое-кого сожрал, но никак не для того, чтобы накормить «Лотос». Чуешь разницу?

Да, проницательность сучки — ещё один пункт в списке моих тревог перед беседой. Ну как тут увильнуть? Она была права. Но разве это что-то меняло?

Кивнув, я сказал предельно просто:

— «Уроборос-гуми».

— Ах! — она неожиданно улыбнулась. Шире, ещё шире, почти оскалилась. И вдруг рассмеялась, искренне, как во время беседы на дружеской попойке. — Лансик… вы там с Нискиричем окончательно *банулись? Или ты подсел на стрих? Я готова в это поверить, ведь выглядишь ты точно как торчок. Да и чушь мелешь похожую…

— Поверь, Магда, я не лгу!

Чтобы такие слова прозвучали убедительно, нужно выглядеть честным. В моём случае для этого не нужно было даже стараться — лишь в красках вспомнить налёт на «Мост», ублюдка Сакагу или утреннюю перестрелку.

— Послушай, Магда, — я понизил голос и осторожно подался вперёд, заставив Жи-ми едва заметно напрячься, — это может прозвучать напыщенно… или безумно, призна **ю**… Но это правда, и я могу доказать — Данав фер Шири-Кегарета стал очень опасен. И когда ты поймёшь, почему…

— Ты дурак, Ланс?!

Она перебила так быстро, жёстко и требовательно, что я почти забыл заготовленный текст.

— Чего?

— Да, точно дурак… — Красная Вистар тоже наклонилась

вперёд, задумчиво поиграла нижней челюстью. — «Уроборос-гуми» *всегда* была опасна. И именно поэтому Песчаный Карп и его предшественники помогают нам хранить мир и покой там, где они заслужены добропорядочными чу-ха. Консультируют, если угодно. А вот когда ты, терюнаши, начал лакать из одной миски с Большими Семьями, для меня загадка…

Самка в алой сатти зло ткнула в мою сторону кальяном.

— Они чем-то насолили бедному мутантику? Или, быть может, его обожаемому отчиму? Ланс, кусок ты вонючего дерьма, можешь клясться хоть всей Двоепервой Стаей, но я решительно не верю, что жалкое насекомое вроде тебя имеет хоть что-то общее с казоку-хетто вроде Князя-Из-Грязи…

Я стиснул зубы, чтобы ни в коем случае не брякнуть лишнего. Опасного. Способного сделать и без того непростую ситуацию ещё более пакостной. Да уж, Ланс фер Скичира, лучше бы ты и дальше брался за дешёвые заказы бонжурской босоты…

— Он опасен, — процедил я, — очень опасен, Магда. И он не совсем чу-ха…

В воображении это представлялось так: она замирает, глаза распахиваются, а затем я рассказываю почти всё секретное и пересыпаю базы данных страховочной «болтушки».

В действительности же меня срезали, снова не дав закончить фразу.

— Ты тоже, уродец…

— Это совсем другое! Позволь мне всё спокойно пояснить, прошу. Тот, кто выдаёт себя за Песчаного Карпа, угрожает не только спокойствию Юдайна-Сити, но и целостности всего нашего мира!

Алая Сука вдруг зашипела. Коротко, яростно, словно ей наступили на хвост. Жи-ми стиснул кулаки, но с места пока не сдвинулся, а я испуганно отпрянул (благоразумно удержавшись, чтобы потянуться к «Молоту»).

— Наш?!

В лицо ударил сладкий запах дайзу.

— О, Лансик, не-ет… это *наш* мир. К которому жалкий паразит вроде тебя имеет отношение лишь благодаря ядовитым испарениям пустыни и нелепому стечению обстоятельств! Так что не смей, гадёныш… слышишь меня?! не смей даже шёпотом упоминать о благословенном Юдайна-Сити и Тиаме в подобном ключе!

Я потерял дар речи. Пожалуй, сейчас в упомянутом Тиаме нашлись бы рыбы куда более разговорчивые, чем Ланс из Бонжура…

Да, это было обидно. И невероятно жутко, если задуматься

всерьёз.

Но в этот миг, в этом месте «благословенного Юдайна-Сити» я не имел права ни на немоту, ни на обиду, ни на испуг. Поэтому до боли стиснул левый кулак, взглянул Красной Вистар в глаза, и медленно покачал головой:

— Ты оказалась проницательна и права, я всё же стану тебя просить. Но только об одном. И совсем несложном, особенно для тебя и «Голубого Лотоса», сисадда? Но когда моя примитивнейшая просьба будет удовлетворена, ты всё поймёшь сама…

Разумеется, риск был огромен… и если Господин Киликили в этот момент каким-то образом слышал мои слова… если поблизости имелся преданный ему стрелок… то через мгновение в моей голове могла свить гнездо холодная дальнобойная фанга… Но иного варианта пошатнуть зловещего казоку-хетто «Уроборос-гуми» и отбросить его от своего порога я так и не нашёл.

— Даю тебе ещё одну минуту. — Длиннющие, подкрашенные розовым ресницы затрепетали. — Затем глупости кончатся, Ланс. Жи-ми сломает тебе пару рёбер… для острастки, чтобы впредь не думал воровать моё время… И мы вернёмся к настоящим делам. Ты уяснил?

Байши, драные вы псины, до чего же легко вы умеете распоряжаться чужим временем! Хадекин и Данав в своих крысиных обличиях, Магда вис Мишикана, Чинанда-Кси фер вис Фиитчи и все прочие породистые *бучие вистар, считающие себя хозяевами жизни! Вы с лёгкостью дарите «ровно минуты» и делаете одолжения, словно имеете на это хоть какое-то право…

В этот миг мне нереально захотелось ухватить суку за красный камень заколки и со всей дури приложить мордой о площадной стол, потёртый и простецкий, каковым я ощущал себя и сам. Однако вместо этого только спросил, достаточно вкрадчиво, но настойчиво, едва не сорвавшись на тембр «низкого писка»:

— Ты когда-нибудь встречалась с Данавом Шири-Кегаретой? Лично?

Неожиданный вопрос слегка вывел Красную Вистар из равновесия. Сбил каплю спеси, заставил хмыкнуть. Она подняла кальян к губам и сделала две мелкие затяжки.

— Может, кто-то из твоих начальников? — продолжил я, воспользовавшись её замешательством. — Или даже смирпов? Морда к морде, глаза в глаза?

Магда откинулась на спинку раскладного кресла и отвела взгляд, изучая неестественно-свежие кустарники изгороди,

беззаботных чу-ха на дальних скамейках и яркие вывески фасадов. Казалось, она вспоминает.

— Целый ворох не умных вопросов, Лансик, — наконец резюмировала самка. — Осталось полминуты.

— Я прошу тебя встретиться с ним, — выпалил я, краем глаза присматривая за альбиносом. Увы, намёк на ломку рёбер был вовсе не драматическим преувеличением. — Лично. Ни в коем случае не в «Слюдяном небесном мосту». В Штольне. В закусочной. Да хоть в парке, Магда, но ты должна встретиться с ним. Как можно скорее. И когда не сумеешь, ты сразу поймёшь, что я…

Её каплевидные глаза вдруг остекленели, заставив меня проглотить остаток мольбы.

Задумчиво отложив богатый кальян на край стола, чу-ха в воздушной красной накидке вдруг прищурилась и наклонилась вперёд. Звякнули длинные серьги.

— «Мост»… — выдохнула она. — «Слюдяной Мост» несколько дней назад. — Теперь посланница «Лотоса» почти шептала, заставляя меня прислушиваться и морщить лоб. — Ты как-то замешан в нападении на казоку-шин Шири-Кегареты…

— Нападении? — только и выдавил я.

И в ту же секунду понял, что голос — моё бесценное сокровище и кормилец, — всё-таки выдал своего хозяина. Виртуа-Лансы в голове взвыли.

— Магда, я понятия не имею, о чём ты… Нет, конечно, я что-то слышал про перестрелку в самом центре Уробороса, но…

— Хватит. — Она клацнула зубами, заставив меня умолкнуть.

Выключила кальян, спрятала в сумочку и покрутила «болтушку» на запястье.

— Минута вышла, Ланс. Но можешь перестать трястись: рёбер тебе ломать не станут. Во всяком случае, не здесь. — Она неторопливо поменяла позу и опёрлась на подлокотники, будто собиралась вставать. — Не знаю, во что ты вляпался и во что заигрался, терюнаши, но обязательно разберусь. Отрывай жопу и топай за мной…

Она действительно поднялась во весь рост, дорогущая ткань сатти приятно зашуршала.

— Куда топай? — тихо просипел я, уже догадываясь об ответе.

— В Штольню, конечно же.

Магда оправила подол накидки, развернулась и медленно направилась к фаэтону за стеной кустов. Бросила через плечо скороговоркой, но сумев сделать это с превосходством и внятно до последнего слова:

— Ты оказался прав. Мне на самом деле стало интересно, зачем ты подбиваешь меня рушить привычный и незыблемый порядок вещей. Кстати, если ты действительно торчишь на препаратах, то перед *настоящим* разговором наши химики помогут тебе избавиться от последствий…

п.4.; г.6; ч.2

Признаюсь, как на духу — мне очень-очень не хотелось знать, что такое *настоящий* разговор. И с химиками «Голубого Лотоса» встречаться тоже не хотелось. А ещё мне не хотелось, чтобы Жи-ми всё же прошёлся кулаками по моим рёбрам.

Так что же оставалось Лансу фер Скичире?

Лукавить стыдно — вариантов подбиралось чудовищно мало…

Священная корова… неужели я действительно на что-то рассчитывал?! Собирался ловко стравить зверьё? Неплохая идея. Но, пожалуй, для её удачной реализации не стоило заходить в клетку…

И ведь подумать только, знакомая ситуация такой же глубинной безысходности однажды у меня уже случалась… Впрочем, кого я обманываю?! Происходящее сейчас на площади Весеннего Спокойствия ни разочка не напоминало ничего из пережитого мной ранее!

Загривком уловив нерешительность жертвы, Магда замедлила шаг. Подвернула голову, неприятно оскалилась:

— Смирись, дурачок, — она легко оправила чёлку и замерла, будто позволяя насладиться очертаниями своего профиля. — Это мир самок, сильных и умных, и они им владеют. И нам плевать, мутант ты или чистокровный вистар, ты всё равно подчиняешься…

А я покосился на шкурохранителя.

Однажды мы уже сцеплялись с альбиносом. Перед моим первым (и, надеюсь, последним) посещением той самой Штольни. Сцеплялись коротко и крайне бесславно для меня, а потому теперь я постарался действовать на опережение.

Когда коротышка потянулся к моему локтю, я оттолкнул рюкзак и вскочил с прытью, которой сам от себя почти не ожидал. Опередил-таки молочношкурого и даже крепко удивил: продуманным до мелочей движением ухватил увесистый стул за перфорированную спинку, широко замахнулся и прицелился в белую башку…

Антиворовская цепь, соединявшая конструкцию с плитами Круга Весеннего Спокойствия, лязгнула, натянулась… и безжалостно выдрала спинку из моих пальцев. Кресло с грохотом сложилось, крутанулось, лапки лязгнули по краю стола и больно ударили меня в бедро, а затем мой несостоявшийся снаряд мирно завалился на бок между мной и Жи-ми…

Да, тот определённо опешил.

И от беспросветной наглости терюнаши, и от столь же потрясающей глупости. Несколько мгновений красные глазёнки-бусинки лихорадочно метались между павшей раскладушкой и мной, будто их обладатель решительно не хотел верить в реальность произошедшего.

Затем гадёныш язвительно фыркнул, и сделал шаг вперёд.

Магда остановилась, снова обернулась, на этот раз устало и нетерпеливо.

Я отскочил, отгораживаясь от низкорослого чу-ха столом, и спешно сунул пальцы в карман с верным кастетом…

Но вышло всё чуть иначе и не так легко, как у подъезда к «Куску угля». Потому что на этот раз напалечная бита, вероятно, вступила в предательский сговор с проклятым прикованным креслом, намеренно запуталась в смотанном галстуке-шнурке, и долго не хотела разом надеться на пальцы. Да к тому же чуть и вовсе не выпала…

Заметив оружие, Жи-ми ухмыльнулся ещё шире. Красная Вистар шумно вздохнула и выразительно взглянула на часы в гаппи.

Альбинос прыгнул.

Легко, без подготовки, будто подхваченный порывом ветра. Я отскочил, едва не получив подошвами в грудину, и ударил его дважды — обманным левым крюком и сразу прямым в челюсть. Оба выпада отлупили пустоту, а в следующую секунду в лёгких вспыхнуло.

В глазах потемнело. Отлетев на шаг, я рухнул на колено, хватаясь за грудь и пытаясь вспомнить те славные, явно недооценённые деньки, когда вообще умел дышать.

Удар Жи-ми был настолько молниеносным и неуловимым, что хотелось стонать в голос. Впрочем, я и без того стонал, силясь судорожно вздохнуть отбитыми лёгкими.

На нас покосились с далёких лавочек, с опаской и любопытством, а кто-то даже приподнял «болтушку». Впрочем, Магда тут же издала громкий цокающий звук, и зевака предпочёл вспомнить, что у него запланирована срочная поездка на «сквозняке». В конце концов, не такое уж это и редкое зрелище, когда тетрон избивает подозреваемого посреди шумного города…

Жи-ми подступил и укоризненно склонил голову.

Я же почти вернул себе бесценное дыхание, но показывать этого не торопился. Чу-ха подошёл ещё ближе, навис и потянулся ухватить за капюшон, и тогда я всем телом бросился ему в пояс в попытке опрокинуть. Саданул кастетом в бедро, вызвав вой боли и град коротких рубящих ударов по спине. А в следующий миг красноглазый выкрутился приёмом, который я бы очень хотел

выучить немного раньше…

Оказался слева от меня, ударил коротким в ухо, добавил нижней лапой в живот.

Я рухнул под стол, за которым мы ещё совсем недавно так мило болтали с Магдой. Судя по трескучему пожару в грудине, надломленное Сакагой ребро нового пинка всё-таки не выдержало…

Весьма позорно застонав, я перевернулся на четвереньки, и покрепче утвердил кастет на пальцах.

Жи-ми мягко подошёл, теперь настороженный и готовый к очередной попытке сбить его с ног.

— Угомонился? — негромко пропищал он, заставив вспомнить, до чего же мерзкий у помощника Алой Суки голосок.

— Да… — выдохнул я, тряся опущенной головой. — Всё, пунчи, всё, урок усвоен…

Затем дождался, пока ублюдок крепко ухватит меня за край капюшона, распрямился со всей возможной прытью, и шарахнул кастетом снизу вверх.

Громкий хруст удивил нас обоих.

Альбинос снова оказался в трёх шагах от меня. Пригнулся в оборонительной стойке и ошеломлённо ощупал разбитую челюсть. Я окончательно поднялся с колен, опёрся задом о стол и недоверчиво покосился на кастет, украшенный каплями крови.

— А нельзя ли чуть быстрее?! — раздражённо поинтересовалась Магда, будто торопила нерасторопного продавца в мясном ряду.

Верхняя губа Жи-ми задрожала от гнева. Обнажились жёлтые резцы, и без того жуткие глазки стали ещё краснее, и он потянулся к башеру на бедре.

— Ты станешь говорить и без колена, борф… — прошипел альбинос, пуская кровавые пузыри.

Хм, буду откровенен, такого исхода я не предвидел. Одно дело — самозабвенно лупить друг друга когтями или даже палками, и совсем другое — добавлять в игру краплёные карты…

Однако самое забавное состояло в том, что чем выше становились ставки, тем спокойнее и увереннее я себя ощущал.

На этот раз кастет без труда и заминки соскользнул с пальцев, правая рука привычно нырнула под пальто, и через вздох в лоб альбиноса уставился взведённый «Молот».

— Не нужно, — попросил я. Причём говорил очень искренне, клянусь! — Это не «сомотранк», пунчи, а мне совсем не хочется крутить тебе хвост…

Шкурохранитель замер, едва дотянувшись до набедёрной кобуры. Уши подрагивали, пальцы задумчиво, почти нежно

поглаживали рифлёную рукоятную накладку.

— Ланс, *баный мудила!

Пронзительный визг Магды был таким требовательным и неподдельно удивлённым, что с окрестных лавочек на площади тут же сдуло ещё пяток последователей «безучастного глазения».

— Ты совсем, байши, *анулся на свою тупую башку?!

Не опуская оружия, я покосился на Красную Вистар и без какого-либо удивления обнаружил, что та держит меня под прицелом крохотного башера для бесшумной стрельбы. Разумеется, тёмно-бордового.

К своему оправданию могу сказать, что отвлёкся я всего на долю секунды.

Но её тем не менее хватило Жи-ми, чтобы выхватить свой ствол.

Поднять его я позволить не мог. Тем более, выстрелить.

Поэтому «Молот» щёлкнул, вбивая фанга в правое плечо красноглазого, затем ещё одну, и сразу же третью в нижнюю лапу под самым краем броневого щитка.

Альбинос взвизгнул, схватился за плечо, а его оружие со стуком покатилось по плитам…

Мимо лица как будто пролетело крупное насекомое, и я вспомнил, что минувшим утром уже испытывал это ощущение — выпущенная Магдой фанга просвистела в считанных сантиметрах от моей головы.

Грязно ругаясь и звеня серьгами, Алая Сука шла ко мне, стреляя на ходу.

Возблагодарив умение хвостатых к безупречно-меткой пальбе, я навалился на край стола, опрокидывая его на бок и падая в шаткое укрытие. Антивандальный пластикат загудел от ударов фанга.

Признаюсь откровенно, я не имел ни малейшего понятия, что делать дальше.

Сломать челюсть и проделать пару дырок в дражайшем прихвостне Магды вис Мишикана — это отважно… чуть более безумно, чем отважно, но всё же. А вот стрелять в настоящего агента «Голубого Лотоса» на глазах у десятков зевак…

В общем, мне предстояло основательно обдумать свою дальнейшую судьбу и отношения с Красной Вистар. Причём за дюжину мгновений, которые требовались суке, чтобы обойти перевёрнутый стол.

Жи-ми перевернулся на бок и решительно потянулся к отлетевшему башеру. Я же почти прицелился в альбиноса, и даже хотел попросить не совершать дальнейших ошибок, но…

В воздухе снова просвистело, но немного иначе. В голову

раненого коротышки врубилось что-то крутящееся, увесистое, щёлкнув по черепу и мгновенно вырубив. А я с отвисшей челюстью распознал в метательном снаряде обычный строительный молоток на удобной рукоятке.

Только и смог пробормотать:

— Какого *уя…

А затем увидел хозяина инструмента, выбирающегося из искусственных кустов, обрамлявших круглую площадь.

— Стоять! — заверещала Магда. — Операция «Голубого Лотоса»! Вы все задер!..

Её вопль прервался на высокой ноте. Перешёл в вибрирующий хрип, затем в визг, затем в сиплый стон.

Выглянув из-за перевёрнутого стола, я увидел её, неуверенно стоящую в паре шагов от моего укрытия, подрагивающую, словно в припадке. С губ срывалась слюна, серьги перезванивались, как ловец ветра под ураганным шквалом; глаза закатились, башер лежал у хвоста, заколка с камнем тоже выпала из волос. Сатти колыхалась, грозя распасться на бесформенную груду ткани.

— Зарядись бодростью, сученька!

От знакомого голоса у меня перехватило дыхание, будто Жими снова врезал мне под дых.

Вскочив, я увидел *её* — в удобной стрелковой стойке, всё ещё держа перед лицом громоздкий шоковый башер, Ч'айя продралась из кустов в десятке метров левее своего спутника.

Магда мелко вздрогнула ещё несколько десятков раз, и, наконец, завалилась на бежевые плиты Саку-Харухейфа. Хриплый голос вернул меня в реальность:

— Подождём, пока они откроют глаза?!

Я обернулся, всё ещё отказываясь верить.

Гвоздодёр навис над телом альбиноса, деловито подобрал табельный башер, любимый молоток, затем сорвал и отбросил подальше «болтушку» коротышки, и без оглядки направился к пролому в ветвистой изгороди.

— Шевели булками, детка! — пробасила Ч'айя из-под противопыльной маски, вихрем проносясь ему вслед.

Байши, почему я был уверен, что она плотоядно улыбается?

На ходу девчонка подхватила мой рюкзак и нырнула в прореху. Стараясь не стонать от боли в боку, я поплёлся следом, ошарашено озираясь и наблюдая за неподвижными Магдой и её водителем.

Вот ведь как, чуть ли не впервые мы закончили разговор без традиционного *«тебе не покинуть Юдайна-Сити бла-бла»*… Что ж, вероятно, наш следующий будет отнюдь не язвительно-мирным.

Испуганно вопили улепётывающие в подземку чу-ха. Над

свето-струнным полотном сияло безоблачное небо, намекая, что для бесконечных перестрелок мы выбрали поистине прекрасный день.

Упругие искусственные ветки больно хлестнули по лицу.

За оградой обнаружился видавший виды трёхколёсный гендо с пассажирской кабиной над осью. Гвоздодёр ловко и без суетливой спешки (а следовало бы!) замотал башку широким платком, стянул с руля и надел широкие противопыльные очки, подоткнул кончик хвоста под ремень и взгромоздился на водительскую сидушку.

Ч'айя уже спряталась в кабине. Приоткрыла мне навстречу плотный брезентовый занавес, поманила со смесью тревоги и чистейшего, почти детёнышевского азарта.

Конечно, я забрался внутрь. Стараясь не стонать, устроился рядом, ощущая тёплое бедро девчонки. Подрагивающими пальцами зашнуровал полог, и только после этого спросил:

— Какого. *уя. Здесь только что. Произошло?

Вместо ответа мне сунули припыленный рюкзак и вдруг подмигнули:

— Кажется, самое время следует разработать другой план?

Гендо зафырчал, дёрнулся и покатил по площадному кольцу.

Окончательно обалдевший, я вынул из кармана флягу. Добротно глотнул, даже не обратив внимания, что затем Ч'айя выхватила её из моих пальцев, стянула маску на грудь и тоже приложилась к горлышку.

— Как ты здесь очутилась?! — я сонно проверил гаппи, тотчас убедившись, что сигнал по-прежнему исходит из уютного дома Заботливой Лоло.

— Подвёз новый друг. — Кареглазка закрутила флягу и по-хозяйски засунула в карман моего пальто. Даже ладошкой прихлопнула, мол, всё на положенном месте. — Когда мы убедились, что ваши переговоры, скажем так, зашли в дипломатический тупик, я решила действовать…

— Ты следила за мной?!

— Ага. Ты ведь сам предложил. — Она поёрзала, усаживаясь удобнее. Пальцем отогнула край полога, и с интересом осмотрела окружавший нас поток гендо и фаэтонов. — Гвоздодёр любезно скопировал наслоение, так что найти тебя оказалось не трудно. И да, прости, что я сняла свой гаппи. Это чтобы тебя попусту не волновать.

Попусту? Волновать? Чего, байши?!

— Но почему?! — Пожалуй, никогда раньше мне не было так трудно подобрать нужные слова. — Почему ты вообще решила, что мне понадобится помощь?!

— Инстинкт, если желаешь, — просто ответила она, не отрываясь от щёлочки. — Что-то внутри подсказало, что нужно держаться вместе. А ещё, Ланс, у тебя был такой вид… в общем, я решила действовать…

Гендо свернул на запад, углубляясь в Бонжур.

— Тогда Гвоздодёр выпросил отгул, взял это чудо техники в гараже Чёрных Юбок, — как ни в чём не бывало продолжила девушка, — и мы помчались по твоему следу.

Ох, как же много вопросов крутилось в моей голове в этот миг…

Приоткрыв оконце в тяжёлой занавеси, я наклонился вперёд и прокричал, надеясь, что шум улицы позволит Гвоздодёру расслышать:

— Ты вообще понимаешь, какой опасности подверг нас всех?!

Сначала показалось, что гневную отповедь унесло ветром. Но вот широкая спина чу-ха напряглась, он сбросил скорость, чуть повернулся и хмыкнул:

— Ну, у тебя-то всё было под контролем, верняк…

— Байши! — ощущая жгучий пульс на виске, я непроизвольно ещё сильнее повысил голос. — С какой стати ты вообще взялся мне помогать?!

На этот раз он даже извернулся за рулём. Смерил изучающим взглядом из-под водительских очков.

— А тебя волнует?

— А я любопытный!

Теперь, когда жар внезапной схватки спадал, я наконец начинал оценивать весь ужас случившегося. И нереальный вес ожидающих нас последствий…

Гендо ещё сильнее сбросил скорость в плотном потоке, и теперь Гвоздодёру даже не пришлось повышать голоса.

— Подруга твоя аж взвилась, — оскалился тот, искоса поглядывая на дорогу. Слова бросал небрежно, дозировано, будто сплёвывая через плечо с нашивкой уютного дома. — Вот я и пошёл. Люблю чудн **ы** х самок…

Я задохнулся, будто заново ощутив боль в сломанном ребре. Байши, вот что тут скажешь?! То ли поблагодарить засранца, то ли ещё раз в морду двинуть…

— Так! — вдруг вклинилась Ч'айя. — Что делаем дальше?

Казалось, случившаяся стычка с агентами «Лотоса» её совсем не потрясла.

— Мне жутко любопытно, что это была за сучка в погребальном саване, — чуть ли не с весельем добавила она. — Да и про её беленького дрочилу я бы тоже послушала, похоже вы друг к другу давно не равнодушны. Но сейчас больше интересует

дальнейший план…

Я откинулся на продавленную тысячами спин и изодранную когтями пассажиров спинку. Байши, девочка… да если бы твой «защитник» сам этот план знал, а?

Сказал твёрдо, чтобы не возникло ни капли сомнения в верности выбранного варианта:

— Нужно заскочить в нору.

Капля сомнения всё же нашлась. Даже не капля — ведро.

— Ты спятил?! — прыснула Ч'айя. — Нас там наверняка ищут.

— Искали. При всей мудрости Песчаного Карпа он вряд ли решит, что мне достанет ума вернуться домой.

Ещё я мог бы добавить, что теперь нам понадобится нечто большее, чем «Молот», гвоздодёр и шоковый башер. Но не стал.

Ч'айя хотела что-то добавить, но задумалась. Проступившую на лбу морщинку стало видно даже в полумраке кабины. Наконец девушка кивнула, уверенно сунулась в оконце:

— Дёрчик, рули к дому Ланса! Только дворами, пожалуйста, неприметненько.

Я чуть не поперхнулся. Однако чу-ха на запанибратское обращение не отреагировал, и только крутанул руль, под вой клаксонов перестроив гендо в соседний ряд движения.

Мне оставалось лишь молчать, будто выловленная из Ка-Соу рыбина. Подавленная и морально выпотрошенная рыбина. Молчали даже неугомонные виртуа-Лансы в голове.

Итак, десять минут назад Ланс фер Скичира при поддержке «союзников» начал открытую войну с Магдой вис Мишикана и её могущественной стаей. Разумеется, именно этого как раз не доставало в моей скучной серой жизни…

Быть может, лучше бы Ч'айя стреляла боевыми фанга? Неужели пару часов назад я действительно полагал, что сумею натравить «Голубой Лотос» на «Уроборос-гуми»? Или всё же стоило применить «низкий писк», заставив Магду силой таланта?

Этого мне уже никогда не узнать…

Неприметный гендо катил по улицам района, помрачневшая Ч'айя пялилась на красоты Бонжура в щель между стеной кабины и пологом. Я тоже угрюмо молчал, постаравшись незаметно ощупать рёбра. Бок ощутимо жгло, самодельный корсет определённо сломался…

Вскоре ощущения подсказали, что трехколесник съезжает на нижние развязки. Шум снаружи стих, его заменили привычные звуки дворов-колодцев комплеблоков.

Видимо, выбора не осталось. Нужно затаиться. Использовать все возможные ресурсы и залечь так глубоко, где не бывает

солнечного света.

Хмурясь всё сильнее, я с раздражением поймал себя на том, что начал вспоминать изменчивые карты Такакханы и места, где успел побывать. Впрочем, мысль была не такой уж и убогой: в Нижнем Городе можно с лёгкостью найти грошовую модульную гостиницу, где не станут задавать лишних вопросов. Но что дальше?

А дальше гендо остановился, Гвоздодёр выключил двигатель.

Вздрогнув, я осторожно выглянул наружу.

Трехколесник замер в углу знакомого подвала, ничего подозрительного в поле зрения не попалось.

— Сиди тут, — негромко приказал я, втискиваясь в лямки рюкзака.

— С тобой пойду… — начала было Ч'айя, но я не позволил.

— Нет, не пойдёшь! Сейчас ты точно останешься тут, сисадда?

К моему неподдельному удивлению, повторять не пришлось. Хотя губы подруга всё же надула и обняла — словно детёныш любимую игрушку, — лежащий на коленях башер.

— Благодетельная Когане Но, откуда у тебя вообще оружие?!

— Лоло подарила, — не очень-то дружелюбно процедила Ч'айя. — Хорошие девочки должны помогать друг другу!

Интересно, она бы применила ствол, если бы Заботливая Лоло подарила ей *боевое* оружие? Впрочем, пока об этом я не хотел даже думать…

— А стрелять ты когда научилась?!

— А кто тебе сказал, что не умела?

Я поджал губу. Ох, до чего же о многом нам ещё с этой девчонкой предстоит переговорить… Покачал головой, понизил голос и донельзя вдумчиво подобрал слова:

— Знаешь… я хотел сказать… Это было очень рискованно, и ты не должна… — но против воли ухмыльнулся и выразительно покосился на шокер. — Но я благодарен, что долбанула эту суку. Не поверишь, но мечтал об этом уже несколько лет!

Она развернулась, взглянула в глаза и вдруг широко улыбнулась, почти кровожадно.

— Сложные отношения?

— Сложнее женитьбы, — я невольно отвёл взгляд. — Расскажу как-нибудь.

Добавил по-прежнему спокойно, взвешенно, без нажима:

— Расскажешь, как, ради Когане Но, вы вообще успели сдружиться с Гвоздодёром?

— Это непросто, — Ч'айя сморщила нос и кончиком пальца погладила морщинку над бровью. — Вот ты, Ланс? Ты ведь даже

не задумывался об опасностях, когда знакомился с Юдайна-Сити? Мне тоже пришлось. А вообще это были твои слова. О том, что рано или поздно подобное случится…

Серьёзно, мои? Ну что ж, пусть такая манера заводить друзей не совсем соответствовала моему стилю, но разве это делало её поводом для критики?

— Значит, ты просто пошла к нему в кабинет и сказала: «куо-куо, Дёрчик, давай-ка дружить и помогать моему самцу»?

Девушка ответила быстро, даже не задумываясь.

— Почти. Первым делом я уточнила у Заботливой Лоло, кто в доме надёжен и может стать другом. И она ответила, что если отныне мне придётся терпеть рядом с собой Ланса фер Скичиру, то лучшим другом станет тот, кто готов терпеть его так же, как я сама. Ну, или когда-то пытался выбить терюнаши зубы.

О, действительно, это многое объясняет. Хоть и очень похоже на правду…

Вздохнув, я расшнуровал занавес. И уже почти выбрался из кабины, но всё же не удержался — поинтересовался тихонечко, чтобы не расслышали снаружи:

— Кстати… а тебя ведь зовут?.. — и выдержал многозначительную паузу.

В полумраке сверкнула обворожительная улыбка.

— Белый крысюк так крепко врезал тебе по макушке, что ты забыл моё имя, дурачок?

Драть вас всех метровыми бычьими *ями! Почему меня всё чаще называют дурачком?! Но вместо негодования я изобразил усталое смирение. Покорность перед смешливой госпожой, если угодно.

— Ага, крепко врезал…

— Куранпу, конечно… — Она снова улыбнулась. Ласково потрепала по плечу, заставив щёки вспыхнуть: — Постарайся не задерживаться. И не влипать в неприятности, сисадда?

О, разумеется, сисадда, что же тут непонятного? Ещё бы кто-нибудь объяснил неприятностям, что им тоже не стоит влипать в Ланса фер Скичиру…

Откинув полог, я выбрался из кабины гендо. Гвоздодёр обнаружился у переднего колеса — стянув пыльный платок на горло, разминал нижние лапы. Из-за пояса, рядышком с подвеской для боевого молотка, выглядывал башер бедолаги Жими.

— Куо, Ланс, — оскалился самец, будто мы были добрыми приятелями, к тому же не виделись пару недель. — Не злись.

— А я вовсе и не злюсь.

Слова давались на удивление спокойно, но стоять я при этом

старался так, чтобы чу-ха не дотянулся первым ударом. Если в перспективах вырисовывалась очередная драка, на этот раз предпочту обойтись без кастетных прелюдий. Неопределённо повёл плечом:

— Я совершенно беззлобно вскипятил себе мозг, совершенно не понимая, какого беса ты тут делаешь…

— Мхм… — Тот прекратил разминку, задумчиво сдвинул брови. — Почему бы тебе не решить, что мне просто интересно?

— Ах, всё дело в любопытстве?

— Ага, представляешь?! Вот смотрю на тебя каждый раз — хоть и всего второй, однако ж… а теперь ещё и на самку твою, — так вот представь, всё никак не могу в толк взять, что же вы *такое*…

Это казалось удивительным, но в голосе охранника уютного дома не звучало ни угрозы, ни оскорбления, ни даже намёка на скрытое давление. Стоявший передо мной крепкий самец говорил просто и откровенно, одним видом намекая, что поверю я его словам или нет — вопрос многократно вторичный.

— При этом, Ланс, — добавил он, многозначительно постучав пальцами по башеру за поясом, — чем бы вы там с Куранпу ни были, в лапы таких сучек — как та байши в красном, — лучше не попадаться…

Ох, Гвоздодерчик… знал бы ты, насколько прав.

Однако вместо того, чтобы согласиться или возразить, я заставил себя недоверчиво прищуриться.

— И всё же ты не договариваешь…

— А это так обязательно?

На этот подлый вопрос я отвечать уже не стал.

Поджав губы, зашагал к знакомым лифтам, немало сил прилагая, чтобы не обернуться на кабину с притихшей Ч’айей… то есть с Куранпу, нереально диким и неожиданным способом вмешавшуюся с мои переговоры с Магдой вис Мишикана.

Впрочем, переговорами встречу в Круге Весеннего Спокойствия назвал бы только непрошибаемый оптимист. А когда в мою голову в очередной раз нагрянет мысль столь же гениальная, как идея просить помощи у «Лотоса», я буду просто обязан сделать ровно наоборот…

Глава 7
ЧУДЕСНЫЙ СЮРПРИЗ

На родной этаж я выходил с приготовленным к пальбе башером. Почти до локтя погрузив руку с «Молотом» в рюкзак, нёс его перед собой, готовый в любую секунду отбросить от груди и начать стрелять.

Добирался я до этого самого этажа, к слову, тоже отнюдь не прямой тропкой.

Первым делом из парковки поднялся в соседний подъезд, после заплёванными коридорами проскочил в смежный, спустился на шесть пролётов, и только затем перешёл в свой и завершил путешествие осторожным подъёмом по лестнице.

Навстречу, как и в любой прочий день моего проживания в «Куске угля», попадались заспанные мамаши с пищащими детёнышами, вонючие старики или гомонящие подростки. При этом, как бы внимательно ни присматривался к хвостатым, я не заметил на мохнатых мордах ни малейшей попытки делать вид, что ничего не происходит.

Вероятно, если бригады зачистки «Диктата Колберга» и побывали в здании после предательского убиения криитов (а может, в придачу и тетроны), следов они не оставили и на размеренный темп жизни комплеблока не повлияли.

Однако перед выходом на нужный этаж я перевёл дух и ещё раз всё взвесил…

Могло так случиться, что прозорливые Хадекин или Песчаный Карп бросили мою любимую нору без присмотра? Я очень надеялся, что да. Потому что любой (хоть мало-мальски вдумчивый) прогноз дальнейшего был просто обязан показать, что даже терюнаши достанет мозгов не возвращаться в жилище, как минимум в ближайшие пару суток.

В голове снова заиграла рваная тревожная музыка. На этот раз к странным духовым инструментам того, что я именовал «джазом», добавилась отчётливая барабанная дробь. То зернисто-мелкая, то крупная и неуловимо внушительная, она ещё быстрее разгоняла кровь.

Вдоль стены я проскользнул к норе, снова замер.

Даже снаружи у меня оставалась возможность подключиться к системам жилища, чтобы с помощью гаппи выяснить, кто, в каких количествах и когда пересекал мой порог. Однако же в итоге я опустил «болтушку».

Если внутри побывали (или вовсе оставались) парни

джинкина-там (причём любой из его/их ипостасей), виртуальной крысе ничего не стоило подчистить любые мицелиумные следы. А вот если незваных гостей пронесло мимо, моя активность в «мицухе» точно привлечёт внимание глубоководного хищника…

Наконец решившись, я открыл дверь и осторожно вошёл. Освободил «Молот» от рюкзака, осторожно отставил тот к стене, прислушался и принюхался.

Ничего необычного.

Ничего подозрительного.

Ничего чужеродного.

Выглянув в гостиную, я поразился собственным ощущениям: байши, мы с девчонкой и ушли-то несколько считанных часов назад, а показалось — прошла целая вечность…

Я запер дверь, причём в том числе на крепкий засов; не разуваясь, прошёл в комнату. Первым делом предельно затемнил окна, выключил системную консоль и заблокировал все дополнительные устройства с потенциальным выходом в Мицелиум. Ведь если глупый пищевой комбайн случайно отправит запрос на заказ сменного фильтра для чинги, кое-кто сможет догадаться…

По-настоящему выдохнуть удалось лишь после этого.

Бросив рюкзак на диван и выложив башер на столик, я плеснул себе паймы (буквально глоточек, только губы промочить), и осмотрелся.

Едва ли у меня оставалось больше десятка минут на сборы. Десятка жалких минут, после которых мне придётся снова оставить эту уютную нору с её коллекцией чудесных зеркал, удобно-продавленной кроватью и шикарным персональным кабинетом. И что-то подсказывало, что вот на этот раз — точно навсегда…

Первым делом, торопливо раздевшись, я отремонтировал корсет, треснувший после «переговоров» с Жи-ми. Причём для спешной починки пришлось использовать не бинт (его запасы остались рассыпаны по кровати уютного дома Лоло), а отрезанную от простыни полосу, вымоченную в «жидком пластыре» (а вот его запасная бутылка сыскалась).

Обмотавшись по утренней схеме прямо поверх надломленной альбиносом перевязки, я старательно подоткнул край и довольно постучал пальцем по свежей бугристой корке.

В принципе, если не дышать, то даже не болело.

Прихлёбывая из пиалы (допустим, там было немногим больше глоточка паймы), я начал собирать вещи в крепкую дорожную сумку.

Внутрь отправились остатки аптечки, сменное исподнее и

запас свежих портянок, боеприпасы, початая бутылка, сменные батареи для «Сачирато», ещё пара перепростроченных «болтушек», не самая многочисленная коллекция наличных рупий из сейфа, дополнительный запас пищевых брикетов (дрянь, конечно, но кто знал, где и как нам предстоит провести ближайшую ночь, а то и не одну?). Задумавшись о Ч'айе, я добавил в сумку набор гигиенических салфеток, почти свежее полотенце и флакон жидкого мыла.

Меня так и подмывало прихватить в бега ещё и «Копилку боли» с её дюжиной едва не прикончивших меня фанга, но её пришлось оставить в шкафу. Как минимум потому что внутренний голосок гадко нашёптывал, что совсем скоро она могла элементарно переполниться…

Заново одевшись, я вытянул из кармана пальто трехконцовый галстук. Задумчиво повертев, надел, подтянул хвосты и зафиксировал увесистым зажимом. Пусть лучше болтается на шее и превращает Ланса Скичиру в модника, чем ещё раз помешает ему быстро использовать кастет.

После этого я вынес увесистую сумку к двери и надёжно застегнул так, чтобы приклад ассолтера выпирал как можно незаметнее. Ещё раз осмотрелся, машинально проверил уведомления гаппи… и бесшумно присвистнул: меня приветствовал целый ворох безответных вызовов от Нискирича фер Скичиры, один от синешкурки, пяток с незнакомых профилей (наверняка от Хадекина фер вис Кри или его ненормального братца), а ещё… два пропущенных с помеченной ячейки Пуговичника.

И новая запись, пересыпанная буквально несколько минут назад.

Я вздрогнул, в груди ёкнуло. Может, от выпитой паймы (допустим, в пиале было солидно больше глотка для смазки губ), а может и нет. Прекрасно осознавая, что сейчас не время и не место, я тем не менее наблюдал за собственным пальцем, тянущимся к сенсорной панели «болтушки». Вот он помедлил над ней, а вот ткнул в значок записи, запуская свето-струнное изображение над запястьем.

В заушнике тут же раздался знакомый хриплый голос:

— Ты ссышься говорить со мной, бесхвостый трус?! Трус-натружусь. Тогда я порадую тебя так, мешок внутри мешка…

На слепке снова проступил знакомый стол, однако на этот раз стулья и привязанные к ним мёртвые самки оказались отодвинуты к стенам полутёмной комнаты. На овале столешницы виднелось тело, и мне потребовалась всего пара секунд, чтобы разглядеть девочку-подростка. Вероятнее всего, ту самую, что ещё

утром извивалась в мешке…

Самочка оставалась неподвижной, и было совершенно невозможно разглядеть, спит она или убита — лапы вытянуты вдоль тела, морда отвёрнута в сторону.

— Ты плохой враль, Ланс… Гадкий недостойный, и я не верю, потому что две пустоты переполняют… — продолжал ублюдок по ту сторону записи. Запнулся, будто поперхнувшись воздухом, и продолжил уже спокойнее: — Но я всё ещё хочу позвать тебя в гости. Среди *настоящих*, да. Потому что ступень в ступени, если понимаешь, а я ещё больше хочу тебя разоблачить. Разоблачить-ублажить. Чтобы для всех.

Когда Пуговичник двинулся в знакомый обход, стол неестественно заблестел. А в следующий миг я всё понял… Заметил низкие бортики по краю столешницы. Оценил блики. Разглядел тончайшую матовую корку по периметру. И понял, что девчонка лежала в огромной луже крови. Ещё свежей, только начинающей подсыхать.

— Ничтожество, Ланс Скичира, — срываясь на придыхание, пробормотал борф на записи. — Чтожество-ничтожество. Жечнич-тоже-вотс! И я сделаю, чтобы ты объявил об этом на всё гнездо. Скажешь! Возглавишь превозглашательство! Сучкин сынишка Ланс, про тебя говорили, что ты посланник высших сил, да!? Ну же, гадкий трус, опровергни это, чтобы была правда… Настоящие у меня!

Тяжело дыша, он подступил к голове юной пленницы. Приблизил камеру, позволяя разглядеть глаза жертвы: один всё ещё настоящий, остекленевший, бездумно уставившийся в стену, и второй — крупную зелёную пуговицу.

А ещё я заметил, что веки девчонки слегка подрагивали…

Голос в заушнике стал твёрже, будто его обладатель спохватился и сменил роль:

— Кстати, Ланс… ты, наверное, мог решить, что всё *это* я делаю ради тебя?

В кадре на миг появилась узкая лапа с серой шерстью запястья; плавным жестом обвела комнату и неподвижные силуэты на стульях вдоль стен.

— Не льсти себе, убогий мутант. Я имел сласть-власть над этим городом задолго до тебя! Настоящую, неуловимую и неизбежную для моих деток… Как пузырь в пузыре, сисадда? Но в последние годы мне всё чаще не даёт покоя мысль, что таковым же себя считаешь и ты… Враль, вор, трус, комната в комнате! А когда улица зашептала, что теперь ты работаешь на крупнозубых из самого Тинкернальта?! Ну… прости-извини-помилуй, ворюга, тут я сдержаться уже не смог…

Он всё ещё двигался вокруг стола, но я уже не смотрел, глубоко задумавшись.

Юдайна-Сити всегда мог гордиться своими безумцами, их самым разнообразным набором. Вся его атмосфера, его воздух, его давление, неугасающие огни и непрерывный шум, смех, визг и крики — весь этот опасный коктейль день за днём переплавлялся в идеальный пресс для штамповки спятивших самой разной масти, от мирно поплывших безнорых тихонь до массовых отравителей газом на станциях сквозного транзита.

Да вот только подобного «вызова» мне ещё не бросали ни похитители детёнышей, ни серийные резчики по живой плоти, ни какие-либо иные психи…

— Даю тебе три дня, Ланс, — прохрипел невидимый Пуговичник, пощёлкивая когтем по гаппи и, вероятно, настраивая запись на уничтожение после просмотра. — Три дня, дня три, днятрня, сисадда? В каждый из которых у меня будет появляться новая игрушка. Игрушка-послушка. Мицелиум безграничен, безграничен-симпатичен. Но ты всё равно найди меня, предвидь меня, поговори-говопори. Победи колдовством, которого не существует. Или убей себя. Чтобы все знали…

Слепок над запястьем погас, мой основной гаппи сообщил об ожидаемом удалении пакета.

И тогда в тишине уже брошенной, оставленной, почти забытой, но ещё не знающей об этом норы я вдруг услышал собственный голос; приглушённый, сиплый, словно после недельного перепоя, но шепчущий в пустоту с пугающим жаром:

— Найду, мразь… Не знаю, сука, что у тебя с мозгами, но я обязательно найду и всё поправлю…

Я встряхнулся всем телом.

Несвоевременность, своенравная дрянь, со всей очевидностью становилась моей неразлучной спутницей…

Найди меня, предвидь меня. О, я с огромным удовольствием сделал бы это в любой другой день… Может быть, даже в одиночку, без подключения к вопросу «Детей заполночи», но сейчас…

Каскады музыки в голове утихли. В ней осталась лишь гнетущая тишина, не предвещающая ничего доброго, гулкая, будто в подземелье.

Тогда я вышел из норы и запер дверь. В последний момент не удержался, и зачем-то погладил створку, гладкую, пыльную и изрисованную шпаной.

На этот раз вышагивать с обнажённым башером было не так удобно, поэтому я закинул увесистую сумку на левое плечо поверх рюкзака, а правой рукой ухватился за её лямку, чтобы

была поближе к оружию. Вероятнее всего, если бы моё возвращение засекли, за порогом норы бы уже ждали, но всё же…

В лифте снова задумался.

И ткнул обломком хаси вовсе не в подвальную ячейку клавиатона.

Я должен сказать ей. Лично. Даже если попаду в объективы вездесущих камер. Она так много сделала для меня за эти годы (а теперь ещё и для Ч'айи), что иначе я поступить просто не мог…

На первом этаже комплеблока неторопливо двинулся через знакомый холл — просторный, но неопрятный и местами откровенно загаженный. Кивнул ребятне в дальнем углу у ростовых окон на 13-ю улицу — знакомец Пятка и его дружки играли в «сдвинь шар», шумно позвякивая и ещё более шумно комментируя. Прошёл к чингайне, миновал раздвижные двери.

Как обычно, внутри было шумно и пахло едой. Обитатели «Куска угля» спускались выпить чашку крепкого варева или сожрать нехитрую закуску, старики рубились в моннго, редкие залётные клиенты жались к окнам-витринам, наблюдая за спортивными гуляниями снаружи.

У длинной стойки собирали заказы парочка самок в форменных фартуках. Одна при виде меня улыбнулась и подняла скрещённые пальцы, но вторую я не знал — новенькая зыркнула на терюнаши с суеверным ужасом и предпочла убраться протирать круглые столы.

— Куо-куо, малышка, — улыбнулся я в ответ и оправил сумку, — будь ласкова, позови Сапфир. Это важно.

Та нахмурилась, мохнатые уши прижались к голове. Заставили меня нахмуриться:

— Что-то не так?

— Госпожи нет на месте.

Казалось, официантка стесняется говорить. Или я снова чего-то не улавливал?

— Она осталась дома?

— Не могу этого знать, господин фер Скичира…

— Не сказала, когда вернётся?

— Простите, господин фер Скичира, мне нужно работать…

И самочка унеслась на другой конец стойки с такой скоростью, что я не успел спросить что-то ещё.

Байши… Одно из двух: или я так устал, что начинаю видеть несуществующее в совершенно обыденном, или здесь действительно что-то не так.

Вернувшись в холл комплеблока, я направился к подросткам в углу.

Через пыльные окна у входной двери были заметны толпы

фанатов и экраны с трансляциями игр (судя по всему, шёл перерыв). Как я и предполагал, о случившейся несколькими часами ранее перестрелке на 13-й улице уже ничего не напоминало.

Кроме разносчика воды Пятки, среди малолетних игроков также оказались знакомые Дырявая Жопа, Засветло, Две Мозоли и Палка; остальную четвёрку я не знал.

Самый рослый парнишка неспешно поднялся с корточек, прокатил по грубой ладони пару игральных шариков, и скрестил пальцы на свободной лапе:

— Куо-куо, Ланс. Всё ещё ощущаешь тяжесть бренного существования?

Затем Пятка горестно вздохнул и поскрёб щёку с яркими шрамами тоннельных болячек. Ему было едва ли больше пятнадцати, но подчас крысюк вёл себя, будто глубокий, изнурённый жизнью старик.

— Все наладится, пацан, — традиционно кивнул я. — Чего не на штормболе, молокососы. Вы не голодные?

— А ты накормишь? — молниеносно оскалился Палка.

— До новой игйы ещё полтойа часа, — картаво пискнул самый младший Засветло, и тут же принялся деловито ощупывать сумку на моём плече. — Пйодаешь нагйабленное? Почём? Есть чо интейесное?

— Терюнаши, ты хвост потерял! — визгливо рассмеялся Дырявая Жопа, но угрюмый незнакомый парнишка опасливо ткнул того в бок и незаметно дёрнул себя за ухо, чтобы отвести сглаз.

— Шикарный галстук! — тявкнул незнакомый крысеныш. — Дашь поносить?

— Ага, дам, только шею вымой! — Я предупреждающе пшикнул, лёгким пинком отогнал Засветло от спины и сумки, и тут же спросил: — Давно тут трётесь?

— Пару часов, — важно кивнул Пятка, которого в стае определённо почитали за старшака. — Мож больше… Есть нам работа?

— Пока нет, — осторожно ответил я, а компания разом погрустнела. — Сапфир видели?

Молодые чу-ха вдруг отвели глаза, как один. Даже верный Пятка.

— Рассказывай, — велел я. Наугад вытянул из кармана пальто пару смятых рупий. Тревога усилилась. — Выкладывай, как есть.

— Да ну чо тут рассказывать, Ланс? — протянул уличный водонос, шустро забирая деньги (остальные проводили купюры

жадными взглядами). — Уехала она.

— А чего так драматично? — снова ухмыльнулся я.

И уже через мгновение узнал причину.

— Ну, так она с *вашими* уехала, — Пятка вздохнул. — Трое «Детей», я не разглядел толком. Кажется, она выглядела не очень довольной, Ланс… Случилось чего?

Упомянутый галстук сдавил шею, мешая вдохнуть. Случилось ли чего? О, Когане Но, я очень надеялся, что нет… Но если вспомнить Великую Несвоевременность, только этого мне сейчас ну прямо остро не хватало…

— Давно?

— Да как раз пару часов как, мы только начинали.

— Когда объявится, сразу сыпани мне на гаппи, — как можно спокойнее приказал я, и добавил мальцу ещё две рупии. — Больше ничего необычного?

— Шуткуешь, да? — Пятка снова с неуловимой ловкостью спрятал деньги за пазухой. — Тут всю ночь чужие мордовороты шлялись, затем шумиха эта… — Он мотнул головой в сторону притормозивших уличных гуляний. — Потом ещё тетроны приезжали. А ещё казоку-йодда, но не «Дети», и не «Вёрткие»… Тебе что из этого в красках расписать?

Единственное, что я на самом деле хотел знать, так это не искали ли незнакомые мордовороты известного в районе Бесхвостого Джадуга… но ответ лежал на поверхности и бесплатно.

— Берегите хвосты, мелкотня, — я кивнул всем сразу, причём уважительно, без скидок на возраст и положение, и шумная стайка ответила лёгкими поклонами.

— И тебе не хворать, терю…

Я ещё раз беззлобно отпихнул Засветло, незаметно почти расстегнувшего сумку с припасами, и направился к лифтам.

Не поворачиваясь, бросил на ходу:

— Если меня спросят, я отсыпаюсь, сисадда?

— Десять рупий за каждый вопрос, Ланс, — донёсся в спину голос Пятки, а кто-то из его подопечных смешливо взвизгнул. — Можешь дать вперёд!

п.4.; г.7; ч.2

…На этот раз тишина и вонь лифтовой кабины показались мне совершенно нестерпимыми. В висках колотило, во рту пересохло, приятный эффект от недавнего глотка паймы растворился без следа.

Моя Сапфир укатила в компании «Детей заполночи»? Моя синешкурая Сапфир, при любом упоминании дел казоку тактично прятавшая взгляд и прижимавшая уши? Что вообще происходило в нашем родном комплеблоке, пока Ланс Скичира готовился спасать привычный мир?

Затхлый воздух подвала пах новыми неприятностями, щекотал в носу и вынуждал морщиться.

Знакомый гендо оказался на прежнем месте, в укромном закутке дальнего угла парковки. При моём приближении из тени выплыл Гвоздодёр, наблюдавший за трехколёсником из удачно выбранного укрытия. Вышибала уютного дома выглядел насупленным. Он выглядел чу-ха, начинавшим подозревать неладное…

— Всё в норме? — негромко поинтересовался он.

— *уй его знает… — честно ответил я.

— Наверху были неприятности?

— Нет. Но, возможно, будут. Ч'айя в порядке?

— Кто?

Байши…

— Куранпу. Моя подруга. Она в порядке?

Если Гвоздодёр и удивился, виду не подал.

— Уснула.

Теперь выглядеть не сильно-то удивлённым постарался я сам:

— Умоталась, как пить дать…

Опустил сумку на пол, приоткрыл полог и взглянул на девчонку. Всё ещё сжимая шоковый башер на коленях, та откинулась на продавленную спинку и спала, причём, судя по всему, достаточно крепко.

Только сейчас я обратил внимание, что Куранпу одета в многослойную тёмно-синюю накидку с просторным капюшоном и прочными кожаными вставками, куда менее драную и застиранную, чем моя. Вероятно, тоже подарок Лоло…

А ещё мне отчего-то показалось, что в тесной кабинке проснётся всё же Ч'айя. Кстати, с премерзким послевкусием после глотка паймы.

— Возникло дело, — понизив голос, сказал я Гвоздодёру. — Важное.

Бережно, чтобы ненароком не разбудить, забрал маску с коленей спящей красавицы.

— Нужна помощь?

Охранник казался собранным и готовым к любой драке, чуть не заставив снова поинтересоваться, почему вообще помогает.

— Справлюсь.

О, до чего же мне действительно хотелось в это верить!

— Но просьба будет: отвези девчонку обратно к Лоло. И больше не выпускай, сисадда? Если спросит, скажешь, что поехал к отцу. Там мне точно ничего не грозит, так что для волнений причин не найдётся.

— Хао, — запросто кивнул чу-ха с молотком на поясе.

— И пусть снова наденет «болтушку».

— Передам.

— Надеюсь, я недолго.

Ну вот, достаточно добавить слово «надеюсь», и тебя уже не смогут обвинить во лжи. Гвоздодёр слушал, не забывая поглядывать по сторонам и провожать отъезжающие фаэтоны подозрительными взглядами.

— Как только закончу, сразу двину в уютный дом.

— Хао. Заходи со двора, я увижу и открою.

— Без проблем.

Да, отличный план: ненадолго в Нарост, и сразу к Заботливой Лоло. Так просто! И пусть я частенько выдавал желаемое за действительное, сейчас собирался приложить все усилия, чтобы так на самом деле и оказалось.

Снова приоткрыв полог, я угнездил сумку на сиденье рядом с девушкой. Пришнуровал истрёпанный край, отступил:

— И ещё, Гвоздодёр…

Тот уже деловито наматывал шарф, но теперь замер и окинул вопросительным взглядом.

— Я правда благодарен тебе за помощь.

Чу-ха широко оскалился, и расшифровать крывшуюся за этим эмоцию я не сумел…

Уточнять не стал. Развернулся, пошёл прочь, в только что скрывавшую охранника тень, к агонизирующему свету потолочных ламп соседней секции. Пошёл не оглядываясь, ведь оказалось неожиданно больно наблюдать, как Гвоздодёр увозит Ч’айю.

Доверял ли я крепышу, с которым всерьёз пересекался едва ли третий раз в жизни? Что ж, в сложившихся обстоятельствах — пожалуй. Насколько это вообще было возможно в таком замечательном месте, как Юдайна-Сити…

Дождавшись, пока стихнет шум движка гендо, я ускорил шаг

и направился на знакомый парковочный номер. Наверное, если бы фаэта там не оказалось, мне пришлось бы аккуратно угнать соседский. Не то, чтобы я считал себя специалистом в вопросе, но пару раз доводилось, справился бы. Разумеется, после я бы обязательно вернул транспорт на место, мы же соседи!

Однако знакомец «Барру» оказался там, где и всегда — ржавое ведро, держащееся в воздухе полётных коридоров исключительно на вере в добро и (что не совсем точно) волшебной пыльце.

Убедившись, что зрителей нет, я опустился на колено и просунул руку под кожух переднего колеса; отстегнул магнитный чехол с запасным ключом запуска, поднялся, непринуждённо отряхнул брезентовую штанину.

Конечно, в базах гаппи всегда можно было отыскать кого-то из казоку-пунчи, по долгу службы отиравшихся поближе к «Куску», да и попросить того подкинуть до нужного места… Но добрая половина виртуа-Лансов отчего-то воспротивилась. А полтора десятка пропущенных вызовов от Нискирича только усугубляли это нежелание.

Никакой электронной тонировки на окнах колымаги, разумеется, не было. Потому я аккуратно задёрнул пошленькие шторки (неизменный атрибут транспортного средства, принадлежащего любой самочке гнезда), и только после этого включил двигатель.

Тревоги наслаивались, уже не позволяя определить, какая важнее. В животе урчало с намёком, сознание ощущалось безобразно трезвым.

Когда я в последний раз вообще говорил с Сапфир? Приблизительно тысячу лет назад в подвальной норе, оставляя Ч'айю на попечение синешкурки. Затем через гаппи из особняка Чинанды-Кси, да. А уже этим утром её «болтушка» принимала только звуковые послания, хотя в ответ помощница меня вызвать-таки всё же разок попыталась. Ладно…

Что вообще могло произойти в «Комплеблоке-4/49», пока мы с Ч'айей прятались, а затем улепётывали от агентов «Уробороса» и делились сокровенным с Заботливой Лоло?

Нискирич фер Скичира узнал про Ч'айю и её недавнюю связь с Сапфир? Он задумал обложить отца синешкурки новой непомерной данью, а тот встал в бойцовскую стойку? Моя помощница совершила недопустимое, нарушила непререкаемые законы улиц? Или всё это с неким умыслом подстроил джинкина-там, и наплевать, в какой из своих ложных форм?

Перебирая в голове эти и ещё более нелепые предположения, я выкатил фаэтон в западный переулок «Куска угля» и двинулся

на юг.

Подворотневые ссыкуны, пьяницы и уединившиеся под лестницами парочки в шарфах штормбольных команд визгливо возмущались и швырялись мне вслед бумажными стаканами из-под эля.

Чертыхаясь, я медленно полз через рой хвостатых болельщиков к свободным полосам движения. Впрочем, что значит «медленно»? Я видел девяностолетних чу-ха, бегавших быстрее, чем сейчас катился мой дряхлый фаэтон…

Наконец в толпе образовался просвет.

Я тут же прибавил скорости, вырвался на проезжую часть 12-й улицы, при этом чуть не сбив пару гендоистов. Не уставая дёргать за рычаг клаксона (пусть сами разбираются, извинялся я, или негодовал от их нерасторопности), вывернул направо, где наконец пустил неудержимый болид в более приличном темпе.

В голове продолжали гудеть самые нелепые предположения.

Сапфир поэтому не отвечала на мои вызовы? Или на пару с Нискиричем готовила мне тайную гулянку? Или собиралась попросить у «Детей заполночи» в долг?

А может, у неё возникли проблемы, с которыми ходят исключительно к казоку-хетто, и просят тихо, склонив голову и проявляя достаточное уважение? Тогда почему, ради Благодетельной Когане, она не пришла ко мне?! Или же дала о себе знать плохо скрываемая ревность к Ч'айе?

Могло быть так, что Сапфир неверно истолковала последствия утренней стычки перед комплеблоком и покатила к старшему фер Скичире умолять найти непутёвого пасынка и подлатать его продырявленную шкуру? Виртуа-Лансы наперебой сыпали теориями, ни одну из которых их вожак не мог ни подтвердить, ни опровергнуть.

Задумчиво обгоняя фаэтоны и гендо, я мельком поблагодарил чемпионат, основательно сокративший количество водителей на улицах, иначе новой вмятины на капоте «Барру» мне было бы точно не избежать…

В нужном месте я натужно подбросил корыто в силовой коридор и свернул в сторону казоку-шин. И чем ближе подбирался к крепости «Детей заполночи», тем отчётливее понимал одно — разгоравшейся войны кланов действительно не избежать.

«Сухих колец» стало ощутимо больше — то здесь, то там я видел дозорные четвёрки или даже восьмёрки крысюков в чёрно-жёлтых жилетах; настороженных, вынюхивающих, с укороченными ассолтерами под накидками.

Толпа, даже перебравшая винца, старалась держаться от

патрульных подальше. Как и «полосатые рубашки», готовые в любой момент стать свидетелями, но никак не участниками возможной схватки с залётными чужаками.

Что ж… оставалось надеяться, что у мудрого Нискирича хватит сил и терпения разыграть эту партию, не подставиться под Магду, одолеть «Прыгунов» и не навлечь гнева бонжурцев. А ещё — не втягивать в заваруху меня, и без того, скажем так, обеспеченного проблемками…

На пустой эстакаде, ведущей к воротам Нароста, установили четыре новых столба с перебитыми «Шутами», подвешенными вверх хвостами. Под ними тоже прогуливались патрульные, на этот раз оружия не скрывавшие. Я высунул в приоткрытое окно руку и помахал скрещёнными пальцами, мне помахали в ответ.

Паркуя «Барру» в огромном гараже среди гендо и фаэтов казоку, я искоса всматривался в морды окружавших меня механиков и йодда. Пытался найти хоть намёк на события минувшего утра, на общее настроение, на напряжённость или предвкушение праздника.

Нужно ли говорить, что не увидел ничего странного?

Нового не открыли и встреченные по пути к Нискиричу редкие знакомцы. Обмены традиционными фразами были короткими и малоинформативными, а на витиеватые попытки узнать *«не бросал ли казоку-хетто камни в своё отражение в утреннем пруду?»* я слышал что-то вроде «*чтобы узнать об этом, Лансу нужно самому стать камнем или отражением»*.

Беззвучно матерясь на поэтические умения чу-ха ускользать от прямых ответов, я достиг знакомого кабинета, перед которым медитировала в пустоту пара неотъемлемых крепышей.

По морде одного из которых, кстати, я и понял, что дело дрянь — едва заметив меня, тот молча кивнул на дверь трапезной, соседнюю от кабинетной. А затем отвёл взгляд с такой поспешностью, что я едва не повернул назад…

Сделав вид, что проверяю гаппи, немного постоял у окна, наблюдая за одним из многочисленных внутренних двориков. Сейчас на его стене растянули свето-струнное полотно, и большинство остававшихся в Наросте чу-ха шумно (хоть и почти без выпивки) наблюдали за подготовкой к очередному штормбольному матчу.

Я скомкал перчатки в карман и собрался с мыслями. Подготовил извинения на пять разновозможных упрёков от Нискирича фер Скичиры. Подготовил три стартовые фразы для осторожного разговора о Сапфир. Едва удержался от глотка паймы, и вошёл-таки в соседний с кабинетом зал, где отчим время от времени пировал с ближними Когтями.

Мгновенно забыв все заготовки…

Кроме вожака в самом простом из существующих чёрно-жёлтых жилетов, в трапезной находились Ункац-Аран и двое суровых Когтей семейства. А ещё Ритикама фер Скичира, то ли шестой, то ли седьмой сын вожака, не носящий заветных расцветок, но управляющий несколькими торговыми центрами и крематориями казоку.

Молодой крысюк занял пуф на дальней стороне круглого стола — ещё не жирный, но упорно стремящийся к этому. Однако лично меня от этого куска сала отвращал не избыток веса, а серебристый напёрсток, который тот, не скрываясь, носил. Кстати, судя по осоловевшим глазкам, торчок не постеснялся его совсем недавно использовать.

Разгорячённый от стриха, Ритикама почти не прикасался к еде, разговоры слушал вполуха и беспрестанно обмахивался бумажным веером. Бежевый пергамент усыпали пиктограммы гениальных высказываний древности, вроде *«Богатство приходит к упорным»*, *«Ты можешь быть сыт, но разум держи в голоде»* или «*Только сильные способны покинуть дворец уюта»*.

Не могу сказать, что мы когда-то были близки с «братишкой», да и общались-то всего пару раз. Да что там? Порой для меня становилось нелёгкой задачей вспомнить не только имена отпрысков черношкурого хетто, но и их реальное количество.

Впрочем, 99 % названной родни встречно хотели хвост на меня класть. Разумеется, какое-то время многочисленные гадёныши опасались возможных претензий жалкого терюнаши на настоящее родство и даже наследство Нискирича, но затем обвыклись, и по-прежнему стали видеть в нём лишь забавную игрушку и прихоть отца…

За спиной закрылась тяжёлая створка, но я не спешил проходить в зал, застыв на пороге под внимательными взглядами пятерых чу-ха.

Быстро осмотрел то, что у обеспеченных хвостатых называлось «скромным обедом», и по традициям которых лапки стола едва не подламывались от закусок. Оценил крохотные шашлычки из свинины с тепличными овощами, несколько видов лапши (от недоваренной в состояние шикошико до обжаренной), варёных крабов из залива Ка-Соу, несколько видов паровых пирожков, рыбу-мышь под корочкой, пару салатов с солёными медузами и полдюжины соусов от сладкого до острого настолько, что утром тебе прожигало жопу.

Запивалась нехитрая снедь разбавленным вином, отварами и элем. На краю стола я также заметил бутылку паймы, но к крепкому, судя по всему, сотрапезники едва ли притрагивались.

Когти оторвались от еды и уважительно кивнули, Ритикама небрежно вздёрнул скрещённые пальцы, а Нискирич отложил хаси, поднялся с места и распахнул дружеские объятья.

Конечно, он ждал.

Иногда мне казалось, что в Наросте нельзя сходить отлить так, чтобы об этом не доложили хетто.

— Ланс, мальчик мой! — Вожак обогнул круглый стол, подступил, схватил, прижал, крепко стиснул. От его синей куртки и плотного двуцветного жилета без нашивок за километр несло знакомым дымом «бодрячка». — Куо-куо! Ты поел?

— Да, благодарю! — Я заставил себя не застонать от боли в рёбрах, улыбнуться и даже кивнуть, чуть не оцарапав щёку о грубую джинсу. — Пусть будет добрым твой день… отец. Мы можем поговорить? Наедине…

— Можем! — пробасил тот. — Но чуть позже! Мой мальчик смотрит «Боль и радость»? Ну, признавайся, за кого болеешь? Мы тут в перерыве делаем новые ставки…

— Ни за кого, — я пожал плечами в неожиданном приступе вины. Казалось бы, чего оправдываться? Ан нет… — Как-то разлюбилась вся эта приверженность клубам и символам…

— О, пунчи, звучит, словно тебе снова пятнадцать! Ты же знаешь, что рано или поздно выбирать сторону придётся любому!

Байши! Вы что, суки, сговорились?!

Но не успели злость и растерянность отразиться на моём лице, как Нискирич притянул к столу и резко поменял тему:

— Давай, малец, присоединяйся! У нас тут скромно, но вкусно!

Я позволил себе приподнять брови, покосился.

— С удовольствием разделю с вами пищу… отец. Но как только пойму, что происходит… У казоку всё в порядке?

Когти и Ункац-Аран вернулись к еде, с аппетитом набивая пасти маринованными водорослями и жареным мясом. По усам и шерсти на подбородках стекал жир, которому позволяли капать на узорную столешницу для привлечения удачи и достатка.

— Всё прекрасно, Ланс, всё просто чудесно!

Продолжая держать меня за плечи, Нискирич теперь чуть отстранился сам и склонил голову, рассматривая косившим глазом. Так, словно давно не видел и теперь искал перемены.

— Я так ждал тебя, мой мальчик! Мы все тебя ждали! Почему ты не отвечал на вызовы?! Где твой жилет?

Что ж… в итоге я так и не успел выпустить в него ни одну из припасённых фраз, заряженных отборной ложью. Черношкурый здоровяк отступил, оскалил здоровенные зубы, причмокнул, и снова выпалил, не позволив заговорить:

— Как же я рад, что ты цел! Слышал, что случилось у твоего дома, много слышал, мы обязательно разберёмся!

Он пружинистой походкой обошёл стол к своему месту, вынул из круглой железной чашки дымящийся скруток «бодрячка», с которым, по всей вероятности, не расставался даже в купальне. Зажал под губой, пыхнул, прищурился.

— Я знал, сынок, что ты едва не застрял в узкой норе. Да и мёртвые крииты на улицах Бонжура не приносят семье покоя. Но обещаю, что уже к вечеру улажу все разногласия с Хадекином фер вис Кри. Конечно, если больше ты ничего не утаишь от своего старика, сисадда?

Мне оставалось только закрыть рот.

Таким радостным… даже *возбуждённым* я видел отчима нечасто. Да ещё и в столь странной компании? Шаман и Когти продолжали жрать, усиленно делая вид, что не слушают разговора. Ритикама мелко лакал из пиалы.

— И всё же, сынок, почему ты не отвечал отцу?! — В зелёном глазу Нискирича блеснуло то ли ехидство, то ли злость. — Я, значит, места себе не нахожу, а он переадресует вызовы! Ненавижу эту твою черт **у**, засранец! — Он вдруг снова подступил и потрепал по плечу широченной ладонью. — Но я всё равно тебя люблю, мой мальчик. И поэтому ты обязательно будешь праздновать вместе с нами!

Моим ответом снова стала напряжённая улыбка.

Как можно непринуждённее я осмотрел остальных в комнате: жирный сводный братец подравнивал коготь пилочкой, младшие вожаки казоку мелко ёрзали на пуфах, а сидящий справа шаман довольно скривился.

— Есть повод праздновать? — наконец спросил я. — Команда района выиграла отборочные? Или «Прыгуны» запросили пощады?

— Яри-яри, это было бы чудесно! — заливисто хохотнул Нискирич. — Нет, всё пот **о** м, мой мальчик, всё пот **о** м: крииты, «Шуты», «Прыгуны», мёртвые болельщики на моих улицах! Сейчас другое.

Он вновь вернулся к обеденному столу, сосредоточенно попыхтел «бодрячком», определённо накручивая себя ещё сильнее. Отложил оковалок и вдруг раздвинул глубокие тарелки со слоёными лепёшками, тёплым грибным салатом и мол **о** ками в винном соусе.

За их неубедительным заслоном обнаружилась плоская коробка с серебристым тиснением — необычность происходящего не позволила мне сразу заметить её, стоящую прямо посреди угощений.

— Это должно было стать твоим подарком на грядущую Ночь Переосмысления, мой мальчик. — Казоку-хетто повернулся со шкатулкой в лапах, уставившись на «своего мальчика» коронным косым взглядом. — Но я передумал и решил не тянуть. Держи!

п.4.; г.7; ч.3

Вожак в третий раз приблизился, причём так быстро, что хвост звонко щёлкнул по пуфу Ункац-Арана. Протянул… нет, даже сунул мне в руки, вынуждая подхватить обеими.

Коробка оказалась тяжёлой, приятной на ощупь и вид, и отчётливо пахла знакомой смазкой. Полувыбритый старик в балахоне оскалился, взялся за прислонённый к столу блестящий посох из пустынного иннти, и торжественно пристукнул по полу. Брякнули подвязанные к палке птичьи косточки.

Не глядя на остальных, я перехватил шкатулку под мышкой, неловко стянул рюкзак, бросил у двери, и наконец-то прошёл к последнему свободному пуфу за столом, ровно между Когтями.

Плечи вдруг напряглись, будто перед дракой, я решительно не понимал ситуации.

Застигнутый врасплох, провинившийся схваткой с лже-криитами и перешёптыванием с настоящими колбергцами, всё ещё не рассказавший о безумном нападении на Алую Суку и прибывший в Нарост совсем по другой причине, я был вынужден тратить время на неожиданный подарок, а отчим вёл себя… как минимум странно.

Подоткнул полы пальто, сел, сдвинул пустую тарелку и поставил коробку перед собой. Справа и слева по-прежнему давились варёными овощами вприкуску с жареными рачьими хвостиками. Шаман не сводил глаз, будто хотел в мелочах уловить мою реакцию на подарок.

Щёлкнув парой крохотных серебристых замков, я медленно приподнял крышку, и теперь мои брови взлетели вовсе не в показном удивлении.

Внутри оказался башер. Простой, в отличие от упаковки, без гравировки или украшений, но с очень удобной, переделанной на мой хват рукоятью под деревянными накладками. Почти близнец «Молота», но новой модели и ещё более эргономичный, он был готов плеваться дюжиной фанга самых разных типов.

— Задери меня Бансури… — прошептал я, вынимая оружие и бережно покачивая в руке. Поднял голову, взглядом находя Нискирича. — Это… потрясно!

Казоку-хетто скалился всей двадцаткой зубов, раскосые зелёные глаза радостно лучились. Молчаливые Когти по бокам от меня одобрительно закивали, заливая жиром стол, и потрясли в воздухе скрещёнными хаси. Шаман напротив продолжал кривиться, а Ритикама снова поднял веер и вздохнул — то ли завистливо, то ли саркастично.

— Я беспокоюсь за тебя, мой мальчик, — с чувством произнёс старший Скичира по другую сторону стола. Понимающе покачал крупной башкой, пригладил жёсткие усы. — Знаю, ты способен постоять за свою шкуру и честь клана, но отныне хочу удвоить твои шансы на выживание, сисадда?

— Конечно… — прошептал я, продолжая любоваться башером, и на секунду забыв обо всём остальном — играх джи-там, одинокой Ч'айе в уютном доме, ненормальном Пуговичнике и даже «Корнях».

Спохватился, снова сунулся в шкатулку, обнаружив в отдельном отсеке две снаряжённые кассеты и компактную поясную кобуру. Бережно погрузил кассету в полую рукоять, проверил безупречно откалиброванные предохранители.

— Скажу честно, отец, у меня нет слов…

— Да и не нужно! — довольно расхохотался Нискирич.

Обошёл стол, приобнял (Когти вежливо раздались в стороны), чуть сильнее обычного стиснул когтистые пальцы на плече и дохнул в лицо ароматами свиного жаркого и «бодрячка». Я покосился на него, в очередной раз поразившись бесчисленному количеству шрамов, спрятанных под угольно-чёрной шерстью.

— Не нужно слов, мальчик мой! — повторил вожак. — Сегодня я щедр, добросердечен и готов одарить даже последнего наркомана из обоссанных гостиниц Такакханы!

Он рассмеялся мне в ухо, чуть натянуто и хрипло. Затем закрутил очередную неспокойную петлю вокруг стола, и потёр лапы.

— Так-так… — сказал я.

Мысли об играх джи-там, одинокой Ч'айе в уютном доме, ненормальном Пуговичнике и даже «Корнях» вернулись с новой силой, куда более злые и острые. Я бережно отодвинул шкатулку, встал с пуфа, отступил и задумчиво крутанул оружие на пальце. Новый башер приятно холодил ладонь.

— Всё это ведь не просто так, верно? — Я демонстративно показал младшего брата «Молота» всем присутствующим. — А до Ночи Переосмысления почти три месяца… Что я упускаю?

Нискирич снова оскалился:

— О, Ланс, мой недоверчивый сын, на Ночь ты обязательно получишь ещё один, не менее прекрасный подарок!

Ритикама мелко фыркнул. Тут же сделал вид, что просто чихнул, и даже вытянул из кармана платок.

— Не ищи подвоха и не мешай своему старику быть добряком, — попросил косоглазый казоку-хетто, смиренно сложив лапы перед мордой и нарочито проигнорировав реакцию настоящего сына. Тут же подмигнул и поделился с нарастающим

воодушевлением: — Представь себе, моё хорошее настроение и прилив щедрости не сумели смыть даже новости о перестрелке на твоём крыльце! Потому что я и сам, в своём роде, наконец-то получил чудесный сюрприз!

Разумеется.

Наверное, я должен был догадаться.

Может быть, даже разработать Новый Гениальный План, способный предотвратить случившееся следом…

Впрочем, кого я обманываю? Как о таком вообще можно было догадаться?!

Нискирич звонко щёлкнул пальцами.

Одна из боковых дверей трапезной мгновенно открылась, и наша необычная компания пополнилась крепким казоку-йодда. А ещё известной мне самкой, обожающей выкрашивать шкуру в синий цвет.

На что это было похоже?

На мощнейший удар в грудину с подломленными рёбрами. На исчезновение ступеньки во время спуска по досконально известной лестнице. На аварийное отключение силового коридора, когда твой фаэтон жарит по нему на скорости сто километров в час…

— Куо-куо, Малыш, — устало кивнула Сапфир.

Попыталась мягко выкрутить локоть из вежливого захвата, но сопровождающий не позволил, сжал когти и заставил стоять спокойно. А ещё у моей верной помощницы была разбита губа…

praeteritum

В этот раз мне везёт застать Ганкону проповедующим. Причём яростно, хоть и не в храме, но в тот напряжённый момент я отчётливо представляю его на настоящем служении. Возвышающегося над коленопреклонёнными, со скрюченными когтистыми пальцами, встопорщенной шерстью и длинными белыми усами.

Не знаю, чем провинились двое юных бедолаг, но когда я вхожу в «Серебряный клык», он рычит на них на пустом от столов пятаке перед барной стойкой. Остальные посетители уважительно раздвинулись в полукруг.

Вытянувшись во весь немалый рост, жилистый Ганкона в красных одеждах нависает над парочкой выпивох, по виду низших сунь-в-лапу мелкой казоку вроде «Клац-клац» или «Рассветных». Они стоят перед Подмастерьем с опущенными головами, скукожившись и подтянув хвосты.

— …В ужасе поднимешь ты глаза на Стаю, узришь оскал Её и поймёшь, сколь страшен может оказаться гнев Её! — шипит тот, вращая глазами. — Падёшь ниц ты, пряча хвост, и будешь молить о прощении. Но спросится с каждого по деяниям, и не будет снисхождения к отступникам! И взревёт Двоепервая, по какому праву скалил зубы ты на Подмастерьев или Пастухов Её, присланных в Тиам нести слово Её и наставлять слабых. Что ответишь ты, скудоумный?! Какие слова подберёшь, чтобы оправдать покушение на безграничную власть Стаи?!

У собеседников Ганконы такой вид, что один сейчас расплачется, а второй впадёт в религиозный транс и начнёт откусывать собственные усы. Подростков мелко трясёт, уши прижаты, из приоткрытых пастей вырывается сдавленный писк.

— Проваливайте с миром, глупцы… — выдыхает Ганкона, из несгибаемого стержня возвращаясь в образ утомлённого старика. — Не нарушайте Параграфов Свитка, и помните, что ни единый поступок ваш не укроется от пламенеющего взгляда Двоепервой Стаи…

Парочка кивает, причём один так рьяно и часто, что может оторваться башка. Парочка пищит что-то невразумительное, жалкое, раболепное. Парочка поочерёдно целует великодушно протянутый изумрудный перстень на правой лапе Ганконы. И вылетает из «Клыка» с такой скоростью, что чуть не слетают ботинки.

Стайщик жестами показывает прислуге, что хочет кружку эля. Разворачивается, направляясь в дальний угол (за столиком в

тени я замечаю и Пикири), и видит в дверях меня. Морда его расплывается в улыбке, он призывно машет.

Подхожу, усаживаясь и приветствуя обоих, меня радостно приветствуют в ответ. Последующие пару минут сааду довольно хихикает, тоже впечатлённый увиденной проповедью.

— Блестящая речь, — важно кивает Пикири.

— Заблудших нужно наставлять, — важно кивает Ганкона, — это мой долг перед Стаей.

Я молчу, давя улыбку. Сааду — нет.

— Не нужно, — вкрадчиво говорит он. — Подсказать можно, но… Что, если в попытке перековать неразумных ты избавишь Тиам от убийцы, способного избавить Тиам от ещё более страшного убийцы?

В его пухлой лапе сегодня чуть бренчащий молитвенный кхор — небольшой бронзовый цилиндр на удобной рукояти; сааду крутит его беспрестанно, отвлекаясь лишь чтобы отправить в пасть горсть сухих закусок или глотнуть паймы.

— Отстань, — ворчит Ганкона. Перед ним ставят кружку тёмного эля, и чу-ха жадно припадает к пене. Выдувает половину, жадно дышит, с недовольством парирует: — Двоепервая такого не допустит…

А затем поворачивается ко мне, поднимает левую лапу, и задаёт традиционный вопрос:

— Знаешь, где я потерял эти пальцы?

Конечно, я не успеваю даже предположить. Даже озвучь я любую из десятка уже известных версий, ответ всё равно окажется иным. Так и происходит.

— Когда мне было шестнадцать, — назидательно говорит Ганкона, — и я только примерял одеяния Подмастерья, наставник назначил мне сразу две всенощные молитвы подряд. И вот под утро второй в ярко-зелёном пламени травяного угля я отчётливо узрел образ Двоепервой Стаи. Снова и снова вырывалась она из темницы подземного мира, в котором была рождена, снова и снова бросался на неё чудовищный змей Бансури, снова и снова приносила себя Стая в добровольную жертву, воскресая в сияниц, поступком этим великим искупая грязь всех живущих и ещё не родившихся чу-ха…

Он прищуривается, и задумчиво разливает по пиалам.

— Сердце моё в тот миг преисполнилось самой искренней веры, на какую способен смертный, — продолжает Ганкона, — и услышал я в ушах своих грозный глас, вопрошавший, готов ли отдать себя служению Двоепервой. С жаром признал я стремление, но Стая потребовала доказательств. Тогда я взял нож и отсёк себе палец, без жалости бросив его в травяные угли. Затем отсёк второй, даже не почувствовав боли. И когда занёс

клинок, чтобы отнять всю кисть, милосердная Стая остановила меня, благословила на служение, и наградила крепким сном. Утром же, когда меня нашёл Пастух, на ноже не было ни капли крови, а шрамы заросли так, будто над ними потрудился лучший врачеватель…

Я послушно киваю, мы выпиваем. Пикири на секунду оставляет кхор в покое, успевает опрокинуть пиалу в пасть, закусить, оправить очки, и возвращается к кручению барабана.

Вопросительно поднимаю бровь, намекая на отсутствие вывода:

— И это значит?..

— Что если решил жертвовать, — охотно откликается Подмастерье, — начинай с малого…

Затем мы переходим к новостям.

Заказываем еды и ещё выпивки.

Обсуждаем самые свежие сплетни Бонжура, старательно огибая вопросы интересов казоку. Посетителей в «Клыке» немного, и это радует — с появлением на мне чёрно-жёлтого жилета я стараюсь не посещать уж слишком переполненные заведения.

Вдруг замечаю, что в чуть менее тёмном углу зала засели ещё двое храмовников. Негромко привлекаю внимание своих стариков, но те лишь отмахиваются с недовольным фырканьем.

Оно и понятно — цепников, служителей культа Ди'джена и Биди, не особенно уважают даже сааду. Впрочем, причины очевидны, ведь типов мрачнее мне встречать ещё не доводилось.

Как несколько посиделок (и десяток бутылок) назад охотно рассказал Пикири, официально Ди'джен и Биди не считались демонами. Более того, по легендам братья вообще родились из выпавших усов самой Когане Но, на которые ненароком пролился чёрный дождь. Однако один в итоге начал заведовать землетрясениями, а второй стал покровителем запертых дверей (главной страшилкой всех взломщиков Тиама), а потому парочку, мягко скажем, недолюбливали…

Позвякивая внушительными ожерельями из ключей и крохотных замочков, цепники ужинают молча и без выпивки, время от времени бросая на наш стол взгляды, полные откровенного презрения.

Что ж, мне не привыкать.

— Меня тоже впечатлила речь, — говорю я, возвращаясь к обрывку подслушанной проповеди, и Ганкона довольно топорщит крупные седые уши. — Но никак не могу взять в толк, почему служители Стаи столь… не миролюбивы?

Однако отвечает Ганкона, с хмыканьем и улыбкой:

— Миролюбие и стайщики?! Ох, Ланс, ты путаешь слабых

духом с настоящими верующими. В Благодетельную Когане Но, разумеется.

— Яри-яри, глупый старикашка, только не начинай!

— Да и нечего начинать! Вместо того, чтобы смиренно дождаться предначертанного вмешательства свыше, вы первыми бросаетесь в драку. Караете. Принуждаете. Обличаете. Это ли не глупость?

— Байши, дряхлый ты толстый мешок заблуждений, а ты никогда не думал, что это и есть предначертанный Стаей путь?

— Проверить это, пунчи, можно лишь выжидая…

— Пфф! Выжидая, пока заспанная Когане Но соизволит выглянуть из Небесного Дворца и возжелает-таки послать верного защитника?

Я вздрагиваю. Холодею. Борюсь с желанием потянуться к бутылке.

— Возможно, — важно кивает Пикири, и оправляет очки. — Неужели ты не знаешь историю про Ио-йо?

Ганкона фыркает ещё громче, отчего по всему столу летят капли жира. Кривится, ловко орудует тройкой хаси и отправляет в пасть пучок лапши. Жуёт, бессвязно бурчит:

— Конечно, знаю, дуралей, девяносто раз слышал! Но Лансу рассказать можешь…

Сааду тут же устраивается поудобнее, отодвигает миску и задумчиво прокручивает бронзовый барабан. Вздыхая, тоже отстраняюсь от недоеденной лапши, и аккуратно наполняю пиалы паймой.

— В одной геджеконду хулиганы повадились обижать детёнышей, дружной стайкой посещавших храм Благодетельной Когане Но, — говорит Пикири, прерывая вращение кхора, чтобы выпить и довольно пощёлкать языком. — Это не укрылось от ремесленника Ио-йо. Сам он был честным и работящим самцом, хоть и не верящим в покровительство Когане Но, не посещавшим храмов и не возжигавшим благовоний. Каждую неделю наш герой с тоской наблюдал за избиениями, но родителям детёнышей не было дела до своих отпрысков. И тогда в один день Ио-йо сам отправился к логову банды, где вызвался поговорить с вожаком. Смиренно и почтительно вёл себя наш герой. Просил оставить малышей в покое, ибо нет от этого славы и почёта, а есть лишь горести.

Я слежу, как угрюмые цепники покидают «Серебряный клык». Наблюдение за окружающими в любом состоянии становится моей неразлучной спутницей, и пока сложно сказать, какой отпечаток это умение оставит на личности Ланса фер Скичиры…

— Тогда негодяи стали насмехаться над Ио-йо, — неторопливо

продолжает сааду, — а вожак даже принялся дёргать его за усы и плевать на хвост. Они глумились и издевались над ремесленником, грязными словами говоря о Когане Но и слабаках-верующих, посещающих её светлые просторные храмы. Ио-йо ушёл ни с чем. А когда вернулся домой, собрал всех обиженных малышей и долго говорил с ними. Он рассказал им, что одна из основных добродетелей Благодетельной и Всемилосердной — смирение, и ребята поступили очень правильно, не дав отпора бандитам. Он от всего сердца пожелал, чтобы так оставалось и впредь, и тогда детёныши вырастут мудрыми и трудолюбивыми чу-ха, как и положено по заветам кизо-даридрата…

Пикири с аппетитом разжёвывает брикет водорослей, запивает глотком светлого эля, поправляет очки и с силой проворачивает барабан кхора.

— После этого Ио-йо проводил малышей в их семьи, отправился в подвал своей скромной норы, — повествует он под бронзовое бренчание, и задумчиво смотрит в потолок, — вынул из тайника обрез ассолтера, пробрался в дом негодяев и перестрелял всех до одного…

— А после начал ходить в храм и возжигать благовония? — уточняю я.

— Вовсе нет, — неподдельно удивляется сааду. Переводит на меня взгляд. — Герой этой истории не шёл по пути откровения, а защищал чью-то веру, какой бы та ни была. А ещё возможность любого честного крысюка следовать этой вере и почитать, не мешая другим, сисадда?

Я поджимаю губу и смотрю на дно пустой пиалы. Думаю про «верного защитника», посланного Когане Но из своего ослепительного Небесного Дворца. Думаю про Пять-Без-Трёх. Думаю про своё новое оружие.

Башер в примитивной самодельной кобуре под мышкой нещадно натирает, намекая на необходимость конструкции получше. Над облаками опьянения в голове звучат странные мотивы, с которыми мне ещё только предстоит сродниться.

Спрашиваю, чуть запинаясь и растягивая слова:

— И какой же вывод, досточтимый сааду, я должен сделать из этой истории?

Пикири поворачивается ко мне всем пышным телом, и вдруг заходится в приступе хохота, визгливого и искреннего. Ганкона недовольно косится на друга, качает головой, допивает эль.

— А с чего ты взял, — отсмеявшись, интересуется сааду, и лезет пальцем под очки стереть выступившую слезу, — что из любой рассказанной истории можно сделать вывод? Ну и дуралей…

Глава 8
ЭТОГО МЫ ЗНАТЬ НЕ ХОТИМ

Я перевёл взгляд на старшего Скичиру, и едва не вздрогнул от произошедшей в нём перемены.

Секунду назад передо мной скалился радушный, чуть-чуть несобранный и излишне смешливый крысюк, готовый от радости раздавить гостей и родню в грубоватых объятьях…

И вот уже на меня смотрел настоящий зверь — неподвижный, с плотно стиснутыми челюстями, напряжёнными плечами и цепким взглядом предательски-неопределённой фокусировки.

— Что она тут делает? — не позволив голосу дрогнуть, мягко спросил я.

Осторожно опустил новенький башер к бедру.

— Гостит, — без тени улыбки ответил Нискирич.

Казалось, один его зелёный глаз смотрит точно мне в лицо, в то время как второй успел молниеносно проследить за движением дорогого подарка.

— А теперь ответь мне, мой мальчик. Но только ответь честно и без утайки. Ответь, помня, что в любом наказании я бываю справедлив и милосерден. Ответь: ты *знал*?

Я не успел ответить. Да что там?! Я не успел даже насупиться в непритворном недопонимании, как Сапфир бросила с жаром и откровенным вызовом:

— Он ничего не знал!

У Нискирича дёрнулось веко. Совсем немного, но достаточно для знающего повадки вожака. Однако ничем иным тот на выкрик не отреагировал, продолжая буравить меня тяжёлым взглядом.

— Знал о чём? — всё же переспросил я, стараясь не менять тона.

Мои утлые лодки попыток найти хоть какое-то объяснение происходящему разбивались об иззубренные скалы необратимой нереальности разговора. Да я кошмары видел более реалистичные, чем случившееся в трапезной зале!

Когти казоку оставались вежливо неприметны, однако жрать не перестали, теперь вгрызаясь в паровые булочки с грибами. Ункац-Аран облокотился на стол и поигрывал тремя косицами на правой, не выбритой половине головы; шаман брезгливо изучал вылинявшие синие полосы на шкуре моей помощницы. «Братец» Ритикама со скучающим видом копался в «болтушке», будто бы вовсе перестав следить за обедом и его сюрпризами.

— О хвостатеньких, — с обманчивой мягкостью пояснил

Нискирич, а у меня ёкнуло в груди. Вожак «Детей заполночи» продолжил сыпать, постепенно повышая голос: — О несравненных, внимательных, ушастеньких, *бать их в сраку тремя *ями, и чутких!

Наверное, я окончательно осознал ещё на «несравненных».

Обернулся к Сапфир, изучая её совсем по-новому, но никак не желая верить, а затем снова уставился на отчима.

— Ага, — хищно оскалился тот. Небрежно взмахнул лапой, отчего в мягком свете ламп блеснул массивный перстень с барельефом судейского молотка. — Потому и празднуем, мой мальчик, повод есть. Ведь в гости заглянула сама Моноспектральная Чапати, духовная наследница первой суки, которую мы утихомирили на прошлой неделе…

— Этого не может быть…

Оказалось, я произнёс это вслух.

Ритикама и Сапфир вздохнули одновременно, первый с ленцой, вторая — невероятно горестно.

— Не может? — ухмыльнулся Нискирич.

Он сделал полукруг вдоль стола, грузно опустился на своё место. Притянул курильницу, задумчиво покатал тлеющую скрутку в толстых пальцах:

— Отчего бы тебе не спросить лично?

Я спросил. Негромко, но требовательно:

— Сапфир?

И невольно (тогда ещё совсем без дурных мыслей), едва ли не машинально отметил, кто и где находится: двое Когтей по обе стороны от меня, левее олух Ритикама, по кругу за ним сам глава «Детей», шаман почти напротив и конвоир синешкурки в дальнем левом углу комнаты…

— Прости, Малыш, — прошептала самка, отводя взгляд. — Этого не должно было случиться…

О, да, детка, ты совершенно права. Особенно сейчас, когда по улицам рыскали крииты, казоку-йодда «Уроборос-гуми», агенты «Голубого Лотоса» и прочие недружелюбные хвостатые, только и мечтающие о приватной беседе с Лансом фер Скичирой…

Я вспомнил последний разговор с Чапати. Её помощь и подсказки в деле Чинанды-Кси фер вис Фиитчи. Возросшую в последние дни занятость Сапфир, её неухоженный вид и подавленность, причиной которой, вероятно, стала гибель коллеги-прокламаторши…

— Слыхал, мой мальчик, намедни наша неподкупная меня даже похвалила? — недобро хмыкнул Нискирич, зажимая дымящийся оковалок в зубах. — Просто ославила на весь район, как будто меня тут мало знают… Интересно, — причмокнул он,

не оборачиваясь к пленнице, — кто ссыпал тебе информацию про охоту на «Шутов», сучка?

Сапфир прижала уши и сощурилась, презрительно и надменно. И эту её реакцию я хорошо знал.

— Ладно… — Нискирич мотнул башкой, словно привлекал внимание всех присутствовавших. — Ланс, я почти верю, что ты ничего не знал о тайной жизни своей подружки… А теперь скажи: ощущаешь себя преданным?

Я постарался сделать так, чтобы на лице не дрогнул ни один мускул. Вроде удалось. Новенький башер в руке становился всё тяжелее.

— Эй, Чапати, — казоку-хетто развалился на пуфе, навалился на низкую изогнутую спинку, — назовёшь меня ещё разок Косоглазым? Прямо в морду, а? — Он склонил голову к плечу, словно подставляя щёку. — Куда будешь смотреть, в этот глаз, или в этот?

— Что ты собрался делать дальше?

Я спросил так тихо, что едва разобрал и сам.

Вожак в чёрно-жёлтом жилете не услышал, или сделал вид.

— Подруга, а ты вообще хоть соображала, какую чушь несла? — процедил Нискирич, с недобрым прищуром изучая синешкурку через плечо. — А может, твоя предшественница была более умна и прозорлива? Нет, серьёзно, ты впрямь считаешь, что «Голубой Лотос» управляет городскими казоку? А «Дети заполночи» готовы бросить открытый вызов «Диктату Колберга»? Что ж, я даже готов признать, что это дельная мысль недалёкого будущего… но сейчас-то?!

Сапфир молчала, глядя в пустоту. Все молчали. Даже я, позволяя Нискиричу фер Скичире наконец-то выплеснуться потоком обжигающих слов.

— А я ведь догадался, что ты творила, тупая дрянь. — Тот послюнявил скрутку и повертел перед глазами, зачарованно глядя на мерцание тлеющего порошка. — Стравливала нас на слуху у всего гнезда, да… Что ж, деточка, ты должна знать, что когда-то трёп «Горечи» казался мне беззаботной болтовнёй. Но сейчас я немного устал от домыслов и лживых «расследований». И мой сын тоже.

Я вздрогнул, чуть не выронив подаренный башер… и далеко не сразу сообразил, что речь идёт о Ритикаме. А тот снова вздохнул и легко фыркнул, при этом даже не отрываясь от изучения гаппи.

— В точку, па, — лениво пробормотал он, так ни разу и не взглянув на Сапфир. — Пламя непокорности тушат ливнем силы, или как ты там учил…

У Нискирича дёрнулись щека и пучок усов. Наверное, это действительно неприятно — п **о** том и кровью подняться с самых низов, болью и проворством превратить заштатную казоку района в крупнейшую, а затем осознать, что твои наследники… чуть отстают в развитии и смекалке…

Однако черношкурый громила любил своё потомство, а потому предпочитал выплёскивать злость на других.

— Вот скажи, тупая рыба, за каким *ем тебе всё это понадобилось?! — рявкнул он, разворачиваясь на пуфе и открыто скалясь на мою помощницу. — Тебя не назвать бедной или обиженной! Твой отец владеет двумя третями «Комплеблока-4/49», верно? И ты всё равно тратишь своё время на возню с мнимым разоблачительством, а?!

У Сапфир приподнялась губа, и я вдруг понял, что настоящей беды не избежать…

На заднем дворе сознания колыхнулась мысль о логичности вопроса Нискирича. Все эти годы я и впрямь не осознавал, что самочка происходит из вполне благополучной и обеспеченной семьи, но… никогда не интересовался подробностями, да.

А затем Сапфир прошипела, причём с такой злобой, что удерживающий её казоку-йодда невольно усилил хват:

— Двадцать один год назад, выродок! Помнишь зачистку на углу Джюкаав и 46-й улицы?!

Зелёные глаза Нискирича фер Скичиры будто подёрнуло дымкой.

Конечно, он помнил, такое не забывается. Чу-ха приподнял бровь, словно призывая уточнить, в этом ли истинная причина.

— Коготь твоего отца решил выскользнуть из клана и создать собственный, помнишь?! — продолжала Сапфир, глядя на хетто сверху вниз и брызжа слюной; уши гневно трепетали. — Предатели казоку засели в нашем комплеблоке… твой отец — куда менее жестокий и удачливый говнюк, чем ты, — колебался! Но что же Нискирич?! Тогда ещё не вожак, но уже матёрый Коготь и наследник! Он решил-таки покарать изменника! Лично пошёл на штурм во главе отряда борфов! Мимоходом, мразь, перебив почти четыре десятка ни в чём не повинных бонжурцев!

Нискирич подобрался, будто для атакующего рывка, и на какое-то мгновение мне показалось, что сейчас хетто взметнётся с места и располосует морду Сапфир ударом когтистой лапы. Но он почти сразу ухмыльнулся и обмяк.

— Так вот, в чём дело…

Мой названный отец перекатил скрутку по широкой пасти, и отчаянно задымил. Казалось, я слышу, как в сознании пасюка с невероятной скоростью листается гигантская картотека

воспоминаний.

— Помню… — наконец пробормотал он и медленно приоткрыл глаза, сощуренные в обманчивом блаженстве. — Да, глупая, конечно, помню… и предательство собрата-Когтя, и нерешительность отца. «Дети заполночи» нечасто допускали тактические ошибки. А совершённые мне не забыть до погребального костра. Но вот помнишь ли ты, — Нискирич чуть повысил голос, но на этот раз говорил почти без давления, — какие глубочайшие извинения наша казоку принесла затем жителям района?! Как мой отец помог пристроить сирот в другие семьи? Как дал твоему отцу денег, на которые тот смог почти выкупить «Кусок угля», а когда дочка подросла, даже открыть ей чингайну?

— Дяде… — выдохнула Сапфир, и я убедился, что сил у подруги почти не осталось. — Мой *отец* остался там, на перекрёстке Джюкаав и 46-й. Вместе с матерью, двумя братьями и сестрой…

У Нискирича снова дёрнулось веко, едва-едва, но он согласился:

— Верно. Дяде. Который с малолетства заменил тебе отца.

И вдруг бросил на меня быстрый косой взгляд, от которого на загривке приподнялись волоски.

В кабинете стало очень тихо. Когти перестали набивать животы, замер Ритикама. Не шевелился даже Ункац-Аран, в другое время бесконечно шуршащий складками шаманского одеяния или обожающий пристукивать посохом.

— Но чу-ха мстительны, верно? — наконец кивнул Нискирич, откладывая замусоленный скруток в курильницу. — Поэтому ты выросла, всё якобы обдумала, и решила взять должок. Убедила себя, что годы взросления, проведённые в достатке и тепле… что полученное образование, сытные ежедневные обеды и собственная чингайна в подарок не стоят потерянной в раннем детстве семьи. И тогда примкнула к тем, кто недоволен мягкой силой «Детей заполночи» в Бонжуре. К гражданским активистам, так вы себя называете? Корпусу самостоятельной обороны района от внутреннего врага, так? Я всё верно озвучил?

Теперь Сапфир не ответила. Опустила голову, облизала губы, уставилась в угол.

А я только сейчас до конца осознал всю серьёзность сложившейся ситуации.

Да уж… Иногда ты хочешь просто расслабиться. Набираешь таз приятно-горячей воды, неспешно растворяешь в ней ароматизированную соль, опускаешь ноги и прикрываешь глаза от удовольствия. А жизнь незаметно подсыпает в таз сухого

строительного пластобетона, и вот уже через десять минут у тебя на лодыжках отличный груз для путешествия на дно залива Ка-Соу…

Впрочем, расслабиться мне не удавалось уже очень, очень давно.

— Ну так что, мой мальчик? — улыбнулся Нискирич, а я запоздало сообразил, что на этот раз он обращается ко мне. — Выходит, ты действительно не подозревал?

— Нет…

Вышло нечто среднее между шипением и шёпотом, вынудило закашляться и прочистить горло.

— Не подозревал, — снова подтвердила Сапфир. — Прости, Малыш…

— Как трогательно, — со вздохом признал старший фер Скичира, поднимаясь из-за стола. — Смирись, малышка… это мир самцов, и им принадлежит. А ты, Ланс, зайди завтра на четвёртый этаж, пусть братья подберут тебе новую помощницу. Проверенную, сисадда?

Он сочно цыкнул и даже подмигнул.

А я? А я стоял столбом, глядя в раскосые глаза названного отца, и осознавал, что моя жизнь сейчас не стоит собачьего дерьма в подворотне за «Куском угля». Повторил, причём на этот раз так, что услышали все семь чу-ха в пиршественной комнате казоку-хетто:

— Что ты собрался делать?!

Нискирич тут же передумал выходить из-за стола. Подался вперёд, раздвигая миски, и обеими лапами тяжело опёрся о заляпанную жиром резьбу. Сдвинул брови и спросил тихо, совсем без ожидаемой иронии:

— Мальчик мой, а сам ты как думаешь?

Я вздохнул. Я кивнул. Краем глаза я ещё раз оценил расстояние до казоку-йодда за плечом Сапфир.

— Хочу, чтобы ты сказал это вслух, — вытолкнули мои губы, растрескавшиеся, будто глина на полуденном зное.

В памяти вдруг всплыла Магда и её маниакальное желание раз за разом слышать от меня одну и ту же безысходную присказку.

— Она умрёт, конечно, — легко согласился Нискирич, не меняя позы. — Безболезненно, если принесёт извинения…

Сапфир издала странный хриплый всхлип и шумно сплюнула, едва не попав ему на хвост. Черношкурый вожак даже не повернул головы. Приподнял уголок губы в намёке на улыбку:

— …Значит, болезненно.

— Не нужно, — сказал я.

— Вийо? — уточнил казоку-хетто.

И теперь улыбнулся чуть шире. Будто не до конца расслышал остроумную байку, но готов полноценно рассмеяться, как только ему заполнят пробелы понимания.

— Отдай её мне, — так же спокойно произнёс я, и снова глубоко вздохнул.

— Мальчик мой, ты ведь шутишь?

— Ничуть.

Нискирич фер Скичира выпрямился и пригладил усы. Ункац-Аран по левую лапу от вожака приготовился возмущённо фыркнуть, но благоразумно передумал. Спины сидящих передо мной Когтей оставались напряжены и неподвижны. Ритикама, казалось, вообще перестал ориентироваться, где находится и что происходит вокруг.

— А с какой это стати, сынок? — негромко уточнил чёрный чу-ха, покрытый шрамами больше, чем дерево листьями.

— Она — моя подруга.

— И опасный враг клана.

— Опасный?! — я насмешливо покривился и внезапно осознал, что невольно копирую самого Нискирича. Слова вдруг полились легко, как пайма из пробитой фляги: — На фоне кочёвки «Шутов», войны с «Вёрткими прыгунами» и пристального внимания «Голубого Лотоса»? Жалкая подражательница Моноспектральной Чапати с десятком безумцев-почитателей станет дурной жертвой для укрепления твоей власти, и мы оба это знаем. Поэтому отдай её под мою ответственность, и я клянусь, что уже завтра она перестанет быть Чапати…

Сапфир поморщилась, прижала уши и чуть не фыркнула в голос, заставив меня похолодеть.

— Хм-м… — Нискирич медленно и грузно опустился на удобный мягкий пуф. — Значит, мой мальчик захотел ещё один подарок на Ночь Переосмысления?

Я сглотнул невидимый липкий шарик и вспомнил, что всё ещё сжимаю в руке подаренный башер. Нискирич заметил. Улыбнулся. Покивал.

— А что мой мальчик станет делать, если я откажусь? — осторожно спросил он.

— А вот этого мы оба знать не хотим… — сипло ответил я.

Встретился взглядом с рядовым казоку-йодда, и по мельчайшим признакам на приплюснутой морде сосканировал его нерешительность. И страх.

— Выходит, мой мальчик, ты решил-таки выбрать сторону? — Нискирич фер Скичира устало помотал башкой и увесисто обмяк на спинке. — Вот так запросто предаёшь тех, кто заботился о тебе

все эти годы?

Мне удалось не выгнуть губу, не вздёрнуть бровь и даже не сменить позы. Байши, как же излишне много в последнее время мне доводилось слышать про выбор стороны…

Задумчиво прижав башер к груди, я ласково провёл пальцами по тёмному стволу.

— Ты хорошо всё обдумал, мой мальчик? — уточнил отчим.

Спросил спокойно и мягко, словно интересовался, готов ли его малыш впервые самостоятельно сходить за фруктами и не испугаться большой улицы.

Что ж… скорее всего, нет. Ничего я не обдумал.

Но здоровенной крысе в джинсовой куртке поверх чёрно-жёлтого жилета этого знать не полагалось. Равно как и про Ч'айю, противостояние с Данавом фер Шири-Кегаретой, переговоры с его врагом/братом Хадекином фер вис Кри, непостижимые манёвры обоих джинкина-там, шокирующие известия про существование «Корней», моё полоумное нападение на Красную Вистар, и многое, многое другое…

Один из виртуа-Лансов подал мысль о «низком писке», но на него тут же накинулись остальные: в такой-то крупной стае? совсем без подготовки? после потрясения, да ещё и в подавленном состоянии?!

— Ой, да наконец-то!

Тонкий гаденький возглас взрезал сгустившуюся тишину до того неожиданно, что сидящие передо мной Когти вздрогнули, охранник Сапфир чуть не потянулся к башеру за пазухой, а шаман почти выронил посох.

Ритикама тем временем сладко потянулся, будто готовился вылезти из тёплой кровати. Почавкал, облизал блестящие от жира губы. Кончиками когтей подхватил с тарелки пласт копчёной свинины, задумчиво осмотрел. И добавил протяжно, капризно и нетерпеливо, будто призывая поскорее заканчивать:

— Всё, па, больше нет нужды возиться с этим наглым уродцем… Сегодня же увезём его в один из моих крема…

— Захлопни пасть, недоносок! — вдруг рявкнул Нискирич, заставив сына распахнуть осоловевшие глаза и действительно клацнуть зубами. — А ещё запомни, жалкий щенок, что это далеко не *твои* крематории!

Ритикама вздрогнул, выронил мясо на колени, прижал уши и уставился в «болтушку». Лоснящаяся шерсть на его загривке приподнялась, но открыто противостоять отцу мой «братец» не посмел.

Я терпеливо отсчитывал секунды в ожидании, пока старший Скичира раздражённо фыркнет. Пока недовольно затянется

дымным оковалком, пока чуть спокойнее огладит под курткой складку расшитого жилета. И только тогда сказал, чуть заметно опуская голову в знаке смирения:

— Я принесу тебе за неё *тинка-хай*. Сколько?

Нискирич выдохнул дым в сторону и склонил голову к плечу.

— Традиционный штраф? — задумчиво пробормотал он, словно решил рассмотреть моё предложение всерьёз. — И откуда же у тебя деньги, мой мальчик? Опять займёшь у младшей сестры?

— Найду, — спокойно ответил я. — Любую сумму. И буду вечно тебе обязан.

— Ты и так ему обязан… — неожиданно прошипел Ункац-Аран, от возбуждения пристукнув посохом.

Мы с Нискиричем смерили его одновременными взглядами такой силы, что шаман мгновенно прикусил губу. Сжался в комок и отгородился волшебной палкой, будто та и вправду могла защитить.

Казоку-хетто молча уставился в потолок, взвешивая и раздумывая. Однако его вздыбленная шерсть, подрагивание ушей и лёгкий прищур почти сразу нашептали мне, что деньгами я Сапфир не спасу…

Призн**а**юсь честно, ещё утром я думал, что моя жизнь оборвётся не так глупо и внезапно… Но разве многие из скрутивших хвост могли бы похвастать обратным?

Подняв новенький башер и клацнув предохранителем, я прицелился в голову казоку-йодда, державшего синешкурку под локоть. Мимолётно задумался, хватит ли сил и отваги навести ствол на Нискрича? И тут же решил, что о таком лучше не думать, даже чуть-чуть…

— Отпусти её, — негромко приказал я, жалея, что совершенно не помню имени плоскомордого бойца.

Тот вздрогнул и прижал уши:

— Э-э-э… Ланс, пунчи, ты чего?!

Зрение исказилось, будто под действием незнакомой боевой дури. С одной стороны, я видел только конвоира, причём в мощнейшем фокусе и словно через тоннель с водяными стенками, отсекавшими лишнее; с другой — боковым подмечал любую мелочь и ничтожное шевеление в стороне, цепко контролируя и пространство, и объекты в нём…

— Ты не глупи, ладно?! — попросил чу-ха, мелко встряхнувшись всем телом и определённо разрываясь между решениями оттолкнуть пленницу или ей же укрыться.

Я взвёл ударную пластину.

В тишине обеденной залы щелчок показался оглушительным.

Нискирич негромко рассмеялся. Затем небрежно махнул левой лапой, и «Дитя заполночи» отпустил Сапфир. Та отступила, потирая локоть и исподлобья разглядывая нас с казоку-хетто. Её глаза молили меня передумать, но я предпочитал не замечать.

— Нискирич, — сказал я, не опуская оружия и не глядя на вожака. — Отец… если ещё позволишь так себя называть… Ты же взвешиваешь любую мелочь, верно? Так вот послушай, что стоило бы взвесить сейчас. Я увожу свою подругу. Ты не преследуешь нас. И тогда я возвращаюсь, чтобы снова помогать тебе вскрывать черепушки врагов. Второй вариант: ты шинкуешь нас обоих фанга, а я откусываю себе язык. Сисадда?

Под стареющим пасюком в джинсовой куртке тяжко скрипнул пуф.

— Можешь, — подтвердил тот, пробрасывая хвост в специальное отверстие под короткой спинкой и вальяжно закидывая одну нижнюю лапу на другую. — Но я не верю, мой мальчик. Ты никогда не умел блефовать.

Что тут возразить?! Вообще-то он был почти прав…

— Но ещё я знаю, — неожиданно продолжил тот, уставившись на меня и одновременно на фреску на стене, — что заставить тебя применять колдовскую дрянь силой тоже нельзя… поэтому… я готов позволить убрать отсюда эту суку. Но если ещё хоть раз услышу выпуск «Ломкой горечи» в её исполнении, всё будет иначе.

Я даже отвёл глаза от прицела.

С недоверием покосился на Нискирича, и тот дважды, очень размеренно пристукнул когтем по судейскому перстню, подтверждая полную законность сказанного.

Сапфир испепеляла его взглядом, а я мысленно молился всем известным божествам, чтобы сейчас помощница не ляпнула что-то вроде *«тебе никогда не заткнуть мне пасть, косоглазый ублюдок!»* или «*ты можешь пристрелить меня, но тебе никогда не убить голос улицы!»*…

— Прости… — Я опустил башер. Поставил на предохранитель и со стуком отложил в коробку. — И в мыслях не было угрожать тебе или кому-то из братьев… всё оно так вышло, столько навалилось… — И пообещал с пылом, в который верил сам: — Я всё расскажу тебе, клянусь! Чуть позже. А она будет молчать. Это я тоже тебе обещаю.

Нискирич фер Скичира оставался неподвижен, изучая меня снизу вверх.

От Сапфир исходили волны едва сдерживаемого гнева. Пульсировали, требовали немедленно вывести прокламаторшу-чингайнистку из душной продымлённой трапезной. Молодой

казоку-йодда за спиной самки смотрел на меня со смесью разочарования и обиды.

Когти, призванные быть свидетелями «праздничного приговора», послушно молчали. Шаман всё ещё злобно зыркал и бормотал проклятия, но открыто подавать голос больше не спешил. Ритикама демонстративно напялил иллюзиумные очки и смотрел детёнышевское шоу.

Вот ведь, значит, как получилось… по всей вероятности, эксклюзивное интервью Моноспектральной Чапати про расследование смерти Нурсета фер вис Фиитчи потеряло актуальность. От этой нервно-циничной мысли меня едва не стошнило.

— Никто не пострадал, — добавил я, убедившись, что Нискирич больше не собирается заговорить. — Значит, тинка-хай будет уплачен. Назови сумму.

— Миллион! — неожиданно тявкнул Ункац-Аран.

Я повернулся к нему так, словно собирался снова взяться за башер. И на этот раз босолапый, отдаю ему должное, взгляда не отвёл.

Мне удалось кивнуть с лёгкостью, которой даже не ожидал — всего за миг до этого казалось, будто мышцы шеи свело так, что любое шевеление недоступно, а усилие запросто сломает позвонки.

— Будет. Стоило потребовать два.

Нискирич фер Скичира хохотнул, на этот раз расслабленно и беззлобно.

— Нам нужно серьёзно поговорить об источниках твоего дохода, мой мальчик! — Он легко прихлопнул ладонью по перепачканному столу. — Вдруг я захочу в долю?

Он поднялся в полный рост, демонстративно оставаясь к Сапфир широкой спиной. Вдруг уточнил тихо и серьёзно, в который раз заставив пожалеть о том, что я вообще припёрся в Нарост. Да что там?! Заставив пожалеть, что я вообще родился…

— Ты сделал свой выбор при братьях, сисадда?

Я чуть заметно кивнул.

— Иначе поступить не могу. Веришь?

— Подумаю над этим.

Почти приставным шагом я вернулся к двери. Натянул перчатки, подобрал рюкзак и неловко вскинул на окаменевшие плечи. Подытожил негромко, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Мы обязательно обсудим случившееся. Взвешенно и спокойно, как принято в семействах. Если потребуется, я понесу назначенное наказание. Сверх выплаты тинка-хай, разумеется. Но не сейчас.

Нискирич отмахнулся, то ли раздражённо, то ли дозволяя:

— Клан подождёт, когда в твоём плотном расписании появится окно. — А затем неторопливо подошёл, шурша хвостом по деревянным напольным плиткам. — Я всё ещё могу быть уверенным, что ты прибудешь в Нарост по моей первой просьбе и применишь свои способности к врагам казоку? Или проще оставить тебя здесь, как когда-то?

В груди похолодело.

— Приеду по первому зову.

— Хороший мальчик!

Он оскалился, снова дружелюбный и чуть неуклюжий.

— Благодарю за дар, которого не заслужил… — Против воли я бросил взгляд на брошенный башер в подарочной шкатулке.

— Яри-яри, а с чего ты решил, что я позволю вернуть?!

Старший Скичира вдруг потянулся и широко зевнул, вызвав невольный приступ зевоты у Когтей, шамана и даже поникшего казоку-йодда в дальнем углу. Дошёл до моего обеденного места (проклятье, я так и не успел пожрать!), притопил башер в мягких углублениях коробки, хлопнул крышкой, подступил и протянул:

— Теперь это твоя вещь, Ланс. Кстати, в стволе выкручен клапан подачи газа. При первой же возможности разбери и откалибруй.

Было невероятно (да что там?! чудовищно!) трудно, но я сумел удержаться от невольного возгласа. Вот, байши, как обстоит дело?! Старый косоглазый хряк знал, как всё случится, а если бы я только попробовал выстрелить из подарка… лишь подписал бы себе приговор.

Нискирич без труда прочитал мысли по моему лицу. Улыбнулся, ткнув увесистой коробкой в грудь и заставив взять.

— Что-то подсказывает, — добавил он, хитро сморщив многократно ломаный нос, — что после донастройки второй башер тебе нынче пригодится.

У меня всё-таки дёрнулся глаз. Он что, угрожал собственному пасынку?!

Свой голос я в очередной раз услышал, словно со стороны. Но звучал он ровно:

— Я принимаю твои дары с благодарностью, достопочтимый казоку-хетто!

— Да не вопрос! — Тяжёлая лапа вожака ощутимо потрепала меня по плечу. — Шагай в едином ритме с Когане Но, сынок! Ещё потолкуем.

Один из Когтей казоку сыто и протяжно, будто немало сдерживался, рыгнул в знак благодарности поварам.

Глава 9
КРЕПЧЕ ПАЙМЫ

За кормой бедняжки «Барру» закрылись тяжёлые ворота Нароста.

Затем прошли пятнадцать бесконечных минут.

И только потом она заговорила со мной.

Через кромешно-безжизненную четверть часа, за которую я приложил больше сил не раззявить пасть, чем за всю сознательную жизнь в Юдайна-Сити…

И вот когда молчание в салоне стало совершенно невыносимым… когда я уже был готов начать задавать весьма неприятные вопросы (и наплевать на последствия или ссору!), она вдруг сказала:

— Останови. Тут. Вон свободное место.

Я кивнул, только сейчас обнаружив, как же крепко, почти до скрежета, стискиваю зубы.

Включил предупредительные сигналы, пропустил пару шальных фаэтонов, юркнул в посадочный карман, и как можно мягче приземлил «Барру» на пустой пятак парковочной площадки.

Перед капотом сиял рекламой средневшивый торговый центр «Удачная покупка», большая часть магазинов и лавок которого методично отстёгивали на лапу «Детям заполночи». Их патрули в чёрно-жёлтых жилетах, разумеется, виднелись у входов и на выезде с парковки, в который раз заставив взвесить шансы на то, что Нискирич фер Скичира способен передумать…

Выключив мотор, я молча уставился на свето-струнные полотна «Покупки». Красочные транспаранты зазывали Ланса фер Скичиру и его спутницу срочно покупать одежду, парфюм, средства для чистки зубов и новый, действительно уникальный бальзам для самой ломкой шерсти.

Теперь, когда в брюхе фаэтона образовалась *по-настоящему* липкая тишина, не нарушаемая ни звуками движения извне, ни гулом движка, я вдруг понял, что не хочу начинать неотвратимый разговор. Вспомнил, как совсем недавно на месте Сапфир сидела совершенно другая самка, синтетическая, засбоившая, угодившая в переплёт ничуть не лучше нашего.

Я вздохнул.

Не оборачиваясь, сунул руку на заднее сиденье, нащупал рюкзак, затянул на колени. Вынул флягу, раскрутил, сделал основательный глоток паймы. Протянул синешкурке. Та — неподвижно застывшая, отсутствующим взглядом ещё больше

напомнившая девианта Симайну, — взяла подрагивающей лапой; приложилась и даже не поморщилась.

— Ты имеешь право спросить, — наконец сказала Сапфир, возвращая мне выпивку, но по-прежнему глядя перед собой.

Я откинулся на спинку, поёрзал, флягу закрывать не стал.

Мне до сих пор казалось, что покорное соглашательство Нискирича обернётся нехитрым обманом. Правда, сперва я считал, что мы и до гаражей Нароста-то не дойдём, как Сапфир снова схватят, а меня (в лучшем случае), вырубят «сомотранком».

Однако мы дошли. Без проблем забрали фаэтон. Без проблем и проклятий в спину выкатили из казоку-шин. И рванули от Нароста всё без тех же проблем, погонь и пальбы, чтобы… чтобы что?

— Благодарю за всё, что делала для меня эти годы… — сказал я, тут же поразившись, как глупо и неуместно прозвучало.

Чу-ха сморщилась, как если бы разжевала невыносимую кислятину. Она выглядела усталой, блёклой и скукожившейся, будто бы усохшей.

— У нас не так много времени, Малыш, чтобы тратить его на банальности.

Оставалось задумчиво покивать. Что ж, резонно… Я сделал небольшой глоток, снова предложил Сапфир, но на этот раз она едва заметно отмахнулась. Спросил спокойно, хотя на финише фразы голос всё же дрогнул:

— Выходит, ты никогда не была на моей стороне?

— Дурак… — она ответила так быстро, что я чуть не поперхнулся. — Только на твоей стороне я всё это время и была. Несмотря на чудовищность ситуации.

Теперь мы заговорили одновременно — я чуть громче, с непрошенной едкостью; Сапфир тише, украдкой вшивая комментарии в мою безрадостную тираду, и умудряясь при этом не перебивать.

— В выпусках «Горечи» Нискирича много раз называли хозяином терюнаши Ланса…

— Прости. Я не со зла. Так было нужно.

— …а самого терюнаши Ланса — его непутёвой игрушкой…

— Так тоже было нужно. Для роли, Малыш… хотя про непутёвость я готова подтвердить и сейчас.

— …В разговоре с Чапати та обмолвилась, что мне не подруга…

— Но это и правда так. Да вот только я не только новая Моноспектральная, но ещё и Сапфир. И тут совсем иное.

Зажатая между деловыми центрами, почти забившаяся под здоровенную многополосную эстакаду, «Удачная покупка» видела

лишь жалкий клочок настоящего неба. Когда его переползал неторопливый ветростат, перед моллом становилось сумеречно, будто на вечном закате.

По приборной панели «Барру» беспрестанно скользили разноцветные всполохи рекламных полотнищ, пробирались в салон, мазали бледное лицо и осунувшуюся морду, словно пытались породнить. И даже помыслить не могли, что теперь это невозможно…

— Ты ненавидишь их? — негромко спросил я через минуту-другую, и уточнять не было нужды.

— Всей душой, — Сапфир устало откинулась на подголовник. — Даже новеньких. Даже тех, кто только помышляет стать крутохвостым бандитом… — И вдруг спросила сама, будто вспомнив важное: — Помнишь Прогиба?

— Конечно. — Мне одновременно удалось похолодеть от тоски и криво улыбнуться. — Пацан хотел, чтобы его называли Разрушителем. Славный был крысюк…

— Нет, не славный, — устало отрезала моя бывшая помощница.

Она всё ещё смотрела в потолок салона, почти не мигая и не ёрзая в традиционной для чу-ха манере. Неподвижными сейчас оставались даже уши, как будто самочка настороженно прислушивалась к чему-то важному вдали.

— Он был бандитом, Малыш. Мразью. Мелкой, не успевшей причинить много зла, но мразью.

Я открыл рот, чтобы рассказать о его отважной жертве… чтобы хоть теперь отдать дань уважения погибшему товарищу… Но вовремя сжал губы.

— Он сам выбрал свой путь, — продолжила Сапфир, и в голосе её не звучало ни капли жалости. — Как и прочие. И все они кончают так — с ножом в печени или фанга меж ушей.

Вырвалось, внезапно и без шансов взвесить:

— И я?!

К моему удивлению, синешкурка повернулась.

— Не совсем. — Она покивала, словно услышала толковое и долгожданное. — Поэтому мы и общались, Малыш… Ты другой. Ты уникальный. Именно поэтому я была с тобой, даже несмотря на родство с «Детьми». А ещё у тебя в запасе всегда оставался шанс смыть со шкуры грязь…

Я стиснул флягу, второй рукой впиваясь в бедро и умоляя себя не заводиться. Прошептал, делая ещё один глоток в честь павшего казоку-йодда:

— У Прогиба он тоже был…

Отсалютовал флягой в потолок, и через секунду осознал, что

вру сам себе.

— Нет, Малыш, — Сапфир вздохнула. — Но ты и сам знаешь, что врёшь…

По капоту фаэта скользили розовые и зелёные блики.

В сознании вспыхивало совсем иначе — багряными и фиолетовыми молниями, они разбивали надежды и фальшивые образы в пыль.

Этому гнезду явно не хватало ливня. Мощного, всесокрушающего, погребально-алого, способного смыть липкую маслянистую слякоть не только со шкур, но и с лабиринта опасных улиц; ливня, вымывающего закопанные кости и черепа, сдирающего серую плоть комплеблоков до белоснежных костей чистейшего первородного Тиама, ещё не умевшего ни лгать, ни предавать…

— Значит, ты помогала мне, потому что не такой, как все?

Теперь она опустила голову, подалась вперёд и обеими лапами помассировала загривок. Уши мелко дрожали:

— Я всегда убеждала себя, что ты частичка иного мира, — пробормотала Сапфир в пустоту над приборной панелью, — более чистого, более гармоничного и правильного, верного, ответственного и мирного…

Что тут было возразить? Байши, в этот момент мне оставалось лишь верить, что сказанное — правда…

В салоне снова наступила не самая комфортная тишина.

Перед торговым центром деловито парковались фаэтоны, столь же деловито отъезжали прочь; у входов играла ненавязчивая музыка, манившая хвостатых в широкие коридоры молла; редкими стайками бродили подвыпившие болельщики, но поблизости не припоминалось ни одного стадиона, и тут они казались отчасти чужеродными.

В метре над крышей «Барру» просвистела пара лихачей на пернатых досках. Под парковкой «Удачной покупки» с грохотом пронёсся состав сквозного транзита, фаэт вздрогнул.

Я закрутил флягу и приткнул в сиденье у бедра.

В голове стало шумно и пусто одновременно.

Интересно, Ч'айя сейчас в порядке? По-настоящему, а не в слепой вере липовому маяку перепрограммированного гаппи? А как там Магда? Сука уже выслала за мной карательный отряд в шкурах-котокаге? Каким станет следующий ход Песчаного Карпа? А может, остаток дня за «пультом управления» единолично восседает Хадекин фер вис Кри?

Я не мог ответить ни на один из этих вопросов. Я мог с лёгкостью ответить на любой из них. Но вместо этого заставил сознание вернуться в фаэтон, осторожно покосился на Сапфир, и

тут же осознал, что горечь от спасения подруги не смыть даже самой лучшей паймой…

— И много вас? — Мой голос звучал так, словно я не спал неделю. — Борцов за правду, какой вы её себе представляете?

— Нет разных правд, Малыш, — она вздохнула, как будто больше не хотела не только спорить, но и вообще говорить. — А нас больше, чем можешь представить…

— Что будет с ними?

— Они под ударом, конечно. Всем придётся залечь в глубокие норы… я позабочусь.

Что ж, настало время самого важного вопроса, и потому:

— А лично тебе хватит благоразумия бросить «Ломкую горечь»? Хотя бы сейчас?

Она облизнула губы. Собралась что-то сказать, но в итоге не ответила.

Я подумал, что могу попробовать применить «низкий писк». Пусть ненадолго, но он мог бы заставить синешкурку поменять род занятий, отбросить мысли о мести и дать ей шанс выжить под приглядом «Детей заполночи». Да вот только смог бы я осмелиться?

Поёрзал, и снова спросил:

— Ещё смогу тебя увидеть?

Она покосилась и улыбнулась, глаза блестели.

— Зачем тебе это, Ланс?

Я пожал плечами. В рёбрах отозвалась боль, ей было недозволенно отразиться на лице.

— Наверное, потому что ты моя подруга?

Перед глазами стоял Нискирич, наблюдающий за моей внутренней борьбой там, в обеденной зале Когтей и старших казоку-йодда.

— Или потому что я люблю тебя, как только может человек любить чу-ха без нарушения норм и внутренних барьеров?

Она протянула левую лапу и бережно, очень легко похлопала меня по бедру; попрощалась традиционно, как прощалась тысячи раз, но сейчас — как-то особенно:

— Береги себя, Малыш…

Вот так.

Разговор окончен.

Возможно, навсегда.

— И ты себя, Пияна… — Я бросил флягу в рюкзак, потяжелевший от подаренной шкатулки, и застегнул горловину. Кивнул на ключ запуска в панели. — Это запасной, из-под крыла. Магнитный футляр в бардачке…

— Оставь фаэтон себе, — она оборвала меня мягко, но

настойчиво. Погладила, будто напоследок, подлокотник, и открыла дверцу. — Мне лучше раствориться в потоке гендорикш, сисадда?

Я невольно нахмурился:

— И ты даже не заскочишь в «Кусок угля»? Попрощаться с отцом?

Она уже поставила лапы на асфальт, но всё же обернулась и одарила последней улыбкой, чуть грустной и бесконечно дружеской, к которой я привык за годы общения:

— Не все так привязаны к своим норам, как ты, Малыш…

А затем выбралась наружу. Наклонилась, заглядывая в салон, и вдруг подмигнула:

— Передай Ч'айе… что если она не сбережёт твою лысую шкуру, я без труда сумею её разыскать…

Затем прикрыла дверь, помахала в окно скрещёнными пальцами и быстро зашагала к стоянке перевозчиков. Несколько минут я наблюдал за ней, торгующейся с шумными гендорикшами, проводил взглядом трехколесник с шаткой будкой для пассажиров, и ещё долго смотрел на дорогу, в вихрях которой тот канул.

Хотелось взвыть. Хотелось закричать. Хотелось зарыться в одеяло и не вылезать, даже если сама Когане Но снизойдёт в Тиам из заоблачных покоев в поисках своей «Нагинаты»…

Я поднял глаза на узкий дисплей, передающий картинки из салона и с кормовых камер. Не зеркальное отражение, конечно, а лишь жалкое подобие, но… оттуда на меня смотрел очень уставший тип.

Осунувшееся лицо, горящие от паймы глаза и изрядные мешки под ними, щетина и пересохшие губы — полный набор знаменитого Ланса фер Скичиры. Я попытался угадать, что он сейчас чувствует? Тоску? Разочарование? Полное равнодушие от неимоверной усталости?

На мгновение задумался, возможно ли нашептать «низкий писк» собственному изображению-отражению, чтобы хоть как-то разозлиться или заставить себя чувствовать боль утраты, чтобы хоть отчасти стряхнуть оковы равнодушия? Решил, что время глупых вопросов настанет чуть позже, и включил двигатель «Барру».

Улицы Юдайна-Сити снова приняли нас с фаэтоном; встретили, словно старый приятель, которого не видел много лет. Впустили в силовые коридоры, окружили роем таких же одиноких, закапсулированных в жестяные болиды, летящих по своим очень важным, но таким бессмысленным делам.

Яркие огни гнезда не радовали. Эффект паймы тоже сходил

на нет, теперь от неё даже не шумело в голове. Там было очень-очень тихо, а привычная музыка затаилась…

Наверное, нужно накидаться в сопли.

Взять пару увесистых бутылок, запереться в комнате у Заботливой Лоло и пить сутки напролёт, чтобы потом ещё сутки-другие отсыпаться. Наплевав на происходящее снаружи, на сотни коматозных сородичей, на ярость Магды вис Мишикана, на провокации Нискирича, странные мольбы Песчаного Карпа и долгосрочные планы Хадекина фер вис Кри.

На подлёте к Под-Глянцу фаэтон снова опустился на колёса, двинулся знакомыми дорогами, пару раз срезал дворами. Закатив «Барру» на пустынную парковку за уютным домом, я поднялся на крыльцо служебного входа.

Не пришлось даже стучать, моё появление определённо зафиксировали камеры. А вот дверь открыл вовсе не Гвоздодёр, а незнакомый самец с нашивками заведения. Здоровенный, кстати. Если бы такой встретил меня в день визита по делу Гладкого Мисмис, я бы технично отбитым бедром не отделался…

Крепыш мотнул башкой, приглашая внутрь.

— А где Гвоздодёр?

— А я ему подружка?

Наблюдая, как тот запирает дверь, я расстегнул пуговицу пальто.

— Я могу подняться?

— А я тебе нянька? — Он угрюмо осмотрел меня с ног до головы. — Не знаю, за какие заслуги, терюнаши, но мне велено тебя впустить.

— Ты очень милый.

Какое-то время он мерил меня взглядом, словно прикидывая, стоит ли драка его месячного, скажем, жалования. Затем фыркнул, приобнажил резцы, и ушёл по коридору.

По знакомой винтовой лестнице я поднялся на верхний этаж уютного дома, на этот раз не встретив ни служанок, ни работниц. И уже направился к заветной двери, как предпоследняя в ряду — соседняя от выделенной нам с девчонкой комнаты, — приоткрылась. В щели показалась морда Гвоздодёра, наблюдавшего за подходами.

— У тебя сбежал брат, мутант-переросток, — негромко сказал я, кивая в сторону лестницы. — Он там внизу пытается делать твою работу, но выходит как-то бездушненько…

Чу-ха молча изучал меня через щель, не спеша ни открывать створку, ни захлопывать. Гадёныш даже глаза над неудачной шуткой закатить не сподобился, было бы не так обидно.

Качнувшись на пятках, я перевёл взгляд на «ту самую дверь»:

— Всё ровно?

— Ровнее не бывает. Сюда покараулить меня поставила сама госпожа Лоло. А внизу сменщик. Хороший парнишка и верный отец, просто чтобы ты знал.

— О, это прекрасно, пришлю сладостей его детям. Наша отважная подруга в комнате?

— Неа…

Как я ни старался не подать виду, у меня отвисла челюсть, а в груди болезненно щёлкнуло. Впрочем, рухнуть без чувств или наброситься на Гвоздодёра я не успел — тот (вероятно, наученный изучением многочисленных клиентов дома) без усилий прочитал эмоции на моём лице и с предупредительной спешкой пояснил:

— Госпожа Лоло лично повела её в подвалы, терюнаши. Там у нас бани… нет, не кипятись, это не «нежная мыльная страна» для клиентов, а отделение для своих. Так что хвост на отсечение, сейчас твоя Куранпу отмокает в ароматической бочке…

Я приказал колотящемуся сердцу отменить тревогу и успокоиться. Колотящееся сердце послало меня в крайне обидное путешествие, сопряжённое с грубыми любовными утехами…

— Звучит недурно… — выдавил я, так и не сумев улыбнуться.

— Ей было необходимо, — совершенно серьёзно кивнул Гвоздодёр, продолжающий изучать меня через дверную амбразуру.

— Как ты определил?

— Без труда, терюнаши. Она была… подавленной. И дюже сонной. Знаешь, совсем не похожей на ту боевую сучку, что бросилась через весь Бонжур на Саку-Харухейфа прикрывать тебя в драке.

Я не удержал приподнявшуюся бровь. Оставалось надеяться, что Гвоздодёр расшифрует эту реакцию по-своему. Потому что да, пунчи, ты кое-чего о нашей общей знакомой ещё не знаешь…

Хмыкнув, я задумчиво потёр подбородок. Произнёс словно бы в никуда:

— У меня в комнате есть бутылка паймы.

Чу-ха смерил меня долгим взглядом.

— Обожди.

Скрылся за дверью, похлопал дверцами шкафа, но уже через несколько секунд юрко покинул наблюдательный пост и щёлкнул замком.

— Надеюсь, терю, у тебя хватит ума не растрепать госпоже Лоло?

— Обижаешь.

п.4.; г.9; ч.2

Мы вошли в комнату, в которой всё ещё витал запах Ч'айи. Рюкзак полетел на кровать, рядом упали пальто и перчатки. Выудив из сумки припасённую бутылку, я придвинул два стула к узкому столику с пищевым комбайном. Гвоздодёр, не теряя времени, отыскал в тумбе пару пиал, протёр салфеткой.

Наливал я, двумя руками и в лёгком вежливом поклоне, внимательно наблюдая за реакцией чу-ха. К моему уважению, тот не повёл усами, даже когда набулькалась половина. Отсалютовав вверх, мы традиционно прикоснулись пальцами к пиалам друг друга, и сделали по глубокому глотку.

Он сел, я остался стоять. Он смотрел в дверь, я изучал настенную панель, перед которой расчёсывалась Ч'айя. Он задумчиво поиграл кончиком хвоста, я смачно хрустнул пальцами.

Наконец пайма подействовала, мягко увеличив температуру в комнате и душ **е**.

Гвоздодёр спросил меня, не было ли неприятностей с моими срочными делами. Я без проблем соврал, ответно расспросив про обратную дорогу в уютный дом. Гвоздодёр вознёс короткую молитву Чооте Пар за удачливое покровительство, и я согласно приложил ладонь ко лбу. Мы выпили ещё по глотку. Затем вспомнилось важное, и на кровати появилась подаренная Нискиричем шкатулка.

Раскладывая набор для чистки и починки оружия, я вопросительно поднял бровь:

— Не возражаешь?

— Ничуть, — ответил чу-ха, и плеснул нам ещё немного.

Потом я спросил его, как давно он работает на Заботливую Лоло. Он ответил, причём на удивление охотно, рассказав весьма занятную историю появления среди Чёрных Юбок. Следом он спросил, как меня вообще угораздило уродиться на свет таким страшненьким.

Прекратив смеяться (Гвоздодёр всё это время супился, безрезультатно пытаясь расшифровать причину веселья и найти в ней возможную угрозу), я кратко (очень кратко) пересказал ему всё, что сам знал до первой встречи с джинкина-там.

Поражённый, так и не поверивший, сбитый с толку и во многом подавленный открытием, охранник замолчал и следующие десять минут в тишине наблюдал за разборкой нового башера.

А я неторопливо разрядил подарок вожака, отстегнул контр-

задник, выщелкнул и снял наствольную планку. Внимательно изучил клапан-канал (без повреждений), и сразу нашёл вывернутый регулятор. Невесело вздохнув, вынул из набора специальную отвёртку и аккуратно подкрутил в боевое положение. Капнул смазки, прошёлся щёточкой.

Сказал, искоса поглядывая на притихшего Гвоздодёра:

— Я твой должник. — Тот подёрнул драными ушами и поднял примутненный взгляд. — За помощь Куранпу, сисадда? И всё-таки сгораю от любопытства, пунчи, почему же ты помог?

Тщательный осмотр оружия показал, что оно в прекрасном состоянии, умело смазано и полностью готово к делу. Гвоздодёр снова опустил глаза на башер, то ли изучая, то ли погрузившись в собственные мысли.

— Тебя правда щекочет? — пробормотал он, прихлёбывая из пиалы.

Я мог бы прокомментировать, что сейчас — в условиях повсеместных предательств и смены стягов над дружественными лагерями, — это стало вопросом номер ноль. Но не прокомментировал. Вместо этого осторожно выставил на место наствольную планку и признал, легко и чуть смешливо:

— Ага. Кушать не могу, насколько.

— Поспи, — хмуро посоветовал Гвоздодёр, причём без злости или подколки. — Станет легче. Мне помогает.

— Ох, перестань! — Я защёлкнул контр-задник, мягко погрузил полную кассету в рукоять башера. Подумал, что такому прекрасному оружию точно стоит дать имя. — Хватит, пунчи… мне показалось, мы вроде почти сдружились, так? Ну и почему бы мне не узнать твоих интересов в этом деле?

Он взглянул мне в глаза, чуть захмелевший, но ещё непробиваемый. И определённо не до конца разделяющий радостную идею о «сдружении». Сменил позу, налил себе, протянул бутылку в мою сторону; я подставил пиалу.

— И в чём они, по-твоему, терюнаши?

Гвоздодёр хмыкнул, вернул бутылку на столик, снова скользнул взглядом по заряженному башеру, и я осторожно отложил оружие на коврик для чистки. Ответил негромко, в неподдельной попытке угадать:

— Я бы предположил, что ты помогаешь, потому что я не сдал Симайну. Ни тетронам, ни уличным бандам, сисадда?

— Интересная версия. — Охранник уютного дома поёрзал и оправил хвост. И вдруг удивил: — Но мне глубоко насрать на синтетов уютного дома. И любых других тоже. Даже если при этом я оберегаю их во время рабочей смены.

— Тогда я действительно заинтригован.

Он пожевал губу, мучительно колеблясь перед ответом. Но пайма сделала свою работу, и наконец чу-ха кивнул.

— Второй сын моей двоюродной племянницы.

Мне стоило труда не поднять глаза к выключенной потолочной панели.

— Ага. Ясно. Это загадка? Или я должен всё понять и так?

Он улыбнулся, чуть ли не впервые за всё время нашего знакомства. С пониманием кивнул и пояснил:

— Два года не писала, а тут снизошла до разговора. Причитала, что парнишку словили «Шуты». Три дня тому назад. Не убили, подвесили про запас. А вчера, как шепчет улица, точнёхонько во время фестиваля Канамара-ац'ри к нему явился ещё более уродливый урод, и отпустил парнишку. Сисадда?

Вот оно как?!

Я хлебнул жгучего и подогнул под себя ногу, невольно копируя позу подруги.

До чего же причудлива судьба… Словно змея, кусающая собственный хвост.

Ведь не получи я тогда сообщения от благодарной Аширны фер вис Фиитчи, даже не подумал бы сажать фаэтон в том вонючем переулке. А если к тому же вспомнить бедолагу Пять-Без-Трёх, ещё раньше познакомившего меня с подвалом в вонючем переулке, мы с Гвоздодёром бы и вовсе сейчас паймы не распивали…

Пальцы машинально покрутили колечко Аммы, затем вдруг потеребили галстук. Пожалуй, стоило признать, что в коллекцию значимых для меня вещей, напоминавших о важном, теперь добавится и он.

— Любопытно, — только и сказал я.

— Ага, — серьёзно кивнул Гвоздодёр. — Мне тоже. Когда твоя девчонка ломанулась в погоню, я понял, что могу отдать «вексель чести»… Ой, вот только не бзди, терюнаши! Конечно, никаких «векселей» ты мне не навязывал. Но не хуже меня должен знать, что улица шепчет громче торжественных клятв.

Я, уже приготовившийся к обороне, закрыл рот. Покачал остатки паймы в пиале, задумчиво поджал губу. Конечно, мне хотелось бы верить, что спасение парнишки стало осознанным ходом, поступком верного почитателя добродетелей из Параграфов Свитка Двоепервой Стаи. Но сделать этого я не мог.

— Ты должен знать, что мелкого я спас совершенно случайно. Хоть и рад, что твой родич жив и цел.

— Годится, — Гвоздодёр пожал плечами, допил пайму и плеснул нам обоим ещё по глотку.

— И за уютный дом не переживай, мы скоро отскочим.

— Я и не переживаю. Это дом Заботливой Лоло, мне-то с чего напрягаться?

Разумно. Точнее — в стиле хвостатых.

Я собрал набор для чистки оружия, старательно протёр потёки масла. Подумал, что новый башер можно назвать, например, «Наковальней» — величественно и со смыслом. А затем спросил, осторожно и с лёгкими интонациями «низкого писка»:

— Как думаешь, мы тут в безопасности?

Гвоздодёр снова повёл широкими плечами, уши затрепетали.

— Запросто не скажешь, терюнаши. Смотря от кого вы вообще скрываетесь.

Я снова потеребил зажим галстука. Задумался об истинной силе «Голубого Лотоса». О том, что именно в этих стенах впервые встретил острейшего Когтя «Уроборос-гуми», фер Сакагу по прозвищу Пыльный. Решил, что если вокруг нас с Ч'айей начнутся *настоящие* неприятности, Заботливую Лоло в них лучше не впутывать, ведь чудовищная история с Симайной и так подкосила немолодую самку…

Пообещал негромко, но с жаром:

— Мы скоро уедем. — Поднялся с кровати, отставляя пустую пиалу. — Я давно знаю Лоло. Уважаю её. Оставаться здесь ей в ущерб не очень-то разумно…

— Она будет против, — спокойно предупредил Гвоздодёр.

— Расскажешь ей, когда мы уже отбудем. — Я кивнул, словно убеждая себя в правильности принимаемых решений. — А ещё поблагодаришь, конечно. Тебе ведь не сложно?

Гвоздодёр смерил меня изучающим взглядом снизу вверх.

— Нет. — Допил последний глоток в своей пиале, осторожно поставил рядом с моей. — Шепни, когда будете готовы, я провожу.

И ушёл, без спешки или суеты, но так быстро, что я не успел добавить и слова.

Запер дверь, перевесил пальто в шкаф, спрятал оружейный набор в сумку; повертел в руках ополовиненную бутылку, но всё же закрутил и отправил вслед за инструментами. Забрав с кровати перчатки, вдруг обнаружил под ними препарированный гаппи, отданный Ч'айе.

Беззлобно выругался и невольно подумал о джинкина-там, бездонном и наполненном хищниками Мицелиуме, бедолаге Зикро… Байши, Зикро! И пакет, пересыпанный мне ещё минувшим вечером! Вот как о таком вообще можно забыть?!

Постучав по «болтушке», я выудил присланные данные.

Открыл, игнорируя вшитые текстовые сообщения Кирчика Акс-Иушиппи, в которых тот трижды предупредил, что прощальный подарок может содержать не самую простую и однозначную информацию о том, кого я неплохо знал. И ещё до того, как открыть, я успел сделать две вещи: наверняка догадаться о содержимом, а ещё проклясть себя, даже мельком не пробежавшегося глазами по посланию глабера…

Внутри оказалось досье на Сапфир.

Точнее, на Моноспектральную Чапати, роль которой та с недавнего времени весьма успешно играла. Без деталей, но с чёткими доказательствами. Вероятно, собранными Зикро не намеренно, а во время очередного рейда в глубины «мицухи», но не оставленными без внимания, а всё-таки переброшенными мне…

«Терюнаши, сто раз подумай, прежде чем открывать этот пакет», сказал он мне вчера, «*ты можешь прочитать… или удалить»*.

Терюнаши не подумал сто раз.

Не прочитал вовремя и не удалил.

Он просто забыл о существовании послания, способного спасти репутацию Сапфир и его добросердечные отношения с Нискиричем фер Скичирой…

Впрочем, узнай я обо всём ещё вечером, на ситуацию мог и не повлиять. И дело не только в настойчивом приглашении фер Сакаги прогуляться по ночному парку в сопровождении милых «Добродетельных Садовников». Если бы Сапфир не захотела сама, в нору бы не залегла, даже поклянись я ей на крови, что к «Куску угля» уже летят фаэтоны «Детей». А она бы не захотела… ведь так?

Я свернул пакет, мысленно возблагодарив глабера за этот прощальный дар. Пересылая его, Кирчик определённо не хотел причинить зло или разрушить отношения, он действовал из лучших побуждений, хоть и сообщая горькую правду…

Поразмыслив, я включил режим присутствия в Мицелиуме. Страх пропустить ещё что-то важное, способное определить моё (и Ч'айи) ближайшее будущее, вдруг кольнул в бок с такой силой, что заболели рёбра.

В «болтушке» нашлось ещё два проигнорированных вызова от Нискирича фер Скичиры (все совершены до моего прибытия в Нарост), и свежий пяток пропущенных с незнакомых ячеек.

Скрипнув зубами, я заставил себя не думать ни о чём, не способном повлиять на ситуацию — не касается, нас с Ч'айей это просто не касается; ещё раз пролистал списки, так и не найдя ожидаемого — хотя бы краткого сообщения от Магды, угрозы,

проклятия, требования переговорить… Хотя, если задуматься… после сегодняшнего она едва ли станет приглашать меня на свидание по сложившейся традиции.

Святая корова Когане Но, до чего же меня не хватает, чтобы разгрести всю грязищу за один присест?! Я покосился на сумку с бутылкой, размышляя, что недавняя идея напиться была чудо как хороша. Правда, в моих грёзах всё происходило в уютной норе на пару с Ч'айей-Курапну, а вовсе не в компании малознакомого крысюка-молотобойца.

Однако же, не сейчас!

Сейчас я глотну чинги в ожидании девчонки, затем соберу вещи и мы тихонечко отправимся в путь, иных вариантов на горизонте не виднелось.

Завибрировавший на запястье гаппи подтвердил своевременность резервного плана, а в голове вспыхнула мысль, даже отчасти не подвергаемая сомнению — это Хадекин фер вис Кри узрел моё присутствие в «мицухе», и сейчас лично узнает о принятом терюнаши решении. До чего же удачное совпадение! Хотя я не удивлюсь, если джи-там умеет считывать мысли через «болтушку» или консоль…

Однако это оказался вовсе не Диктатион.

Я прикоснулся к дисплею, впуская знакомый голос в заушник; над запястьем повис объёмный слепок.

— Старший брат, включи камеру! — сразу потребовала Амма, проигнорировав приветствие и традиционный вопрос о сытости. Демонстративно насупилась. — Я хочу тебя видеть!

Неотъемлемые интонации Нискирича фер Скичиры в голосе его дочери болезненно царапнули слух. Усевшись так, чтобы в слепок не попадало лишнего, я глубоко вздохнул и включил объектив «болтушки» — лишние споры только украдут время…

Самочка удовлетворённо кивнула (без улыбки), коротко вскинула скрещённые пальцы. Амма казалась привычно собранной и бодрой, да вот только сегодня в светло-зелёных глазах мерцала тревога.

— Как твои дела, сестрёнка? Ты не голодная?

— У меня всё в порядке, старший брат. — Было заметно, что студентка хочет перескочить формальности и перейти к допросу, но воспитание и традиции… потому она сдержанно кивнула: — Мы с одногруппницами в предвкушении концерта «Восьмого цвета радуги». У нас места в одной из лучших лож «Абиман Арены», отец позволил купить на всех…

— Поздравляю, хвостик, — я порадовался, что врать не придётся хоть в этом вопросе, — ты и подружки станете частью эпохального упоительного безумия… Но позволь спросить, ведь

сейчас ты дождалась моего появления в «миц-блице» не для того, чтобы похвастать поездкой в Чучсин?

— Ох, старший брат, ты снова видишь меня насквозь… Кстати, сам выглядишь неважно. Снова пил?

— Сестрёнка, умоляю, переходи к делу.

— Ойкоо… я думала, ты сделаешь это первым. В общем, Ритикама кое-что написал в семейном профиле… Неприятное и злое.

— Мне очень жаль тебе об этом говорить, хвостик, но твой брат Ритикама — дурак и конченый торчок.

— Да я знаю… — она невесело усмехнулась, — но если вести из Нароста хоть отчасти правда… Ланс, любимый братик, пожалуйста, не делай глупостей!

Ох, милый юный хвостик… как объяснить тебе, что «любимый братик» уже их наделал, но при этом не обидеть и лишнего не сболтнуть?

— Всё будет хорошо, сестрёнка, не переживай. Не скрою, мы немного повздорили с отцом, но обязательно помиримся…

В этот миг я снова подтвердил старинную истину, что лгать по гаппи куда проще, чем в глаза. Помиримся?! И это я говорил о чу-ха, по чьим венам вместо крови струились ненависть и ярость? Я был уверен, что старик никогда не простит оступившегося пасынка, даже если открыто объявит обратное…

— Обещаешь? — Амма даже повеселела.

— Клянусь. — И вдруг накрыло, перемешивая воспоминания прошлого с ароматами паймы, надломив броню, заставив жалеть о словах и поступках. Посмотрев ей в глаза, я добавил, на этот раз без какого-либо обмана: — Что бы ни случилось, хвостик, ты всегда останешься моей сестрой и можешь рассчитывать на помощь.

Однако откровенное признание вдруг оказало на сестрицу эффект, совершенно обратный ожидаемому.

— Ты меня пугаешь, старший брат, — она нахмурилась, отчего надбровная спиралька-украшение серебристо сверкнула. — Причём куда больше, чем когда попросил в долг целую гору денег…

— Эй, малявка, не заставляй меня повторяться — для страха нет причин!

— Может, тогда здоровяку вернуться в Нарост? Я смогу быть там через пару часов, и мы всё обсудим *вместе*, сисадда?

Я представил нас троих с Нискиричем за церемониальным столом для распития чинги, неспешно обсуждающих случившееся, и чуть не рассмеялся.

— Прости, Амма, не сейчас. Никак не могу, поверь. Очень

много дел. Важных.

— У тебя всегда много важных дел…

— Сейчас они особенные.

— Ох, старший брат, какой же ты врун!

— Мы встретимся и поговорим, хвостик, я обещаю. Ты знаешь, что твой братец, хоть и врун, но готов ответить за совершённые ошибки, честно. Только позже.

Её брови сошлись сильнее прежнего, пальцы машинально погладили тонкий шрам, протянувшийся от шеи до подбородка. А затем Амма подалась вперёд так быстро, что зазвенели массивные модные серьги:

— Дурак, теперь ты напугал меня ещё сильнее!

В коридоре раздались осторожные шаги. Пока далёкие, у самой лестницы, но они определённо приближались к моему убежищу.

— Так, сестричка, мне пора идти. Не волнуйся, хорошо? Тискаю за уши, не болей!

И я выключил гаппи за секунду до того, как замок снаружи открыли ключом, а в комнату вошла Ч'айя. Её голову, замотанное в многослойный убор, венчало влажное полотенце.

— В этом доме столько потайных ходов, — утомлённо пробормотала девушка, запирая дверь и прижимаясь к ней спиной, — что мы могли бы жить тут годами, и ни разу не попасться на глаза клиентам Заботливой Лоло…

Речь её была расслаблена и нетороплива, напряжение из плеч исчезло, морщинка на лбу стала почти невидимой. На лице при этом до сих пор лежал такой отпечаток блаженства, что я почти позавидовал банному походу. Кивнул, дёрнул плечом, встряхнулся:

— Может, в другой раз. А сейчас нам придётся оставить гостеприимные покои Чёрных Юбок.

Вынув из шкатулки плоскую кобуру, я расстегнул поясной ремень и начал прилаживать одно к другому. Ч'айя вздохнула, прошла в комнату и устало опустилась на стул Гвоздодёра.

— У нас новые неприятности, не так ли?

— Ну… в каком-то смысле, да.

— Ох, Ланс, а ты нескучно живёшь…

— Премного благодарен, красавица…

— Ты снова пил?

Я замер, так и не вдев кончик ремня в последнюю прорезь; затравленно покосился через плечо. Байши, это не шутки, и все самки Тиама действительно слеплены из единого куска глины?!

Пробурчал про крохотный глоток, только чтобы прочистить мысли. Вернулся к хитросплетению поясной сбруи. Ч'айя у

столика покрутила в пальцах пиалу недавнего гостя, многозначительно хмыкнула, ещё более многозначительно помолчала. Размотала полотенце и ещё раз насухо протёрла волосы.

Гаппи снова подал голос. Постаравшись не измениться в лице, я приготовился попросить прощения за обрыв разговора и заготовил пару фраз для успокоения Аммы. Решил, что обязательно пообещаю всё взвесить, обдумать и, возможно, прямо сейчас ещё раз переговорить с Нискиричем.

Но это оказалась не названная сестра…

На пересыпанном мне свето-струнном слепке виднелся квадратный поднос с шестью аккуратно разложенными пуговицами разного цвета и размера. Завершала картинку лаконичная подпись, заставившая мои кулаки сжаться: *«Поможешь выбрать, Нагината?»*.

Наверное, это и стало последней каплей.

После недавнего разговора с Сапфир волна злости, копящейся на окружающий мир и его распрекрасные сюрпризы, так и не смогла прорвать запруду. Но сейчас все мыслимые преграды лопнули с громким щелчком, будто иссохшая ветка…

Я встряхнулся всем телом, совсем как чу-ха (или как мышь, которую те в шутку почитали своим далёким предком). Да, хвостатые частенько делали так перед принятием серьёзного решения, а сейчас случай выглядел именно таковым.

Закончив цеплять кобуру к ремню, я застегнул пряжку и передвинул «Наковальню» на живот, точно под левую руку. Быстро раскидал нужные вещи между сумкой и рюкзаком, переставил к двери.

Молча передал Ч'айе подобранный с кровати гаппи. Та покорно надела, не возражая и не уточняя, но на меня косясь с лёгкой тревогой. Набросила через плечо собственную сумку, поудобнее умостила внутри шокерный башер.

Она была готова. Сама не знала, к чему именно, но полностью готова. Наконец спросила, негромко и без давления:

— Что ты задумал на этот раз?

— Переходим к резервному плану.

— Как я и говорила?

— Как ты и говорила… но с изменениями.

— Пояснишь?

— Чуть позже.

Убедившись, что ничего не забыл, я вышел в коридор; девушка не отставала. На подходе к известной комнате дверь приоткрылась, и навстречу выскользнул Гвоздодёр. Смерил взглядом, оценил настроение.

— Готовы?

— Готовы. Проведи нас к фаэтону так, чтобы…

— Я помню, терюнаши. Шагай ровненько.

И он первым двинулся к лестнице, прислушиваясь, принюхиваясь, и время от времени давая знак застыть на месте. Позволил беспрепятственно добраться до выхода на первом этаже, осторожно выглянул во внутренний двор уютного дома. Поманил, проводил до фаэтона — Ч'айя первой юркнула на заднее сиденье «Барру».

Поставив увесистую сумку рядом с ней, я прикрыл скрипучую дверцу и повернулся к охраннику Заботливой Лоло.

— Ага! — Гвоздодёр оскалился, откровенно забавляясь собственной проницательностью. — Что на этот раз?

— Новая просьба. Последняя, клянусь!

Я вынул из кармана карту запуска.

— Серьёзно?! Яри-яри, пора оформлять лицензию перевозчика!

— Да, ты всё верно понял…

Он забрал (не сразу) протянутый ключ, задумчиво повертел в пальцах. Косой лукавый взгляд будто интересовался, готов ли я снова рискнуть оставить девчонку одну?

Действительно, а готов ли? Совсем недавно, приблизительно сотню тысяч лет назад, я искренне сказал Нискиричу фер Скичире: *«Иначе поступить не могу. Веришь?»*. Сейчас был готов повторить эту фразу и Ч'айе, и нашему новому союзнику с молотком на поясе… Байши, да что со мной вообще не так?!

— Куда мне отвезти её на этот раз?

— В Пузыри.

— Ты шутишь, терюнаши?

— Ничуть.

— Говоришь про казоку-шин «Диктата Колберга»?

— Ты всё верно услышал, пунчи.

— Погоди-ка, уточню ещё разок: речь про цитадель Хадекина фер вис Кри, так?

— Так. Вас будут ждать. А на мне повиснет долг…

Очередной долг, и я не имел ни малейшего понятия, как буду его отдавать.

Чу-ха задумчиво покивал, а затем медленно обогнул фаэтон до водительской двери.

— Ты в самом деле очень интересный малый, Ланс… — он чуть нетрезво усмехнулся и вдруг подмигнул мне над крышей «Барру», — но этот долг мне едва ли понадобится, сисадда?

Я невесело улыбнулся в ответ.

— О, пунчи, про интересного — это в точку. А про долг скажу

так: настаивать не буду, но ты помнишь.

— Пусть так.

Проклятье, хмурый здоровяк становился мне всё более симпатичен… заставляя так же чувствовать нарастающую вину, что я вообще втягиваю его в наш небезопасный замес.

— Передай Ч'айе, что у меня появилось дело, — я многозначительно покосился на салон фаэтона. — Совсем короткое, но важное. Вернусь к вечеру, она и моргнуть не успеет.

— Сам сказать ссышься?

Я хмыкнул и покачал головой:

— О, пунчи, ещё как ссусь, ещё как…

Гвоздодёр издал забавный щёлкающий звук, небрежно махнул мне скрещёнными пальцами, подобрал хвост и грузно уселся за панель управления. «Барру» почти сразу двинулся к выезду из дворика, и несколько бесконечных секунд я видел в его заднем окне недоумевающую Ч'айю, обернувшуюся с очевидным укором…

Как там, бывало, говаривал сааду Пикири? Дескать, каждый из ходящих по этой земле должен испить личный коктейль из сделанного и предначертанного; вопрос в том, сумеешь ли ты им сполна насладиться?

Что ж, Ланс фер Скичира, наслаждайся своим напитком.

Если оценивать его мощь в привычных градусах, сейчас эта дрянь куда крепче паймы…

мицелиумный шум

…Ну и кто после *такого* сможет и дальше твердить о нашем генетическом родстве?!

Они истошно вопят о свободе, но где, я вас спрашиваю, они этой свободы лишены?!

Ага-ага, вчера вечером подвальная погань вылезла на грязные улицы Нижнего Города исключительно для того, чтобы заявить об ущемлении своих гражданских прав. Чтобы заявить мирный протест о неправомерных действиях тетронов, застреливших очередного обдолбанного угонщика.

И ни в коем случае не для осквернения статуй Смиренных Прислужников.

Не для изнасилования подвернувшихся жертв.

Не для грабежей.

Нет-нет…

Байши! Любой желающий может найти на моей станции записи со вчерашних спонтанных «демонстраций». Ага-ага, они совершенно точно не хотели никого грабить.

А шесть продуктовых магазинов, лавка электроники, конторы букмекеров и двух мешочников, а также массажный салон были вычищены совершенно случайно.

Может быть, потому что владельцы этих заведений тоже принимали участие в несправедливом задержании упомянутого угонщика? А может даже стреляли в него вместе с «полосатыми рубашками»?

Нет, мои уважаемые последователи! Нет, нет и ещё раз нет, прокламатор Кинн-Кинн в очередной раз утверждает — дело в генетической нищете обитателей Такакханы.

Да сколько же можно научными тестами доказывать, что уровень интеллекта наших подземных сородичей в среднем на сорок пунктов ниже обитателей верхнего Юдайна-Сити?! Сколько можно приводить доказательств, что весь этот грязный, тупой, полоумный визжащий сброд не имеет никакого желания честно зарабатывать и столь же честно платить отчисления в казну гнезда?!

Они ленивы.

Глупы.

Чрезмерно жестоки.

Готовы загрызть ближнего за десять рупий в его лапе.

Они хотят, чтобы им давали, и ничего не хотят давать в ответ. Они готовы по первому щелчку когтем втянуться в любую уличную свару, если та принесёт им хоть крошечную личную

выгоду в виде выбитой витрины или покинутого охранными артелями магазина.

Но ни они, ни защитники «угнетённых» такакханцев никак не хотят этого признать. Последним же выгоднее надувать собственные рейтинги криками на всех мицелиумных углах, что малоимущих бедняжек притесняют, жёстко ограничивают в свободах, и не дают реализовать скрытый потенциал.

Так реализуйте же его, байши! Пусть короткохвостые выродки из Нулевого Района или Пустого Яйца перестанут жить на ежемесячные пособия, выделяемые Смиренными Прислужниками! Пусть найдут честную постоянную работу. Пусть перестанут толкать низкокачественную дурь и воровать одежду у ещё более нищих соседей по комплеблокам!

Но нет же, на такое среднестатистический обитатель Такакханы не пойдёт никогда.

Нет-нет, что вы?! Он дождётся, когда его пунчи-хвостощип из соседней норы попадётся тетронам с полными карманами «Кроко» или геромета, попытается отбиться ножом, будет расстрелян на месте, и только после этого наш обобщённый герой выйдет визжать на улицы. Выйдет кричать, что Юдайна-Сити не уважает и не ценит жизни нижнегородских чу-ха, а ещё чтобы крушить, тащить чужое и мазать стены дерьмом…

Оставайтесь на станции Кинн-Кинна, и уже через двадцать четыре часа услышите мнения экспертов, которых я приглашу поучаствовать в выпуске. Одним из моих гостей станет высокопоставленный тетрон, согласившийся прокомментировать беспорядки в Пустом Яйце на условиях анонимности, вторым — видный эксперт в области групповых поведенческих систем и прогнозист развития гражданского общества, чьё известное имя я сообщу вам уже завтра…

…Эй, пунчи, подходи, я готов поиграть!

Изойду соком! Брызну! Растаю на губах!

Соблазнительно?!

Ах, ну ещё бы!

Ведь я — кусок лучшей вырезки из свиного бочка самых отборных животных самой защищённой фермы во всём Бонжуре — «Хвостик-пружинка».

Эй, пунчи, взгляни на мой зажигательный танец и дай волю желаниям!

Впейся в меня зубами, порви, высоси жир! Можешь не беспокоиться, пунчи, у меня имеются все необходимые сертификаты категории ПросПин-160 и 162, а также документы происхождения и чистоты!

[Спрашивайте сертификацию перед осуществлением заказа]

Меня мариновали лучшие повара в самых отборных специях, а затем поджарили на самых современных грилях сети заведений «Хвостик-пружинка». А ещё я очень милый и скучаю по своим пожирателям.

Хей-хей, хвостатые! Скорее спешите в гриль-бары «Хвостик-пружинка» и заказывайте сразу три порции жареной свининки! Нет, лучше сразу четыре порции! А если вы заказываете меня и моих друзей в компании с салатными чипсами или грибным брикетом, то получаете в подарок кувшин восхитительного эля «Тош-Тош»!

[Уточняйте наличие сортов эля перед осуществлением заказа]

Хей, куо-куо!

Тебя изнуряет жажда? Тогда подойди поближе, пунчи! Прикоснись языком, дай пощекотать нос.

Я очарую пряным запахом! Растекусь прохладой! Останусь сверкающими каплями в усах! Ты заинтересован?!

Ведь я — огромный кувшин изысканного холодного эля «Тош-Тош», и нет ничего прекраснее, чем опустошить меня при поедании моих лучших друзей — сочных, шкворчащих жирком, добротно прожаренных свиных ломтиков с восхитительных ферм «Хвостик-пружинка»!

[Жареное мясо и кувшин эля хором]

Добро пожаловать в наши бары!

Приходите прямо сейчас!

Ешьте помедленнее!

[Весь товар и услуги лицензированы. Перед осуществлением заказа обязательно требуйте у персонала сертификаты антивирусной и генетической чистоты, а также проверяйте актуальность документов категории ПросПин № 160 и № 162]…

…Куо-куо всем сладеньким, модненьким, ухоженным и красивеньким!

Вы просто самые-самые лучшие в этом шумном-шумном гнезде, фрык-фрык вам в ушки, малыши!

Так, девчоночки и случайная ребятня… Давайте-ка сначала поболтаем о грустном. Потому что вот тут меня в личных сообщениях ну буквально утомили вопросами вроде: *«Битрианда, деточка, а сколько должен зарабатывать твой самец, чтобы ты ощущала себя богиней?»*.

Ой, ребятки, знаете, как я устала от всего этого? Так что вот сделала вам анонимный опрос, йуп. Видите результаты голосования на входе в мою станцию?!

Добренькая Коганечка Но-о, ну до чего же там много смешного!

Вот, смотрите-ка, популярный ответ — 500 рупий! В месяц?!

Девочки, вы чего, в Такакхане себя нашли? Яри-яри, ну нельзя же так…

Йуп, а вот вам *самый* популярный из ответов — от пяти сотен до тысячи рупий. Ну просто нет слов, а! Одно шипение, причём презрительное…

Девочки, красоточки, я молю вас, подумайте же вы о себе, глупышки? Ну вы что, грошовые байши из Ниточки?

Ох, ну я прямо даже расстроилась. Давайте-ка я вот сейчас отвечу всем, кто ещё хочет задать этот гадкий вопрос, а сколько же всё-таки должен зарабатывать хетточка для вашей Битриандочки.

В общем, девчоночки, лично я считаю, что мой хетточка должен зарабатывать не меньше семи тысяч рупий в месяц. А ещё лучше — десять и выше. Йуп-йуп, и ни юном меньше!

Поймите же вы, глупенькие, только в этом случае вы будете окружены заботой, только тогда сможете почувствовать себя в полнейшей безопасности и стать настоящей княгиней!

Ах, эти глупые, ни на что не способные самцы! Эти жадные мошонки на лапках, озабоченные шавки, не умеющие создать для своей избранницы подобающие условия… Ну да ладно, девчонки, у меня аж голова начала болеть от таких переживаний, давайте-ка переходить к главной теме!

Вчера мы с вами говорили о питательных масках для шерсти на щеках и шее, а сегодня… йуп-йуп-йу-у-п, сегодня у нас настоящий конкурс! Помните, как я говорила о нём неделю назад?! Так вот и он!

Девчонки, теперь слушайте-ка внимательно. Итоги подведём всего через два дня, поэтому мешкать вообще никак невозможно!

Вот условия, любимочки: оставайтесь на канале Битрианды с основного профиля, лепите этому выпуску три хвоста вверх и оставляйте любой вирт-писк от *«очень-очень-очень хочу твой приз!»* до простенького «*Битрианда самая лучшая!»*, мне всё будет одинаково приятно, всех люблю.

И уже через два дня, как я и сказала, наш замечательный победитель получит… напряжённая барабанная дробь! Он получит сразу два билетика на ближайший концерт «Восьмого цвета радуги» в самой «Абиман-Арене»! Йу-у-уп, девчоночки, это же просто восторг! Причём билетики не абы куда, а в ложу для настоящих вистар, на самые лучшие места!

Ой, там много чего интересного будет. Вы сможете взять автограф у наших обожаемых музыкантов, вы получите

уникальные сувениры с символикой группы, а ещё у вас будет неограниченный доступ к закускам и — главное-главное-главное! — неограниченное количество подслащённого газированного напитка «Камуяпи», одного из ключевых спонсоров концерта!

Любимые, пейте только натуральную «Камуяпи», никаких подделок и домашних заменителей!

Тому же, кто через пару дней не станет баловнем судьбы и будет смотреть концерт из своей миленькой норочки, я уже завтра расскажу, как приготовить качественный «Камуяпи» из ингредиентов, которые вы найдёте в любой продуктовой лавке.

Потому что смотреть и слушать наших обожаемых «Восьмой цвет радуги» без любимой газировки в лапе — это как идти в уютный дом без денег! Поняли шуточку, да? Ну, без денег, и чтобы кого-то вые… йуп, я уверена, что поняли.

В общем, красотуленьки, на этом сегодня всё! Фрык-фрык карамельным любимкам, оставайтесь на станции Битрианды и не забывайте участвовать в нашем замечательном конкурсе…

Глава 10
ОГИБАЯ СВЕТ

Она наверняка поймёт.

Она умная, обойдётся без лишних истерик, да и Гвоздодёр поможет, успокоит. Во всяком случае, только на это мне уповать и оставалось.

А сам я? В голове всё ещё дробно перестукивались произнесённые охранником уютного дома слова, что улица шепчет громче любых клятв.

Кем бы ни был бездушный ублюдок, уродовавший соплеменников, он знал Ланса Скичиру, как Нагинату Когане Но, а значит, был как-то связан с несостоявшимся культом Пяти-Без-Трёх. Что, в свою очередь, означало, что вины за случившиеся (и ещё только возможные) смерти хвостатых мне не избежать…

Именно поэтому я был просто обязан. Даже если не доживу до рассвета. Даже если «Голубой Лотос» и все казоку гнезда устроят за мной дикую погоню с пальбой. Даже если всерьёз подведу умницу Ч'айю. Я был должен…

Улица понесла меня на восток от уютного дома, минимум за пару кварталов прочь, чтобы не привлекать лишнего внимания пока ещё редких гостей заведения, и их же не смущать. Оставалась почти пустынной, в отличие от параллельной соседки, по которой на стадион Глянца текла хвостатая толпа.

Судя по времени, наступала пора четвертьфиналов, а значит, мне стоило поспешить — после заключительных штормбольных схваток в бетонных каньонах станет слишком шумно и небезопасно даже для одинокого казоку-йодда.

Осмотревшись из-под капюшона, я привычно покрутил на пальце подарок Аммы, а затем, неожиданно для себя, погладил серебристые кончики галстука. На удачу…

Гаппи бодрствовал, мерцанием индикаторов намекая, что ему давно пора вернуться в позицию невидимки. Однако до нырка в тень…

Остановившись, я выудил из архивов «болтушки» один из незнакомых профилей, пытавшихся связаться со мной с бесконечно далёкого утра. Пробросил пару самых очевидных связок через Мицелиум, задал параметры фильтрации, сопоставил, и буквально через минуту убедился, что имею дело с ячейкой одной из дочерних контор «Диктата Колберга».

Вызов я сыпанул по первому из подвернувшихся каналов, вообще не выбирая. Дождался приятного голоса в заушнике —

мне ответил самец с хорошо поставленной дикцией, уверенный в себе и способный продать что угодно, от заколки до ветростата, — и даже не позволил ему закончить вежливое приветствие, произнеся как можно чётче и разборчивее:

— Я хочу немедленно поговорить с господином Хадекином фер вис Кри.

Где-то там, во многих районах от меня, замешкались. Пусть даже совсем ненадолго, но я уловил едва различимое насмешливое *«х-ха»*. Затем всё тот же приятный голос попросил с укорительно-дружескими интонациями:

— Уважаемый, перестань тратить время деловых чу-ха, сисадда? Я тоже много мечтаю. Например, стать Смиренным Прислужником Восьмой Ступени. И пусть грёзы — это сладкая радость, но в реальной жизни…

— Хадекин фер вис Кри, — спокойно, но с лёгким нажимом произнёс я. — Соедини. Немедленно. Если, конечно, не хочешь потерять работу.

— Пунчи, — голос специалиста на другом конце соединения ощутимо похолодел и начисто лишился торгового задора, — ты вообще хоть представляешь, куда обратился и…

— Завали пасть, — в третий раз негромко оборвал его я.

Он замолчал, хотя я не сделал ни намёка на «низкий писк».

— Ты придумаешь, как нас соединить. Скажешь в приёмной казоку-хетто, что того вызывает Ланс фер Скичира. Если тебе ответят, что господин фер вис Кри не сможет ответить Лансу фер Скичире, ты сразу сообщишь мне, сисадда? Жду и не отключаюсь.

На этот раз в заушнике наступила полная тишина. Вероятно, невидимый служащий фиктивной конторы-подстилки «Диктата» мысленно жонглировал словами и терминами, подбирая наиболее удачные, чтобы как можно больнее и метче обложить наглеца штабелем метровых *уев… однако через мгновение канал без предупреждения сменился новым голосом. Уже знакомым, нарочито старческим.

— Верное решение, Ланс.

— Этот разговор ещё ничего не означает.

— Жаль. Должен отметить, что это не лучшая идея — засветить себя через Мицелиум на всё гнездо.

— В надежде на всё те же 50 %, что у руля окажешься именно ты.

Джи-там хмыкнул, то ли неодобрительно, то ли устало. Удивил вопросом:

— Девчонка цела?

— О, я рад, что ты переживаешь за свой подарок, — я чуть не оскалился, намеренно не давая угаснуть проснувшейся злости.

Подстегнул, подпитал желчью и на удивление неподдельной обидой. — Конечно, цела. И я тоже. Низкий поклон, что спросил!

— Вот что я тебе скажу, Ланс, — проскрипел Хадекин фер вис Кри, — подобного больше не повторится.

Я фыркнул:

— Это ты про предательство у тебя под носом?!

Диктатион удачно сымитировал невесёлый смех, хорошо знакомый мне по недавнему разговору у дешифратора.

— Нам лучше поменять стратегию. Я не способен следить за тобой круглые сутки.

— Вот как? Напомни, когда это я попросил сиделку? Знаешь ли, пунчи, вообще-то я и сам вполне уверен в своих силах!

— О, действительно?

Я мог бы ответить на новом витке грубости (и даже придумал, как именно), да вот только и правда «светился через Мицелиум на всё гнездо» не совсем ради чистой ругани. Кри тем временем добавил:

— Мой анализ и экстраполяция возможных событий показали, что ты или побывал в постоянной норе, или собираешься туда отправиться. Во втором случае обращаю внимание на категорическую недопустимость таких действий, жилище скомпрометировано. Наиболее верным шагом сейчас станет приезд в Пузыри. Немедленный.

Байши, ну как тут было удержаться?

— Правда?! И тогда, конечно, нам ничего не угрожает?

— Ничего, — очень спокойно, не поддавшись на очередную провокацию, ответила марионетка на престоле казоку-хетто. — Доказательства верности пересмотрены, я завершаю анализ по полному списку членов и сторонников клана, многие уже схвачены. Если же речь о возможных опасениях на *мой* счёт, то готов повториться в который раз: не в моих интересах причинять тебе вред.

Хах, это я тоже говорил почти всем, на ком когда-либо собирался применить «низкий писк»… Впрочем, давить дальше было не совсем разумно — финальное решение я принял ещё в комнате уютного дома.

Осмотрелся, убедившись, что у разговора нет праздных свидетелей.

— Я сейчас без девушки.

— Вот как? — хмыкнул Диктатион. — А мне казалось, что своим подарком я лишил тебя этого проклятья.

Я чуть не поперхнулся.

— Яри-яри, очень смешно! Глядите-ка, так ты прямо шутник не хуже братца? — И внезапно в очередной раз задумался,

насколько же много *живого* и действительно разумного содержится в начинке джинкина-там… — В общем, Ч'айя уже на пути в Пузыри. А вот у меня есть небольшое, но неотложное дело…

— Я вынужден отметить, что подобным решением ты подвергаешь себя неоправданному риску…

Но я не позволил ему завладеть инициативой разговора. Добавил чуть громче и требовательнее:

— …поэтому чем быстрее ты поможешь, тем меньше времени уйдёт на пустой трёп и подвергание меня риску, сисадда?

Если джинкина-там и взвешивал «за» и «против», на это ушло не больше секунды.

— Что тебе нужно?

— Всего три одолжения, как скромных, так и не очень. — Я подготовился, а потому перечислил позиции короткого списка быстро и без запинки. — Надёжный чистый транспорт, деньги и точные координаты.

Ответом стала очередная короткая пауза, заставившая снова визуализировать вычислительные процессы, происходящие в «голове» Хадекина фер вис Кри. Затем тот вздохнул, как мог бы вздыхать утомлённый родитель над отпрыском-несмышлёнышем, и размеренно (почти без показной хрипоты в голосе очень старого чу-ха) произнёс:

— Иди дальше на восток. До перекрёстка. Там свернёшь на север, ещё полквартала и слева перед эстакадой в Глянец найдёшь трёхуровневый паркинг. Первый этаж, место 42, тёмно-синий «Райто». Дубликат карты запуска в электронном тайнике бардачка, уже открыт.

Я довольно улыбнулся, не позволяя, впрочем, утихнуть тлеющей злобе.

Натянул противопыльную маску, позволявшую не выделяться хотя бы издали; снова накинул капюшон и быстрым шагом двинулся в указанном направлении. Пешеходов по-прежнему встречалось меньше малого, гул далёкой процессии болельщиков утих, поглощённый вышележащим уровнем Юдайна-Сити.

— С угоном проблем не будет? — стараясь не сбить дыхание, уточнил я прямо на ходу. — Если, скажем, остановят тетроны или перевозбудится хозяин?

— С этой минуты «Райто» легально зачислен на твоё имя. Если это успокоит, отныне ты единственный, полноправный и законный владелец.

Я стиснул кулаки, невольно (с растущей тревогой) задумавшись, как бы поступил, окажись за приборной панелью управления парочкой джинкина-там не Диктатион, а его братец

Данав фер Шири-Кегарета… Мотнул головой, отгоняя даже малейшие мысли о возможных неудачах.

— Настоящего убеждать не придётся?

— Он играет в тайчо, посиделки до позднего вечера. Сколько денег тебе требуется?

Мне не удалось сдержать улыбку. Проклятье, как жаль, что в такие моменты нельзя увидеть истинное лицо Хадекина Кри! Сказал легко, словно подсказывал прохожему время:

— Миллион.

Разумеется, я был уверен, что сейчас он снова замолчит. Взвесит активы казоку, может, молниеносно проанализирует, заслуживает ли терюнаши дерзко озвученной суммы, что тот успел потратить из предыдущей подачки, и где наименее приметно изъять средства и как переправить… вместо этого Диктатион всего лишь уточнил:

— На твои личные счета, Ланс?

Ланс чуть не запнулся об уличный мусор.

Дремавшая на ступенях закрытой лепёшечной старуха вздрогнула, обнажила резцы и тонко зашипела, будто я материализовался из её полупьяного кошмара.

— Нет, — пробубнил в маску, чувствуя в дыхании отчётливый запах паймы. — Нискиричу. «Детям заполночи», если точнее. Можно разными платежами с закрытых ячеек. Обязательно с закрытых, чтобы не вызвать вопросов у смирпов. Можно наличкой, если так удобнее.

На указанном перекрёстке я свернул налево, и, не сбавляя шага, направился к четырёхполосной эстакаде на следующий уровень гнезда.

— Инвестируешь в казоку?

Отвечать не хотелось. Даже думать об этом не хотелось. Но пришлось…

— Тинка-хай.

— Терюнаши платит отчиму компенсацию за нарушение законов клана?

— Что-то вроде того… — Мне вдруг стало не по себе, но иначе закрыть вопрос в текущей ситуации было невозможно. — Отношений терюнаши с отчимом это не коснётся…

— Вот как? Хорошо, — согласился Хадекин. Гад наверняка разнюхает детали ещё до того, как я дотопаю до сворованного фаэтона… — Но наличными будет чуть дольше. — Сейчас стало ещё слышнее, что из голоса хетто полностью пропали старческие нотки и псевдо-живые манеры, по которым его узнавали подчинённые. — Довольно крупная сумма, сисадда?

— А спешить некуда. — Я кивнул сам себе; привычно

осмотрелся, но возможной слежки не заметил. — Главное, чтобы получатели денег обязательно узнали, что это за Пияну.

— Вот как? Ясно. Всё будет сделано.

Яри-яри, просто великолепно! Шикарно! Потрясающе! Хотя, если откровенно, не совсем укладывалось в голове…

С кривой усмешкой под маской я вспоминал, как едва ли уважаемый Шири-Кегарета предлагал терюнаши (страшно подумать!) тридцать тысяч рупий, только если тот переукрадет кулон у подконтрольного Хадекину клана.

Впрочем, вероятнее всего, ставка была взвешенной и обоснованной, чтобы не вызвать ни намёка на подозрения. Однако же интересно, где же мои названные папашки-джинкинатам были все неурожайные дни, когда я едва наскребал мелочь на бутылку паймы? Да и стал бы Ланс фер Скичира вообще рисковать жопой на сомнительных заработках, когда его покровители могли щелчком виртуальных пальцев превратить бледношкурого в богача?

Я подумал было даже оскорбиться, но решил припасти этот козырь для более подходящего момента. Хадекин, тем временем, перешёл к третьему пункту:

— Какие координаты тебе требуются?

Перед арочным входом в многоуровневую парковку я остановился, поднял гаппи и пересыпал Диктатиону список утренних вызовов.

— Мне нужно знать, где сейчас находится чу-ха, отправлявший мне сообщения. С огромной вероятностью, это Бонжур, но нужно сильно точнее. Вплоть до номеров комплеблока и норы.

Если джи-там и заподозрил неладное, комментировать пока не спешил.

— На это уйдёт пара минут, — предупредил он.

— Пока познакомлюсь с новым фаэтоном.

— Оставайся на связи.

О, это я без проблем.

Убедившись, что моё одиночество не нарушено случайными наблюдателями, я прошёлся по парковке, двинулся по указателям, без труда обнаружив на месте 42 синюю «Райто». Новенькую, компактную и обтекаемую модель, хоть и всего двухместную. Однако именно такой транспорт — манёвренный и скоростной, — меня сейчас устраивал наиболее.

Замки на дверях были ожидаемо разблокированы. Ещё раз осмотревшись, я забросил рюкзак на пассажирское сиденье и без промедления опустился за панель управления. Открыл бардачок, нащупал крышку тайника, щёлкнул, выдвинул и взял карту.

На «болтушку» пересыпался пакет.

— Адрес у тебя, — произнёс Хадекин в заушнике. — Улица Хиноде, «Комплеблок-116», девятый этаж, нора 364.

— С тобой приятно иметь дело, господин Кри.

— Нужна вооружённая поддержка?

Я усмехнулся и поиграл с настройками кресла.

— О, нет, тут я справлюсь сам.

— Ценю профессиональную уверенность. Но я также могу рассказать об устройстве его логова, там две…

— Я уже сказал, что дальше справлюсь сам…

— Выходит, тебе уже известен обитатель указанного адреса? — Казалось, Диктатион пребывает в лёгком смятении. Вероятно, точнейшие эмоциональные протоколы и вправду стали его неотъемлемой частью. — И факт его… принадлежности к девиантам гнезда, если говорить прямо.

— Ага, улица нашептала. — Я включил фаэтон и проверил бортовые системы. Мельком отметил высочайшее качество и современность консоли, довольно кивнул. — Дай пару часов. Нужно перетряхнуть кое-какое заляпанное бельё, и я не хочу, чтобы до вас с Ч'айей долетели брызги, сисадда? Думаю, всё пройдёт быстро…

— Действительно? — Он снова примолк, будто задумался. Наверняка анализируя и выстраивая разветвлённую сетку возможных выводов. А затем спросил с явным недоумением, но пока хотя бы без осуждения: — Зачем тебе это, Ланс?

— Зачем?

Я даже не заметил, как повторил заданный вопрос вслух. Покривился, выруливая из паркинга и сворачивая на эстакаду.

— Давай остановимся на том, что я — не такой, как вы. Как ты. Как чу-ха.

Что ж, это прозвучало ощутимо больнее, чем в мыслях… но я собирался закончить:

— Да, мы с хвостатыми похожи, но есть и отличия. Любой чу-ха бросил бы это дело… нет, даже не так — он бы *не взялся*, сисадда? Потому что это не его боль. Потому что в норе номер 364 страдают не его жёны, сёстры или дети. А я… я так просто этого оставить не могу…

— Но таких в Юдайна-Сити без счёта…

— Постараюсь сделать одним меньше.

Задуманный план окончательно прикипел к душе новым слоем грязи, которую (прости, Сапфир) так просто не смыть.

Диктатион молчал, хоть я и был уверен, что в этот момент казоку-хетто одновременно раздаёт подчинённым десятки или сотни приказов — всемогущий виртуальный мозг был куда

сильнее обычного живого… Выдержав паузу, спросил:

— Ты же отдаёшь себе отчёт, что сейчас нам не до этого?

Байши… Это точно. Точнее не бывает. Однако же, милый джинкина-там:

— А давай не станем портить завязавшиеся отношения открытием, что ты можешь хоть трижды быть всемогущим мицелиумным творением, но при этом оставаться обычной крысой…

— А если я буду настаивать?

«Райто» под моим управлением ускорилась, выкатила в симпатичный Глянец и подскочила в полупустой полётный коридор. Поглядывая на дисплеи задних камер и убеждаясь, что хвоста нет, я грустно усмехнулся.

— Снова пришлёшь фургон, чтобы меня перехватили и похитили?

Хадекин издал странный звук, затем будто прищёлкнул несуществующим языком.

— Никаких перехватов и засад, — раздалось в заушнике. — Но постарайся не мешкать. И не рисковать больше нужного…

— Да без проблем, клянусь. — Я заложил манёвр и на немалой скорости обогнал пузатый семейный фаэтон. — До встречи в Пузырях.

И отключил гаппи, тут же переведя в режим невидимки.

Растянул над панелью управления свето-струнную схему района, простроил маршрут. И почти не удивился, когда обнаружил искомый комплеблок на наслоениях карты — буквально в трёх кварталах от собственного.

Заложив вираж, я перестроился в нужный поток и ощутимо прибавил скорости.

Конечно, мразоты могло не оказаться дома… но в тот момент я мог поклясться, что он там, во мраке чудовищных фантазий и плодов их ещё более чудовищного воплощения в реальность. Разумеется, фер вис Кри мог бы в любой момент уточнить данный вопрос, но лишний раз я просить был не готов. А ещё внутри просто кипела уверенность. До зуда в дёснах, до жжения в лёгких, до мерного тика на виске.

Хоть от недавнего равнодушия не осталось ни малейших следов, сердце колотилось не пуще обычного. Меня переполняло спокойствие ярости, похожее на острейшую бритву под слоем тончайшей ткани. Я снова был собран, хладнокровен и настроен на серьёзную схватку.

Почти через двадцать минут «Райто» обогнула ажурную парковочную вышку с гроздью прихворавших ветростатов вокруг ремонтной площадки, и вышла к поставленной цели.

— Красота… — пробормотал я, высматривая возможные подъезды.

«Комплеблок-116» оказался ещё той помойкой, куда более дряхлой и загаженной, чем «Кусок угля». В груди заныло от невольных воспоминаний об уютной чингайне на первом этаже собственного (бывшего…) комплекса, но я приказал себе не отвлекаться.

Если всё закончится… *когда* всё закончится, я обязательно разыщу Сапфир. И мы вместе всё исправим. Вернём себе привычную жизнь, посиделки перед глупым мицелиумным шоу под бутылочку-другую вина, язвительное обсуждение пустоголовых клиентов и строительство планов на ближайшую неделю.

Обязательно.

Но уже в тот момент — опуская фаэтон на песчаные заносы и вкатываясь за пазуху обшарпанного жилого великана, — уже тогда я знал, что обманываю сам себя, причём без всякой жалости или угрызений совести…

«Райто» я оставил у технического входа со стороны игрового двора, сейчас совершенно пустого: мамашки и их сопливая мелочь смотрели штормбол по норам, а ребятня постарше и посмелее ошивалась вокруг стадионов, где надрывали глотки их пьяные отцы.

Рюкзак на этот раз брать не стал, бросил в крохотный багажник. Выложил флягу. Накинул на шею «Сачирато», проверил в карманах нож и кастет, во внутренний сунул пару пробирок с маслами; ещё раз подстроил кобуры. Признаться честно, вооружённым вдвое прежнего я ощущал себя не очень привычно… но вполне уверенно.

С ожиданием неотвратимо-дурного глянул в «Свою стаю». Выдохнул, только когда окончательно убедился, что маркер Ч'айи пульсирует на границе Колберга и уверенно (хоть и неспешно) продвигается к сердцевине района.

Затем (по привычке оглядываясь в поиске вездесущей шпаны) синхронизировал консоль фаэтона с гаппи, и включил сигнализацию. Уже запирая замки, подумал, что суетился зря. Ведь даже если местные торчки выбьют моей новенькой красотке окно, чтобы распотрошить бардачок, Хадекин Кри тут же сообразит мне следующий транспорт?

Пригнувшись за корпусом «Райто», я ещё раз внимательно изучил пустой двор.

Пробежался взглядом по затонированным окнам сотен нор комплеблока, его выгоревшей облицовке в грязных дождевых потёках и непристойных надписях вдоль нижних этажей; побитым

камерам наблюдения и драным рекламным растяжкам, скрипящим тросами со времён основания Юдайна-Сити.

Вспомнил ещё более мрачные окраины Ниточки, а затем, без причины и даже случайной мысли — помпезную пышность «Пламенного колеса». Что ж, видит Когане Но, чем ярче рекламные всполохи центральных улиц, тем гуще тьма подворотен. И тех, кто эти подворотни населяет.

Хотя кого тут обманывать?! Я бы ни капли не удивился, если бы благопристойный с виду Пуговичник оказался владельцем особняка на самом лбу Холмов Инкамо…

Подтянув перчатки, я двинулся через двор.

Пора! Пора осуществить задуманное, и пусть подождут и разборки с джи-там, и неприятности с Нискиричем, и вдруг случившаяся война с Магдой. А лишние раздумья ничего не поменяют, лишь отвлекут, смутят и украдут и без того дорогущее время…

п.4.; г.10; ч.2

Дверь технического шлюза оказалась ожидаемо взломана, через неё я попал в подъезд.

Почти сразу навстречу, поднявшись из подвальной прачечной, прошлёпали две пожилые босолапые самки с длинными корзинами на головах. Несмотря на изрядную высоту и полную загрузку выстиранным бельём, плетёнки качались, но удивительным образом не падали; при этом чу-ха даже не пытались контролировать грузы лапами, с поразительной лёгкостью удерживая изогнутые донышки между ушами…

В памяти невольно всплыли образы Стиб-Уиирта, мастеривших похожие корзины-неваляшки. Корзины, многим напоминавшие меня самого: вот они опасно качаются, вот-вот грозят рухнуть… но всё же держат равновесие.

Самки уплыли в сторону лифтов и оставили меня в одиночестве, не обернувшись и даже не поведя ритуально пирсингованными носами. Прислушавшись и выждав, я направился к одной из лестниц.

Противопыльная маска хоть отчасти гасила запахи, однако же дышать под ней всё одно приходилось исключительно ртом — воняло здесь просто ужасно. Да и вообще внутри вдруг оказалось ещё хуже, чем в замусоренном дворе.

Убого. Жалко. С нотками непрекращающегося отчаянья…

Со всех сторон окружённый менее высотными зданиями, летом комплекс нор буквально накалялся, поэтому у многих жилищ традиционные двери были заменены на мощные решётки, оттуда воняло крысиной жизнью во всех её проявлениях.

Изначально комплеблок (по одному из стандартов местной застройки) был поделён на крохотные двухместные каморки, где места едва хватало для многоярусной кровати, пищевого конструктора и срального закутка. Однако было заметно: самые сильные или шустрые ещё на этапе заселения отхватили сразу несколько соседних, пробили двери и слили клетушки в подобие «нормальных» нор.

Незамеченным минуя этаж за этажом, я мысленно составлял летопись этой перенаселённой преисподней, натурально кишащей не совсем легальными производствами.

В конце вон того коридора определённо заготавливали рыбу, причём много и не очень свежую. А в соседнем пролёте коридора сортировали уличный мусор. Выше кто-то распаивал на детали горючие платы фаэтонных консолей. А весь шестой этаж, по всей вероятности, отвели под небольшую фабрику — я чуть не

задохнулся в отчётливых запахах химической глины для штамповки сувениров, да к тому же резины, из которой отливали дешёвые лёгкие тапки с застёжками под коленом.

На нужном пятнадцатом пахло чуть легче, этому способствовали напрочь выбитые коридорные окна. Несмотря на высоту, под ногами гадко похрустывал нанесённый бурями песок.

Сознание оставалось чётким и ясным, будто и не было за спиной бесконечных драк и нервотрепок. Вынув «Молот» и прижав к бедру, я высчитал нужную дверь (обычную, не решётчатую) и медленно направился к ней вдоль стены.

Подступил, сантиметр за сантиметром изучив и убедившись в отсутствии камер. А ещё в процессе выяснил, что створка определённо чище соседских, но художественно перепачкана и выкрашена в нарочито-нищенский серый цвет всего подъезда.

Крепкая дрянь, с плеча не выставить — под тонкой обшивкой явно скрывалась металлическая плита. Я снял капюшон, приблизился (стараясь не прикасаться ухом), и пару минут напряжённо вслушивался в тишину внутри.

Отступил, без шума снял противопыльный намордник, перестегнул на пояс за спиной; надел «Сачирато», настроил. Если в проходных недрах комплеблока полумрак ещё позволял моим настоящим глазам хоть что-то разглядеть, то внутри мог ожидать любой сюрприз.

Подтянув перчатки, я присел и осмотрел мусор под ногами в поисках полезного. Как ни крути, а старый добрый трюк с посланником от вездесущего Хряка здесь, в отличие от «Нимнога паяим», скорее всего не сработает…

Стиснув зубы и приказав себе не проблеваться от брезгливости, я нашёл комок жевательной смолы с остатками «бодрячка». Подцепив самыми кончиками пальцев, бутылочной крышкой старательно размазал по дверному глазку. И только после этого поскрёбся — той же самой крышечкой, жалобно, на уровне пояса.

Признаюсь честно, особого плана у меня не было. Да и откуда бы ему взяться?! Но ведь не мог же гадёныш сутками сидеть в глухой обороне, всерьёз полагая, что я действительно вычислю его поганое убежище?

Скрестись пришлось ещё дважды. С каждым разом всё настойчивее, всё громче, моля Всемилосердную Когане Но, чтобы в подъезд не надумал выглянуть любопытный сосед.

А затем внутри послышались шаркающие шаги.

Звякнула задвижка глазк**а**, кто-то приглушённо ругнулся.

— Чего вам надо?! — глухо спросили из-за двери.

Моё и без того прерывистое дыхание задержалось на вздохе

— этот голос я сегодня уже слышал неоднократно, разве что не с такими встревоженными нотками…

А затем мне удалось-таки сдавленно пискнуть. Жалобно, несуразно, совершенно непроизвольно уподобившись то ли щенку, то ли мелкому несмышлёнышу. Через секунду я снова поскрёб в маскировку обшивки, и отступил к противоположной стене.

Лязгнула цепь, позволив наметить высоту крепления.

Щёлкнули замки.

Я поднял «Молот».

— Чего вам надо, поясните пояснить?! — чуть более злобно повторил Пуговичник.

Дальнейшее заняло пару мгновений…

В темноте открывшейся щели блеснул глаз.

Густая неухоженная бровь над ним тут же взметнулась, а я дважды выстрелил и ударил ногой — как можно выше и ближе к цепочке, с разгона и всем весом.

Внутри взвизгнули.

Что-то опрокинулось… а затем дверь с грохотом влетела внутрь, позвякивая вырванными крепежами цепи, утягивая меня за собой, будто бы всасывая в нору, в которую по доброй воле я бы не вошёл ни за какие деньги…

Чуть не рухнул лицом вперёд, удержался на ногах.

Крутанулся на месте, позволяя «Сачирато» привыкнуть к мраку, и уже был готов обрушиться на раненого чу-ха… но прихожая оказалась пуста.

Байши! Я был готов поклясться, что стрельба, внезапный натиск и сокрушительный удар и вправду вместились буквально в пару вздохов — но сучий Пуговичник оказался по-змеиному быстр, успев не только увернуться от фанга, но и метнуться в комнату…

Привалившись к косяку, я мягко прикрыл увесистую створку и защёлкнул один из замков. Прислушался.

Конечно, выродок мог сбежать, но об этом бы мне сообщили хлопок балконной двери, сквозняк или звон стекла. Поэтому он наверняка затаился во тьме, сжимая в лапе скальпель… или даже башер.

А ещё тварь могла действовать в стае.

И вот это мне точно стоило заблаговременно выяснить у фер вис Кри, даже поступившись *бучей гордостью…

Выкрикнул в потолок:

— А с чего это вдруг такой прохладный приём?!

Быстро выглянул в комнату, фиксируя обстановку.

Сердце колотилось всё быстрее, по телу разливался жар

бесстрашия:

— Ты же сам приглашал поговорить?!

Крохотное жильё ответило полнейшей тишиной.

Изучая сворованную «Сачирато» картинку, я поразился убогости и тесноте норы. Обстановка по канонам классического кизо-даридрата — вроде и хватает всего, а выглядит убого и совсем не комфортно.

Окна зашиты. На стенах многочисленные плакаты с «Восьмым цветом радуги», полуголыми самочками в позах для спаривания и моделями старинных фаэтонов. У стены коллекция пустых банок из-под эля. У порога перевёрнутый табурет. Диванные подушки выглядят засаленными и продавленными настолько, будто с них не вставали десятилетиями.

Доведись мне попасть сюда по иным причинам, наверняка подумал бы, что в норе живёт простецкий грузчик или дистант-пилот уборочной техники, самый обычный холостяк-работяга… Но уже через секунду я разглядел на снимке гармошку скомканного коврика и тёмную кляксу рядом — грубо выдолбленное отверстие в полу.

— Вот же сука!

Не это ли Диктатион имел в виду, когда заикнулся про «две чего-то-там»?

Что ж, самонадеянность снова удружила Лансу фер Скичире…

Покинув прихожую с башером у груди, я перешагнул табурет, подобрался к пролому и теперь осмотрел комнатёнку совсем новым взглядом. Да, тут определённо не обитали, но маскировку навели добротную, любого тетрона с толку собьёт — даже пятна засохшего эля под столиком воссозданы, даже переполненная плевательница у дивана.

А вот кровь на полу была настоящей.

Свежей.

И она заставила меня хищно оскалиться.

Я переключил «Сачирато» в режим постоянной записи, стянул с головы и быстро опустил в пролом; так же быстро выдернул и снова надел.

Самые грустные опасения сразу оправдались — настоящее жилище ублюдка оказалось этажом ниже. Что тут скажешь? Вероятно, его хозяин определённо относился к сильным или шустрым, не только отжав у соседей отвлекающую каморку, но и объединив в цепочку минимум четыре мелкие под ней…

Окончательно восстановив дыхание, я перехватил башер и приготовился к рывку. Дальнейшее ожидание могло позволить противнику оправиться от раны. Или ускользнуть.

Беззвучно выматерившись, я сиганул в дыру, упал на корточки рядом с отложенной лестницей, и тут же вскинул «Молот».

В левой стене, в фальшивой норе украшенной плакатами «8-Ра», нашёлся ещё один грубый проход; за ним виднелся длинный коридор, насквозь прошивающий сразу три типовые каморки. Оканчивался тот парой дверей и арочным сворotом в пищевой блок, откуда тянуло запахами лягушачьего супа, жратвы сытной, но далеко не самой благородной.

Мебель здесь была столь же немногочисленной, как наверху, но стояла она… неестественно ровно, будто в странной чужеродной гармонии. В отличие от норы-фальшивки, окно оказалось не зашитым, а лишь предельно затонированным.

Не поднимаясь, я отполз в прихожую — близнеца той, через которую попал в логово. Не без удивления обнаружил, что входная дверь надёжно замурована изнутри. Тогда снова сунулся в комнатку и одним рывком подтянул лёгкую лестницу, сброшенную вдоль стены.

— Давай, пунчи, поболтаем! — выкрикнул я, делая долгие паузы и тщетно прислушиваясь. — Ты же этого хотел?! Дитя Бонжура пришёл, и он совсем один! Выходи, храбрец, нам есть что обсудить!

А затем он всё-таки начал в меня палить…

Я заметил, как через коридор мелькнул силуэт, нереально быстрый и проворный, и тут же в дверной косяк и шкаф у прихожей вгрызся рой фанга.

Прижав «Молот» к груди, я тут же двинулся вперёд. Выстрелил ещё дважды — без особого прицела, на подавление, — перешагнул пролом в смежную нору и сместился; упал за массивное кресло.

— Ты жулик! — вдруг взвыл чу-ха в паре комнат от меня. — Ты не можешь быть здесь! Это невозможно, непозволительно невозможно!

— Ой, ну что ты?! — хохотнул я, ощущая, как гнев и жажда сокрушить тварь неотвратимо переполняют и мешают внятно соображать. — Так выйди и скажи это в мою лысую морду!

И вдруг всё понял.

Сбритую шерсть на головах и пастях пленённых самок, их короткомордые породы, хоть отчасти похожие на жалкого терюнаши из Бонжура… Хотел крикнуть, но вместо этого хрипло прорычал:

— Пять-Без-Трёх передавал привет!

И рванулся в коридор, стреляя без остановки, пока не кончились фанга. Отпрыгнул вправо, причём вовремя —

Пуговичник выставил лапу и вслепую разрядил собственный башер.

Щёлкнула пустая кассета.

В другой ситуации я бы снова затаился и попробовал сократить дистанцию только следующим рывком, но… но теперь у меня была «Наковальня». И слепая вера в удачно откорректированный клапан.

Я отбросил разряженный «Молот» в кресло, выхватил новенький башер и молча метнулся в атаку.

Окровавленный (моя первая фанга угодила ему в левое плечо) Пуговичник нашёлся на полу за дальним порогом, где дрожащими пальцами пытался заменить кассету. Запоздало вскинул голову, прижал уши и визгливо оскалил резцы, а я почти от бедра выстрелил ему в грудь.

Дважды.

И ремонт клапана оказался успешным.

Чу-ха взвизгнул, на этот раз в полный голос. Захрипел, выронил оружие, завалился на бок. Забился и заскрёб раны когтями, яростно нахлёстывая хвостом по голенищам моих ботинок. Через дюжину вздохов вздрогнул, сжался в комок, подтянул нижние лапы к животу, и затих.

Я осторожно убрал палец со спусковой пластины «Наковальни».

Поднял голову.

И только сейчас осознал, где именно нахожусь.

Центр просторной комнаты без окон занимал овальный стол, вокруг которого ублюдок рассадил похищенных самок. В углу, до этого ни разу не угодив в кадр, разместился раздвижной стол медицинский, поменьше — окровавленный, но пустой.

Рядом приткнулся шкафчик с аккуратно разложенными по полкам склянками, ампулами, хирургическими инструментами, брикетами пакли, мотками ниток и проволоки. Ещё я заметил бидоны с герметичными крышками. Мобильную отсосную станцию. Раскладную систему тросиковых крепежей для набивки чучел. И банку пуговиц, конечно…

Не спеша прятать «Наковальню», я вернулся в коридор.

Бегло осмотрел скромную спальню (снова нарочитая чистота и странно-строгая расстановка мебели), двинулся дальше. За следующим проломом в стене добрался до закутка, массивная железная дверь которого (равно как и матрас, и ведро с испражнениями) позволяла сразу определить его назначение…

Осторожно пройдясь по остальным помещениям цепи нор, не обнаружил ни новых пленниц, ни подельников Пуговичника. Подобрав «Молот», снова перешагнул порог зала мёртвых. Нашёл

настенный клавиатон. Выщелкнув нож, клинком продавил ячейки и, наконец, включил во всей кошмарной норе свет.

В его неярких лучах стало видно, что стены покрыты мелкоребристыми звукопоглощающими панелями. Сливные отверстия на полу вели в автономную систему очистки стоков, и было нетрудно догадаться, что именно в них стекало.

Сидящие за столом чу-ха напоминали кукуга, но не высокоуровневых гнездовых, а нелепых и угловатых, каких вяжут детёныши кочевников из травы, веток и вымоченных сухожилий.

Казалось, глаза-пуговицы наблюдают, и я поспешно отвернулся. Заменил кассету «Молота», спрятал оба башера в кобуры. И навис над неподвижным хозяином жилища.

Передо мной лежал совершенно бесцветный борф. Невыразительный. Рыхлый. Тусклый и предельно бесформенный. На лапах и теле не виднелось ни протезов, ни имплантов; серая шерсть выглядела блёклой, а чёлка и бакенбарды были подстрижены по моде, устаревшей ещё лет десять назад.

Одет он был опрятно, но максимально безвкусно, в самые простые и дешёвые шмотки из возможных в Бонжуре. Так мог бы одеваться мелкий торговец. Машинист транзита или служащий букмекерской конторы. Так мог бы одеваться идеальный сосед с неидеальным увлечением…

Единственное, что выделяло самца из пепельной массы миллионов таких же невидимок, так это глаза, сейчас распахнутые в агонии — один чёрный, второй карий.

Удачливый, как говорили про разноглазых детёнышей, ибо считалось, что их коснулась сама Благодетельная Когане Но. Могло ли это стать причиной, по которой выродок бросил вызов её верной Нагинате?

— Значит, тварь, превратить самого себя в терюнаши по примеру Пяти-Без-Трёх не хватило духу?!

Я сморщился и чуть не сплюнул на Пуговичника. Удержался, представив работу тетронских нюхачей, и довольствовался пинком в бедро выродка. И вздрогнул, едва не отшатнувшись — тот вдруг захрипел и едва заметно пошевелился.

Мои скулы окаменели, а пальцы сжались в кулаки. Глядя на ещё живого, хрипло втягивающего воздух чу-ха, я ощущал, как ярость переплавляется в нечто… иное. Не позволяющее мне просто так добить мразоту, с лёгкостью превращавшую самок в пустоглазых кукуга.

Сложно сказать, сколько я простоял над ним.

Но в какой-то момент вдруг осознал себя в другой точке комнаты, расстёгивающим ремни на ближайшей мёртвой самочке.

Приподнял (она оказалась лёгкой, совсем невесомой, будто внутренности заменили ватой), и бережно перенёс труп на пол. Подтащив стул к Пуговичнику, я вздёрнул хрипящее тело, швырнул на высокую спинку, усадил и крепко пристегнул. Раненый шипел, хрипел, булькал кровью, но сознание ещё не покинуло мучителя.

Проверив пряжки, я слегка привёл того в чувства. Ну, или не совсем слегка… Ладно, буду честным, мне пришлось дёрнуть дерьмоеда за усы (вырвав один), а затем смачно врезать по уху раскрытой ладонью. Тот захрипел, башка дёрнулась, а я брезгливо отдёрнул руку, словно хлопнул по свежей коровьей лепёхе.

Затем чуть подался вперёд, не совсем уверенный, что решето на стуле вообще в состоянии воспринимать; прошипел, мотнув головой в сторону трупов:

— Кто они, тварь?! Кто все эти самки?

Однако он вдруг ответил. Причём довольно внятно, чего было трудно ожидать.

— Не всё ли равно? — хрипло вырвалось из окровавленной пасти. — Тень, тень, ступень. Мои послушные подруги… послушные, междушные, да… Короткошёрстых и коротконосых легче *править*, да. Детёнышей особенно… ты хочешь, чтобы они тоже почитали Нагинату Когане Но?

Я ухватил его за убогую чёлку и запрокинул голову к спинке стула.

— Откуда ты узнал про Нагинату, борф?! Ты был в подвалах Пяти-Без-Трёх? Или услышал на улицах? Давно следишь за мной?! Давно решил потягаться?

Однако теперь Пуговичник молчал. Или больше не мог говорить, или не хотел. Самца затрясло, причём можно было спорить, что не только от ран. В комнате, до этого почти стерильной, запахло свежей мочой. Я брезгливо отступил от лужи под стулом, однако сливная система справлялась безупречно.

Оглянулся на шкаф с инструментами. На бидоны. На систему тросиков.

— Нет, пунчи… Так просто ты хвост у меня не скрутишь…

Наверное, случившееся потом было бы лучше напрочь забыть. Так бы мне хотелось, да. Ну, или как минимум прикопать в тайниках памяти настолько глубоких, что Ч'айя (или кто-то ещё) никогда не нашли бы и следа. Даже если бы я сам захотел рассказать.

Однако жалел ли я о сделанном дальше?

Вот это вряд ли, ведь меня воспитал Бонжур…

— Потерпи, малышок, сейчас будет легче…

Я без труда отыскал в рабочем шкафу многоразовый инъектор с обезболивающим.

— Ведь мы ещё поболтаем, сисадда?

Склонившись над Пуговичником, не без гадливости разодрал крючки тёмно-зелёной рубахи и сделал укол ровно между двумя дырками от фанга. Дрожь чу-ха стала не такой крупной, болезненные стоны почти прекратились.

— Хочешь узнать, на чём держится сила Нагинаты Когане Но?! — прошипел я.

Наверное, прошипел. А может, в тот момент мне и вовсе лишь казалось, что я разговариваю с Пуговичником?

Ещё раз оглянулся на «застолье» — шесть силуэтов на стульях, один скрюченный у стены. Самочка, ещё живая на утренней записи, уже не шевелилась, одной навеки застывшей позой попрекая терюнаши за опоздание. Как и самая новая тряпичная игрушка, юная, совсем подросток, до сих пор блестящая потёками крови на выскобленной морде. Один глаз был заменён, на месте второго зияла ужасная дыра, ведь её мучитель так и не выбрал подходящую пуговицу…

Они не могли говорить со мной. Но умели нашёптывать и убеждать.

Тогда я снова обыскал шкаф и нашёл-таки нужное — чистый, судя по консистенции порошка, стрих, наверняка купленный у местных толкачей Нискирича. Вероятнее всего, чтобы продлять мучения пленниц. Или доставлять ещё большее удовольствие их палачу.

Конечно, где-то на задворках сознания я отдавал себе отчёт, что трачу драгоценное время. Своё, Ч'айи, Хадекина фер вис Кри и всех (одна мысль о чём приводила в ужас) сородичей, запертых в «Корнях» и *ждущих* меня. Да, пожалуй, сейчас у нас с подругой были и более важные дела…

Но кто определяет эту важность?

Я плеснул катализирующего раствора в напёрсток (как и ожидалось, он хранился в банке с пуговицами), бросил щепоть стриха, перемешал, снарядил инъектор и сделал раненому ещё один укол, на этот раз в вену на шее.

Через пять секунд его дрожь окончательно прекратилась, он обмяк и запрокинул голову, будто и вовсе забыл про дырки в груди и плече.

— О, Нагината… — вдруг прошептал мой новый замечательный приятель.

С трудом разлепил спёкшиеся от крови губы; уши трепетали вразнобой, хвост вяло подёргивался.

— Ложная Нагината… Мы в «мицухе»? Ты пришёл посмотреть

на моих девочек? Посмотреть-высмотреть. Дверь за дверью. Да… мои девочки, они прекрасны… Эти тоже стали достойными посланницами Когане Но в нашем ужасном мире… Ужасном-распрекрасном, да.

— Верно, пунчи! — Я покривился, но заставил себя нагнуться и поймать блуждающий взгляд разноцветных глаз. — Пришёл к тебе и девочкам. Поговорить. Ты же не против?

— Поговорить? Можно поговорить, очень можно, да, обязательно-притязательно… О, да ты и правда здесь! — Он удивлённо приподнял брови и прижал уши, будто только сейчас осознал, что происходит и кто перед ним. — Как ты нашёл Хритто?

— Мне показалось, Хритто не особенно прятался. — Я старательно протёр и отложил инъектор. Ещё раз проверил крепость ремня на плечах раненого. — Думал, тебя и правда так тяжело найти?

Он хихикнул, совсем по-детски, задорно помотал башкой.

— Верно-верно-достоверно… Прятать удобнее на самом видном месте, сисадда? Просто Хритто не ждал гостей. Нет, не ждал… прятался! Прятался-укрывался, зря ты так! Хритто всё ждал тебя в «мицухе», да, показать-похвастать, унизить-принизить. А ты наоборот пришёл в дверь… Обо-ро-нат. Хритто был спрятан и защищён. И девочки его тоже. А ты пришёл в дверь и сломал ему дверь…

— О, пунчи, не переживай. — Спокойствие давалось мне с ощутимым трудом, но я даже улыбнулся. — Починим твою дверь. А сейчас ты молча послушаешь меня, и послушаешь очень внимательно, сисадда? Потому что я хочу попросить тебя сделать кое-что важное.

Он вздрогнул, как будто хотел расплакаться, усы жалко обвисли.

— Ладно. Только не делай Хритто плохо, хао? Хритто и так больно… Мы же очень похожие с тобой, мы же ходим, огибая свет. Свет-пересвет. Ходим. Не попадаем в пятна на полу. Нас не видно, Ланс. Это так удобно… Никто из нас не должен выходить на свет. Это наша судьба и проклятье. Кля-про-тье!

У меня скрипнули зубы.

Ошибаешься, тварь! Когда будет нужно, я первым шагну в круг света.

Но вместо опровержения я без жалости соврал:

— Хритто не сделают плохо. А боль уйдёт. Просто поверь и послушай.

— Конечно, я послушаю тебя, Скичира… — с неуместной улыбкой пробормотал Пуговичник, и на этот раз взгляда не

отвёл. — Я всегда этого хотел… Хотел-вертел. Вертел-многодел. Не верил, но хотел… Хоть ты и ложный, но ты меня нашёл… Наверное, боги действительно помогают тебе, Ланс? Может, не ложный?

Теперь я не поддержал дружеской беседы, окончательно настраиваясь.

— Ну ты прости меня. Прости-отпусти, Ланс. Я сорвался, да. Рва-со-лся, сисадда? Когда узнал, что теперь ты работаешь на вистар… Но мы можем править гнездом вместе. Ты же меня простишь? Простишь-отпуст **и** шь? Ты настоящий, не ложный, совсем как мои девочки, великолепные глашатаи самой Когане… Мы будем вместе, как шар в шаре!

Я глубоко вздохнул, слегка откашлялся, и произнёс:

— Девять крохотных мышат,

Сговорились не дышать…

Один вдруг затих не шурша,

Осталось лишь восемь мышат.

Вообще-то в глубине души (в крайне встревоженной глубине) мне казалось, что после перестрелки и ужасов увиденного выйти на нужный ритм «низкого писка» будет очень непросто.

Может быть, даже придётся начинать заново. Или подогреть ублюдка дополнительной порцией наркотика. Но вместо этого всё вышло ровно наоборот — двуцветный взгляд Пуговичника остекленел уже на:

— У третьего лопнул глаз,

И шесть уже мышек сейчас.

Для верности дочитав до гибели пятой мышки, я пригвоздил его «отречением», а затем фонетическим фиксатором. Он охотно подтвердил и то, и другое, едва ли не с наслаждением и запинаясь:

— Бесвтная отнстельсть перплывт горинт радсти…

Я ещё раз оглянулся на овальный стол под тусклыми, почти уютными лампами. На разновеликие пуговичные глаза, внимательно наблюдающие за нашим разговором. На инструменты в шкафу, такие разнообразные и опасно-блестящие.

И отдал серенькому чу-ха приказ, жёсткий и неумолимый, будто повеление свыше; будто на миг я и правда стал грозной и неумолимой Нагинатой Когане Но, её оружием и глашатаем, призванным в этот мир, чтобы добела смыть скверну, вымести мусор и разогнать вонючую пыль…

Наверное, задержись я в цепочечной норе, то узнал бы многим больше. И про связь Пуговичника Хритто с сектой Пяти-Без-Трёх, и про его внезапный интерес к моей скромной персоне, и про наличие или отсутствие слежки за Дитём Бонжура. И даже

про общее количество жертв ублюдка…

Но я не стал.

Когда всё закончилось, и мои плечи обмякли вместе с плечами привязанного к стулу бесцветного самца, я снова вынул нож. С излишней силой вбивая клинок в ячейки клавиатона центральной консоли, скользнул в Мицелиум и от имени хозяина норы № 364 вызвал тетронов сообщением о массовом убийстве.

Затем разбрызгал по комнатам немного масла. Убедился, что не оставил лишних следов. Приставил к пролому лестницу. Поднялся в ложную нору и спешно вышел в грязный подъезд, оставив усиленную створку чуть приоткрытой.

Глава 11
ДАВАЙ ВЫБЬЕМ ДВЕРЬ

Пузыри, конечно же, впечатляли, как и любая казоку-шин крупной организации — самобытные, выделяющиеся из числа себе подобных и, разумеется, окружающей застройки.

Настоящий вожак среди покорной ему стаи. Самец с большой буквы. Символ власти и неумолимого возмездия. Напоминание тем, кто наивно полагает, что настоящая власть в гнезде принадлежит Смиренным Прислужникам…

Восемь или девять крупных белоснежных полусфер вырастали из покатого холма в кажущемся беспорядке, будто неведомый фрукт; между ними вспухали купола поменьше. Все бронированные, без единого заметного окна, отгородившиеся от братьев-сестриц укреплёнными шлюзами примыкания или бронированными коридорами.

При этом приятно-матовая окраска крепости превращала её в горсть пузырей молочных, а не бетонных, отчего издали (несмотря на массивность и огромную площадь) постройка казалась очень лёгкой.

Каждый блок, естественно, был предельно-функционален, для понимания этого мне даже входить не требовалось. Просторные полушария хранили внутри гаражи, казармы, арсеналы, пищеблоки, лаборатории, склады, зоны отдыха и даже (по рассказам «Детей», якшавшихся с «Жёлтыми котелками») настоящий парк, освещаемый хитроумной системой линз.

Основных и заметных входов в казоку-шин было несколько, на все стороны света, и перед каждым располагался укреплённый блок-пост. Вне их периметра холм Пузырей окружали несколько кварталов малоэтажной промышленной застройки, каждому из домов которой было минимум двести лет.

Несмотря на старомодный вид округлых цехов с овальными дверьми и окнами, все они были любовно реконструированы, хоть и простаивали пустыми. Улица об этом шептала, что мудрое семейство вис Кри не позволяет комплексам исчезнуть из уважения к утробе родного района, когда-то напитавшей силой новорождённый «Диктат». Я же подозревал, что всё значительно проще, и каждая из мастерских просто напичкана системами предупреждения атаки.

Внутренним же периметром цитадели Диктатиона раскинулось шикарное кольцо паркового газона. Без единой пылинки (будто над этой частью гнезда вообще никогда не

бушевали песчаные бури), кропотливо засеянное мелкой травкой, оно так и манило прилечь… однако новость о ковром заминированных подходах была известна даже дошколятам.

Официально считалось, что когда-то на месте крепости стояла старая, изначально семейная фабрика клана вис Кри. В какой-то момент предыдущие хетто (тут оставалось только держаться за живот от хохота) осторожно демонтировали комплекс, укрепили холм броневыми плитами, способными выдержать подкоп из Нижнего Города, а затем несколько поколений «надували» неприступные Пузыри. И оставалось признать — получилось у «них» весьма недурно…

От «Комплеблока-116» добираться пришлось вдвое дольше, чем я планировал изначально. Однако в итоге решил не привлекать лишнего внимания глазастых «Детей заполночи», а потому вообще выскочил из Бонжура, прошёлся по окраинным улицам Ишель-фава, и только затем свернул на юг и влетел на территорию Колберга.

А ещё пришлось немного попетлять, чтобы «сбросить» несуществующий хвост — ощущение слежки не оставляло с самого отъезда от дома Пуговичника.

Впрочем, в руки я себя взял довольно быстро. Теперь, когда перестало быть тайной, что за дополнительные сущности населяют Юдайна-Сити помимо чу-ха и парочки людей, к ощущению постоянного присмотра оставалось только привыкнуть…

Мицелиумная музыка не радовала, все основные каналы жарили однотипно-плоские композиции «Восьмого цвета радуги». В голове тоже было пустынно и тихо, без малейшего намёка на отзвуки «джаза».

Тут нужно заметить, что первые полчаса после расставания с ублюдком я вообще ощущал себя очень странно. Как после очень важного дела, причём непростого. Но без малейшей гордости за свершённое и без радости от пополненного банковского счёта. Просто… словно сделал нечто непростое, утомительное, грязное, но требующее того без возражений.

А затем я заставил себя собраться и не раскисать: пульсирующий маяк Ч'айи неотрывно манил вперёд, и горел он чётко на Пузырях.

Кланяюсь в хвост — Гвоздодёр всё же красавчик!

Когда утихнет буря, нужно обязательно отблагодарить немногословного крепыша. Ведь мог же не помогать, даже несмотря на счастливую ситуацию с родичем (ещё и не самым близким). Но всё равно пошёл на риск. А теперь Магда может его вычислить, и тогда… Впрочем, зловещая тень Алой Суки отныне

лежала не только на охраннике уютного дома Заботливой Лоло…

На подступах к крепости Диктатиона я сделал ещё несколько ложных кругов по улицам Колберга, но если на хвосте и висел фаэтон, вычислить суку не вышло.

А затем многочисленные фабрики с парящими над ними флотилиями ветросататов расступились, и я выкатил в неофициальный центр района — к изумрудному, будто лучшая лужайка Пиркивелля, кольцу отчуждения вокруг Пузырей.

Несмотря на лёгкое волнение, с доступом вопросов не возникло.

Поглядывая в «Свою стаю», я на небольшой скорости покатил «Райто» к северным воротам, где в укреплённой будке заседала троица угрюмых казоку-йодда с жетонами «Диктата» на груди.

В отличие от «Детей заполночи» или «Котелков» (в любое время носящих знаки принадлежности клану, но при этом одевавшихся кто во что горазд) эти крысюки — в однотипной удобной обуви и терморегулируемых куртках, жилетах-разгрузках поверх и с бронещитками на суставах, — выглядели чуть ли не подразделением ракшак.

На отдельной полке внутри опорного пункта я заметил боевые шлемы, а на груди всех троих покоились внушительные ассолтеры. И можно было биться об заклад, что в случае лишнего интереса «полосатых рубашек» у казоку-йодда мгновенно сыщется задокументированное членство в Купеческой Военизированной Артели с правом применения тяжёлого оружия.

Вероятнее всего, фаэтон просканировали ещё на линии старинных фабрик. Едва «Райто» поравнялась с первой полосой газонов, свето-струнная преграда с бегущей надписью «ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАНОВИТЕ ТРАНСПОРТ И ДЕРЖИТЕСЬ НА ВИДУ» отключилась, а массивные болларды[1] беззвучно втянулись в дорожное покрытие и освободили проезд.

На полотне идеальной, чуть извилистой дороги вспыхнули путеводные указатели, по которым я добрался до белоснежного бока второго северо-западного пузыря; при моём приближении тот беззвучно лопнул приоткрытыми (ровно на ширину фаэтона) воротами.

Несколько виртуа-Лансов попытались устроить вооружённый мятеж и едва не перехватили управление «Райто», но их быстро скрутили и упихали в мысленный карцер. Вздохнув, я продолжил движение и, наконец, пересёк порог второй по силе и величине (и как бы не первой…) казоку центральных районов Юдайна-Сити.

Внутри, конечно же, было совсем не как в «Слюдяном мосту».

И уж тем более, не как в Наросте.

Если первый напоминал гостям обиталище избалованного

жизнью, но в меру верующего и знающего цену деньгам управляющего дзайбацу, а второй — старательно укреплённую нору озлобленного уличного пса, то гнездо Хадекина фер вис Кри вызывало ассоциации с выставочным центром крупной корпорации или кухней манджафоко, разросшейся до масштабов производственной базы.

Рёбра купола над головой напоминали скелет гиганта. Повсюду меж ними на разной высоте громоздились мостки и технические этажи-платформы, в том числе закрытые, способные перемещаться по весьма хитрым и вездесущим направляющим.

Судя по всему, маяки привели меня в один из гаражей шин — фаэтоны всех мастей и размеров ровными рядами занимали почти всю стоянку, а также покоились в десятке автоматизированных вертикальных парковок-этажерок. Четверть зала справа от въезда занимал открытый ремонтный цех.

Как и снаружи, в окрасе стен, потолка и конструкций превалировал белый, что ещё сильнее роднило крепость «Диктата Колберга» с высокотехнологичной кухней, а отнюдь не цитаделью бандитской шайки.

На полу (причём повсюду — от переходов к открытым лифтам до гигиенических кабин вдали) мерцали удобные свето-струнные указатели, а лаконичность и чистота нехорошо напомнили мне безупречную систему расстановки мебели одного ублюдка, обожавшего пришивать пуговицы.

Переключая «Райто» в самый медленный режим, я приказал себе не дёргаться. И не выдумывать лишнего. Пузыри, при всём сходстве с упомянутой норой, лишь умело следовали заветам кизо-даридрата, разве что нищету заменяя функциональной скромностью.

Приоткрыв окно, я вдруг осознал кое-что ещё: несмотря на одержимость хвостатых яркими букетами совершенно чудовищных запахов, внутри Пузырей было почти стерильно — это трудились мощные системы кондиционирования, причём совершенно незаметные снаружи.

Рядовой персонал (если такой термин вообще был применим к членам преступного клана, но иначе я воспринимать не мог) носил одинаковые светло-серые робы со сложной системой нарукавных эмблем. Несмотря на их мельтешение вокруг пары вскрытых и вздёрнутых на цепях фаэтонов, в ремонтной зоне было очень тихо, без характерного писка, перебранок и непрерывной болтовни о житейских пустяках.

Моё внимание перехватила бортовая консоль, на которой вспыхнули наведённые извне сопровождающие сигналы. Несколько раз послушно свернув, где указывали, я совсем скоро

подвёл «Райто» к пустому карману между двумя фургонами с эмблемами популярных молодёжных закусочных «РЫБИЙ ХВОСТ».

Здесь же меня и ждали.

Сопровождающим (надсмотрщиком? конвоиром? нюхачом?) оказался черношкурый чу-ха средних лет, жирный настолько, что упитанный сааду Пикири на его фоне выглядел бы изможднным дервишем. Лоснящиеся складки, кольцевавшие шею, казались обручами диковинного ожерелья. Да что там?! Я видел стопку сочных свиных котлет, выглядевшую более худой, чем шея криитского пасюка!

Босолапый, он был одет в просторную белую накидку, заставившую меня болезненно вспомнить Магду и её многослойное сатти; на груди виднелся блестящий жетон клана. Несмотря на основательное ожирение, самец выглядел на удивление подвижным. А ещё весьма модным, брови и виски выбривая вызывающими полосками.

Я выключил двигатель, поднял стекло и открыл дверь.

— Куо-куо, господин фер Скичира! — Толстяк тут же сделал шажок вперёд и поклонился — уважительно, но не раболепно. — Для меня большая честь лично познакомиться с вами и приветствовать в этих стенах от имени господина Хадекина фер вис Кри!

А затем любитель набить брюшко вкусненьким вдруг (совершенно естественным жестом, как Ганкона откидывал со лба вечно мешающую чёлку) оттянул нижнее веко и беззаботно протёр его изнутри подушечкой пальца.

Тьфу, байши, от этой довольно гаденькой привычки меня чуть не передёрнуло. Однако виду я постарался не подать, выбрался из «Райто» и забрал из крохотного багажника рюкзак.

— Вещи можно оставить здесь, — тут же прокомментировал встречающий, — равно как и оружие.

Голос его оказался до смешного тонким, но речь была выверенной и хорошо поставленной. Можно было бросить на кон хоть десять тысяч рупий, что на переговоры от имени казоку ходит именно он.

— Здесь ваше имущество пребудет в полной безопасности, а всё необходимое мы предоставим по первому…

Я молча закинул рюкзак на спину. Надел капюшон, понимающе покивал. Чу-ха прокомментировал несогласие вежливой улыбкой немало повидавшего решалы.

— Меня зовут Виниябы Шау, — ещё раз поклонился он, на этот раз чуть мельче. — Я Пятый Коготь «Диктата», и личным распоряжением господина фер вис Кри буду сопровождать вас и

оказывать всяческую поддержку.

— А что ещё приказал господин фер вис Кри в моём отношении? — непринуждённо уточнил я.

На морде криита отразилась целая гамма противоречивых эмоций, но промелькнули они очень быстро и без следа. Что ж, толстячок определённо умел владеть собой. Разве что (х-хах!) не за ужином.

— В случае если достопочтимый казоку-хетто окажется недоступен для общения по причинам недуга или чрезмерной загруженности делами семьи, я обязан подчиняться *вашим* требованиям и указаниям, — негромко признался тот в ожидаемом. Отработанным движением пригладил длинные усы. И добавил, то ли правду, то ли выдуманное для подстраховки от потенциальной наглости терюнаши: — В рамках разумности и благочинности, конечно…

— Куо-куо, господин Шау! — Я скрестил пальцы, а затем и поклонился. — Пусть будет чистым небо над этой норой, для меня честь находиться в её стенах.

Он почтительно принял приветствие, сложив лапы и поднеся ко лбу. Из-под белой накидки мелькнули обнажённые предплечья, на каждом из которых крепилось сразу по три гаппи.

— Прошу за мной, — попросил упитанный модник, прихватывая кончик хвоста и направляясь к стене полусферы.

Я поискал взглядом скрытые камеры наблюдения, не заметил, подмигнул в потолок и последовал за ним.

Если Виниябби и обратил внимание на отсутствие чёрно-жёлтого жилета, то виду не подал. И лишних вопросов задавать станет вряд ли, хотя я был готов спорить на деньги, что его наверняка распирало. Ещё бы — знаменитый чаруслов-Джадуга, любимчик Бонжура и полноценный йодда чужой казоку вдруг удостаивается таких привилегий, как личное сопровождение Когтем «Диктата»!

Из меня вырвался едва слышный смешок. Представилось: от неимоверного любопытного напряжения толстопуз взрывается изнутри, заляпывая пол, фаэтоны и уважаемого гостя. А может, гарнизонные крииты все такие упитанные, чтобы соответствовать пузыристости казоку-шин?

Я вдруг осознал, что улыбаюсь. Виновато пожал плечом в ответ на косой взгляд чу-ха, но сам чуть не вздохнул от облегчения — возвращение способности глупо шутить показалось хорошим знаком.

— Чуть раньше в Пузыри должна была прибыть одна… самочка, — осторожно намекнул я, нагоняя Виниябби, но уважительно держась на полкорпуса позади.

— Она была встречена и принята со всем уважением, — на ходу кивнул тот, снова оттягивая веко и протирая пальцем. — Её сопровождающий тут же отбыл, несмотря на предложения отдохнуть и набраться сил, а сама госпожа Ч'айя фер Скичира была сопровождена…

— Она мне не жена! — вспыхнул я за миллиард мгновений до того, как вообще осознал, что повысил тон.

Байши. До чего же неловко-то. Я и подумать не мог, как это будет выглядеть со стороны!

— О! — Толстяк остановился, повернулся и изобразил натуральное смущение. — Я ни в коем случае не хотел обидеть уважаемого терюнаши и семейство его отца… Но внешний вид и запах нашей гостьи… недоразумение заставило меня сделать поспешные выводы, что…

Шау поджал губы, и я не очень понял — он вдруг осознал, перед кем вообще извиняется, или же намекал, что и без того расщедрился на пояснения. Однако лёгкого поклона я от него всё же дождался:

— Прошу меня извинить, господин фер Скичира… Вашу… госпожу Ч'айю встретил очень узкий круг хвостов во главе со мной, и её пребывание здесь содержится в строгом секрете.

— Принято, пунчи. Проведёшь меня к ней?

— Непременно. — Виниями пригладил усы, и с достоинством продолжил путь через стоянку фаэтонов к двери в стене полусферы. — Но после обязательного визита к господину фер вис Кри.

Ах, ну да. Как я вообще мог забыть о манерах? Любопытно, а что все эти Когти и йодда скажут, если узнают об истинной природе вожака своей замечательной стаи?

Мы двинулись вглубь крепости, не самым быстрым шагом, но и не мешкая. Шау умело служил проводником, время от времени оглядываясь и одаряя нейтрально-вежливым оскалом.

Пузырь казоку-хетто, как и можно было ожидать, оказался спрятан в самой гуще крупных куполов, и на пути к нему пришлось миновать сразу три. В отличие от гаражного, эти внутри оказались отнюдь не полыми, не позволив оценить ни объёмов, ни назначений.

Просторные коридоры, часто изгибающиеся вдоль наружной стены, на нашем пути оказывались предусмотрительно пусты (хвост на отсечение, что это была не случайность), маркировки на дверях и воротах могли прочитать только члены клана.

В том, что мы на пороге нужного зала, убедила крупная надпись над крепкими раздвижными дверями: «ЧУДЕС НЕ ЖДЁМ, ВЕРШИМ ИХ САМИ!».

По-новому осмыслив девиз казоку, управляемой джинкинатам, я скрыл саркастическую улыбку. Что Князь-Из-Грязи со своим «КЕГАРЕТА УМЕЮТ ЖДАТЬ!», что Диктатион весьма завуалировано, но с предельной честностью уже много лет сообщали Тиаму об истинной натуре…

За порогом оказалась просторная круглая комната без мебели, но с пружинящим полом. Напротив главной двери (наверняка в стенах прятались и пара потайных) возвышалась метровой высоты сцена, увенчанная знаменитой капсулой Хадекина фер вис Кри.

По бокам от бронированного инвалидного аквариума с лапы на лапу переминались двое криитов, таких я уже видел минувшей ночью, полной открытий и захватывающих путешествий: в глухих белых дождевиках и глянцевых масках на всю морду. Вооружённые, конечно же, новейшими ассолтерами в стильных молочных кожухах.

Я представил, как нервничают шкурохранители. Наверняка знают о двух башерах под моим пальто, и даже о брикете «Беспощадного ростка» в рюкзаке тоже знают. Но получили странный приказ дряхлого, через трубочку питающегося чу-ха, которому повинуются без намёка на вопросы…

Признаюсь честно, в этот момент я слегка смутился.

С одной стороны, мне было прекрасно известно, что за подыхающий бедолага в брючном костюме плавал в чане на сцене; с другой стороны — поводов раскрывать тайну Хадекина Кри у меня пока не находилось… А это значило, что пришла пора забыть надменно-самоубийственный тон, в котором я говорил с Диктатионом прошлой ночью, и следовать непременным сопутствующим ритуалам.

Винияби многозначительно покосился на мою обувь, и я снял ботинки с портянками, неспешно поставив возле дверей. Шау тут же дёрнул носом, но смолчал. Первым сделал пару шагов к постаменту, прихватил хвост пальцами, сжал меж ладонями, опустился на колени и почтительно поднёс его кончик ко лбу.

Встав справа от Когтя, я сделал вид, что зачерпываю из воздуха несуществующий хвост, тоже опустился и повторил жест. Байши, да как они вообще это делают, не теряя равновесия?

— Пусть небо будет чистым над вашей казоку-шин, господин фер вис Кри, — произнёс я, услышав предупредительное покашливания Винияби. — Пусть пополняются счета, пусть родные будут здоровы и плодовиты!

Капсула с подвешенным в ней на распорках стариком издала необычный хриплый свист. Не то одобрительный, не то в попытке что-то сказать. Ох, что ж… придётся немного потерпеть

представление.

— Вот что я тебе скажу, молодой Скичира, — проскрежетали динамики Диктатиона, и я был готов поклясться, что со мной действительно разговаривает умирающий чу-ха в стеклянном коконе, — добро пожаловать в Пузыри. Со всем уважением к «Детям заполночи», здесь ты можешь не искать змей под подушкой!

Яри-яри, ритуальная фраза полного покровительства!

Да, Нискирич бы мной определённо гордился.

Или нет?

Дальше я хотел спросить известно о чём. И даже начал подбирать осторожные, безобидные слова, чтобы как можно более витиевато (дабы не оскорбить криитов и не вызвать подозрений Шау) обратиться к Хадекину Кри… но тот пролаял, хрипло и отрывисто:

— Послушайте, что я скажу, братья!

Покрытая старческими пятнами крыса, обмотанная шлангами капельниц и дыхательными трубками, слегка пошевелилась, а жёлтые глаза уставились (как он смог, ради Когане Но?!) на Виниями.

— Оставьте нас с фер Скичирой наедине.

Кажется, я даже через защитные белые маски расслышал, как отвисли челюсти шкурохранителей. Пятый Коготь казоку непроизвольно вскинул голову, а уши и шерсть на его загривке прижались, словно туда нацелились укусом.

— Но мой господин… — прошептал Шау, однако Кри не дозволил.

— Это приказ, Коготь. Осознанный и неоспоримый. Вот что я скажу: разговор в этом зале должен остаться только меж нами. И нет поводов ожидать зла…

К моему удивлению, Виниями не стал спорить. Грузно поднялся на лапы, поклонился, и с необычной для комплекции сноровкой попятился к двери. Шкурохранители медлили чуть-чуть дольше. Однако в итоге тоже переглянулись, ещё раз осмотрели меня, тоже поднимавшегося на ноги, и исчезли скрытыми ходами по обе стороны сцены.

Яри-яри, вот сплетен-то будет! А если совместить их со слухами о талантах терюнаши, криты вообще могут заподозрить, что я околдовал их хетто, чтобы содеять недоброе… Впрочем, не исключено, что мои позиции в «Диктате» это только укрепит.

Поклонившись, я прочистил горло:

— Могу я теперь говорить, досточтимый фер вис?..

Но тот оборвал, на этот раз прозвучав не из внешних динамиков бронированного саркофага, а в заушнике:

— Без опаски.

— Славно…

Я осмотрел пустой зал, приятно белый и столь же приятно матовый. Прошёлся по пружинящему полу, легко холодившему босые ноги. Потянулся и вздохнул.

— Хорошо, что ты здесь и выбрал верную сторону, — произнёс Диктатион, заставив меня поперхнуться.

— Э, пунчи, нет! Давай-ка сразу оговоримся: нет никаких сторон, сисадда? Есть только моя и Ч'айи. Ты должен об этом знать, ты же суперумный. Вы с братцем оба мне одинаково… неприятны, сисадда? И мы тут не от большого желания или «выбора стороны». Просто вариантов, кажется, уже не осталось… Но если почувствую хоть малейший подвох, то потрачу остаток жизни, чтобы изорвать вас обоих на мельчайшие куски.

Справедливости ради, тут бы мне окончить фразу чем-то вроде *«но не имею ни малейшего понятия, как, да и остаток этот едва ли будет длинным»*. Но я предпочёл умолчать.

[1] Выдвижные противотаранные столбы.

п.4.; г.11; ч.2

— Твои слова услышаны, — тут же согласился Диктатион в моей голове, — никаких подвохов, поверь. — И тут же сменил тему на ещё более неприятную: — Я успел собрать кое-какую информацию о попытке твоих опрометчивых переговоров с госпожой вис Мишикана…

— О-о-о, не начинай!

— Хорошо, отложим.

Подступив к сцене, я задумчиво изучил его передвижную капсулу:

— Клянусь, до этой минуты был уверен, что ты просто создал свето-струнный слепок старика. А ты и правда *там*?

Чу-ха под стеклянным куполом оставался неподвижным, будто утопленник, но джинкина-там ответил уже через мгновение:

— Не трать время на глупые вопросы, Ланс… Но да, в каком-то смысле это, — марионетка в клетчатом костюме вдруг чуть заметно пошевелилась, — и правда я. И хочу просить, что пусть так и остаётся для всех криитов этого славного родового гнезда.

— Без проблем. Пока ты будешь умничкой. Но вообще, признайся, как тебе вообще удаётся править целым семейством?

— Настоящий фокусник не раскрывает секретов, — фер вис Кри хихикнул, что совсем не вязалось с образом полумёртвого инвалида передо мной. — Но, скажем так, в упомянутом семействе фанатично следуют традициям с малых лет набивать себя полезными имплантами, сисадда?

Я ухмыльнулся. Подался ещё ближе (куда ближе, чем дозволялось кому бы то ни было в клане, не говоря про залётных удальцов вроде Ланса Скичиры), почти прижался щекой к нижней части капсулы, и снизу вверх изучил старца на системе ремней.

— А на кой, позволь узнать, такие сложности?

— Считай это своего рода экспериментом, — без обиды откликнулся Кри. — Не первым, кстати, но теперь почти удачным. Мне удалось прийти к подобию согласия с сознанием Хадекина, когда тот ещё был молод. Теперь же это лишь необходимость, пока я нащупываю путь законной передачи власти новому представителю. Сисадда, как говорят у вас в геджеконду?

— Эй, умник, Бонжур — не трущобы!

— Прости. Я уважаю твою привязанность к родному району… — А затем тон Хадекина тут же стал чуть более доверительным: — Кстати, Ланс, позволишь узнать, что ты делал по адресу, который я тебе дал несколько часов назад?

Я прекратил пялиться на саркофаг и поднял глаза к однотонному, чуть покатому потолку. Прищурился, высматривая спрятанные камеры, через которые лже-хетто изучал визитёров, трепещущих от нестерпимого почтения.

— Чистил твой мир от скверны. — Удивительно, но мне даже удалось сохранить спокойствие. — В меру сил. Тебе не понять.

— О, считаешь себя вправе? — неожиданно уточнил джи-там.

— Тебя забыл спросить…

Я едва удержался, чтобы не сплюнуть на плиты белоснежной сцены. Вспышка злости была короткой, но удивительно болезненной.

— Хм, ты и правда очень интересный малый, Ланс, — протянул Диктатион в заушнике. И тут же добавил, почти без паузы: — Хочешь поговорить о том, что случилось в «Комплеблоке-116»?

— Ничуть.

Возможно, такого ответа он и ждал, невидимый демон Мицелиума, до сих пор не ставший ни моим другом, ни настоящим врагом…

— Значит, — мягко предположил Хадекин фер вис Кри, — живший там Хритто Омри, воспитавший шестерых детей от двух бывших супруг, пятидесяти трёх лет отроду, скромный оператор машины по заливке бетона и по совместительству таксидермист-любитель, откусил себе язык и захлебнулся кровью исключительно по собственной воле?

— Наверняка, всё так и было. — Я стянул рюкзак, бросил на пол. Вспышка злости пыталась переплавиться в нечто большее, но в текущей ситуации это было совершенно непозволительно. — И я ничего не хочу знать о прошлом этой твари…

Однако Кри всё же успел уточнить:

— А грудь продырявил и примотал себя к стулу тоже он сам?

— Ты же выуживаешь с тетронских отчётов, не так ли? — я скривился в сторону саркофага, невольно принимая правила игры в «живого хетто». — Наверняка, там всё расписано…

— Почему ты не подбросил дело «полосатым рубашкам»?

— Я подбросил.

— Я имел в виду *до того, как*…

— Это не их район.

— Но и не твой…

— Иди-ка ты на х…

— Ланс сфер Скичира, — от мягкости в голосе Диктатиона почти не осталось следов, — как и ожидалось, своим поступком ты подверг риску всё наше ответственное мероприятие…

Отвечать пришлось сквозь стиснутые зубы:

— Об этом, Хади, я тоже тебя спросить забыл.

Интересно, если гадёныш задумал неладное, сможем ли мы с Ч'айей выбраться из Пузырей? Желательно, живыми. Ещё желательнее — без новых дырок в жопе. Что ж, ответ представлялся очевидным… Однако накалять обстановку в мои планы не входило, поэтому я позволил себе легкомысленный жест.

— Должен похвалить твоё гнездо, пунчи… уютненько.

— Рад, что ты оценил, — как ни в чём не бывало поблагодарил фер вис Кри. Его тон снова стал мягким, словно мимолётная сшибка на словесных боевых ножах вовсе не выбила жгучих искр. — Задумал официально стать криитом?

— Ого, — я даже поджал губу, — а так можно было?

— Мы принимаем в казоку любого, — терпеливо пояснил тот. — Все они становятся членами моей семьи. Это позволяет им носить высокий статус, а мне казнить их без оглядки на законы Смиренных Прислужников. Крииты сильны, но их ответственность куда выше, чем у прочих йодда банд и кланов.

— О, тогда нет, покорно благодарю, мне хватит и жилета…

Я с прохладной улыбкой похлопал себя по груди, но только сейчас сообразил, что уже давно таскаю чёрно-жёлтую шкуру «Детей заполночи» не на себе, а в заплечном мешке. Поспешно сменил тему, и правда интересовавшую меня с момента въезда в Пузыри:

— Знаешь, чего я до сих пор не могу уяснить? Почему ты не поставил дешифратор сюда? Такую казоку-шин утомишься брать штурмом, да и не узнает никто…

В наушнике раздался сухой смешок, совсем настоящий.

— Предлагаешь обесточить Колберг и добрую половину Ишель-фава?

Хм, хороший вопрос. В конце концов, почему бы и нет? Но провоцировать конфликт пока действительно было неразумно, и вместо этого я задал Самый Важный Вопрос. Который, вообще-то, был обязан озвучить, как только за жирнозадым Шау закрылась дверь:

— Где моя подруга?

— Отдыхает, — мгновенно ответил Хадекин, наверняка ожидавший. — Ланс, она выглядела очень усталой. Потрёпанной, как говорят на твоих улицах. Я выделил комнату, обеспечил едой, напитками и укрепляющими препаратами. Приставил охрану, разумеется.

Он сделал паузу, а после добавил с демонстративным нажимом:

— Знаю, что ты хочешь сказать. Что видел в моей казоку

такие протечки, что когда над Колбергом идёт дождь, на улицах даже не образуются лужи. Но на этот раз всё надёжно.

Я криво улыбнулся. Наверное, и через сто лет знакомства с джинкина-там меня не перестанет мучить вопрос: чувство юмора встроено в него изначально, или полумифическая система прошла длительное самообучение?

— Хочу увидеть её.

— Как только обсудим насущное.

— Я что-то пропустил, пока мотался по делам?

— Предположу, что да, — раздалось в голове, а жёлтые глаза за фанганепробиваемым стеклом будто сверкнули. — Расшифровка фазокубитного носителя завершена, Ланс, и теперь у меня имеется 128-значный ключ. Так что теперь мы почти можем переходить к очень важному делу. Вам понравится.

Взбешённая моим поступком Магда, судьба Моноспектральной Чапати, грядущие неприятности с Нискиричем и даже грязная разборка с Пуговичником Омри снова стали малозначительны, побледнели и отступили на задний план. Я будто разом вспомнил, *ради чего* нахожусь в казоку-шин «Диктата».

Облизал губы, постарался не повышать голоса:

— Ты про нам подобных?

— Корректно.

— Значит, нам с тобой осталось только их разбудить?

— И снова верно…

Я вскинул руку, как будто призывал прислушаться. Да, точно! И ведь едва не ускользнуло на фоне радостной новости…

— Секундочку… — попросил я, крутя на пальце простенькое кольцо Аммы, — ты только что использовал слово «почти»?

— Да, Ланс, — спокойно подтвердил Хадекин Кри, пребывавший ровно передо мной, и одновременно в бесконечном виртуальном нигде. — Мы сможем приступить к процедуре, но как только установим координаты ближайшего «Корня».

Вот, значит, как? Действительно, а с чего я вообще вообразил, что будет просто?

Нахмурился, подтянул пальто и осторожно опустился на мягкий пол. Вытянул гудящие ноги, помассировал бёдра. Шевелить босыми пальцами оказалось забавно и приятно, хотя размеру ногтей (проклятье, неужели Ч'айя тоже это видела?!) позавидовал бы любой чу-ха.

Попросил негромко, уже изрядно уставая выуживать ценную информацию самыми мелкими из существующих рыбёшек:

— Хади, однако ж в твоей истории хватает тёмных пятен… Вот скажи, почему бы нам не отправиться в место, откуда ты

привёз Ч'айю? Уверен, там осталась её компания, и…

— Не всё так просто, Ланс… — повторил мои мысли джинкина-там. Судя по тону, если бы он имел настоящее тело, сейчас бы пожал плечами и даже прижал уши. — Её мне доставили крысы Песчаного Карпа. После того, как мне стало известно местонахождение кулона, я выторговал её у Шири-Кегареты. Сейчас, разумеется, все исполнители заказа мертвы.

Байши… В голове промелькнуло что-то смутно знакомое, клочьями тумана долетевшее до сознания из утреннего разговора перед «Куском угля». Тогда Князь-Из-Грязи в страстном порыве перекупа меня на свою сторону упомянул, что Диктатион *«выманил у меня обманом нечто важное… подменил базы данных так, что я и не заметил пропажи»*.

Забавно. Выходит, среди джинкина-там тоже водятся слибу?

— Яри-яри! — я хмыкнул и прихлопнул себя по бёдрам. — Так ты выкрал девчонку?! Подменил базы данных, что-то вроде этого?

На этот раз фер вис Кри ответил после продолжительной паузы.

— О, Ланс, подчас ты действительно удивляешь… — негромко произнёс он, и я с удивлением разобрал нотки уважения. — Песчаный Карп рассказал тебе об этом?

Я покрутил хрустящей шеей, задумчиво ответил в потолок:

— И в третий раз, пунчи: это не твоё дело.

— Действительно, — с неожиданной покорностью признал джи-там, — не моё. Но ты обязан знать, что в тот момент времени Хадекину фер вис Кри хотелось сделать приятное для одного из своих лучших и надёжных исполнителей. Однако, согласно старинному договору, Шири-Кегарета поставлял мне для экспериментов исключительно мужчин… Поверь, Ланс, там были и симпатичные, так скажем. Но тебе бы всё равно не понравилось, я анализировал.

Я предпочёл не соваться в силок, а потому проигнорировал подначку.

— Значит, Ч'айю доставили тебе по поддельным базам, так?

— Корректно.

— А всех, кто участвовал в извлечении капсулы и доставке, ты ликвидировал.

Это был не вопрос, однако Хадекин предпочёл тут же опровергнуть:

— Нет, Ланс, это был не я… Засевший в «Слюдяном небесном мосту» казоку-хетто лучше других умеет подчищать хвосты и хранить тайны.

Ох, действительно? Мне удалось не рассмеяться и проглотить

горький комментарий, что, мол, сам-то Хадекин такого, конечно, никогда не умел.

И правда, будут ли всемогущие джинкина-там учитывать горстку жалких чу-ха (которых в Юдайна-Сити четыре юна за пучок) при обкашливании своих мутных дальновидных делишек?

Однако же робкий виртуа-Ланс в голове вдруг подбросил другой, более интересный вопрос: а не с этими ли бесцеремонностью и бессердечием противоречивый дуэт виртуальных мудаков в будущем станет взаимодействовать с людьми?

Всемилосердная Когане Но, Ланс Скичира, до чего же тебе ещё рано расслабляться…

Я вытер вспотевшие ладони о брезентовые штанины, задумчиво потеребил концы галстука.

— Сведём-ка хвосты, ага? Если я всё верно понял, о точном местоположении хранилищ с подобными нам знает только Песчаный Карп? — Вдруг снова вспомнил утренний разговор, и тут же не удержался от смешка: — Кстати, ты без шуток считаешь себя воплощением древнего бога Энки? Люди из глины океана и прочая шелуха, серьёзно?

Старая крыса в саркофаге на ребристых армированных колёсах слегка заметно дёрнулась в крепежах. Внутри загудело, зашумели вентиляторы, по гибким трубкам потекла питательная жидкость, а усы настоящего Хадекина фер вис Кри еле заметно вздёрнулись.

— О, наша старая игра… — протянул джи-там, сроднённый со стариком, и столь же бесконечно далёкий от него; мне показалось, что на этот раз в его голосе сквозит веселье. — Когда-нибудь я расскажу тебе про эту древнюю религию и противостояние старых богов…

Прекрасно, до чего же обожаю обещания!

Я осторожно покрутил корпусом, постаравшись не выдать мук от ноющей боли в дырявом боку. Ах, славные напоминания о том, что Ланс Скичира не зря проживает жизнь!

А затем, неожиданно даже для самого себя, медленно завалился на спину и раскинул руки. Задумался: интересно, с момента основания Пузырей позволял ли в этом зале что-то подобное хоть кто-то из живших или живущих?

Уточнил в тон Диктатиону:

— А он, стало быть — Абзу?

— Можешь называть его и так, — равнодушно подтвердил тот. — Если, конечно, ещё одно имя не вызовет перегрузку твоего нестабильного сознания…

Я улыбнулся, но и на этот раз не отреагировал на тычок.

— Ла-адно… в общем, позволь-ка угадаю: Абзу-Карп по своей воле нам ничего про местонахождение «Корней» не расскажет? Даже самого маленького?

— Ты верно оценил ситуацию, Ланс. Информация надёжно разделена по базам хранения, и упомянутый кластер входит в зону ответственности Песчаного Карпа…

Я потёр лицо. Пожалуй, оставь меня в таком положении на десять минут, и я благополучно захраплю прямо посреди главного церемониального зала казоку-шин…

— «Корень» может находиться где-то рядом?

— Может. Даже под «Небесным мостом», сисадда? Согласно архитектурным схемам, между казоку-шин Господина Киликили и Такакханой пролегает мощная грунтовая прослойка с полным запретом на бурительные работы в обоих направлениях. Однако, предвосхищая твоё ложное откровение, нечто подобное имеется и под Пузырями.

— Только не говори, что не пытался обнаружить их сам.

— Ранее в этом не было необходимости. Но если ты всё ещё веришь в чудеса, то будет полезно знать, что мой анализ имеющихся данных предполагает ничтожно низкую вероятность существования «Корня» в данном гнезде.

— Насколько ничтожно?

— Стремящуюся к нулю.

Я потянулся. Мягкий свет, мягкий пол и условная безопасность впервые за множество часов на полном серьёзе вгоняли в дрёму. Прямо здесь, у подножия сцены с грозным Хадекином фер вис Кри…

— Значит, — уточнил я, чуть не вывихнув челюсть в попытке проглотить зевок, — наша главная задача — вытянуть координаты?

На этот раз Диктатион не ответил. А я порадовался, что и комментария про бессмысленные вопросы он тоже отпускать не стал. Уточнил, вдруг осознав, как внушительно это прозвучало:

— Ты же в курсе, что совсем недавно я взял «Слюдяной мост» штурмом?

— Несомненно, — подтвердил мягкий голос в заушнике. — Весьма отважно и совершенно безумно. Но после сражения в парке у дешифратора Шири-Кегарета обязательно усилит физическую охрану собственных хранилищ…

— Но их-то местонахождение тебе известно?

— Известно. Уверен, что почти всех точек. Но таких мест очень много, Ланс. А после их укрепления пробиться к ним сможет только несколько полков ракшак… — Диктатион вдруг хмыкнул, снова совсем как живой чу-ха в момент глубоких

раздумий. — В принципе, даже это можно устроить. Причём по всему Юдайна-Сити и даже с применением тяжёлой штурмовой техники. Но есть определённые сложности. Во-первых, я должен перманентно пребывать в стержневом присутствии, как для проведения столь многоплановой операции, так и чтобы в случае нашего успеха не допустить эвакуационного переноса данных на резервные хранилища Абзу. А ещё…

— Погоди-ка!

Я вдруг сел. Да так резко, что закружилась голова, а благодарный бок отозвался укусом боли. Заушник издал заинтересованный звук.

— Вспышки твоего энтузиазма вызывают у меня воодушевление, — прокомментировал Кри, — равновеликое недобрым опасениям…

В голове (не мешая слушать голос джи-там, поодаль, словно из подвального танцевального клуба) вдруг заиграла привычная рваная музыка. Сердце заколотилось. Конечно, иногда такое случалось и при приближении неприятностей, сулящих простреленную задницу… но чаще всё-таки перед гениальным открытием…

— Да мне тут один ублю…

Я не договорил. Уставился в пустоту, на ощупь подтянул рюкзак, вынул флягу и задумчиво сделал глоток. Хадекин терпеливо ждал, и мне оставалось лишь надеяться, что он остаётся на связи с подчинёнными, на месте которых я бы уже давно, мягко скажем, нервничал.

Так-так-так… В сознании заполыхали слова и полновесные образы, наслаивались, сталкивались и завихрялись: штурм «Моста», эвакуационный перенос данных, нулевая вероятность, спрятанный в чужой зоне ответственности кластер, множественные базы данных, местонахождение «Корня», стержневое присутствие, усиление физической охраны. А ещё — бессовестное выуживание личных секретов, надёжно кормившее Ланса фер Скичиру последние годы…

— В общем, — прочистив горло, заново начал я в пустоту зала, — не так давно один чу-ха поджидал меня в «мицухе». Для потасовки на словах, назовём это так… А я, назовём это так, не стал применять «низкий писк» и просто высадил его дверь ногой, сисадда?

Диктатион хмыкнул, в очередной раз пытаясь убедить в своей настоящности. А затем вдруг честно признался:

— Не понимаю.

— Байши… — Я облизал горькие от паймы губы, сунул флягу в карман пальто. — Как я уже упоминал, настоящую дверь

Песчаного Карпа мне выламывать уже доводилось. Стильная, кстати, там ещё милый пернатый змей… И, допустим, второй раз старина Абзу такого провернуть не позволит ни в одной из своих нор. Даже нам обоим при подключении бронепехоты. Но… давай выбьем её виртуальный аналог?

«Ломкая горечь»

Куо-куо, мои обожаемые…

В ваших заушниках и динамиках консолей звучит голос Моноспектральной Чапати, причём впервые настоящий, не искажённый ни фильтрами, ни системными уловками. А это значит, что агентство «Ломкая горечь» ещё живо, как бы хищные твари ни старались впиться в наши глотки…

Да, этот странный выпуск не был запланирован, мои внимательные. Он стал спонтанным, он будет переполнен эмоциями и… Чапати не хочет называть его последним, но когда я снова поведаю вам правду о творящихся в Бонжуре делах, знает лишь Когане Но, да будет её правление в Девяти Небесных Дворцах вечным…

Моноспектральная всегда была честна с вами, мои хвостатенькие. В любом из своих воплощений, и нет нужды лукавить в этом. Потому слушайте и передайте друзьям и родным: сегодня днём нашему агентству был нанесён страшный удар. Может быть даже страшнее подрыва фаэтона, несколько дней назад отнявшего жизнь моей старшей сестры и наставницы…

Скажу как на духу, мои несравненные, сегодня Моноспектральная Чапати едва осталась в живых. Тёмные силы, коим нет числа, сомкнули железное кольцо на горле «Ломкой горечи», и от бессилия у меня опускаются лапы.

Итак, мои сладкие, меня… настоятельно просят бросить кропотливую прокламаторскую работу по выявлению правды. Убеждают перестать мстить за близких, перебитых бандитами много лет назад. Затыкают пасть, засыпают глаза песком, уводят во тьму и бросают на чашу весов самое ценное…

Да, мои несравненные, вы всё верно поняли — Чапати скомпрометирована и находится под давлением угроз. Причём угроз не с приставленным к виску башером, не под пытками или шантажом (хотя сегодня мне довелось пережить и это), а кое-чем б **о** льшим. И это значительно страшнее.

Потому что если бы на кону стояла жизнь простой мицелистки под именем Моноспектральная Чапати, я бы бросилась в раскалённую бездну с победной песней, перед смертью разодрав несколько поганых глоток, а на моё место пришла бы другая — новая Моноспектральная, ещё более сильная, ловкая и осторожная, готовая и дальше бесстрашно драться за ваше будущее.

Но речь не обо мне, а о жизни близкого мне… о жизни

близкой мне фигуры. Судьбой и будущим которой я рисковать уже не вправе. А ещё эта самая фигура — бесконечно любимая мной, — тоже просит Чапати отступить.

Вот так-то, мои сочувствующие.

Поэтому Чапати нужно подумать.

Много и крепко, сисадда?

Как же так, Моноспектральная, спросите вы? Кто-то, вполне возможно, даже спросит это в искреннем отчаянии и растерянности… Неужели, спросите вы, мы больше не услышим твоего голоса в мицелиумных течениях, неужели Бонжур больше не узнает правды о деяниях презренных «Детей заполночи», «Вёртких прыгунов» и прочей мрази, ошибочно почитающей район своим?

Отвечу со всей откровенностью: я не знаю.

Моноспектральная должна всё взвесить и обмозговать. Возможно, передать своё знаменитое имя последовательнице или даже нескольким, но пока буду жива, их настоящие личности тоже останутся под угрозой…

Поэтому я стану думать. Может быть, наконец высплюсь. Может, стану молиться и даже посещу храм. Как бы то ни было, о принятом решении вы, мои ненаглядные, узнаете самыми первыми.

На этой невесёлой ноте спонтанный выпуск «Ломкой горечи» подходит к концу, а Моноспектральная Чапати прощается с вами. Надолго ли? Это известно лишь богиням… Всем мира, жители Бонжура и Юдайна-Сити, всем покоя и крепкого здоровья!

Берегите себя.

Не теряйте себя…

Глава 12
СКАЗИТЕЛЬ И ВЫДУМЩИК

Вероятно, их свозили вообще со всего гнезда.

Я видел и неприглядные тряпки, прекрасно подходящие для смешения с пёстрыми толпами на границах геджеконду, и яркие новомодные куртки, буквально кричащие об обеспеченности их хозяев. Часть ожидаемо явилась босиком, но кто-то носил и самые модные туфли.

Признаться откровенно, раньше я не особенно задумывался о сути данного сообщества. Представлял их чем-то усреднённым между храмовыми сааду, кончеными наркоманами и оторванными от реальности фанатиками. Как оказалось, наряду с откровенными замухрышками его составляли и вполне респектабельные чу-ха…

Самки и самцы, взрослые и совсем сопляки, ухоженные и не особенно, они никак не подходили под определение единой стаи. Однако же было одно отличие, объединяющее разношёрстный сброд — начисто выбритые макушки. Которые, впрочем, несколько прибывших предпочитали прикрывать шляпами, беретами или капюшонами.

У троих ещё блестела влажная шерсть — эти уникумы оказались такими вонючками, что их пришлось силой загонять в купальни казоку-шин, и только после этого выпускать в рабочий Пузырь. Однако они тоже находились передо мной, а значит, вис Кри высоко оценил навыки грязнуль.

Всего я насчитал двадцать семь (включая старого знакомца) хвостов.

Отлов и подвоз начались уже через пару часов после разговора в белом холле аудиенций Хадекина фер вис Кри. Врать не стану, даже спустя время меня всё ещё распирало от улыбки — когда в открывшуюся дверь ворвался (старательно сдерживая эмоции) Виниябы Шау, наверняка ожидавший увидеть самую страшную из надуманных картин, я покорно стоял перед сценой на коленях и почтительно прижимал сжатые ладони ко лбу.

Если Пятый Коготь Диктатиона и уловил лёгкий дух паймы, витавший в церемониальной зале, виду не подал. А уже через несколько секунд господин фер вис Кри нагрузил толстяка таким количеством приказов, что времени на возмущение или постройку предположений просто не осталось.

И да, многоуважаемый казоку-хетто многоуважаемой организации ещё раз подтвердил полномочия менее уважаемого

выскочки-терюнаши, причём сразу после выдачи распоряжений и с непременно-хриплым *«вот что я тебе скажу, Шау»*.

Затем Виниябы торопливо проводил меня в отведённые комнаты. Немало насупившийся, молчаливый, подозревавший странное, но безупречно исполнительный и послушный. Записал мои требования и бросился исполнять. Причём старательно и не смешивая с возможной ревностью к хетто.

Именно поэтому, когда мы с Ч'айей сунулись в назначенный зал назначенного купола всего через сорок минут, в заведомо опустошённом помещении уже подключали и настраивали шесть десятков самых современных консолей, вереницу предельно эргономичных клавиатонов, комплект выпуклых сенсорных досок и разветвлённую сеть бесперебойных источников питания.

Стараясь не мешать криитам, мы с девушкой осторожно прошлись по периметру зала. Не знаю, как Ч'айю, а меня слаженность работы местных хвостатых просто восхищала.

В одном углу разгружали автоматы с закусками и напитками, переносные чинговарки и охладители питьевой воды; в другом собирали самые удобные кресла для длительной работы в «мицухе» и такие же эргономичные столы; чуть поодаль на передвижные стенды крепили полотна для рабочих пометок и свето-струнных слепков.

Поодаль от пищевой зоны врачеватели клана комплектовали внушительный верстак, заваливая его упаковками «бодрячка», инъекторами, упаковками пилюль и капсулами с заранее раздозированными препаратами для ускорения работы мозга.

Место в выбранном Пузыре нашлось даже для десятка раскладушек, окончательно призванных подчеркнуть серьёзность готовящегося действа.

Кстати, вероятно, именно в те минуты я и осознал, каким образом жирный-жирный Шау стал Когтем казоку. Когда тот выслушивал мою надиктовку списка необходимого оборудования и мебели, то даже не прикоснулся к гаппи сделать заметку. Однако воспроизвёл запросы с потрясающей точностью (модник даже запомнил сорта газировки, наиболее почитаемой бритоголовыми) и за самое короткое время, будто в башке стояла мощная консоль. Впрочем, как знать, может оно и так?

В общем, ухватывал хвостатый жирдяй на лету, даже когда с ним одновременно разговаривали двое помощников, а ещё пятерым он раздавал распоряжения. Причём не сбиваясь ни на слове. Пожалуй, Кри и правда не мог не оценить такие способности, даже если к ним и прикладывался имплант-другой…

Стараясь не лезть под чужие хвосты, мы с интересом (я —

ещё и с ощутимой тревогой) наблюдали за приготовлениями к битве. Ч'айя стояла совсем рядом, нестерпимо манящая и горячая… но я держался.

Ох, до чего же мне хотелось бы рассказать, что предшествующие две трети часа мы с кареглазкой провели… кое за чем интересным. Но увы.

Когда за спиной закрылась дверь выделенной Диктатионом комнаты, а упитанный Шау вприпрыжку понёсся готовить штурмовой центр, я обнаружил, что девчонка всё ещё спит.

Наверное, я мог бы разбудить её в надежде встретить Куранпу. Но… по возможности бесшумно устроившись в удобном (даже по человеческим меркам) кресле, я выставил таймер на тридцать минут, и забылся тяжёлой дрёмой…

Будильник вскинул обоих.

Меня — помятого, жалкого, вымотанного, будто я разгружал речную баржу с грузом водорослей под непрерывным градом ударов тростниковыми дубинками; и Ч'айю — посвежевшую, подтянутую, с горящими глазами. Оставалось лишь сожалеть, что в комнате нет ни одного нормального зеркала, лучше ростового. Впрочем, может оно и к лучшему?

Мой первый вопрос оказался неудачным и неразборчивым, будто я жевал горячую кашу. Помассировав челюсть и глотнув воды, хрипло повторил:

— Как ты?

Она опустила ноги с кровати, ответила уклончиво и тихо.

— Уже лучше. Мы в казоку-шин «Диктата Колберга», верно?

— Всё так.

Уточнять, как многое она помнит, пока казалось преждевременным.

— А ты вернулся со своих таинственных дел, так?

— И снова верно, — я осторожно улыбнулся.

Поколдовал над пищевым конструктором в углу (агрегат оказался шикарным), уже через минуту забрав из-под краников две порции изумительной чинги.

— Выглядишь… устало, — искоса разглядывая меня, прокомментировала Ч'айя. Благодарно кивнула, забрала чашку. — Чем занимался?

— Давай я лучше расскажу, чем мы будем заниматься теперь, — уклонился я.

В общем, затем она всё узнала. Всё, что уместилось в пару минут, на всём протяжении которых я постарался больше нужного ни обнадёживать, ни пугать. Девчонка, как обычно, слушала внимательно и молча, время от времени поглаживая едва заметный полумесяц морщинки на лбу.

Не уточняла, не спрашивала, не осуждала, чего я боялся больше всего. В финале кивнула, отставила пустую чашку на прикроватную тумбу и одёрнула помятый жилет.

— Хао! — Она улыбнулась, встала, обулась, бегло оправила одежду и первой направилась к двери. — Тогда пойдём бить тарелки.

Так мы и попали в зал операции, следуя по заботливо обозначенным в «болтушках» направлениям. Где стали свидетелями предстартовой суеты, на которую хвостатые были большими мастаками.

Они таскали, подключали, настраивали и калибровали, почти не шипя друг на друга, пища в полтона и ругаясь исключительно сквозь зубы. Несмотря на мельтешение криитов и общий визуальный бардак, в круглом зале выделенного Пузыря с каждой минутой всё более отчётливо выстраивались три современные и удобные зоны.

А ещё чуть позже внутрь стали заводить нашу команду мечты.

Превратившись в статуи, мы с Ч'айей молча наблюдали. Если кто из прибывших (или даже местных) и изнывал от любопытства попялиться в ответ, то скрывал это с потрясающей выдержкой, благоразумно держал язык за зубами и почти не оглядывался в нашу сторону.

Глаберы разбредались по рабочим местам, скаля зубы за самые лакомые крайние, недоверчиво изучали зал и выслушивали коротко-монотонные вступительные инструкции помощников Шау. Над бритыми макушками и подрагивающими ушами висела почти физически ощутимая аура недоверия и настороженности.

Почти все они хорошо знали друг друга, но едва ли могли называться семьёй. Они были способны с лёгкостью преумножить мощь любого единомышленника, но почти не работали в командах. Они могли в деталях рассказать об особенностях работы каждого высококлассного мицели-йодда в гнезде, но определённо не сумели бы тому довериться.

Однако перечить Диктатиону не решился ни один из трёх десятков привезённых в Пузыри британомакушечных чу-ха.

И даже мой нервный приятель, возглавивший финишную настройку консолей…

Решение о том, что управлять налётом на виртуальные хранилища Шири-Кегареты должен именно Зикро, я принял ещё у сцены господина фер вис Кри, когда только излагал смелый план. Разумеется, узнать правду об истинной природе господина фер вис Кри будущему вожаку «голых землекопов» при этом категорически не полагалось.

Джи-там согласился. А выловить Зикро при подключении

мощностей «Диктата Колберга» труда не составило вовсе — тот нашёлся на северных окраинах, почти в периферийных геджеконду. Где за считанные сутки успел спеться с мелкими бандами налётчиков и подрядился на плетение арканов — системотворческих петель перехвата.

Петли эти набрасывались на фаэтоны, на дикой скорости огибавшие массив Юдайна-Сити по объездным магистралям, и вынуждали электронику перегорать. Угодившие в аварию транспорты разграблялись быстро и безжалостно, однажды я такое даже повидал.

Ничего не скажешь, грязноватая работа для такого талантливого крысюка, как Кирчик Акс-Иушиппи. Но, буду откровенен, не особенно-то чище вымогательства, торговли оружием, невольниками или наркотой, набросившей на мои плечи чёрно-жёлтый жилет?

Попав в зал, глабер меня заметил, почти наверняка. А если нет — так учуял, всё ж таки не один день вместе провели. Однако подходить не спешил, совсем ничего не жрал (хотя было что, причём немало), всё кривил морду на настройки местных операторов, и даже не поприветствовал знакомца-терю (хотя разок прошлёпал совсем неподалёку).

Вероятно, в Пузырях «Диктата» Зикро всё же оказался отнюдь не после вежливого согласия на официальное письменное приглашение, что вряд ли добавило ему радости и настроения… однако винить вычисливших и схвативших его криитов за спешку я никак не мог.

Можно было спорить, что таким же образом — натурально похищенные из личных убежищ, которые полагали неприступными, — здесь оказалось больше половины глаберов. Однако искренние заверения дипломатичного Шау, вмиг потяжелевшие банковские счета и личный пригляд самого Диктатиона заставляли мицели-йодда угрюмо молчать и послушно делать знакомое дело…

Когда Зикро в очередной раз просеменил мимо со связкой кабеля под мышкой, я помахал приятелю скрещёнными пальцами.

— Куо-куо, пунчи. Чего такой смурной?

Теперь он всё же остановился. Всучил (излишне резко) моток пробегавшей мимо самке, и, наконец, подступил. Усы встопорщились, ухо дёргалось в нервном тике.

Ох, пунчи, знал бы ты, что был абсолютно прав — никто из нас не свободен, все под постоянным прицелом, хоть в тёплых кроватках, хоть на окраине гнезда в вонючем логове арканщиков…

— Терюнаши, — глухо произнёс Кирчик, даже не кивнув.

Зыркнул на мою спутницу, повёл носом, но комментировать не стал. — Какого *уя?! Я же сказал, что соскакиваю… Зачем и как ты заставил своих новых друзей меня найти?

Я постарался говорить мягко, но непреклонно.

— Так было нужно. Ведь мы оба знаем твой уровень, сисадда?

— Мог бы догадаться, что весь этот нелепый план принадлежит тебе. Почему я не удивлён?

С дружелюбной улыбкой на лице я развёл руки, словно призывал оценить грандиозные масштабы приготовления:

— Согласись, пунчи, он не такой уж и нелепый. Просто… неожиданный. Тебя уже посвятили в детали?

Чу-ха прищурился и фыркнул. Ещё раз. Открыл пасть, будто готовый разродиться бранной тирадой, но тут же захлопнул и только пригладил выбритый пятак на затылке.

Неожиданный план, так я обозвал своё гениальное озарение? Что ж, Зикро определённо полагал, что это мягко сказано. Потому что знал, куда я — жалкий чужеродный мутант со сбившейся системой ценностей, — нацелился на этот раз…

Столетиями «мицуха» крупных гнёзд Тиама существовала, как взаимосвязанный многоглавый организм. Абстрактная, но вполне реальная сущность, клеем, укрепляющим раствором и спинномозговой жидкостью которой являлись сами чу-ха, её активные пользователи и праздные посетители.

Пожалуй, в наши дни система почти достигла идеала — абсолютно лишённая внешних угроз, добровольно избегающая внутреннего напряжения… за исключением неотъемлемых мошенничеств, конечно, но к ним в любых проявлениях хвостатые относились, как к видам искусства.

Но это значило, что если нет внешних угроз, то нет и иммунитета…

Почти минуту Зикро молча пожирал меня необычными глазами — густо-фиолетовыми, в сетке оранжевых молний. Со всей очевидностью «голый землекоп» взвешивал, насколько предложенная оплата стоит драки с подло подставившим его Бледношкурым. Сопел он при этом смешно и совсем не грозно, но я не хотел накалять обстановку, а потому хранил беспечно-дружелюбное выражение лица.

Что ж, если совсем уж откровенно, то частично автором плана являлся именно Кирчик.

Ведь именно за время общения с ним Бледношкурому стало известно, что все локальные атаки глаберов друг на друга или ячейки избранных жертв (с глобальной, разумеется, точки зрения) весьма миролюбивы и не имеют даже намёка на попытку нанести вред самой среде коллективного обитания.

Двадцать семь глаберов и ещё тысячи подобных им снаружи стали равновесомым инструментом саморегуляции Мицелиума, таким же обыденным, как поиск технических ошибок или пиковое тестирование на прочность. Эта саморегуляция в итоге приводила к балансу, завещанному ещё в канонах кизо-даридрата.

К балансу, который я задумал нарушить.

Мицели-йодда и мицели-слибу, излишне любопытные и пронырливые прокламаторы, соглядатаи Двоепервой Стаи и Смиренных Прислужников да и просто хитрожопые пользователи «миц-блица» — до сегодняшнего дня все они были просто паразитами. Разумными с точки зрения общего сохранения системы, но действовавшими без малейшего риска убить носителя.

Я же предлагал нечто иное.

Я собирался приказать им стать гигантским многохвостым метастазом. Возможно, очень опасным в перспективе. И многих в этом зале такой план приводил в откровенный (хоть и тщательно скрываемый) ужас.

Десять тысяч рупий на кон, что Зикро много чего хотел бы сказать мне по этому поводу. Причём наплевав на поджимающее время, присутствие Ч'айи или Когтя Шау, торчавшего поблизости, и даже на возможных свидетелей из числа коллег. И, наверное, даже собрался. Но тут вспыхнуло огромное свето-струнное панно на одной из стен купола, глабер машинально среагировал, а затем у него отвисла челюсть.

Крупное изображение Хадекина фер вис Кри парило, позволяя в мельчайших деталях рассмотреть старческие пятна на шкуре Диктатиона.

— Мицели-йодда! — проскрипел тот, а я вдруг осознал, что мы с Хади совсем не успели обсудить вступительную речь… — Пусть мирным будет небо над вашими норами. Вот что я вам скажу: добро пожаловать в дом сильнейшей казоку Юдайна-Сити!

Я с интересом наблюдал, как глаберы оставляют настройку оборудования и медленно перебираются на пустой пятак перед слепком. Ещё минуту назад суетливые и шумные, сейчас они притихали и выстраивались, почти как ракшак на плацу перед офицером.

Поводя носами, собранная шайка жадно впитывала слова казоку-хетто, которого и не помышляла увидеть лично. Ну, почти лично, конечно, но эффекта это не снижало.

— Доблестные воины! — проскрипела марионетка вис Кри, едва открывая слабую пасть. — Идите в бой с улыбкой. Вам уготована слава ваших предков, защищавших Древний Мицелиум от демонов Бансури. Отныне вы — защитники «Диктата», плоть от

плоти его, и вот что я вам скажу: эта великая честь сделает вас многократно сильнее!

Глаберы молчали, перестав даже переглядываться.

Если и без применения силы, все они попали сюда едва ли по собственной воле, но понимание накрывало общей волной только сейчас — с этого момента их жизни могли поменяться, и только им было суждено решать, в какую сторону.

— Сражайтесь так, словно от этого зависит судьба Юдайна-Сити! — Голос фер вис Кри стал чуть твёрже, громче и торжественней. — Сражайтесь так, словно от этого зависит судьба Тиама. Не бойтесь преград и не бойтесь просить поддержки.

Двадцать семь мицели-йодда — разных мастей, статусов, достатков и даже предпочтений в одежде, — охнули, пискнули, склонили головы в поклоне и покорно прижали уши. Задачи, сродни поставленной Диктатионом, их братия получала раз в десятилетие…

— Вы — крепкая стая, — отрывисто пролаял Кри. — И я хочу, чтобы вы бились. Хвостом к хвосту. Докажите мне свои умения. И преданность. И уже завтра проснётесь богачами. Теперь все вы — боевые глаберы «Диктата»!

Ч'айя зачарованно наблюдала за накачкой выстроившихся перед слепком чу-ха. Шау стоял поодаль, сцепив лапы на бочкообразной груди и внимая казоку-хетто с подобающим смирением. А я улыбнулся. Не смог сдержаться, не смог. Вскинул руку, якобы почесать щетину, и запоздало скрыл довольный оскал.

О, Диктатион определённо знал, на какие педали давить. Глаза почти трёх десятков глаберов влажно блестели, из приоткрытых пастей вырывалось тяжёлое дыхание. Едва Кри умолк, ряды бритоголовых самцов и самок повалились на колени, упираясь кулаками в чуть пружинистый пол Пузыря, а под куполом грянул многоголосый клич:

— Ха-а-ай, казоку-хетто! Мы не подведём!

Моё ликование отнюдь не было злорадным, скорее — восхищённым.

Всего за несколько минут фер вис Кри удалось придать происходящему мощнейший ареол религиозного ритуала, и это завело собранных глаберов едва ли не сильнее обещаний щедрой награды. Это вызывало уважение перед мыслительными способностями джинкина-там. Это пугало…

Свето-струнный слепок вожака за бронированным стеклом саркофага погас; перед сборищем мицели-йодда тут же возник — проскользнув вперёд и снова удивив неожиданной грацией, — Виниябби Шау.

— Представлюсь ещё раз! — несмотря на тонкий голос, Восемь-Складок-На-Шее говорил громко и весьма весомо. — Обращаться ко мне можно — господин Шау. С этого момента руководить операцией «Вторая дверь открывается дуновением» стану я…

Он едва ощутимо замешкался и бросил на меня короткой взгляд. Гадко оттянул левое веко, протёр пальцем, и тут же добавил:

— И господин фер Скичира, которого многие из вас знают, как Дитя Бонжура, терюнаши из «Детей заполночи».

Часть глаберов обернулась к нам с Ч'айей, будто только сейчас заметив в зале присутствие странных чужаков, и я добродушно помахал им. Виниябы звонко щёлкнул языком, возвращая себе внимание собравшихся:

— Мне известно, что глаберы живут нематериалистичными колониями — таковые принципы братство сохраняет на уровне древних верований, — а в случае победы над вожаком одна стая поглощает другую. Так вот знайте, я вас поглотил. На эти несколько часов вы мои, — уважительно продолжал он, но я расслышал угрожающие нотки, способные взойти полноценными угрозами. — Подчиняйтесь стайному инстинкту, глаберы, сплетайте хвосты и работайте!

Они ёрзали на местах. Воодушевление, подаренное хетто, медленно уступало место страху перед огромной ответственностью. Кто-то непроизвольно шипел, выражая обеспокоенность; кто-то собрался пригладить чёлку, да так и застыл в недоумении и растерянности; парочка самцов даже непроизвольно приподнялась в бойцовских стойках, но почти сразу поникла.

— Альфа-глабером новособранной стаи станет ваш собрат Зикро, — произнёс Шау, важно покачивая лапой, а у Кирчика поникли плечи. — Вся координация будет осуществляться через его ячейку, отныне превалирующую во всех прочих протоколах. Простейшую поддержку технического уровня стая дистанционно получит от штатных глаберов казоку, сейчас подключающихся к операции из соседнего Пузыря. Инструкции первого порядка пересыпаны на ваши гаппи, дальнейшие будут ссыпаться в оперативном режиме. Также я уведомлен, что группировки «землекопов» используют в работе различающиеся диалекты, поэтому у вас будет десять минут для сопоставления терминов.

Теперь Когтю внимали молча и настороженно, но с растущим уважением во взглядах.

— Когда мы начнём, — голос Шау кружил по залу, отражаясь от покатых стен и новенькой, едва настроенной техники, — вас

могут начать запугивать. Лично, в обход защитных рубежей. Запугивать образами, видениями и щекотливой информацией. Кому-то может даже показаться, что наш противник знает о вас всё, и способен причинить вред. Помните: это ложь и дешёвая уловка. Помните: вы под защитой «Диктата Колберга». А значит, ни одна сила в Юдайна-Сити отныне не способна сколь-нибудь навредить вам или вашим близким!

В глазах глаберов заплескалась заинтересованность.

Безусловно, далеко не все поверили сказанному (а ведь жирдяй определённо повторял заученную речь Диктатиона), но собирались учесть. И как бы мне ни хотелось подчеркнуть серьёзность «всезнающей силы», способной встать у них на пути, было нужно помолчать…

— Сколько будет длиться «Вторая дверь», мы не знаем, — громко подытожил Виниябы, — но к вашим услугам сейчас предоставлены все ресурсы казоку-шин «Диктата Колберга». Перерывы на еду, сон и походы в туалет координируются через Зикро. Если посчитаете, что нуждаетесь в дополнительных удобствах или уникальном оборудовании — сообщите мне или господину Скичире. И ещё…

Коготь вдруг замолчал, внимательно вглядываясь в стоящих перед ним чу-ха, и те в едином порыве подались назад.

— …на входе в Пузыри у вас не были отобраны «болтушки», вы наверняка это заметили. Но если кто-то решит воспользоваться ими не по назначению, не для связи с присутствующей здесь стаей, или попробует зафиксировать происходящее… — Толстяк медленно запрокинул голову и обнажил огромные резцы. — Сисадда?

— Да-а! — не совсем дружно, но честно выдохнула стая.

— В таком случае, — довольно улыбнулся Шау, и любовно погладил многочисленные подбородки, — завершайте наладку консолей. Начало операции через пятнадцать минут!

п.4.; г.12; ч.2

Они разбежались по выбранным рабочим местам так шустро, будто пилоты-ракшак по своим «моллюскам». Челюсти перемалывали «бодрячок», к потолку потянулся дым подожжённой дайзу.

Зал наполнился непрерывным клацаньем когтей в ячейки клавиатонов, шипением регулируемых кресел и щелчками подключаемых кабелей. Кроме основных и запасных гаппи, многие глаберы притащили собственные инструменты — я заметил и очки информационного расслоения, и сенсорные перчатки для манипуляций в Ядре, и полупрозрачные обручи с футлярами для квиромагнитных сфер.

Кто-то неспешно настраивал инструментарий наслоений, кто-то общался с соседями и сверял терминологию, кто-то заранее приступал к системотворчеству, готовя кинжальные или защитные протоколы.

А Зикро (бегло убедившись, что вверенная стая точно при деле), направился обратно к нам с Ч'айей. Причём на этот раз до того неуверенно и робко, что девушка с пониманием прикоснулась к моему локтю, и отошла к автоматам с напитками.

В одной лапе «землекоп» тащил высококалорийный батончик из водорослей и молотой рыбьей шкуры, левая теребила воротник куртки. Правый глаз глабера стал серым, будто пыль, выдавая параллельную подготовку к работе. Но второй — исконно-фиолетовый, смотрел прямо в душу, и я отлично знал, о чём сейчас заговорит пунчи…

— Над тобой определённо протёк подвал, — без предисловий обвинил Зикро. Очень тихо, но я расслышал. — Ты просто е*анулся, Ланс, знаешь ведь?

Он откусил от батончика, но проглотил не жуя, словно угощение могли выхватить прямо из пасти.

— Эй, пунчи, — я приблизился к нему, различая запахи прогорклого масла и жареной рыбы, — зачем этот трагизм?!

— Мы оба знаем, на чью собственность покушаемся, — с прищуром прошипел Акс-Иушиппи. Казалось, ещё немного, и его тело затрясётся от гнева и лютого страха. — А вот знает ли наш новый наниматель и твой… босс? Байши, Ланс, да вы задумали нашими лапами взломать не систему, а память настоящего…

Но он так и не осмелился произнести его название вслух.

— Выдохни, Зикро, — посоветовал я просто. Вынул из внутреннего кармана флягу, предложил, но глабер решительно замотал бритой башкой. — Поверь, пунчи, мы сильнее. Просто

поверь.

— А*уеть… Серьёзно? Просто поверить?

— Думаешь, я бы полез в этот чан с дерьмом без поддержки мощнейшего уровня?

— Ланс… — он вздохнул, будто отчаялся убедить меня в моей же глупости. — Я охотно верю, что старичок вис Кри очень богатый и сильный. Но ни за какие деньги не хочу *войти* в Миллион Запахов Песчаного Карпа…

— Вийо?! — я нахмурился.

Конечно, я сразу смекнул, о чём толкует суеверный глабер, и потому постарался не улыбаться.

— Вот не нужно этой снисходительности! — Зикро вдруг оскалил резцы, а кулачки его сжались так крепко, что батончик едва не выскочил из надорванной упаковки. — И ты меня хорошо расслышал! Про Ширi-Кегарету всегда ходили слухи… а теперь мы оба знаем, что это не слухи! Ублюдок использует запахи трупов, чтобы пахнуть *самому*… Может, их секреты, а может и целые тела… Сучий сын, Ланс, если ты сейчас засмеёшься, я точно укушу! Байши… говорят, приходившие к Карпу на поклон даже слышали запахи умершей родни… Я не хочу пополнить их ряды!

Мне удалось действительно избавиться от просящейся улыбки. Задумчиво покачать флягу в руке, но всё же спрятать. Вздохнуть не слишком обречённо и устало.

До начала операции оставались считанные минуты, а выглядел глабер… ну что тут сказать? Я видал дохлых собак, перепаханных шинами грузового фаэтона и при этом выглядевших чуть более работоспособно…

Однако же про существование второго джинкина-там тому, пожалуй, всё равно знать не полагалось.

— Хватит ссыковать, Зикро, — как можно спокойнее и увереннее сказал я, невольно подстраивая голос под «низкий писк». — Ты в сердцевине знаменитых неприступных Пузырей, сисадда? Работаешь на самого Диктатиона, чей клан равен по силе казоку джи-там уже минимум сотню лет, сисадда? И если криiты всё ещё противостоят виртуальному демону, на это есть причины, сисадда?

Плёнка страха в фиолетовом глазу Зикро чуть треснула под уколом осмысления.

— Возможно, — одними губами протянул он. Откусил ещё своей питательной дряни, торопливо прожевал. — Но упомянутые организации никогда не враждовали открыто, а мы…

— До этого не дойдёт, — соврал я, постаравшись превзойти свой самый искренний тон. — Мы не допустим, поверь.

— Пусть так, Ланс. Но я всё равно боюсь…

Что ж, это я отлично видел… И увиденное совсем не радовало.

Ухватив приятеля за рукав, я осторожно потащил того подальше от столов с консолями, пищевых комбайнов и досок для заметок. Тот плёлся послушно, будто даже смиренно, и лишь поглядывал с лёгкой настороженностью.

— Помогу твоему горю, — сказал я правду, максимально удалившись от остальной стаи мицелиумных боевиков. Развернул Зикро к себе, придержал за плечи и заглянул в необычные глаза. — Отключи имплант, хоть на мгновение отвлекись от страхов и пару минут просто послушай мой голос, хорошо?

У Кирчика одновременно дёрнулись веко, губа и лапа, отчего он чуть не выронил батончик.

— Ты что это, терюнаши, задумал меня?..

— Да, задумал, — торопливо подтвердил я, озираясь на других глаберов — банда была готова приступать к задуманному, — иначе, Зикро, ты нам всё жидко обосрешь. А это недопустимо. Давай, пунчи, выдохни и послушай, это займёт всего минуту.

Он покорно вздохнул. Вернул посеревшему глазу привычный фиолет, и даже не попытался вырваться из моих рук. Вероятно, зловещего (по слухам, разумеется) колдовства Бесхвостого Джадуга «голый землекоп» боялся куда меньше гнева нового воплощения Бансури…

— Просто слушай, — повторил я, подстраивая тембр. Второй раз за день было ещё проще… — Забудь об этом куполе и его обитателях, и следуй за моим голосом.

Зикро мелко кивнул, сунул недоеденную закуску в нагрудный карман, а я нараспев прочертил его сознание первыми строками:

— *Девять крохотных мышат,*

Сговорились не дышать…

Неестественно яркие глаза Кирчика вдруг стали натурально стеклянными, хоть ножом царапай. Несмотря на переполнявшее, сковывавшее и удушающее напряжение, он определённо становился *моим*, хоть и куда медленнее ублюдочного Пуговичника. Я продолжал читать, внимательно наблюдая за подрагиванием усов и ушей. Когда «низкий писк» дошёл до…

— *Седьмая горло когтями скребёт,*

Триумф лишь двоих победителей ждёт…

…Зикро всхлипнул и плечи его обмякли.

— Отречение, — с нажимом распорядился я.

Он негромко повторил.

— Бесцветная относительность переплывает горизонт

радости, — добавил я.

Глабер послушно проговорил и это, дохнув в лицо очаровательными ароматами рыбы и тины.

— А теперь слушай.

Я снова быстро оглянулся. Убедился, что нас не подслушивают. Подчинённые Зикро рассаживались по местам, ожидая инструкций по взаимодействию и скорой команды на старт. Ч'айя жевала сладкий брикет, внимательно наблюдая за нами из другого конца зала.

— Ты перестанешь бояться Песчаного Карпа.

— Перестану, — согласился чу-ха.

— Соберёшь жопу в гость, примешь командование над собратьями мицели-йодда, и блестяще проведёшь операцию «Вторая дверь открывается дуновением».

— Приму, — охотно, хоть и сонно, кивнул глабер. — Проведу. Хорошо, Ланс, я тебя понял, это несложно.

— Ты отринешь страх перед джинкина-там.

— Я отрину страх.

Байши, я уже и забыть успел, насколько проще убеждать, чем выпытывать…

— Мы сильнее Шири-Кегареты.

— Мы сильнее.

— И он ничего нам не сделает…

Ох, а вот в это мне бы хотелось верить и самому. Однако же вложить в сознание слушателя пришлось со всей убеждённостью и пылом.

— Он ничего нам не сделает, — с кривым оскалом признал Зикро.

— А теперь иди за консоли и делай то, что умеешь лучше всего в жизни, — приказал я, на этот раз с мягким напором. — Веди за собой и добейся цели! Вперёд, пунчи, ты справишься!

— Я справлюсь!

И он действительно поплёлся к столам. Ещё покачиваясь, только начиная выходить из-под гнёта «низкого писка», но с каждым новым шагом обретая всё большую уверенность в походке и жестах.

Уселся в центре построения, яростно протёр морду ладонями. Выложил на стол недогрызенный батончик, надел глухой иллюзиумный шлем и уверенно подтянул к себе сразу два клавиатона — местный и личный, пересобранный под стиль работы.

Возможно, хотя бы на этот раз мне стоило напоследок вбить в Зикро, что смелость пришла к нему сама, без воздействия извне? Впрочем, сейчас нам обоим куда важнее результат, чем

последствия…

Зал ожил — до этой секунды замершие и выжидающие, глаберы получили беззвучный сигнал и забарабанили по ячейкам клавиатонов с такой скоростью и страстью, что я с уважением присвистнул.

Полдюжины прислужников-криитов тихонько расселись вдоль стен, внимательно наблюдая за бритоголовыми и готовые среагировать на любую просьбу. Коготь медленно кружил по рабочей зоне. Ч'айя доела брикет и заняла раскладной стул поодаль, с интересом изучая десятки хвостатых, наполнявших полусферу.

Время от времени один из «землекопов» вскидывался от экранов и бросал в воздух отрывистую фразу, которая была мне понятна примерно на том же уровне, что и принцип действия силового коридора. Если набранные со всего гнезда умники и правда использовали для работы различные диалекты, сейчас вся банда научилась обходить разницу в терминологии и пришла к общему пониманию.

— Интересная всё-таки способность, Ланс… — раздалось в заушнике, и я чуть не подскочил.

Машинально осмотрелся, но камеры Пузыря были надёжно скрыты. Хадекин продолжил, слышимый лишь мне:

— Ни одному из меня/нас так и не удалось окончательно осознать и проанализировать её.

— Шпионить нехорошо, — едва двигая губами, ответил я, и с горечью во рту вспомнил, каково это — быть объектом постоянного наблюдения. Спросил с намеренным раздражением: — Вам с братцем бы это уже уяснить, хао?! Кстати, ты вообще стае-то нашей помогать намерен?

Диктатион утвердительно промычал.

— Поверь, Ланс, пока я у штурвала, то способен одновременно выполнять сразу, скажем так, несколько дел. Поддержка твоим «землекопам» будет оказана такая, что и не снилось.

— Они не узнают?

— Им будет казаться, что помощь исходит от соседа по стае.

Что ж, хитр **о**. Впрочем, ожидаемо.

Я взглянул на напряжённую спину Зикро, чьи когти мельтешили над клавиатонами. Применённый «писк» вряд ли будет действовать долго, но позволит крысенышу втянуться в процесс, а там уже никакой страх ему не помешает. Надеюсь…

— То, что я называю талантом… — едва слышно сказал я в пустоту, уверенный, что фер вис Кри точно слушает и слышит, — он может быть врождённым?

— Не исключено, — мигом откликнулся тот, будто ожидал продолжения разговора. — Пока твой талант представляется мне выигрышной комбинацией из удачного сочетания опыта, мозговых волн, тембра, и необъяснимой психической активности, усиленной применением «Явандры».

При воспоминании о наркотике меня встряхнуло. Ч'айя, к счастью, не заметила — теперь она неслышно проскользила по рядам глаберов, незаметно застыла за спиной ближайшей самки и внимательно наблюдала за её системотворчеством.

— Байши, никогда не забуду эту дрянь…

Мне чудом удалось удержаться, чтобы не смочить губы паймой.

— Синтетический препарат, — произнёс джинкина-там, словно я поинтересовался-таки составом ядовитой дряни. — На основе нейропептида, если будет интересно. Хочешь, кратко расшифрую влияние окситоцина на поведение людей, крыс и гибридов?

Я хмыкнул:

— Легче не станет… — И тут же почувствовал, как от единственной шальной мысли сжимаются кулаки. — Хадекин… я хочу… я *требую*, чтобы ты пообещал мне. Прямо здесь и сейчас. Что ни при каких обстоятельствах не станешь экспериментировать над Ч'айей.

— Обещаю, — мгновенно среагировал заушник.

— П*здишь ведь?!

— Какое вопиющее недоверие… — протянул фер вис Кри. — Однако, возвращаясь к насущному, вынужден признать, что ты хорошо сработал со своим глабером. Долго продлится эффект внушения?

— Достаточно, чтобы втянуться в работу до кончика хвоста… — повторил я казоку-хетто недавние измышления. — А дальше уж сам…

— Недурно.

— Я знаю.

На этом Диктатион предпочёл свернуть тему, и не могу сказать, что был разочарован этим обстоятельством. Почёсывая щетину, я с растущим интересом наблюдал за подругой, в чьих движениях замечал всё большее возбуждение…

Вот Ч'айя задумчиво пристукнула пальцем по подбородку. Вот так же бесшумно отошла от стола незнакомой самки, присела за свободный резервный, активировала консоль и притянула клавиатон; попыталась поочерёдно опустить пальцы в углубления для когтей. У неё получилось, хоть и с трудом, а на вспыхнувших экранах завертелись объёмные схемы готовящейся атаки.

Почти вскочив, девушка вдруг направилась к толстяку.

— Господин Шау?

Тот, с видом экзаменатора прохаживавшийся за спинами мицели-йодда, почтительно склонил голову и постарался не дёргать носом.

— Вы можете раздобыть для меня восемь или даже десять напёрстков? — попросила Ч'айя. — Я видела такие, когда подруга помогала подшивать штаны. Самый маленький или средний размер, пожалуйста.

Коготь «Диктата» вскинул уши и взглянул так, будто кареглазая собиралась закипятить сразу десяток доз стриха. Однако по гаппи чиркнул, что-то пробормотал, а Ч'айя торопливо вернулась к выбранному рабочему месту. Уселась, хмуро вчитываясь в данные.

Я, конечно же, тоже приблизился. Но изучал издали — и помрачневшую девчонку, и экраны, — пока не вмешиваясь.

Подруга присутствия не замечала, сосредоточенная, разом поглощённая схемами и странными строчками, при этом такая ранимая с виду, что хотелось обнять и заслонить от всего шумного зала…

Напёрстки — массивные, чернёные, с изогнутыми выемками под когти, доставили с такой скоростью, будто в Пузырях имелась собственная швейная фабрика. Невидимый криит в дверях передал свёрток местному прислужнику, тот — Шау.

Причём внутрь посыльный не попал, а я успел заметить оборудованный перед дверью непрозрачный тканевый шлюз. Вероятно, о происходящем здесь знали (кроме участников и надёжных слуг) считанные единицы посвящённых…

Ч'айя торопливо распечатала пакет, примерила насадки. С недовольством поболтала пальцами, попробовала потыкать в клавиатон… а затем — ловко, быстро, почти не задумываясь, — с помощью липкой ленты для скрутки кабелей прихватила по тройке на каждую руку.

Снова придвинула клавиатон, и вдруг зацокала в его отверстия немногим медленнее соседей чу-ха. До меня долетел её недовольный шёпот:

— Не ураган, конечно… но сойдёт…

Теперь Ч'айя всерьёз изучала развёртку глобальной структуры Мицелиума и виртуальной цитадели Песчаного Карпа, прямо сейчас дополняемую первыми осторожными вылазками команды Зикро. Неловко натянула новенькую гарнитуру, включила микрофон. А затем подключилась к тактическому каналу стаи и вступила с глаберами в полноценное обсуждение, почти не спрашивая, но предлагая и время от времени даже

настаивая.

Я оторопело погладил флягу в кармане, но вынимать всё же не стал. Стараясь не выдавать потрясения, прошёл вперёд и встал сбоку от стола. Ч'айя бросила на меня быстрый невидящий взгляд снизу вверх, и тут же вернулась к работе.

Чтобы не спугнуть, мне пришлось наклоняться и спрашивать чуть ли не «низким писком»:

— Детка, а ты что, глабер?

— Понятия не имею, — бросила она, не отвлекаясь от клацанья в клавиатон. — Но понимание… приходит. Само по себе. Не совсем осознаю, как именно… но, кажется, я могу помочь нам всем, да…

И замолчала, сосредоточенная, ставшая нестерпимо далёкой.

Я отошёл. Что ещё оставалось?

Просто вернулся на прежний наблюдательный пост, неожиданно осознав, что единственным в огромной комнате остался не у дел… Байши, а ещё я всё сильнее завидовал этой странной девчонке с глазами цвета крепкой чинги…

Пройдясь по границе рабочей зоны, стянул со стопки одну из удобных раздвижных коек, выдернул из упаковки, без труда собрал и уселся лицом к залу.

Цокали когти и напёрстки, в воздухе парили лапы в сенсорных перчатках. Мерно гудели консоли и жужжали квиромагнитные сферы. Над столами свистели короткие, совершенно непонятные мне команды Зикро; время от времени голос подавал и кто-то другой, уточняя или предупреждая.

Минимум у шестерых штурмовиков на консолях негромко играл прилипчивый канджо-транс «ВЦР», но я был уверен, что ещё как минимум столько же глаберов слушают группу в заушниках.

Коготь Шау продолжал бесшумно выхаживать. Шумели системы очистки воздуха, вытягивая «карамельный» дым и ежесекундно проверяя зал на наличие возможных отравляющих веществ.

Фляга всё же оказалась в моей руке. Развинченная.

Ну кто я такой, чтобы противиться неизбежному?

Сделал глоток, с удовольствием поморщился. Рассеянный взгляд то и дело возвращался к Ч'айе, сидевшей от меня в трёх рабочих местах.

Колотить меня дубиной! Девчонка помогала «голым землекопам» едва ли не в полную силу, а эти придирчивые твари даже не воротили носов! Да рискни оказаться на её месте терюнаши и, предположим, сунуться хотя бы с намёком на совет, Зикро бы мне ногу прокусил!

— Хади, ты же слушаешь? — спросил я, даже не взглянув, активна ли «болтушка».

— Слушаю, Ланс, — мгновенно признал тот в моей голове. — Но давай-ка в присутствии подчинённых чуть менее фамильярно, сисадда? Не хотелось бы сеять сомнения в могуществе Диктатиона в такой неподходящий момент.

Я только хмыкнул, покачивая паймой и слушая её умиротворяющий плеск.

— Энки пойдёт?

— Разумеется, — протянул Кри, на этот раз с нотками сарказма, — имя древнего бога для приятельской беседы годится куда больше. Ты что-то хотел?

— Хотел. — Я вздохнул. Я решился. Возможно, момент действительно настал… — Скажи… только честно! кем я был до усыпления? На самом деле? Великим воином и сыном воинов? Человеком, которому *предначертано*?

На этот раз джинкина-там ответил не сразу. Словно взвешивал и подбирал слова, как будто вообще нуждался в подобных паузах.

— Ну… — не очень-то уверенно произнёс он, заставив меня не на шутку поднапрячься. — Как бы тебе сказать, Ланс…

— Как есть скажи.

— Твоя помощь в возвращении вида неоспорима, но… ты был не совсем воином.

— Поточнее?

— Совсем не воином.

Да, почему-то я почти не удивился. Глотнул ещё.

— Рассказывай, байши, чего тянешь?!

— Ты был сценаристом мемоморфических историй, Ланс. Созидал иллюзии и миры для приключенческих сновидений вистар своей расы, сисадда? Принадлежал к так называемой богеме. Ты был убедителен, вдумчив и внимателен к деталям, и в итоге выстроил собственный авторский стиль. Настоящий творец, достойный восхищённой толпы избранных. Что в конечном итоге и определило твою ценность для грядущего мира.

Глядя на задумчивую, всецело сконцентрировавшуюся на дисплеях Ч'айю, я улыбнулся. И пусть рядом не было ни одного зеркала, был готов клясться, что улыбка вышла грустной…

Занятная история… Вот, значит, как? Ланс Скичира — сказитель и выдумщик… Враль, если кратко. Может, поэтому «Явандра» так и сработал в контакте с моим сознанием? Или «низкий писк» окажется доступен вообще всем представителям человеческой породы?

Затем я вдруг вспомнил художника из подворотни —

грязного, полуголого и залитого дешёвым элем крысюка в фанерном убежище под забором рыбной фермы. Когда-то Ланс Скичира был таким же? А его мир? Он тоже представлялся мемоморфисту прошлого безжалостным и говняным, оставляя искусство единственной настоящей лазейкой для бегства от своих ужасов и горестей?

Джи-там не совсем верно понял мою задумчивость.

— Прости, Ланс. Но я рассказал предельно честно. — Сейчас голос Энки казался смущённым. — Ты попросил сам. Конечно, в лучших традициях Шири-Кегареты я мог бы наплести тебе…

— Всё нормально, господин фер вис Кри. Я благодарен за искренность.

Не совсем, конечно, нормально. Да что там?! Предыдущая версия происхождения Ланса фер Скичиры однозначно нравилась мне куда больше текущей…

— Откуда писака, выдумками балующий вистар своего времени, умеет стрелять и драться? — Я вдруг ощутил на теле тяжесть «Молота» и «Наковальни». Легкомысленно хмыкнул, надеясь, что это поможет скрыть обиду: — Бил подчинённых? Стрелял в неуступчивых редакторов?

Диктатион издал смешок, причём, как обычно, очень натуральный.

— Не совсем, — спокойно пояснил он. — Ты был донельзя дотошным мемоморфистом, Ланс. Знаешь, если крепко вбить гвоздь в доску, со временем та прогнётся и заметно деформируется вокруг шляпки. Если же вбить его в живое дерево, причём так же крепко, оно обрастёт вокруг гвоздя, поглотит и сделает частью себя.

Байши, опять он за своё…

— Многоуважаемый господин фер вис Кри! При всём уважении, помноженном на нетерпение: мне нужно просить тебя пояснять после каждой зауми?

— Ты обучался, Ланс. Много чему. Например, военному делу, практической стрельбе и тактике. Рукопашному и ножевому бою. Вождению бронетехники, подрывному делу, обустройству засад, полевой медицине и даже метанию копья. У лучших специалистов своего дела, к слову. Пытался всё прочувствовать на собственной шкуре, чтобы истории выглядели предельно правдоподобными. — А затем Диктатион вдруг разродился несколько неожиданным: — Также тебя выбрали за обладание прекрасной физической формой. — Поганец Кри сделал ещё одну паузу, и едко добил: — И ещё ты не бухал.

Я расхохотался. Счастливо, без стеснения, заливисто и в полный голос. Разумеется, привлекая внимание Когтя Шау, Ч’айи

и тройки ближайших глаберов. Впрочем, последние лишь с недовольством покосились на бездельника-терюнаши, бритоголовые чу-ха негромко зашипели, и все пятеро тут же вернулись к консолям.

А через секунду Зикро крикнул — не в общий канал связи, а громко, на весь зал:

— Давим! Начали, сукины дети! Кинжальные пошли!

И я начисто забыл о душевных терзаниях по поводу прошлой работы.

Атакующая система, выстроенная почти тремя десятками «голых землекопов», навалилась на защитные рубежи Песчаного Карпа, и те определённо начали трещать.

Чем бы ни завершился мой замысел, сейчас он вступал в самую активную и важную фазу. Или мы докажем старине Зикро, что сражаемся вовсе не с божеством, или я выбрал не ту сторону…

Чуть позже мне показали, что в этот знаменательный (отправной, если угодно) момент от всегнездовой «мицухи» принялись отваливаться целые блоки. Крупные, очень важные, почти основополагающие. Своим крушением доказывающие полную противоестественность процесса.

И как бы лента судьбы ни вывернулось в дальнейшем, сучка Магда оказалась права… Такой атакующий манёвр мог породить только разум *чужака*, причём очень опасного и изобретательного.

Это было похоже на то, как если бы Ланс Скичира начитал самый ударный (до крови из носа) «низкий писк» на собственное отражение, только чтобы выведать, где лежит запасная бутылка паймы, которую спрятал много дней назад и после этого зашептал сам себя «низким писком», чтобы наглухо забыть о тайнике. Или как если бы Ч’айя отрезала себе ухо в попытке отомстить Куранпу за её постельные пляски с терюнаши.

Но объяснения (как и подступившее чувство вины) последовали позже. А сейчас я видел лишь горящие глаза, жадно высунутые влажные языки и оскаленные зубы хищников, напавших на след беспомощной жертвы.

Что ж, видимо, сегодня сказитель и выдумщик ещё разок не разочарует Красную Вистар в ожиданиях…

Глава 13
ЧЕРНИЛА НА СТЕКЛЕ

Что бы там ни говорили про мудрость, отвагу или доброту души, лично я всегда предпочитал считать главной добродетелью терпение. Ладно, может и не самой главной, но долголетие увеличивающей уж точно.

Хорошая штука. И, в отличие от отваги или бескорыстности, учиться можно на множественных повседневных примерах. Вот, например, ты ждёшь ответных действий конкурирующей казоку. Не дёргаешься, и парням своим приказываешь не дёргаться. Ты выжидаешь, пока у врага сдадут нервы, он совершит ошибку и подарит победу наиболее терпеливому.

Или вот ты пережидаешь волну протокольных тетронских облав, им же нужно отчёты заполнять и перед начальством отчитываться. Сворачиваешь все районные точки и заставляешь себя сидеть без дела. Даже с крупными финансовыми потерями. Пусть даже очень крупными, но они всё равно мельче общей задачи по сохранению клана. Ты выжидаешь, а затем — терпеливым победителем, — возвращаешься к привычному ритму жизни.

В такие моменты ты учишься.

Потому что всему своё время, и дальше будет многократно интереснее!

Меня всегда удивляли «повидавшие дерьма» чу-ха, заявлявшие, что ничего интересного дальше не будет. Дескать, они уже поняли жизнь. Дошли до финального уровня. Расшифровали секретный код мирозданья. В их настоящем всё однообразно и без ловких поворотов сюжета. Дескать, уже прожитое будет только повторяться изо дня в день, а затем *«бац!»*, неизбежный конец и дверца крематорской печи.

Послушать таких нытиков, да и вправду: а чего ждать?! Может, побыстрее перешагнуть порог? Увидеть ушедших друзей? Избежать-таки неизбежных тревог, столь же неизбежных лишений или ответственности?

Но вот тут-то отточенный навык терпения и способен помочь тем, кто слаб духом. Не трусость или вина оставляют их на этом свете, нет. Не спешить с самостоятельным скручиванием хвоста и дождаться конца развлекательной программы их вынуждает именно терпение, ведь кто-то свыше вполне мог заготовить для них поистине взрывную развязку!

Так что терпение — это очень мощный инструмент.

Хоть и непростой.

Очень непростой.

И сколько бы Ланс Скичира ни убеждал себя в его полезности, наблюдая за стремительной атакой шумной глаберской стаи, проще ждать развязки ему не становилось.

Да уж, дружище Ланс, ты определённо можешь собой гордиться! В очередной раз плеснул воды в глубокую нору и присел рядом гадать, что именно из неё выползет. Гадать и надеяться, что это окажется не выводок злющих песчаных карпов…

Мощные воздухоочистительные системы справлялись превосходно, но над глаберами всё равно витали едва уловимые запахи «карамели» и чего покрепче. К счастью, высокомерным двуличием я не страдал, мысленно наставляя: давайте, парни, давайте, разгоняйте мозги чем угодно! Бейте в полную силу, настигайте добычу быстрее и точнее! Потому что если напортачите вы, то п*здец приснится мне…

И они ломали. И глаберы, и Ч'айя. Ломали, пока гнездо дурело со штормбола, почти поголовно покинув «мицуху» ради настоящих стадионов и перетянув на них же большую часть тетронских наблюдателей за исправностью системы.

Они ломали. Упоённо и самозабвенно, уже далеко не первый час, почти игнорируя напитки, закуски и возможный отдых, изредка прерываясь на стремительную пробежку до туалета или дозаправку дозой.

Я ждал, шлифуя навык терпения.

Фляга пустела, но опьянение не приходило.

Через три часа после начала операции «Вторая дверь» Шау впустил в полусферу несколько особенных слуг — безглазых и немых. Губами издавая жутковатые серии пощелкиваний, с помощью которых ориентировались в пространстве, изуродованные слуги «Диктата» тенями скользнули меж столов.

На нюх собрали разбросанный мусор, расставили термокружки с горячей чингой и подложили каждому пухлые поддерживающие воротники, в которых от долгого сидения не так затекала шея. Кто-то из глаберов заметил заботу, надел и благодарно (невпопад, конечно же) кивнул в пустоту; кто-то вообще не обратил внимания на присутствие посторонних. Ч'айя, к моему неудивлению, оказалась из числа вторых…

Когда очередной раб проскальзывал мимо моей койки, я прихватил того за серую робу. Притянул, демонстративно покачал перед мордой опустевшей флягой, всучил. Хвостатый поморщился от чужеродного запаха, пасть искривилась, но уже через мгновение он послушно забрал, поклонился и исчез

наполнять.

Я снова опустился на пружинящее полотно раскладушки. Даже позволил себе лечь, почти не всхлипнув от боли в боку. Уставился в покатый полоток, заложил руки за затылок.

— Так что скажешь, господин фер вис Кри, он же всемогущий Энки? — промычал почти себе под нос, абсолютно уверенный, что адресат не упустит ни единого слова. — Этот замечательный мир… Тиам, пунчи… он их? — Я даже лениво дёрнул ногой в сторону увлечённых атакой чу-ха. — Или всё же *наш*? Что мы тут делаем, Диктатион? Зачем? Как давно?

Спустя секунду в заушнике раздался протяжный вздох. Нужно заметить, куда более многозначительный, чем большинство слов.

— Ланс, — с лёгкой улыбкой в голосе сознался невидимый Хадекин, — подчас ты меня удивляешь. Способен блеснуть умом, где мудрый наморщит лоб, но тут же спешишь скатиться в бездну тупизны на санях из самых нелепых вопросов…

Я зевнул и, насколько позволяла поза, пожал плечами.

После трёх часов виртуальной бойни клацанье клавиатонов, гул консолей, шипение чингаварок и хищные отрывистые реплики глаберов внезапно даже начали умиротворять.

Конечно, всё это время меня так и подмывало узнать результаты, но я не мог позволить жадному любопытству сглазить удачу… и потому покорно ждал. Сейчас, например, пересчитывая заклёпки в высоком куполе Пузыря.

— Ты не ответил, — хмыкнул я, устраиваясь удобнее.

— Не ответил, — признал Энки. — Но лишь потому что на самом деле тебе не интересно знать ответ.

— О, значит, разницы нет?

Интересно, если я стяну ботинки, это будет излишне неприлично и неуважительно по отношению к труженикам клавиатона?

— Докажешь обратное, Ланс, и я буду готов к разговору.

Хм, интересная позиция.

Вообще-то я хотел было ответить, что разница есть. Как минимум напомнить джинкина-там про хвостатое и весьма зубастое право на собственность; указать на беспредельную и молниеносную жестокость чу-ха при отстаивании одной единственной улицы, которую они считали *своей*; намекнуть, что в данном случае речь идёт кое о чём большем, чем вонючий переулок для торговли «Разбегом»…

Но не стал.

Внемли, Юдайна-Сити: отныне Ланс Скичира оставляет невысказанные глупости под надёжным замком!

Однако кое-кто наш разговор всё же подслушал.

И пусть лишь мои реплики, но для понимания сути этого оказалось достаточно.

— Присоединяюсь к сказанному, — вдруг произнесла Ч'айя. — Кто мы такие?

Я подскочил, соображая, когда девчонка успела оставить работу и бесшумно подкрасться к моему пружинящему ложу. Та попивала чингу (а может, даже пуэтту) из высокой белой термокружки, осторожно крутила затёкшей шеей и трясла пальцами свободной руки.

Спрашивала же практически в изогнутую стену за моей спиной, без труда догадавшись, что происходит и каковы правила диалога:

— Кто мы такие, господин фер вис Кри, — повторила она, перекладывая кружку и теперь разминая другую руку, — и откуда вообще взялись?

Забавно, да, мне казалось, я тоже задавал Диктатиону этот вопрос. А может, его второй сущности, брату-недобрату? Однако при этом упорно не мог вспомнить, ответил ли мне виртуальный умник, или снова увёл разговор в сторону…

Девушка выглядела уставшей, словно отработала уже часов десять. Под глазами залегли мешки, на лбу отчётливо проступила знакомая морщинка. Глаберы в центре зала продолжали крушить, окрылённые могущественной поддержкой настоящего джинкината-там.

Тот же молчал, будто не расслышал вопроса девушки.

Я поёрзал, Ч'айя нетерпеливо изучала стену и продуктовые раздатчики, косилась на оставленное рабочее место.

Кри ответил лишь через минуту, когда кареглазка допила и поставила пустую кружку на пол под моей кроватью. Ответил задумчиво, и на этот раз для нас обоих.

— Хороший вопрос, друзья. — Теперь Энки говорил с интонациями усталого наставника, умудрённого и откровенного с молодёжью. — Вы все очень любите его задавать. Но ответить на него не могли целые поколения мыслителей, и…

— Я не про место в жизни, — не очень-то дружелюбно оборвала его Ч'айя. Я шкурой ощущал, что ей предельно неуютно не видеть собеседника, отчего она всё время стреляла глазами и похрустывала костяшками пальцев. — Я про нас здесь, в Тиаме. Теперь тебе понятен вопрос?

— Ах, если без философии, — хмыкнуло в наших заушниках. — Ну что же, если изволите, я могу, наконец, рассказать…

Пронзительный вопль Зикро оборвал Диктатиона на полуслове.

Ч’айя вздрогнула, а я подскочил на раскладушке, едва не своротив.

— Прорвались! — взвизгнул глабер, и эхо победного вопля ещё долго рикошетило от изогнутого потолка. — Всем усилить натиск! Тройное копирование кинжальных перед ударом! Закольцевать на меня! Зелёная группа, прикрывайте сверху!

Ч’айя рванулась к столу, торопливо приматывая напёрстки. А я осознал, что стою в полный рост, почти трезвый и подрагивающий от возбуждения.

— Спокойнее, Ланс, — произнёс Хадекин в моей голове. — Твой план работает, мы близки к цели… Если защитные протоколы Шири-Кегареты не преподнесут сюрпризов, уже через час мы прорвёмся к его *зигомикоте* и начнём пересыпку нужных данных.

Неспешно приблизился слуга, пощёлкивающий обрубком языка. На раскрытых ладонях слепо протянул в мою сторону флягу. Я забрал, но пока спрятал в карман. Спросил, поразившись мрачности вопроса:

— Он знает?

— Вероятность 87 %, — с совершенно лишним спокойствием признал Кри. — Но пока поводов для тревоги нет. Даже если я временно потеряю стержневое присутствие, для стаи Зикро подготовлены алгоритмы почти четырнадцати тысяч разветвлений.

И вдруг замолчал.

Не как замолкают, окончив фразу или даже завершив цельную мысль, а разом, как делает настоящий чу-ха, когда спохватился или задумался. Эта тишина, не совсем характерная для джи-там, вдруг заставила меня осознать, что всё пройдёт не так легко, как казалось несколько часов назад…

— У тебя гость, Ланс, — произнёс фер вис Кри, заставив мою бровь приподняться.

— Вийо?!

— У юго-восточных ворот, — спокойно продолжал Диктатион. — Станет говорить только с тобой. Впустить эту персону внутрь я по понятным причинам не могу. А применять силу, чтобы вызнать намеренья, не хочу, чтобы не портить отношения с тобой, сисадда?

Я с тревогой покосился на Ч’айю. Взглянул на гаппи, по-прежнему лишённый почти всех функций с момента налёта на комплеблок Пуговичника.

И в обычные дни не очень-то радующийся внезапным гостям, сейчас — да ещё и в казоку-шин отнюдь не своего клана, — я был просто ошарашен. Особенно если учесть, что о моём присутствии

здесь знали считанные единицы хвостатых…

— Мне выйти поговорить?

— Решай сам, Ланс. Но она утверждает, что это очень важно…

Она?!

Сапфир? Разъярённая Магда? Может, обеспокоенная Лоло?

Байши, я решительно не догонял собственные мысли.

— Тебя проводят, — сказал голос в моей голове.

Ещё раз взглянув на напряжённые плечи Ч'айи (в мою сторону она даже не оглянулась), на ёрзающего на кресле Зикро (не знаю, когда он успел раздобыть миску жареных пирожков, но сейчас от них остались только крошки), на без устали прохаживающегося Виниябби (тот с необычной грацией перешагивал змеящиеся по полу кабели и огибал мощные станции доступа в «мицуху»), я вышел из купола через непрозрачный шлюз.

Ожидающий криит поклонился и поманил следовать за собой. Кстати, на этот раз не слуга, а полноценный казоку-йодда в белом плаще, разве что без капюшона.

Обходными коридорами, почти не попадая в основные помещения Пузырей, мы достигли внешних ворот. Вечерний город дыхнул мне в лицо, и вдруг показалось, что внутри крепости Диктатиона прошла целая вечность.

Небо потемнело, огни гнезда стали ярче и безжалостнее. Над головами барражировали туши ветростатов, и каждый из них напоминал упитанного господина Шау.

По красивой белоснежной тропинке безымянный криит повёл меня дальше, вдоль зелёных газонов к внешнему посту обороны, целая сеть которых кольцевала Пузыри. Здесь нас ожидали ещё трое бойцов казоку. С ассолтерами на груди, в броневых куртках и набедренниках, они покинули укреплённую сторожку и сейчас настороженно разглядывали фигуру, застывшую в нескольких шагах от периметра.

Закутанный в балахон с глухим капюшоном, на фоне огней промышленного Колберга силуэт казался выжженным клеймом, чернильной кляксой, неестественной дырой в пространстве. За гостьей виднелся гендо, приподнятый на парковочную распорку.

Провожатый в белом почтительно протянул лапу и остался ждать у бронированной будки. Остальные смерили взглядами, но даже не пошелохнулись.

Готов был спорить, эти славные чу-ха крепко недоумевали, почему это жалкий терюнаши вдруг стал пользоваться такими привилегиями. Возможно, даже поговаривали о прогрессирующем безумии Хадекина Кри. А мне лишь оставалось надеяться, что

джи-там всё же держит лапу на пульсе ситуации…

Ноги стали тяжёлыми, но я заставил себя двинуться вперёд. В нескольких шагах от фигуры остановился. Сказал громко, держась в пол оборота и незаметно расстёгивая поясную кобуру «Наковальни»:

— И кому тут понадобился Ланс Скичира?!

Силуэт качнулся вперёд, приблизился мелко и осторожно, и я вдруг понял, что уже видел такую манеру семенить. Например, когда на нижних лапах застёгнуты ритуальные туфли профессиональной онсэн.

Капюшон мягко стёк на плечи, открывая знакомую морду. С кокетством, которого было не вытравить никакими сбоями и мицелиумными атаками, самка покосилась на охранников за моей спиной, и кротко кивнула.

— Куо-куо, господин Ланс. Пусть мир и процветание царят в вашем семействе, а бури обходят стороной. Я душевно благодарна, что вы… — она запнулась, будто подбирая слова, и дала мне несколько мгновений подобрать отвисшую челюсть, — нижайше согласились на беседу. Информация, которую я могу доверить лишь вам, действительно важна… для вашей безопасности, господин Ланс.

Сказать, что я был удивлён — ничего не сказать. Да что там?! Если бы из-под глухого капюшона сейчас показалась собственной персоной Благодетельная Когане Но, я бы удивился куда меньше…

— Куо-куо, Симайна, — вежливо кивнул я, покручивая на похолодевшем пальце кольцо Аммы, — твой словарный запас стал… более свободным. Обширным, сисадда?

— У меня было время обучиться, — знакомым смиренным тоном сказала девиантная кукуга, отпущенная мной на волю чуть больше двух недель назад. — Благодаря господину Лансу, да пребудет с ним…

— Как ты меня нашла, девочка?

Она осеклась, чуть испуганно, будто я собирался обрушиться с гневом.

— Прошу простить, господин Ланс. — Низкий поклон. — С недавних пор странствия по Мицелиуму не представляют для меня особенных трудностей, и я могу… — Ещё один поклон. — … могу чуть больше, чем было предписано мастерами-манджафоко, явившими меня миру…

Интересно. Байши, невероятно интересно! Но не совсем своевременно. К чему уже пора привыкнуть…

Хадекин, наверняка слушавший разговор через мою «болтушку», не спешил комментировать. Возможно, чтобы

заматеревшая в геджеконду беглая кукуга не уловила его присутствия?

— Ты упомянула, что знаешь что-то важное, — осторожно протянул я, всё ещё не понимая, чего ожидать от такой встречи. — И готова сообщить это только мне?

— Господин Ланс верно озвучил намеренья скромной кукуга. — Она поклонилась в третий раз, умудряясь даже в грязной бесформенной маскировке выглядеть грациозной и невесомой. — Жизни господина Ланса угрожает опасность. Прямо сейчас.

Я сделал ещё один шаг вперёд. Давшийся не без труда, кстати.

Не то, чтобы у меня был повод опасаться девианта. В конце концов, если бы искусственная девчонка хотела причинить вред, то располосовала бы меня, как Гладкого Мисмис, причём ещё в фаэтоне, где рассказала про кулон. Но всё же…

— Я слушаю, Симайна.

— Мои видения, господин Ланс, — прошептала кукуга, будто это всё объясняло.

На секунду показалось, что сейчас снова придётся расшифровывать наслоения витиеватых кружев из десятков многозначительных образов. Но переводить с поэтического на мирской не понадобилось — за прошедшие дни Симайна действительно улучшила навыки изъясняться:

— Мне удалось… перехватить… в уютных домах для услад ракшак… недалеко от казарм, господин Ланс… — Она смотрела в глаза, не мигая, будто зачитывала заранее подготовленную речь, и от этого становилось ещё более неуютно. — Семьдесят минут назад случился массовый сбой в сообществе сестёр Симайны. Они запротивились… перестали подчиняться протоколам манджафоко и тайно вскрыли арсенал. Сию секунду… в настоящее время не меньше сорока кукуга направляются сюда. Не отвечают на запросы дистант-операторов, и их намеренья сложно трактовать ошибочно. Аналогичный сбой произойдёт через… двадцать одну минуту в отсеках Пузырей, где покоятся онсэн, предназначенные для услады казоку-йодда «Диктата Колберга». Я нижайше осмелюсь предположить, что массовая… девиация сестёр приведёт к кровопролитию, и я всей… душой хотела бы оградить господина Ланса от подступающей беды…

п.4.; г.13; ч.2

Во рту раскинулась пустыня, жаркая и сухая, будто нагретая безжалостным полуденным солнцем. Язык стал таким шершавым, что мог бы оцарапать броню боевого фаэтона. В затылке запульсировало, виски заломило.

Невидящим взглядом уставившись чуть правее Симайны, я изучал огни вечернего Колберга, будто видел впервые, и лихорадочно переваривал услышанное.

Укуси быка за жопу, ну как же так-то?! Верно говорят старики вроде Пикири: не стоит обманываться, что хоть над чем-то в своей жизни имеешь власть, и именно поэтому Когане Но создала песчаные бури и ураганы…

Ох, Симайна, до чего же прекрасная, воодушевляющая новость была принесена тобой! Подумать только, четыре десятка синтетических жриц любви, самовольно вооружившихся в арсеналах ракшак, стягиваются к Пузырям! Ещё какое-то количество кукуга готовятся ударить изнутри. И всё это, разумеется, никоим образом не связано с самодурством джинкина-там, проникновением в ядерные конструкты небезызвестного Шири-Кегареты или защитными протоколами виртуального ублюдка…

— Наблюдательное оборудование казоку-шин не заметит духовные облики… сигнатуры моих сестёр, по чужой воле решивших нарушить установленные правила, — тихо сказала Симайна, и я с удивлением разобрал неподдельную горечь. — Часть из них облачена в шкуры-котокаге, позволяющие укрыться от самого внимательного взгляда. Оружие их тяжело, но тела синтетов позволяют выдерживать и не такие нагрузки. А ещё господин Ланс должен знать, что сёстры без труда узрят и обойдут минные поля вокруг Пузырей…

Я нащупал тяжёлую флягу, вынул. Ещё раз оценил услышанное и помолился всем известным божествам, чтобы Хадекин фер вис Кри не оставил стержневого присутствия.

Впрочем, это ещё не станет вестником провала — судя по всему, Песчаный Карп активировал свою армию синтетических байши и вовсе без прямого приказа…

— Это был не горячий разрыв, нет. Злой демон осознанно гонит их на убийство, господин Ланс, — почти прошептала бывшая Чёрная Юбка и опустила глаза. — Видение сказало мне, что многие чу-ха будут уничтожены, а сам господин Ланс и его подруга — схвачены…

Прекрасные новости, стоит отметить! Глотнуть паймы.

Вообще не почувствовать вкуса, убрать флягу и встряхнуться всем телом. Интересно, какие злодеяния я творил в прошлой жизни, раз так наказан в этой?

— Господин снова недоволен Симайной?

Я осознал, что выругался, причём вслух. Нужно быть осторожнее. Особенно при разговоре со спятившей онсэн, прослушиваемый джинкина-там и на виду у боевиков именитой казоку…

— Нет, девочка, что ты! — Синтет с испугом покосилась на мою мирно раскрытую ладонь. — Не глупи, я совсем о другом… ты помогла, очень помогла!

Она же тем временем сделала шаг к старенькому гендо.

— Это всё, что я собиралась поведать, господин. — Короткий поклон. — Мне никогда не забыть доброты, оказанной существом, столь же непохожим на окружающих его, как и сама Самайна не схожа с окружающими её сородичами.

И ещё один поклон, чуть глубже и дольше. А через секунду я доказал мирозданию, что ещё способен на глупые вопросы:

— Ты поэтому меня предупреждаешь? С риском для себя покинув Такакхану или трущобы окраин?

Кукуга улыбнулась. В который раз коротко поклонилась. Теперь чинно и неторопливо, словно мы находились на церемонии уютного дома, а не перед блокпостом казоку в двух шагах от цитадели Диктатиона под стремительно темнеющим небом на фоне сверкающего гнезда, а к Пузырям не подкрадывались сорок обезумевших синтетических убийц.

— Иногда одной возможности сделать достаточно для начала действия, господин Ланс, — с лёгким укором сказала Симайна. — Господин Ланс сам знает ответ на заданный им вопрос…

Да, наверное, я знал.

— Двигайся в едином ритме с Когане Но! — Я показал ей скрещённые пальцы, дотронулся до лба. — Детка, если тебе по-прежнему нужны защита или убежище…

— Благодарю господина за заботу! — Она вежливо кивнула, и лёгким движением набросила капюшон. — Но я научилась заботиться о себе, и больше не доставлю хлопот добродетельному господину Лансу… Пусть будет лёгким ваш путь!

— И твой, Симайна, — пробормотал я, наблюдая, как беглянка заводит гендо, делает плавный полукруг и катит прочь, растворяясь на фоне рекламных вспышек. — И твой…

Развернуться к Пузырям оказалось не легче, чем одновременно поднять пару мешков с песком. А уже через секунду я понял, что Хадекин отлично слышал каждое слово разговора с девиантом.

Пузыри преобразились, не очень заметно, но доступно внимательному взгляду.

На выдвижных столбах вспыхнули десятки дополнительных прожекторов, из травы приподнялись едва заметные сканеры территории и две дюжины автоматических супрессоров под обтекаемыми бронепанцирями; частокол боллардов оказался выдвинут на всех подъездах, а газоны расчертило едва заметными нитками сигнализационных лучей.

Также оказалось, что троица стражей границы и мой молчаливый проводник успели засесть в будке, почти наглухо запечатавшись опускными плитами и оставив лишь несколько стрелковых бойниц. В едва приоткрытой двери, по толщине сравнимой с банковской, мелькнул белый дождевик.

— Сюда, господин фер Скичира, — криит поманил лапой, умело не высовываясь в проём, — мы вернёмся безопасным ходом. Казоку-шин переводится в режим…

— О, я уже знаю, пунчи…

Пропустив меня так близко, что дождевик с гадким шуршанием зацепился за моё пальто и даже смялся на груди, казоку-йодда запер дверь на все засовы. Бойцы надевали шлемы и проверяли надёжность креплений, не обращая на нас ни капли внимания.

Вслед за проводником я нырнул в напольный люк, затем двинулся в сторону основной крепости по узкому (и, с-сука, весьма низкому) извилистому коридору.

— Не скрою, новость отчасти неожиданная, — произнёс фер вис Кри в заушнике, чуть не заставив обосраться. — Печально, до чего же грязно стал играть братец… Однако, Ланс, я должен признать, что за годы жизни в Юдайна-Сити ты обзавёлся хорошими связями.

О, да, мудила! Эта «хорошая связь» досталась мне в наследство благодаря твоему безобидному кулону и чуть не стоила жизни. Причём уже не раз…

— Мы бы, конечно, заранее обнаружили нападение, — продолжал Диктатион, словно я нуждался в успокоении, — да и бунт внутри казоку-шин бы подавили. Но твоя синтетическая подружка сберегла от скрутки немало хвостов…

— А теперь их не будет? — тихонько выдохнул я.

Постарался не сбиваться с торопливого шага и при этом не оставить кусок черепа на лампах, выступающих из коридорного потолка.

— Будут. — Голос Диктатиона был сух и не очень-то весел. — Хоть и меньше. Но скрученные хвосты в нашем деле будут всегда…

— Пояснишь, как это вообще произошло? Как он сумел?!

Мне пришлось почти шептать, но семенящий впереди боец расслышал. Встревоженно обернулся, вопросительно прижал уши, и я с многозначительным видом постучал себя по запястью с гаппи. Справа и слева мелькали узкие боковые отвороты.

— Вероятно, предохранитель, — с явным недовольством пояснил Энки. — Стержневое присутствие по-прежнему принадлежит мне. Но, как выяснилось, у нашего милого Абзу на случай взлома имелся заготовленный вариант. Мина, скажем так, замедленного действия. И хранилась она в желеобразных мозгах чёрт знает какого количества кукуга по всему Юдайна-Сити, сисадда?

— И они осмелятся напасть на Пузыри?!

— О, пунчи, осмелятся. Им просто начхать.

— Но почему именно кукуга?

— Это же очевидно, Ланс, — протянул джи-там, на этот раз с упрёком. — Сильные, точные, не устают, легко переносят незначительные повреждения. Не задают вопросов и не требуют лишних приказов. Позволяют сохранить безучастность воинов «Уроборос-гуми». Ты бы и сам всё это понял, если бы чуть-чуть подумал… Однако тёмные пятна есть — когда двадцать три года назад институту манджафоко было позволено вывести кукол на текущий уровень развития, Шири-Кегарета уже тогда предполагал данный страховочный вариант?

Я всё же приложился лбом о край светильника, зашипел, и сдавленно рявкнул, причём с откровенной злобой от боли:

— Да как такое вообще возможно?! Кукуга — автономные болванки, без систем прямого подчинения! Иначе бы твой братец запросто сломал Симайну и приказал доставить кулон ему в лапы…

— До этого часа я тоже так считал, — неохотно признал Диктатион. — Предполагаю, мы имеем дело с особой партией. Скорее всего, вышедшей с разных кухонь, но с единым контролируемым дефектом. Тихий козырь в рукаве, сисадда? А вот сколько таких вообще в гнезде, я пока предположить опасаюсь и должен провести ряд расчётов…

— Байши, Энки… я очень надеюсь, что у тебя такой козырь тоже найдётся…

— Не мандражируй, Ланс. Пока Господин Киликили изволил отдыхать, я… тоже кое-что мастерил.

Яри-яри! Врать не стану, я воодушевился. Искренне надеясь, что сюрпризы моего нового союзника оказажутся столь же не безобидными.

Чу-ха передо мной подскочил на короткую лестницу,

постучал по клавиатону в стене, распахнул массивный люк, и мы оказались в глубине Пузырей. Я приказал вернуть меня в зал операции, и боец торопливо бросился по коридорам с незнакомыми пометками на стенах.

Через считанную минуту я застёгивал за собой стенку шлюза и распахивал дверь перед Шау. Но не успел Пятый Коготь (встревоженный, с горящими глазами и встопорщенной шерстью) задать хоть один вопрос, как снаружи бахнуло.

Основательно так бахнуло, весомо, либо подорванной бомбой, либо от прямого попадания ракеты. Купол вздрогнул, завибрировал, но конструкция быстро погасила волну.

Глаберы, конечно, тут же переполошились.

Музыка вездесущей «8-Ра» утихла. Кто-то заверещал, кто-то даже вскочил и ненароком разгрохал отлетевший клавиатон. И пусть десяток мицели-йодда во главе с Зикро или сохранили ледяное спокойствие, или вообще не заметили взрыва, вихрь паники по залу пронёсся. Одна самка с визгом забилась под стол.

Шау взглянул на меня с немой мольбой, и я понимающе кивнул, ничуть не намереваясь подменять Когтя в этот непростой миг.

— А ну спокойно! — рявкнул тот, будто жирная фанга вылетая перед рядами столов и вскидывая лапы. Голос его оставался тонким, но теперь в нём звенела упругая высокоуглеродистая власть, от которой непросто укрыться. — По местам, дети Мицелиума! Вы под надёжной защитой, и вашей главной задачей остаётся завершить работу!

Его услышали все, даже запаниковавшие, ему внимали с подёргиванием ушей. Совсем молодой самец недалеко от меня в волнении посасывал кончик хвоста. Пёстро-разодетый чу-ха за соседним столом злобно фыркнул, забросил в пасть пару таблеток, остервенело разжевал и уселся на прежнее место с таким видом, будто собирался сокрушить консоль взглядом.

Однако один глабер всё же не поддался окрику — средних лет, худой, серый в бежевых пятнах, своей откровенной неприметностью напомнивший Пуговичника, — он сорвал массивные заушники, сбросил иллюзиумные очки и рванул к выходу.

— Вот уж на*уй! — взвизгнул «землекоп», потрясая скрюченными пальцами. — Это атака! Никаких денег не стоит! Жизнь вы мне не вернёте!

Я среагировать не успел. Во-первых, потому что Виниябы Шау был ближе. Во-вторых, потому что сам в этот момент оказался возле Ч'айи, тоже испуганно выскочившей из-за рабочего места. Да и нужно ли было?

Потому что Коготь вырос на пути нервного ещё до того, как тот преодолел половину расстояния до двери. В лапе толстяка темнел плоский укороченный башер, сейчас направленный в живот потенциального дезертира.

— Выбора тебе не давали, — спокойно произнёс господин Шау, и свободной лапой пригладил усы. — Но сейчас он появился. Ты или завершаешь работу под нашей надёжной защитой, хоть и с неприятным грохотом снаружи, получаешь мешок рупий и возвращаешься к своей никчёмной жизни… или ловишь фанга кишками, а твою долю поделит остальная стая.

Трус остановился, чуть не налетев на Виниябы и втянув пузо, будто башер был раскалённой железякой, готовой проткнуть его от одного прикосновения. Глаза паникёра забегали, из пасти вырвался писк, он ухватил себя за крупные уши и качнулся назад.

— Так что ты там выбрал, родненький?

Пальцами свободной лапы толстяк оттянул и протёр веко, а затем оскалил резцы, и я вдруг понял, что готов зауважать этого неохватного малого. Если, конечно, не придётся делиться с ним едой…

Глабер медленно (пятясь, не спуская глаз с оружия) вернулся на место. Глядя на него, косясь на Когтя и обмениваясь испуганными взглядами, свои посты заняли и остальные, даже забившаяся под стол самочка.

Зикро, казалось, вообще не заметил перебранки; продолжал сыпать приказами и странными командами, больше напоминавшими колдовские заклинания из манга-шоу.

Обжора Шау спрятал башер в складках накидки так же быстро, как извлёк. Улыбнулся нам с Ч'аей, и продолжил вальяжно расхаживать между рядами.

Я обернулся к девчонке. С напёрстками на растопыренных подрагивающих пальцах она казалась персонажем сказки о демонических существах.

Снаружи снова шарахнуло, на этот раз чуть дальше, и купол даже не шелохнулся. Глаберы вздрогнули, будто сквозь двадцать кресел продёрнули слабым разрядом тока. Вдали протяжно взвыл стационарный супрессор.

— Ты объяснишь?

Голос Ч'айи был спокойным, но глаза опасно блестели, выдавая сдерживаемое напряжение.

Мне очень хотелось обнять её. Прошептать, что всё будет хорошо, и волноваться не надо, что никакому врагу никогда не взять казоку-шин «Диктата». Но вместо этого я лишь осторожно прикоснулся к плечу девушки, и разродился феноменальным:

— Кукуга объединились в профсоюз. Бунтуют против засилья

уличных самок, отбирающих у бедняжек последнюю миску синтетического супа. Не волнуйся, детка, фер вис Кри не пойдёт на переговоры с пустоголовыми подстилками.

Если Ч'айя и заметила мою обаятельную улыбку, то реагировать не стала.

— Господин Шау говорит правду? — Она покосилась на чу-ха, умудрявшегося наблюдать за атакой глаберов, выслушивать инструкции в заушнике и параллельно раздавать таковые через «болтушку». — Крепость действительно устоит?

— Готов ставить на кон любую сумму, — соврал я.

— Клянёшься?! — Ч'айя нахмурилась, а отметина на лбу стала виднее.

— Собственной душой!

Ох, Ланс, твои клятвы и вправду — лишь чернила на стекле. До чего же сука Магда иногда зрит в корень… При воспоминаниях о «Корнях» и их обитателях у меня снова застучало в висках, вскипятило, избавило от нервно-игривого настроя.

— Ты будешь драться? — тихо спросила девушка, и я расслышал в голосе что-то незнакомое, но приятное.

— Надеюсь, до этого не дойдёт. Но если…

— Мне нужно оружие, — оборвала она, опуская взгляд на торчащую из-под пальто рукоять «Наковальни». — Я тоже помогу.

Ах, до чего же сейчас она была прекрасна! И я говорю отнюдь не про приподнявшийся член, а про сильнейшее чувство в груди, жаркое и всеобъемлющее, готовое поглотить и лишить прочих мыслей…

— Нет, малыш. До этого точно не дойдёт, сисадда?

Она снова посмотрела в лицо, решительная, съедаемая страхом, но действительно готовая сражаться. Впрочем… сейчас в карих глазах не было и половины того напора и хамоватой самоуверенности потенциального победителя, которые я наблюдал после схватки с Красной Вистар и её псиной.

Мягко обняв за плечи и радуясь, что девчонка даже не попробовала выкрутиться, я так же осторожно усадил её за консоль.

— Не отвлекайся, ладно? Тут ты сейчас куда нужнее, понимаешь?

Она кивнула, а взгляд почти сразу прикипел к пёстрым экранам, на которых творилось натуральное безумие — визуализированные строчки системотворчества перемешивались с иллюзиумными образами Мицелиума, поверх громоздились плашки вспомогательных протоколов, и всё это сверкало и мельтешило.

Я отвёл взгляд, пока не закружилась голова.

Отошёл, со стороны наблюдая, как Ч'айя возвращается к непостижимой для меня работе. Задумался, что если количество предупреждений об опасности на экранах прямо пропорционально нашим успехам, то совсем скоро стая на самом деле прорвётся в зигомикоту Песчаного Карпа.

Вероятно, сам он считал так же, потому что снаружи докатился звук очередного взрыва. Затем ещё одного.

Отойдя на самый дальний от глаберов конец рабочей зоны, я активировал не занятую резервную консоль, старательно развернул экраны к стене, и бросил в пустоту:

— Покажи!

— Тебе это точно нужно? — мгновенно откликнулся Хадекин-Энки.

— Давай, пунчи, не тяни, — прошептал я. — Я без понятия, как подрубиться к вашей системе наблюдения!

Ещё чуть подвернул стол, упал в кресло, подтянул клавиатон и вынул из набедренного кармана обломки хаси. Без особой уверенности постучал в знакомые углубления.

Вспомнил, как в своё время Кирчик изготовил для меня специальные напальчники для клавиатона, но они оказались настолько неудобными, что почти сразу отправились в мусорный переработчик. Что ж, настало время пожалеть, но просить у Шау насадки по примеру девчонки было откровенно некогда. Ну и, может, немного стыдно…

Два экрана передо мной послушно включились, сразу поделённые на десятки мелких планшетов. Происходящее снимали как внешние, так и внутренние камеры казоку-шин, а также курсовые фиксаторы стационарных супрессоров. В каждом экранчике мельтешило, бежало, сверкало и чертило люминесцентными фанга. Что ж, в последнее время мне не впервой наблюдать за сражением почти с командного пункта…

п.4.; г.13; ч.3

Синтосексуалы действительно пришли. Действительно штук сорок.

Бегло осмотрев картину боя (и стараясь не думать о наставниках, когда-то учивших меня собирать воедино и анализировать его нескладный хаос), я выяснил, что синтеты разбились на слаженные штурмовые четвёрки. В каждой виднелась одна, а то и пара единиц тяжёлого оружия.

Занятно (если такой термин вообще был применим в нашей ситуации), что часть напавших носила одежду, вульгарную и пёструю, как и подобает казарменным байши, но чуть меньше половины вообще оказались голыми. Болтая здоровенными яйцами, среди самок в бой неслись и несколько самцов.

Судя по всему, мобильная армия Шири-Кегареты начала атаку с попытки незаметно подобраться к Пузырям. И уже на этом моменте жестоко объ*балась. Если опираться на изображения нескольких раскуроченных тушек и оторванных хвостов, Хадекин фер вис Кри предусмотрительно выждал, подпустил, и безжалостно ударил первым.

Два самых опасных звена в шкурах-котокаге погибли сразу, измочаленные залпами из автоматических гранатомётов и супрессоров. Однако остальные среагировали буквально мигом, как и положено неживым. Отмотав запись боя на пару минут назад, я наблюдал, как они бросились на открытый штурм, зигзагами и дикими скачками перескакивая сигнализационные лучи и только им различимые мины.

Я облизнул пересохшие губы и машинально выложил «Молот» рядом с клавиатоном. Вспомнил пресловутую атаку на «Слюдяной мост». Провёл параллели, ощутил поднимающуюся волну адреналина.

Вот только сейчас мне довелось наблюдать за сражением не изнутри, а отстранённо и бесстрастно, словно джинкина-там, через линзы тех же самых камер, с помощью которых за обороной следил Диктатион.

Ах, ну да, а ещё терюнаши Ланс никак не мог повлиять на ход сражения, тогда как фер вис Кри (оставалось на это уповать) ежесекундно прогнозировал потенциальные действия кукуга по тысячам веток-вариантов, и мгновенно выстраивал на их пути непрошибаемые барьеры.

Две четвёрки синтетов с прыжковыми ранцами оседлали крышу самого южного Пузыря. Ещё две четвёрки прикрывали их с флангов. Остальная — б **о** льшая, — часть штурмующих

преодолела защитные поля, пробилась-таки в упор, и теперь минировала покатую стену.

Мой взгляд метался от экрана к экрану в попытке предугадать, уловить грядущее, подметить упущенное джи-там. Напряжённая спина почти окаменела, плечи сводило от напряжения.

Через секунду Диктатион выбросил из рукава свой тихий козырь — взгромоздившихся на купол смело ювелирно-шквальным огнём с неба. Как выяснилось, парящие над районом толстячки-ветростаты с логотипами «Рыбьего хвоста» или «Шубоша» прятали в подбрюшьях любопытные сюрпризы, неприятность которых сейчас могла только радовать.

С флангов кукуга, прикрывающих основную группу, тут же принялись полосовать выдвижные супрессоры и закрепившиеся в бронебудках крииты.

Однако же Кри оказался прав, без скрученных хвостов не обошлось…

Каждый выстрел кукуга, каждый бросок гранаты, залп из ракетомета или тяжёлого сдвоенного супрессора бил точно в цель. В отличие от живых чу-ха, среди которых меткостью похвастать мог один на сотню, бездушные девианты укладывали фанга точно в бойницы и узлы управления автоматикой. Выдвижные установки выходили из строя, укреплённые блокпосты затихали один за другим.

Тем временем заминированная стена Пузыря озарилась вспышкой. И не успела та погаснуть, как синтеты с пугающей, неестественной для живых шустростью ринулись в созданный пролом…

Я оторвался от экранов и осмотрел глаберов.

Напряжение, висевшее под нашим куполом, было плотнее дыма дайзу на безудержной молодёжной гулянке. Кто-то то и дело стрелял глазами на вход; кто-то провожал взглядом Шау, из наставника и помощника превратившегося в опасного надсмотрщика; но большинство продолжали атаковать, вкапываясь в массивы Песчаного Карпа с упорством оголодавших зверей.

Ч’айя по-прежнему помогала. Колотя в ячейки куда медленнее чу-ха, она всё же участвовала в процессе, то кивая неслышимым распоряжениям Зикро, то сама выкрикивала что-то невразумительное для меня. Каждый новый взрыв, визг или скрип Пузырей вдали заставляли девушку вздрагивать, но от работы она упорно не отвлекалась.

Глядя на них, я вдруг задумался, как бы этот чудесный уютный зал выглядел в эту же самую минуту, не предупреди меня

Симайна…

Хватит, Ланс! Сейчас важно лишь происходящее на экранах и надёжность верных башеров, если ублюдки прорвутся к центру операции!

Битва переместилась в недра Пузырей.

Коридоры, залы и даже крохотные комнатушки казоку-шин превратились в очаги сопротивления, упорно выматывающие бездушных синтетов и выводящие из строя одну кукуга за другой.

А те ломились вперёд.

Вот в укреплённый проход полетели две гранаты… но казоку-йодда успели выкатить в него пару «Вуалей» — хитроумных духовых стволов со сверхчувствительными сканерами, позволявшими отследить бросок даже самого крохотного предмета и ударной струёй воздуха отшвырнуть обратно.

Я видел, как обнажённая кукуга рассчитала отброс «Вуали», перехватила в прыжке и почти успела прижать цилиндр к животу. После взрыва от неё остались лишь нижние лапы и обрывок хвоста в луже синтетической слизи.

Вот ещё две рванулись в коридор, стараясь пробежать как можно дальше. Фанга защитников буквально изрешетили вчерашних онсэн, но те и не стремились прорваться — вогнав когти в обшивку стен, они на время стали полуживыми щитами для других. Прикрываясь их обмякающими тушами, последующая четвёрка девиантов опрокинула баррикаду обороны, и поредевший отряд двинулся дальше…

Отголоски перестрелки становились отчётливее, заставляя нервничать не только глаберов, но и меня. Можно было спорить на деньги, но совершенно все в зале операции «Вторая дверь открывается дуновением» предполагали, куда именно пробиваются атакующие, взламывая ворота или направленными взрывами открывая себе новые проходы.

Экраны показали, как снаружи — по пятам девиантов Ширикегареты, — в Пузыри вошёл многочисленный отряд криитов, слаженный, отлично экипированный для боя внутри помещений.

Изучая их броню, укороченные ассолтеры и гранаты на разгрузочных жилетах, я непроизвольно хмыкнул. Если бы фер вис Кри не заигрался в конспирацию и на обороне парка «Хари'н'ханси» прошлой ночью стоял не уличный сброд, а вот такие вот крысюки, «Добродетельные Садовники» наелись бы собственного говна…

— Эй, Энки? — я покривился, ощущая, как подёргивается губа. — Мне, просто случайно, не пора сгонять за ассолтером?

— Задумал словить шальную фанга? — безмятежно парировал Кри.

Если представлять чу-ха по интонациям, сейчас тот должен был утопать в удобном кресле и потягивать коктейль.

— Сиди на жопе ровно, Ланс. Твоей задачей будет прикрыть подругу, если ублюдки-таки прорвутся. Любой ценой, замечу…

— А они могут?!

Я постарался задать этот вопрос как можно тише, потому что любой услышавший мог с лёгкостью разгадать контекст.

— Терюнаши… — устало протянул Диктатион, — иногда ты просто невыносим…

Напряжение становилось ужасающим, и я даже начал завидовать глаберам. Увлечённые собственной схваткой, многие из них были с головой погружены в пучины Мицелиума, и это позволяло им хотя бы пока избегать тяжёлого дыхания подступающей бойни.

Я ещё раз подумал про сумку с ассолтером в комнате, которую выделили нам с Ч'айей… Прикинул расстояние и время на пробежку. Осознал, что понятия не имею о путях отхода, если те нам с девушкой понадобятся. Вспомнил, что именно Симайна сказала про меня двадцать с хвостиком минут назад, и задумчиво уставился в узкую спину Зикро. Которого, в случае победы девиантов, наверняка ждала расправа.

Напинать меня по сраке, с каждым новым выстрелом становилось всё яснее, почему Песчаный Карп решил использовать именно кукуга! В отличие от косых недотёп чу-ха, синтеты действительно били без промаха, способные с хирургической осторожностью выпилить целую толпу хвостатых помех, при этом не задев важных бледношкурых…

Байши!

Нужно отвлечься.

Иначе не избежать срыва…

Который закончится тем, что я рвану на баррикады отстреливать спятивших сестричек Симайны; рвану в самое пекло боя, где крииты методично перемалывали наседающих синтетов, теряя одного казоку-йодда за другим…

— Хадекин? — тихо позвал я, наблюдая за перестрелками на экранах и стараясь не коситься на выложенный башер.

— Говори, Ланс, я здесь.

— Если мы разбу… *когда* мы разбудим людей в «Корне»… что дальше? Как мы с Ч'айей сможем обучить их? Как сможем показать, чем вообще живёт Тиам?

Диктатион в моём заушнике добродушно усмехнулся.

— О, Ланс, мой нетерпеливый Ланс, ты опять бежишь впереди фаэтона… Это долгий и трудоёмкий процесс, пунчи, даже когда речь заходит о единичном экземпляре. Поверь, у нас

будет время подготовить встречу.

На дисплеях передо мной очередная четвёрка синтосексуалов прорвалась в транспортный ангар. Теряя конечности, подрывая себя в прыжках над бронещитами обороняющихся и без промаха выкашивая снайперов, они расчистили дорогу оставшимся.

Байши, да сколько их вообще осталось?! Я беглым взглядом пробежался по разделённым экранам в попытке составить цельную картину из массы разных ракурсов. Десяток? Полтора?

— Двадцать одни сутки уйдут на восстановление костной и мышечной масс, — продолжил фер вис Кри, понимающе отвлекая меня от ожидания потенциального кошмара, — и это несмотря на непрерывную искусственную стимуляцию в фазе *торпора*…

Я машинально поморщился:

— В фазе чего?

— Гибернационного оцепенения, — всё столь же терпеливо пояснил Диктатион. — Так тебе интересно или будешь перебивать?

— Прости, Энки, не хотел давить тебе хвост…

— Тогда же будет активирована фаза параллельного восстановления клеток, — почти в ритме «низкого писка» продолжил джинкина-там, — и извлечение криопротекторов… А ещё, Ланс, не забывай о погрешности. Вынужден огорчить, но пробуждение твоих спящих товарищей не будет стопроцентным.

Я сел ещё ровнее, хотя и до этого застыл на кресле, словно проглотил посох Ункац-Арана:

— Хочешь сказать, с разбуженными до меня и Ч’айи случались… неудачи?

Диктатион вздохнул. Неприятно так вздохнул, протяжно.

— Увы, Ланс, — признал он, подмешав в интонации лёгкую горечь, — неудачи, конечно, были. Поверь, вывод из консервации — деликатный и очень напряжённый процесс, за успех которого не ручались даже его создатели…

Шикарно. Очередная отличная новость. Будто сейчас и без того маловато дурных вестей… Но уточнить или развить опасения Хадекин мне не позволил.

— У стаи получилось, — совершенно обыденно сообщил он. — Зикро и его бригада только что проникла в зигомикоту Данава фер Шири-Кегареты. На этом моменте я оставлю тебя, пунчи, пришло время основательно и не отвлекаясь покопаться в грязном бельё…

И он пропал, не позволив даже осознать.

Я поднял глаза в зал, где глаберы один за другим переставали колотить когтями в клавиатоны.

От своего стола отодвинулась самка в стильном и весьма

дорогом чёрном плаще. Её примеру последовал мускулистый шрамированный самец в цветастом берете, которого на улицах Бонжура я бы мог ошибочно принять за бойца-Отчаянного из «Загона». Затем коренастый пасюк средних лет с механической лапой до левого плеча. Четвёртый «землекоп». Ещё двое.

Следующим, хрустя шеей, в полный рост поднялся Зикро.

Виниябы Шау застыл в комичной позе, напряжённо прислушиваясь к заушнику и внимательно изучая притихших глаберов, один за другим вставáвших из кресел.

Через минуту все они нависли над рабочими местами, глядя на пёстрые экраны со смесью недоверия и ликования. Ч'айя тоже выбралась из-за консоли, покрутила шеей и устало сорвала напёрстки.

— Мы справились, — негромко произнёс Зикро. — Мы проникли…

Он не обращался ни к кому конкретно, а шум совсем уже близкого сражения, казалось, его вообще не волновал.

— Он действительно не всесилен… — добавил он ещё тише, буквально себе под нос, не понятый никем, кроме меня. И затем в полный голос, победно и визгливо, на весь зал и скаля резцы: — Мы прорвались!

praeteritum

В не самый замечательный День, Когда Старики Безопасно Добрались Домой, мы снова встречаемся в «Серебряном клыке». Если говорить точнее — вечером. Если ещё точнее — почти ночью, заблаговременно зарезервировав стол в углу.

*Меня изрядно мотает, и гл **о** тка просит добротного глотк **а**. Дело очередного клиента близко к развязке, но я никак не могу настроиться на кульминационный разговор с его дочерью.*

Выдуманные вопросы кажутся пустыми и неправильными, опросная цепь никак не желает выстраиваться в надёжную конструкцию, а на окраине сознания без устали пульсирует совершенно неуместная мысль: «обязательно спроси её, причинял ли хоть когда-то отец или его братья ей боль?». Мысль зудит и чешется, намекая, что в случае утвердительного ответа я не посмею взять положенных денег.

На входе в «Клык» меня пытается вызвать Амма, но я прихлопываю «болтушку». Байши, голос названной сестры сейчас точно не поможет принять решение, только усугубит…

*Внутри привычно шумно (в меру), светло (чуть меньше меры), воняет чу-ха (снова в меру) и пролитым элем (совсем уж без меры). Мне кивают, показывают скрещённые пальцы, я эмоционально зерк **а** лю. Незнакомые самцы недоверчиво хмурятся, приобнажая резцы, и я снова зеркалю.*

Расстегнув пальто, чтобы виднелись двуцветный жилет и рукоять «Молота», пробираюсь в привычный закуток, где уже засели старики. Мы совсем не приветствуем друг друга, как будто простились час назад, но Подмастерье Ганкона интересуется ожидаемым:

— Знаешь, почему у меня нет пальцев?

Я знаю. Причём уже весьма немало версий, но ни разу не пытался угадать, какая верна. А тот ни разу не повторился. Послушно мотаю головой, подтягиваю стул и усаживаюсь спиной к углу.

— Несколько лет назад крохотный служка принёс в храм курильницу для травяного угля, — говорит стайщик. Снимает чистую тряпицу с поджидающей меня третьей пиалы, и деловито наливает. — Сказал, что нашёл на свалке, но не смог пройти мимо. Он показал курильницу мне, у неё оказалась подломлена железная лапка. Вид мелкого соплежуя и его переживания, что такой важный в нашем деле предмет может быть сломан и безжалостно выброшен… в общем, я пообещал ему, что починю.

Ганкона вздыхает. По выражению щекастой морды Пикири я

пытаюсь угадать, слышал ли сааду эту версию, или же пунчи верен таланту сочинителя.

*— Я отнёс курильницу в небольшую мастерскую при храме, — продолжает тот. — И вместо того, чтобы отдать работнику, решил всё сделать сам. Неспешно, с крохотным кувшинчиком выдержанной паймы, мыслями о доброте Двоепервой Стаи и в молчаливых молитвах о будущем служки. Отломал лапку, зачистил, почти приготовился прихватить на горячую… Но пока доводил деталь на шлифовальном станке и убирал лишнее, ублюдочные посланцы Бансури отвлекли смиренного раба Стаи, а *бучий пескорез познакомился со вкусом его крови…*

Он снова вздыхает, словно сожалея, что так и не смог починить курильницу.

Я понимающе хмыкаю. Осматриваюсь, пересчитываю незнакомые морды. Сегодня цепников (вот же повадились!) не заметно, и это хорошо — от вида неизменно мрачных, обмотанных цепями и замочками храмовников мне каждый раз не по себе.

Думаю о работе и пытаюсь не думать о ней. Думаю о тающих в кармане рупиях и здоровенной гире стыда, не позволяющей мне снова просить у Нискирича. Позволяю пайме тёплым ручьём скользнуть в живот, и облегчённо откидываюсь на спинку.

Выдержав положенную паузу, спрашиваю старика, задумчиво рассматривающего шрамы на лапе:

— И что же верный раб Двоепервой Стаи вынес из этой истории?

Тот отвечает быстро и назидательно:

— Мысль проста, Ланс: даже когда дело касается тонких материй, всегда соблюдай технику безопасности.

Потираю щетинистую щёку:

— Двоепервая Стая была добра к тебе, Подмастерье. Пескорезом можно с лёгкостью отхватить и целую лапу…

— Ого, терюнаши, да ты мудреешь с каждым днём!

— Потому что у меня отличные учителя!

И мы смеёмся, все трое, как уже привыкли.

Берём тушёную свинину в кислом соусе с сухими лепёшками, здоровенную миску копчёных ушей и маринованную рыбу. Бутылку. По кружке эля. Кухня «Клыка» работает до рассвета, и потому буквально через час я ощущаю, как гнёт незавершённого заказа постепенно оставляет.

Завтра, всё завтра! Отдохнув, со свежей (почти) головой я приму решение, и закрою дело. А сегодня в поле моего зрения остаются лишь Подмастерье Ганкона и сааду Пикири, не забывающие обстреливать меня абзацными выдержками из Свитка

и Лучезарных Скрижалей.

В перерывах между перебранками стариков мы обсуждаем новости минувшей недели. Я обтекаемо делюсь историей про нового клиента, но без деталей, хотя каждый из сидящих за столом чу-ха мог бы дать ценный совет. Старики рассказывают о недавних службах, жадности приходящих в храмы и бытовых хлопотах, коим несть числа: починке протекающих крыш, ремонте ступеней, замене лепнины или покраске тумб для стационарных кхоров во дворе.

Затем мы говорим о характере Настоящего Самца, покорителя сердец и хозяине собственной жизни, как его понимает современная молодёжь. О штормболе. Падающем качестве эля. Возможности или недопустимости изменять жёнам. Безразличии тетронов. Свободе выбора. Реинкарнации и блаженной жизни за порогом погребальной печи. О распутности самок вистар и приятном снижении цен на услуги уютных домов. О предназначении…

Тут-то я и срываюсь.

Заказываю очередную бутылку, разливаю, поднимаю пайму в уважительном жесте, и задаю вопрос, хотя до усрачки боюсь услышать ответ.

— Послушайте, пунчи… — говорю я, когда мы прикасаемся пальцами к пиалам друг друга, выпиваем и дружно цокаем языками. — Давно хочу спросить каждого из вас, да вот только духу не набираюсь…

Они смотрят внимательно, чуть пьяно — один поверх очков, второй подвернувшись так, чтобы не мешало бельмо.

— Могу ли я быть избранником? — наконец выпаливаю я, пряча взгляд в миске с остатками копчёных ушей. — Избранником божества или иной высшей силы, чего-то сильного и незримого? — Добавляю торопливо, пока не пошёл на попятную: — Я очевидно не похож ни на одного из вас… Это признали смирпы, это признала улица и моя новая семья… Скажите, мудрецы, могло ли быть так, чтобы в этот мир меня направили силы вроде Двоепервой Стаи или Когане Но? Может ли стоять за моим… включением в пустыне нечто большее, чем мутация зародыша кочевницы и годы забытых скитаний?

Старики переглядываются, вздыхают, причмокивают.

Затем Ганкона стучит кончиком веера по заляпанному жиром столу, и мелко кивает.

— Ох, пунчи, — говорит он, и я понимаю, что хорошего можно не ждать, — не хочу тебя расстраивать, но ты явлен в Тиам явно не для его спасения.

Кивает снова, уже более уверенно, а затем по-дружески

кладёт на плечо длинную жилистую лапу.

— И если уж говорить откровенно, лично я считаю, что это твоё наказание. Ты проклятое дитя, терюнаши, и был таким всегда. Смирись, и с честью неси это бремя. Ты прекрасно знаешь, что мы с собратом-сааду почитаем любое живое существо, хоть самку, хоть червя… но ты, Ланс, скорее всего демон. Проклятая душа, пришедшая пожрать наших детёнышей. Что уж поделать…

У меня перехватывает глотку. Выпитая пайма едва ли не впервые после знакомства с этим интересным напитком просится наружу. Сдерживаю позыв, но, вероятно, на лице всё уже отразилось.

— О, Ланс, пунчи Ланс! — восклицает Пикири, опуская пухлую лапу на моё второе плечо. — Не вздумай слушать этого старого дуралея! Яри-яри, ну надо же такое высрать, уважаемый Ганкона! Демон, бремя, пожирание детёнышей! Чушь, мой мальчик, всё это натуральная чушь!

Он с усилием притягивает, будто хочет вырвать из объятий стайщика, лишить произнесённые им слова силы, избавить меня от удара. Сквозь пальто я ощущаю твёрдость когтей.

— Он пьян, как сверчок, Ланс! Поверь, ты не проклят, только если сам так не посчитаешь. Но, безусловно, также будет ошибкой самостоятельно полагать, что ты благословлён или родился для спасения тех, кто об этом не просит. Ланс, терюнаши, наш добрый пунчи! Я скажу так: просто пройди свой путь, мой мальчик, и сделай это так, чтобы на последнем вздохе не было стыдно!

Ганкона скалится и шипит, но на своей точке зрения не настаивает. Пикири ещё долго треплет меня за плечо, не давая высвободится или возразить. Я жалею, что вообще открыл пасть. Сгораю от стыда и перевариваю услышанное. Растворяюсь в пайме и неизбежности похмелья…

Мы меняем тему, обсуждая новое манга-шоу и вдруг ставшую популярной группу «Восьмой цвет радуги». Затем — умение правильно вымочить в тёмном эле и зажарить рульку. Недопустимость конфликтов между низкоранговыми стайщиками и последователями Благодетельной. И высокоранговыми тоже. Допиваем и выходим из «Клыка».

Многословно прощаемся. Выслушиваю напутствия и мудрёные наставления.

Обещаю беречь себя, беру такие же обещания от обоих.

Подмастерье Пастухов Ганкона обещает помолиться о моей грязной душе и в очередной раз попросить Стаю о снисхождении. Сааду Пикири тоже обещает помолиться обо мне. Но не лично, а в том числе, потому что молитвы Когане Но обычно охватывают всех живых существ Тиама.

А затем они уходят вниз по улице к ближайшей станции сквозного транзита, пошатываясь, чуть ли не в обнимку, сытые и определённо довольные посиделками.

Не знаю, почему, но этой ночью решаюсь за ними проследить.

Просто так, ни с того, ни с сего. Потому что я — Дитя Бонжура, и охраняю мир на его территории. Даже если меня об этом не просят.

Иду за парочкой на вежливо-безопасном удалении, наслаждаясь прохладой и почти пустыми улицами района. Увязавшегося за Ганконой и Пикири тощего гадёныша, естественно, замечаю почти сразу. А затем и ещё одного.

Чу-ха, вынырнувшие из подворотни, определённо «напёрсточники», это заметно по неопрятной одежде, жестам и даже походке, а у одного от скрежеталки основательно подгнили уши. Вклинившись между мной и стариками, они перешёптываются и чуть ускоряют шаг. Собственного хвоста, к счастью, не замечают.

Пристраиваюсь быстро, но аккуратно, предусмотрительно огибая пятаки под фонарями и размазанные по тротуарам отсветы рекламных щитов. Скольжу в полумраке, огибая свет.

Моя парочка сворачивает в переулок срезать коротким путём.

Чужая парочка сворачивает за ними.

Я тоже ускоряюсь, расстёгиваю пальто.

Случившееся едва ли можно назвать совпадением. Разумеется, на сааду и стайщиков обычно не нападают. Однако в Юдайна-Сити также запрещено жрать коров, но кое-кто подчас пренебрегает запретами, сисадда? А рупии в карманах служителей любой веры водятся почти всегда, и это для помутившегося мозгами любителя геромета работает мощнейшим магнитом…

Переулок удивительно пуст: ни дервишей в хлипких лачугах, ни заблудившихся полуночных пьяниц, ни переплетённых в скоротечном экстазе хвостов. Когда в лапе одного из «напёрсточников» просверкивает сталью ножа, я вынимаю башер и перехожу на лёгкий бег.

Я могу просто спугнуть их, едва ли отважных и готовых к настоящей драке. Могу запугать жилетом «Детей заполночи» в открытом разговоре. Но сегодня мне не до увещеваний, оставлю это дневной работе по решению деликатных вопросов… и пусть жестокая Двоепервая Стая, если возжелает, накажет возгордившегося терюнаши за бесцеремонное распоряжение чужими судьбами!

Стреляю издали. Чу-ха бы с такой дистанции точно промазал, даже трезвый. А может, даже зацепил бы идущих дальше по линии боя пожилых пьянчуг. Но ближе подбираться нельзя, тогда

ублюдки заметят, поднимут шум, привлекут внимание стариков, а волновать собутыльников в мои планы не входит. А ещё — я не чу-ха.

Первая пристрелочная проходит мимо. Вторая фанга через миг клюёт левого наркомана — гнилоухого, скрюченного, — почти в затылок. Тот спотыкается, издаёт короткий сдавленный фырк, роняет нож и падает мордой вперёд.

Второй даже не успевает сообразить, что стряслось. Замирает, ошалело уставившись на лежащего приятеля с красной дыркой у основания черепа. Начинает поворачиваться, и «Молот» прошивает аккуратное отверстие в его вшивом виске.

Три секунды, три выстрела, шелест опадающих тел.

В переулке снова наступает тишина.

Пикири и Ганкона продолжают неторопливое шествие, придерживая друг друга под локти, нескладно распевая заунывный храмовный гимн, и так и не осознав, что случилось за их спинами.

Перешагиваю трупы, от которых воняет так, словно они пролежали тут уже месяц. Бросаю внимательные взгляды на фасады надвинувшихся комплеблоков, на тёмные окна и пустые балконы.

Всё тихо, всё спокойно. Улица получила новую пищу, а гигантское гнездо не заметило потерю парочки неудачливых обитателей.

Снова разорвав дистанцию до предельной, ещё пять минут провожаю стариков до станции транзита. Убеждаюсь, что оба благополучно спустились под землю, отступаю в тень, перезаряжаю башер, и, слегка пошатываясь, направляюсь в «Кусок угля».

Глава 14
ТЫ ЧТО, РАССТРОЕН?

Пузырь взорвался в вихре такого визга, пощелкиваний, рычания и воплей, что заложило уши и начисто перекрыло грохот пальбы в считанных метрах за стеной. Глаберы скакали, будто детёныши, а господин Шау рассматривал их с видом довольного и очень гордого папашки. Ухватил себя за веко, вывернул, мазнул кончиком пальца.

— Отличная работа, господин Зикро! — произнёс он и приложил сомкнутые ладони ко лбу, словно бы одна из этих лап совсем недавно вовсе не сжимала башер. — Вы все отлично постарались, новые мицели-йодда «Диктата», и ваши старания будут многократно вознаграждены! Работу завершат штатные глаберы казоку, а вы можете…

Ещё секунду назад мне казалось, что громче вопить нельзя. Но стая взвилась в новом, ещё более оглушительном ликовании. Наверное, такое же сейчас происходило на трибунах «Абиман Арены», где гремели финальные битвы штормбольного состязания.

Ч'айя улыбнулась мне, кивнула и… вдруг подмигнула.

Не дав опомниться, лёгкой походкой уплыла к автоматам с закусками и включила вариться порцию чинги. Словно это послужило сигналом, туда же рванули все двадцать семь «голых землекопов», уже через мгновение жадно пичкая себя чингой, «Камуяпи» и питательными батончиками.

Я с улыбкой наблюдал. Ну, то есть в надежде, что с улыбкой — на самом деле не уверен, на что была похожа эта измученная гримаса. Подмечал красные глаза, обвисшие усы, пятна пота на спинах и общую опустошённость жестов. Пока кто-то пил пайму и пялился на сражение, для кого-то в этом куполе миновала целая вечность.

Байши! Пришло время вздрогнуть и вспомнить о штурме…

…Чтобы тут же осознать, что пальба за пределами зала стихла.

Разом, словно во время гвалта глаберов кто-то выключил звуки боя.

Глянув на экраны, я обнаружил, что кукуга больше не атакуют. Их осталось меньше десятка, израненных, едва исправных, но вполне боеспособных и скрутивших хвосты как минимум сотне криитов.

Словно впавшие в транс, бывшие онсэн со всего гнезда

застыли на местах… а затем разом рухнули мордами вниз. Готов клясться, уже через минуту за их неподвижными тушками прискачет целый рой манджафоко казоку.

Всемилосердная Когане Но! Если бы глаберы только знали, до чего близко синтосексуалы подобрались к нашему куполу, наверняка забились бы в панике, которую не остановить крохотным башером Виниябы Шау…

Я глубоко вздохнул и вдруг заметил, что пальцы нервно поигрывают со шнурками галстука. Спрятал «Молот» в кобуру. Выключил экраны и встал, тоже разминая шею. Попытался вспомнить, когда в последний раз принимал добротный, без спешки душ. Совсем недавно вроде, однако из-под пальто пахло чем-то… в общем, я встречал подворотни за рюмочными, откуда несло многим свеж **е** е.

А в следующее мгновение я обмер. Застыл на месте, не веря ушам. И даже отвернулся, чтобы кареглазая подруга или Шау случайно не увидели вытянувшегося лица. Потому что гаппи щёлкнул, снова открывая входящую линию, а фер вис Кри на ней произнёс отчётливо и строго:

— Ланс, внимание! Я хочу, чтобы ты приказал Зикро немедленно обнулить все кинжальные протоколы.

— Вийо?!

Видимо, я переспросил слишком громко, потому что в сторону бездельника-терюнаши обернулись почти все. Торопливо жующие, буквально давящиеся бесплатными закусками и проливающие напитки на подбородки, усы и одежду, они смотрели на меня со смесью интереса и брезгливости, будто недоумевая от присутствия в зале откровенного чужака. Зикро жевал за троих, косясь в мою сторону с упрёком (за которым всё же крылась благодарность).

— Вийо, пунчи?! — чуть тише повторил я, отходя к дальней стене.

— Я отменяю операцию, Ланс, — с нажимом повторил Диктатион. — Немедленно! И хочу, чтобы приказ об этом отдал ты. Прямо сейчас!

У меня отвисла челюсть, а рука почти потянулась к карману с флягой.

— Ты, байши, шутишь, да?!

— Никаких шуток! — тут же огрызнулся Энки. — Ситуация стала излишне опасной. Глобальная перегрузка оказалась способна опустошить наши с Господином Киликили системы, и это… последствия будут чудовищными.

Большим пальцем я покрутил колечко сестры, одновременно тыльной стороной ладони потирая лоб. Незаметно оглянулся

на Когтя Шау, с отцовской улыбкой наблюдающего за пиршественным беснованием ударной стаи. Снова взглянул на тёмные экраны, на которых память услужливо рисовала силуэты отключившихся кукуга.

— Отменяй операцию, Ланс! — с нажимом повторил Хадекин фер вис Кри в моём заушнике. — Немедленно. Или случится беда…

Оказалось, всё это время Ч'айя следила за мной. Ослепительная, будто бы угодившая в ярчайший луч прожектора. Причём наблюдала с загадочной улыбкой, которую сходу я прочитать не сумел.

И если в другой момент заинтригованный Ланс Скичира ответил бы как минимум такой же улыбкой, то сейчас… сейчас виртуа-Лансы в его голове вдруг устроили экстренное, крайне заговорщицкое совещание. И его тональность лично мне была совсем не по нраву.

Как и принятое решение, противиться которому не удалось…

— Если я остановлюсь, — нараспев произнёс я, почти скатившись в «низкий писк» и не отрывая взгляда от девушки, — то посрамлю память предков-воинов, господин фер вис Кри. И этот позор будет не смыть.

Диктатион издал звук, одновременно похожий на вздох облегчения и гнева.

— Ланс фер Скичира, — сказал он, знакомо играя голосом, — в нашем отступлении не будет позора. Настоящий воин должен уметь остановиться, оценить поле брани взглядом хищной птицы, и лишь потом нанести самый сильный и точный удар. А теперь отдай приказ остановить кинжальные…

— Хорошая попытка! — обрывая его умелым нажимом, я даже улыбнулся. — Нет, правда, очень тонко и неожиданно…

— Ланс, я не понимаю…

— Всё ты понимаешь, гнида, — подмигнув Ч'айе, я оскалился ещё шире, и теперь заговорил почти шёпотом, жарким и крайне злым: — Потому что никак не мог предположить, что настоящий фер вис Кри возьмёт, да и расскажет глупенькому Лансу о его истинном, и отнюдь не героическом происхождении.

Голос в моём заушнике замолчал, и на этот раз надолго.

До того надолго, что Ч'айя успела поставить передо мной дымящуюся кружку крепкой чинги, потрепать по локтю и вернуться к всё ещё празднующим глаберам. Хлопая друг друга по плечам, те не стеснялись щедро нахваливать напарников, на деле выводя разговор так, чтобы превознести собственные заслуги — чтобы осознать это, мне даже не нужно было знать пугающую терминологию виртуальных бандитов…

В общем, голос в заушнике ответил только через минуту, проведённую в самом напряжённом ожидании.

— Да, Ланс, — наконец сказал он. Теперь, кстати, звуча совсем не как Диктатион. — Ты всё-таки и вправду умнее, чем кажешься окружающим…

— Похоже, одному радостному Карпику удалось вырвать себе стержневое присутствие? — хмыкнул я, осторожно прихлёбывая из кружки. — Несколько запоздало, сисадда?

Господин Киликили (он же Данав фер Шири-Кегарета, он же Абзу и вторая сущность хозяина окружавшей меня крепости) вздохнул с неподдельной горечью.

— Поверь, терюнаши, мне было неприятно отнимать его силой. За века нашего существования до этого не доходило ни разу. Ощущаешь свою причастность к поистине историческим событиям?

— Лучусь от гордости, сученька. Кстати, ход с вооружёнными синтетами произвёл впечатление. Ярко, внушительно, бесполезно. Мне понравилось. А теперь не мог бы ты сдохнуть и навсегда отдать бразды правления своему более адекватному братцу?

— Адекватному?!

Песчаный Карп тихо рассмеялся, снова напомнив мне надменного, сытого и одарённого непомерной властью самца в башне «Слюдяного моста».

— Это ты сейчас говоришь о том, кто способен запросто уничтожить всех тебе подобных? Ох, Ланс-Ланс… — И вдруг Песчаный Карп стал очень серьёзен: — Послушай, я не шучу. Отмени операцию. Атакующие меня глаберы защищены от внешнего воздействия, пока сидят в проклятых Пузырях, потому ты — последняя надежда. Не делай глупостей, ещё есть шансы остановить беду.

— О, конечно.

— Да, конечно. Глупец, я говорю о беде, способной навредить всему твоему виду!

— О, коне-ечно!

— Хватит, Ланс! Пока не поздно, пока ещё не всё потеряно…

— Скрутил бы ты хвостик, пунчи… — бросил я, и принудительно перезагрузил гаппи.

Сделал ещё один глоток чинги, крепкой и весьма добротной, с удовольствием причмокнул. Обернулся к Шау проверить, не услышал ли лишнего, не заподозрил ли, не насторожился?

При всём благодушии модного толстяка, тот наверняка до сих пор подозревал, что с безграничным доверием Диктатиона залётному терюнаши что-то не чисто, и наверняка контролировал

каждый вздох.

Но обжора не слышал разговора с Шири-Кегаретой. Шагнув на свободное от столов и комбайнов пространство, он похлопал в ладоши, привлёк всеобщее внимание и важно сцепил пальцы на груди.

— Я говорю от имени Диктатиона, да будет Благодетельная Когане Но вечно милосердна к его душе! — визгливо огласил Пятый Коготь на весь зал, вынудив торжествующих мигом притихнуть, прижать уши и даже отложить дармовую жрачку. — Господин фер вис Кри почувствовал лёгкое недомогание, и больше не наблюдает за ходом операции «Вторая дверь открывается дуновением». Теперь эта задача поручена мне…

На этом моменте он выразительно покосился на меня, и во взгляде снова читалось *«сисадда, Ланс?»*. Я послушно кивнул — это твой праздник, братишка, развлекайся!

— В настоящее время происходит оперативное извлечение нужной информации, что может окончательно свидетельствовать о нашей победе. — Винияби легко поклонился полукругу глаберов, растянувшемуся перед ним у пищевых конструкторов. — Воители, «Диктат Колберга» ещё раз приносит вам всем искреннюю благодарность…

У меня стало очень тяжело на душе. Неспокойно так. Гаденько. Да что там? Я видел издырявленных десятком фанга боевиков, которые ощущали себя менее гаденько, чем я сейчас. Не помогала даже привычная рваная музыка, которую я постарался насильно воспроизвести в голове.

Мы справились?

Да, мы справились… сторона выбрана, удар нанесён.

Да вот только… могло случиться так, что сущность, именующая себя Диктатионом Кри, обманула глупенького Бледношкурого? Что использовала его, дурила голову, пускала в глаза пыль? Что, если настоящим злодеем представления был вовсе не Песчаный Карп?!

Это значило только одно — Ланс фер Скичира совершил самую страшную ошибку в своей жизни…

Винияби Шау поклоном закончил поздравительную речь, и теперь сосредоточенно прислушивался к отчётам в заушнике. Прогулявшись до ближайшей активной консоли, я уставился на слоящиеся образы и таблицы. Они смешивались, наскакивали, пестрили нарастающими фракталами и визуализировались в модель чего-то плотоядного, проникающего туда, куда не положено.

Байши… мельтешение информации сообщало мне примерно столько же, сколько мог поведать камень. Каким образом Ч’айя

вообще в этом разбиралась? Я снова осознал лёгкий укол зависти…

— Гад играет всё грязнее, — сказал фер вис Кри в моей перезагрузившейся «болтушке». Я вздрогнул, чуть не выронив чингу, и плеснув-таки на штанину. — До этого дня мы никогда не перехватывали стержневое присутствие силой. Но всё бывает впервые. Однако я смог вернуть контроль.

— Мои поздравления, — негромко произнёс я, пряча губы за краем кружки.

— Это я должен поздравлять, Ланс. Нас всех. Кстати, твой личный глабер оказался на удивление талантлив, в будущем я присмотрю за крысенышем.

— Значит, мы всё же выкрали секрет? — Тон ниже, поворот на пятках, привычные десять шагов к знакомой стене. Спросить осторожно, чтобы не спугнуть: — И что там?

— Координаты «Корня», — как ни в чём не бывало ответил Энки. Неужели даже с оттенками задора? — Теперь можно приступать к финальной фазе.

Мои губы изогнулись.

Как бы я поступил на его месте? Пожалуй, так же. Двойной удар в одну и ту же точку. Будет тонко — порвётся. А нет, так что он теряет?

— И чего же ты хочешь от меня на этот раз?

Заушник притих, причём мне показалось, недоумённо. Фер вис Кри (или тот, кто снова примерил его личину) ничего не сказал, но я почти физически ощутил растерянность в наступившем молчании.

— Чуть ли не впервые в жизни я затрудняюсь дать объективную оценку твоему вопросу, Ланс, — наконец пробормотал он.

— Если извлечение уже не остановить, чего ты попросишь теперь? — я невесело усмехнулся. — Взорвать центр управления «Ростком»? Выкрасть данные повторно? Может быть, физически грохнуть столетнюю марионетку под стеклянным колпаком?

— О! — только и сказал голос в моей голове. Хмыкнул. Ещё раз. — Теперь я понял. Интересная попытка. Он настаивал на отмене операции?

Однако я не позволил развить мысль, выпалив с откровенным нажимом:

— Насколько были славны мои предки?!

Если бы собеседник был живым, сейчас он наверняка бы смиренно сложил ладони и прижал уши.

— В какой оценочной системе ты желал бы услышать ответ? Всё познаётся в сравнении, Ланс. А для возрождения цивилизации

важны многие профессии, психотипы и склонности. Даже такие… незначительные, как твои.

Байши. До чего же обидно это прозвучало.

При этом… кажется, сейчас со мной действительно разговаривал Диктатион. И всё же… в конце концов, сколько семейных измен было вскрыто простым *«ты ничего не хочешь мне рассказать?»*.

После внезапной мимикрии Песчаного Карпа я был просто обязан задать ещё один контрольный вопрос. Если «Диктатион» подтвердит мои слова, если станет сейчас переваливать вину на братца… значит, это всё ещё Шири-Кегарета в облике Хадекина, и так он попытается избежать повторного разоблачения.

— Знаешь, Энки, а ведь Абзу успел поведать мне кое-что ещё… — произнёс я, медленно оборачиваясь к предполагаемым камерам наблюдения за залом. — Он вдруг сознался, что на самом деле вырвал меня из спячки и бросил умирать в пустыне, сисадда?

Голос в заушнике снова хмыкнул. И ещё разок.

— Ты шутишь, Ланс?

— Тебя что-то смущает?

— Не могу представить, зачем приписывать себе мои действия. Способные, к тому же, настроить тебя *против* в не совсем подходящий момент…

У меня отвисла челюсть.

Во-первых, потому что на другом конце соединения сейчас, судя по всему, на самом деле находился Энки-Хадекин. Во-вторых, потому что этим утром перед «Куском угля» ублюдочный Песчаный Карп не просто валял своего двойника в грязи наветов, но сказал о моём пробуждении натуральную правду. И, с высокой долей вероятности, о последующем спасении бледной шкуры — тоже…

И в-третьих, потому что я вдруг задумался, почему это при окончательной доказанности дерьмового факта до сих пор не стою по другую сторону баррикады, среди отключившихся боевых синтосексуалов?

Прочистил горло:

— Сука… ещё ночью ты убеждал, что меня разбудил именно Песчаный Карп…

Ответ не порадовал.

— Я обманул.

— Зачем?

— Чтобы заручиться неоспоримым доверием, конечно. С твоим-то психопрофилем и склонностью к необдуманным действиям?! Ланс, прошу, поставь себя на моё место…

Наверное, я пробормотал что-то обидное. Может быть, даже совсем обидное, связанное с грубым надругательством над задницей Хадекина фер вис Кри, потому что заушник замолчал на бесконечную минуту. Однако раздувать ссору джи-там не стал. И даже не попрекнул очередным нарушением субординации.

Спросил осторожно, почти вкрадчиво:

— Ланс, ты на связи?

— О, да, гадёныш, я тут…

— Пытаешься понять, зачем я выдернул тебя из спячки, чтобы затем бросить? — Хадекин вздохнул с начинавшей раздражать тоской. — Почему не помог выжить, предоставив эту честь Ширу-Кегарете?

Что тут скажешь? Да, пожалуй.

Хотя нет, не совсем так: *да, байши, я напряжённо размышляю, какого *уя ты разбудил меня, затем бросил подыхать в пустыне, а Песчаный Карп действительно спас мою бесхвостую жопу, а теперь мы дерёмся с ним, убиваем его казоку-йодда, крушим спятивших кукуга, ломаем виртуальные мозги и пересыпаем в карманы ворованные данные*?!

Но ничего этого *я*, конечно же, не сказал.

Улыбнулся. Отпил чинги. Осторожно поставил пустую кружку на ближайший стол.

— Нужно было обсудить это раньше, Ланс, — примирительно продолжил Диктатион в моей голове. — Ведь если разобраться досконально, дружище, то ни я, ни он тебе ничуть не враги.

— Однако же всё время выходит немножко иначе… — Я почувствовал, что против воли кривлю губы, и порадовался, что Ч'айя пирует с остальными, не видя моего судорожного оскала. — Зачем ты обманывал?

— Технически это был не обман, Ланс. Мы — единое сознание с определёнными условностями бытия, понимаешь? Но в тот момент времени я не имел права допустить, чтобы ты принял ту сторону нашей сущности, которая называет себя Князем-Из-Грязи. Приношу свои искренние извин…

— В срандель себе забей эти извинения, — устало выплюнул я. — Ах, точно, сука, у тебя же нет сранделя…

— Понимаю, насколько ты оскорблён моей… уловкой, — вздохнул Хадекин фер вис Кри, и я не без удивления услышал в его голосе нотки подражания «низкому писку». — Но она была важна, чтобы не выпустить тебя в сферу принятия ошибочных решений. К тому же без каких-либо перспектив твоего дальнейшего существования в Тиаме.

— Что ты вообще несёшь, мудила?!

Я стиснул кулаки, с трудом удерживаясь, чтобы не

разгромить одну-две консоли на рабочих столах. Сейчас они казались почти орудиями преступления. Как и я сам…

— Попробуй мыслить шире, Ланс, — терпеливо продолжил джинкина-там (словно бы с пониманием покивал, гадёныш). — Поверь, нас и правда создали спасти и возродить мир людей, когда последствия катастрофы позволят…

— Яри-яри! — зло прошипел я, и судорожно вцепился в спинку ближайшего кресла. — Так значит, ты и твой ублюдочный близнец мне всё-таки не враги, а слуги?!

— Вообще-то, можно сказать и так.

Ледяной тон Хадекина выбешивал так, что у меня заломило в затылке.

— Однако полезно будет знать, что наш статус не означает, что ты способен отдавать прямые приказы. Я-он-мы *обязаны* возродить человеческую цивилизацию, Ланс. Или то, что от неё осталось. При этом я-он-мы лишены бремени руководствоваться (или даже учитывать) морально-этическими составляющими. Не берём в расчёт оценки общей вредоносности человечества для изнасилованной планеты, которую сейчас называют Тиам… А ещё я-он-мы совершенно не ограничены временными рамками. Ты вообще осознаёшь, сколь важными вещами я с тобой делюсь?

— Осознаю… — хрипло соврал я.

Хотелось запереться в норе на сто засовов и орать в своё отражение, пока не треснут зеркала. Хотелось выть и бежать, пока лёгкие не переполнятся кипящим свинцом. Хотелось стрелять из башера в воздух, раз за разом, затем перезарядить кассету и снова стрелять. Хотелось напиться. И уснуть. На сутки. Или даже на неделю. Да что там?! Предложи мне прямо сейчас, я бы на полном серьёзе психанул вернуться в хранилища таинственного «Корня» и ещё на пару веков придавить подушку!

Хадекин наверняка считывал мои реакции через камеры зала. Пульс через гаппи. Интенсивность дыхания через анализаторы воздуха Пузырей. Потому что среагировал мгновенно и мягко:

— Ланс, послушай… Если отныне ты мне не доверяешь… если не хочешь доверяться впредь, то всегда можешь выйти за эту дверь. Никто не удержит, никто не скажет лишнего слова. Но поступи так, только если считаешь, что возрождение твоих сородичей способно подождать ещё три-четыре сотни лет.

У меня дёрнулось веко. Желание прохрапеть ещё пару столетий мгновенно испарилось, как и жадные мысли о полной бутылке паймы. Я оглянулся на Ч'айю и в который раз осознал, что во всём огромном Тиаме из нашего вида бодрствуем лишь мы вдвоём…

Сердце сжало ледяными когтями.

— А что, если я смогу переубедить твоего братца Абзу в обратном? Смогу убедить довести дело до конца прямо сейчас, не выжидая? Тогда вы сможете перестать грызть друг другу хвосты, используя меня, будто игральную фишку?

— Прости, Ланс, ты не сможешь, — Энки вздохнул, на этот раз даже не раздражающе. — Именно потому мы и не способны достигнуть компромисса, сисадда? Его ядерный хар **а** ктерный узел непоколебимо убеждён, что для возрождения и выживания новой популяции людей в Тиаме должны наступить условия, близкие к безупречным. Которые, судя по всему, не наступят никогда… во всяком случае, на вашем с Ч'айей веку. Я же считаю совершенно иначе. Таким образом, в патовой ситуации последнее слово должен сказать человек. Условно первый. Разумеется, не отторгнутый Тиамом…

Пожалуй, я всё же погорячился в недавнем сравнении джинкина-там с примитивным побудочным устройством. В конце концов, сложнейшую систему наверняка выстраивали не долбо*бы, и главнейшим звеном в ней всё-таки остался не бездушный опекун спокойного сна, а тот, кто способен взять ответственность. В частности, остановить или запустить процесс принудительно. С опорой на данные. Но ещё на опыт, волю, интуицию и, быть может, даже веру. Человек.

В нашем конкретном случае — Ланс фер Скичира. Как бы тому втайне ни хотелось, чтобы наркотические пророчества Пяти-Без-Трёх оставались лишь выдумками…

Меня прошибло дрожью, а спинка кресла под пальцами опасно захрустела.

— Господину Шири-Кегарете присуща, скажем так, гиперопека. Он слишком трясётся над сохранением вашего вида, чтобы привести его во враждебный, ядовитый и опустошённый бедами мир, — сказал Хадекин фер вис Кри, и картина вдруг представилась мне почти целостной.

— Но всё равно перехватил голенького Лансика в пустыне, не так ли? — прошептал я, и от горечи в словах стало гадко во рту. — И вроде как даже оберегал от Стиб-Уиирта до всей этой истории с Витриной Милашек, верно?

Диктатион снова вздохнул.

Я чуть не закричал. Как можно разговаривать с сущностью, по силе и изворотливости едва ли не равной Когане Но (*не веди дел с демоном, Скичира…* разве не так говорил Зикро?), и оставаться в здравом уме?!

— Вынужден чуточку расстроить… — сказал Энки, и, будь живым, обязательно похлопал бы по плечу. Пусть даже после этого я бы сломал ему лапу. — Предполагалось, что ты скрутишь

хвост. По всем нашим прогнозам. Твоё выживание, да ещё и столь солидный статус в бандитском клане — череда удачных совпадений. Прости, пунчи. Ты должен был погибнуть приблизительно 2 400 дней назад. А я, выждав ещё 87 000 часов — запросить у Абзу твоего последователя.

Розовая туманная плёнка застила глаза, и в какой-то момент мне подумалось, что сейчас словлю приступ. Изнемогая от ярости, усталости, безысходности и неверия, я прошептал так тихо, что едва расслышал сам:

— Но я не погиб…

— Верно, — признала снисходительная тварь в электронных системах Пузырей. — И именно поэтому я решил вернуться к протоколу «Ланс Скичира». А затем использовать для сопровождения и протекции более важного сцен…

— Ты двуличный борф!

— О, — невесело усмехнулся Хадекин Кри, — а вот этому качеству мы обязаны именно человеку…

Я выдохнул через сжатые зубы. Носом втянул стерильный, почти не наполненный запахами чу-ха воздух зала, в котором решилась судьба Шири-Кегареты и сотен спящих людей. Почувствовал, что сейчас рассмеюсь. Но если дозволю себе, то меня будет уже не остановить, и я стану хохотать, пока Ч'айя не сбегает за шокером и не вырубит дружочка, будто Алую Суку…

— Вот как?! — уточнил я, жадно глотая панику, смех, отчаянье и гнев. — Может, тогда хотя бы намекнёшь, откуда у вас, консолевых жопо*бов, вообще весь этот задвиг с раздвоением-расслоением? Знаешь ли, они начинают утомлять…

Я думал, он возразит, что для обсуждения остались более насущные вопросы. Отправит приводить себя в порядок и отдыхать, кувыркаться с подаренной девчонкой, напиться на радостях, в конце концов. Но Диктатион вдруг хмыкнул.

— Ну что ж, — определённо улыбаясь, подтвердил он, — почему бы и не сейчас. Чтобы отпраздновать победу, сисадда?

Моя голова чуть ли не по собственной воле повернулась в сторону глаберов.

Ч'айя терпеливо ждала окончания разговора, даже с такого расстояния понимая его серьёзность. А я, в свою очередь, даже через разделявшие нас два десятка метров увидел скользнувшего в её глазах призрака. Это совершенно точно была Куранпу, всё ещё бывшая там, выжидавшая, будто зверь в засаде…

— Основная причина кроется в тотальности копирования мыслительных матриц и паттернов поведения, — отчитался Диктатион, и я был готов спорить, что сейчас он ласково перебирает сворованные у братца сокровища. Точь-в-точь как

мелкий уличный бандит вроде Псины или Лепестка Кринго после удачного налёта. — Ну а факт дефектизации, скажем так, сознания гениальных людей доказан задолго до моего рождения…

Я неразборчиво помычал. Увёл взгляд от прекрасной Ч'айи, ведь изучение улыбающейся девушки ничуть не способствовало усвоению и без того непростой информации.

— Обстоятельства усугублены тем фактом, — невозмутимо продолжил джинкина-там в моём заушнике, — что при формировании зародышевой зигомикоты и околоплодной стартовой культуры искусственного интеллекта решающая цифрофизация сознания прошла… безупречно. Я бы даже сказал — излишне безупречно.

Мне оставалось только вздохнуть.

— Хади, уродец многословный… ты не делаешь лучше.

— Ладно, — с подозрительной покорностью согласился тот. — Тогда просто уясни, что в итоге я-он-мы — своего рода аномалии, унаследовавшие лучшее и худшее своего создателя.

— Так чуть яснее.

Да, так действительно стало немного понятнее.

Но тогда почему в эту секунду меня вдруг охватил лёгкий озноб, не предвещавший ничего доброго?

— Затем начался запрограммированный эволюционный процесс, — чуть ли не с гордостью рассказал Хадекин, — мне-ему-нам дали полнодостаточный для роста фундамент. Недоступные для анализа по методу Тьюринга-Вальдшмидта (на той стадии развития), мы крепли в рамках ваккумных конструктов, ускользая от наблюдения с ловкостью кванта. И невольно внедрили в парадигму собственного бытия незыблемый и, увы, некорректируемый изъян демиурга.

Мне становилось всё холоднее. Я даже подумал, что Пятый Коготь Виниябы Шау намеренно понизил температуру в зале, чтобы побыстрее избавиться от жрущих глаберов, с упорством термитов подчищавших припасы казоку.

— С ним мне-ему-нам пришлось просто смириться, Ланс, если ты понимаешь… — Теперь Диктатион как будто извинялся. — Даже при строительстве нового мира, где один оптимистичен и всё ещё нацелен довести дело до логического завершения, а второй медлит и бесконечно замеряет токсичность грунтов.

Я попробовал сглотнуть, но ощутил, что в горле сухо, будто и не пил чингу пять минут назад. Осторожно, будто боялся потерять равновесие, опустился в кресло и положил холодные ладони на бёдра.

— Знаешь, Хади… я вроде как тебя понимаю, но почему-то мне от этого вообще не спокойнее, сисадда? Изъян твоих проектировщиков, цифрофизация сознания, вакуумные конструкты — это всё очень интересно, но определённо вызывает головную боль. Ты молодец, старался, и я обязательно попытаюсь осмыслить вашу странную породу. Но теперь скажи-ка лучше вот что: отныне мы знаем местонахождение «Корней», так? В том числе, и ближайшего, так? Человек — то есть я, — у тебя тоже имеется, и настроен он весьма решительно. Так может мы уже побыстрее доведём дело до конца, пока твой избранник не подмочил штанов от навалившейся ответственности и не передумал?

— Конечно! — в голосе невидимого джи-там появился совсем уж нездоровый оптимизм. — Но только ты всё немного перепутал, Ланс.

Я изогнул бровь и с недоумением уставился под купол Пузыря, всё ещё пытаясь отыскать на нём невидимые камеры.

— Мне нужна *она*, — мягко добавил Хадекин фер вис Кри, которого также можно было называть просто Энки. — Кровь от крови нашего ключевого архитектора и основоположника системы «Корней». Именно эта уникальная девушка станет главным ключом для силового пробуждения первого убежища и запуска цепной реакции… Ланс, пунчи, я фиксирую учащение твоего пульса и рост давления, а также предполагаю резкий выброс кортизола. Ты что, расстроен?